МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024 **№ 89**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Блейх Н.О. Роль Русской Православной Церкви в аккультурации народов Северного Кавказа (середина XVIII – середина XIX в.) 5
Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Конфессиональная политика СССР в отношении религиозных общин во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Западной Сибири (по материалам Новосибирской области) 15
Канищев В.В. Переселения крестьян Тамбовской губернии в Томскую губернию в XIX в. в контексте альтернатив социально-демографического поведения позднего аграрного общества России 23
Мирзабеков М.Я. Численность и тенденции развития населения Дагестана в 90-е годы XX в. – 2010 г. 30
Мухаметов Р.С. Причины дезертирства законодателей в современной России (на примере партии «Единая Россия») 40
Пашин В.П. От идеи до реализации: создание коммунистической номенклатуры в советском государстве 47
Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда среди молодежи на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь) 55
Расколец В.В. Третья роль Томского государственного университета в советский период: развитие организационных форм (1920–1991 гг.) 63
Фадеева О.Р. Исследование взаимосвязи городского пространства и нефтяной отрасли в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа в 1980–1990-е гг. 76
Хамидуллин С.И. Вхождение Башкирии в состав Монгольской империи 83

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Абрамова А.В. Дипломатическое наследие А.А. Громыко 95
Дергачева В.Е. Статуя Свободы как символ в американском обществе (1886–2022 гг.) 102
Домбровский П.А. Вопрос трансформации модернизационного процесса Египта в 1991–2014 гг. 108
Ильин С.К. Влияние израильского лобби в американском Конгрессе на политику США и ввод Многонациональных сил в Ливан в августе 1982 г. 116
Сюй Цзюнь. Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия 123
Юн С.М., Погорельская А.М., Трофимов В.А., Таалайбек кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. 133

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Поршнева О.С. Гражданская война в политике памяти и исторической памяти советского общества в 1920-е гг. 143
Свистунов В.М. Восстание Карасакала 1740 г. (по документам Г.Ф. Миллера) 151
Солнцев Н.И. К вопросу о формировании научного литературного языка в «Истории русского народа» Н.А. Полевого 161

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Blejkh N.O. The role of the Russian Orthodox Church in the acculturation of the peoples of the North Caucasus (mid-18th – mid-19th centuries) 5
Dashkovskiy P.K., Dvoryanchikova N.S. Confessional policy of the USSR in relation to religious communities in the second half of the 1970s – early 1980s in Western Siberia (based on the materials of the Novosibirsk region) 15
Kanishchev V.V. Migrations of Tambov Governorate peasants to Tomsk Governorate in the 19th century in the context of alternatives for a further social-demographic development 23
Mirzabekov M.Ya. Number and trends of the development of the population of Dagestan in the 90s of the 20th century – 2010 30
Mukhametov R.S. Voting in Parliament and defection of legislators (on the example of the United Russia party) 40
Pashin V.P. From idea to implementation: the creation of a communist nomenclature in the Soviet state 47
Pushkarenko E.A. German propaganda among young people in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General district of Belarus) 55
Raskolets V.V. The third role of Tomsk State University in the Soviet period: the evolution of organizational forms (1920–1991) 63
Fadeeva O.R. Study on the Interconnection of Urban Space and the Oil Industry in Muravlenko City, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, in the 1980s–1990s 76
Khamidullin S.I. The entry of Bashkiria into the Mongol empire 83

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Abramova A.V. Diplomatic heritage of A.A. Gromyko 95
Dergacheva V.E. The Statue of Liberty as a Symbol in American Society (1886–2022) 102
Dombrovskiy P.A. The process of modernization in Egypt during 1991–2014 years: to the question of its transformation 108
Ilin S.K. The influence of the Israeli lobby in the American Congress on US policy and the entry of the Multinational Force into Lebanon in August 1982 116
Xu Jun. C5+1 cooperation format: main participants, goals and mechanisms of interaction 123
Yun S.M., Pogorelskaya A.M., Trofimov V.A., Taalaibek kyzy Zh. Labour and educational migration from Kyrgyzstan to Russia under international crisis 2022–2023 133

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Porshneva O.S. The Civil War in the Politics of Memory and Historical Memory of Soviet Society in the 1920 143
Svistunov V.M. The uprising of Karasakal 1740 (according to the documents of G.F. Miller) 151
Solntsev N.I. On the question of the formation of a scientific literary language in N.A. Polevoy's 'History of the Russian people' 161

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Плавская Е.Л. Особенности культуры питания современных российских немцев и немцев Германии (на материале продукции мясоперерабатывающих предприятий ООО «Брюкке» и Kaufland Fleischwaren) 168
Федоров Р.Ю. Формы этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев в Сибири 174

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Синика В.С. Украшения и аксессуары костюма латенского облика из скифских погребений на левобережье Нижнего Днестра (находки 2017 г.) 181

РЕЦЕНЗИИ

Загребин С.С. Культурные ландшафты сибирского города: опыт историко-культурологического исследования 188
Хахалкина Е.В. Британская модель региональной и глобальной безопасности после Брекзита. Рец. на кн.: Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с. 192

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Plavskaya E.L. Features of the food culture of modern Russian Germans and Germans in Germany (based on the products of meat processing enterprises Brücke LLC and Kaufland Fleischwaren) 168
Fedorov R.Yu. Forms of ethnocultural identity of the Belarusian peasants-migrants in Siberia 174

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Sinika V.S. La-tèn type adornments and costume accessories from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester (findings of 2017) 181

BOOK REVIEW

Zagrebin S.S. Cultural Landscapes of a Siberian City: Experience of Historical and Cultural Studies 188
Khakhalkina E.V. The British model of regional and global security after Brexit. Review on the book: A.A. Aleshin. Great Britain–the European Union–NATO: The reorganization of the “transatlantic security space”. Moscow: Aspect Press, 2023. 317 p. 192

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94/94(930.85)
doi: 10.17223/19988613/89/1

Роль Русской Православной Церкви в аккультурации народов Северного Кавказа (середина XVIII – середина XIX в.)

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка изучения одной из областей конфессиональной политики России на Кавказе – культурной составляющей деятельности Русской православной церкви. Делается вывод, что восстановление православия под руководством РПЦ в крае в середине XVIII – середине XIX в. было прогрессивным явлением, так как несло с собой аккультурацию горских народов, включающую приучение их к христианским ценностям, образованию, культовому строительству. Это обогащало культуру кавказцев, в результате чего появилась горская интеллигенция, вставшая на путь просвещения своих народов.
Ключевые слова: Российская держава, Северный Кавказ, аккультурация, просвещение, христианство, православие, церковь

Для цитирования: Блейх Н.О. Роль Русской Православной Церкви в аккультурации народов Северного Кавказа (середина XVIII – середина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 5–14. doi: 10.17223/19988613/89/1

Original article

The role of the Russian Orthodox Church in the acculturation of the peoples of the North Caucasus (mid-18th – mid-19th centuries)

Nadezhda O. Blejkh

North Ossetian state University named after C. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract. The subject of this research is the activity of the Russian Orthodox Church, aimed at acculturation of the mountain peoples of the North Caucasus from the mid-18th to the middle of the 19th centuries. The goal is to analyze the role of the Russian Orthodox Church in the cultural construction of the North Caucasus in a specified period of time. The author considers the political-geographical, sociocultural determinants of the highlanders, contributing to the emergence of Orthodoxy.

The novelty of the claimed topic is seen in the author's attempt to explain the causes and conditions of the Russian Orthodox Church's cultural mission in the North Caucasus region with the help of little-known archival and narrative materials, which to some extent fill the gaps existing in Caucasian studies on this issue. When developing the problem, the main emphasis is placed on a systematic study of the goals of the religious institutions of Orthodoxy, the state of their spiritual values, the methods of enlightenment of missionaries who are examined on the spot from the halo of mountain peoples and the political and religious situation in the region. A special contribution of the author is that for the first time a historical and comparative study of acculturation of the Russian Orthodox Church in various ethnocultural environments - Ossetian, Ingush and Balkar - is proposed. Along with the introduction into the scientific circulation of new sources, an attempt is made to interpret the already known materials.

The methodological basis of the study were modern concepts about the epistemological admissibility of using the methods and principles of retrospective analysis. The latter include: the principle of science (attracting a multifaceted source base), the principle of objectivity (the inconsistency of the educational activities of the Russian Orthodox Church in the region), the principle of historicism (studying the history of the religious life of the mountain peoples before they became part of the Russian state). The research methods were problem-chronological, which allow one to study the historiographic analysis of the topic, to outline the main stages in the chronology of the studied processes and phenomena, and retrospective, which help to penetrate the historical past, to reconstruct the various stages in the missionary activity of the Russian Orthodox Church aimed at acculturation of the highlanders.

© Н.О. Блейх, 2024

The practical significance lies in the fact that the reconstruction of the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, brought in by the RSP, will help scientists overcome stereotypes regarding the spiritual values of ethnic groups in Russia and provide modern politicians with interesting material that will contribute to a thoughtful and balanced consideration of topical contemporary issues related to interfaith tolerance.
Keywords: Russian state, North Caucasus, acculturation, enlightenment, Christianity, Orthodoxy, church

For citation: Blejkh, N.O. (2024) The role of the Russian Orthodox Church in the acculturation of the peoples of the North Caucasus (mid-18th – mid-19th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 5–14. doi: 10.17223/19988613/89/1

Введение

В наше время в России происходит модернизация всех сфер жизни общества. Преобразования касаются как социально-экономических основ, так и духовно-нравственных ориентиров. Большую роль в процессе духовной реконструкции нации играет религиозный фактор, который оказывает влияние на конфликтно-консенсусные отношения. Однако до сих пор не умолкают споры о роли и месте православия в социокультурной жизни страны, вызванные недостаточным знанием исторических фактов функционирования системы государственно-конфессиональных связей.

Вся история нашей Церкви свидетельствует о ее толерантности, которая была и остается отличительной чертой российского православия. Христианская церковь на протяжении многих веков стояла на защите нравственных устоев, в трудные годы являлась защитницей от всех бед и напастей. И в сегодняшних условиях борьбы с нацизмом вера в Бога стала тем маяком, который помогает многим людям обрести духовность и не утратить свою идентичность. Поэтому и мы обратились к идеям духовного обновления нации, ища в опыте прошедших лет ответы на вызовы современности.

Такая реверсия к духовной культуре и религиозным ценностям создает возможности для укрепления конфессиональных институтов и более глубокого изучения различных сторон религиозной жизнедеятельности полинациональной России в разные исторические эпохи. Здесь наиболее интересна культурная составляющая деятельности русского православия и его адептов в разных уголках государства, в его периферийных районах, одним из которых является седой Кавказ, являющийся представителем одного из древнейших очагов православия. Процесс установления христианской идеологии среди автохтонов края являет собой один из малоизученных периодов истории РПЦ.

Северный Кавказ отличается от других областей Российского государства неповторимым ландшафтом, психологической идентификацией, этнонациональными традициями и обычаями и обладает полиэтничностью и религиозным синкретизмом. Большинство автохтонов, проживающих в национальных республиках края, исповедуют мусульманство. Исключение составляет только Северная Осетия. Христианскими областями считаются также Ставропольский и Краснодарский края, заселенные в основном православными людьми, которые до сих пор не утратили те культурные ценности, которые оставила им в наследство религия со времен своего появления в крае.

Сегодня изучение данной темы приобретает особую актуальность, так как рассмотрение опыта культурной деятельности РПЦ среди насельников края позволяет значительно расширить сформировавшиеся в кавказоведческой науке представления о процессах, относящихся ко времени вхождения горцев в состав Российской державы. Постановка вопроса предполагает преодоление сложившейся в историческом знании акцентуации на политических, экономических и социальных проблемах: в научное обращение вводится тематика, связанная с коммуникациями в культурной сфере между церковными институтами и горскими племенными объединениями, что дает возможность более полно раскрыть палитру взаимоотношений между центром и периферийным округом Российского государства.

Словосочетание «православная аккультурация» означает процесс внедрения религиозного учения в непривычную атмосферу или самобытный для нее ареал, а в нашем случае – принятие горцами ценностей христианской культуры, адаптацию к ней.

По данной проблеме имеется довольно обширная литература, представленная трудами дореволюционных (И. Беляев, П. Бутков, А. Васильев, Н. Калистов, М. Краснов, Ю. Кулаковский, Т. Люлье, И. Матвеев, Н. Цареградский, В. Щербина, П. Услар и др.), советских (Х. Ардасенов, В. Дякин, Н.М. Никольский, Д. Гугкаев, М. Джанишвили, Б. Скитский, М. Тотоев, Т. Феофлактова. Е. Хатаев и др.) и современных авторов (Н. Блейх, М. Данилюк, Л. Дзанагова, Т. Дзеранов, Ф. Кокаева, Ф. Кулиев, Е. Наскидаева, Р. Остапенко, В. Федоров и др.) [1. С. 45–46]. Особый пласт в изучении темы составляют труды представителей православия – митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона, епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа, епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира, архиепископа Харьковского Макария, епископа Майкопского и Адыгейского Пателеймона и др. [2. С. 10].

Во всех вышеперечисленных научных изысканиях рассматриваются правовые, миссионерские, политические аспекты деятельности РПЦ на Кавказе, однако не совсем полно освещается вопрос о ее роли в культурном строительстве края, оставляя исследователям возможность для дальнейшего размышления.

Обсуждение

Впервые православие проникло в северокавказский край из Армении, Албании, Византии, Грузии в начале первого тысячелетия н.э., а наивысшего подъема добилось в X–XII вв., когда к распространителям веры

присоединилась Русь. В 914 г. христианство приняло Аланское царство, и здесь возникла митрополия. Золотоордынское иго способствовало ослаблению религии, поэтому у народов Кавказа эпизодически вспыхивало желание возрождения христианства. Это стремление поддерживали православные государства Византия, Грузия, Россия, конфессиональные устремления которых были продиктованы большей частью политическими целями. После вхождения Северного Кавказа в социокультурное поле Российской державы и принятия подданства его народами приоритетные позиции заняла Русская православная церковь. Ей досталась тяжелая миссия: вера находилась в упадке, народы Кавказа повсеместно стали принимать ислам. Однако оставались еще «островки верности» в Осетии и Балкарии, где уровень осмысленности христианских догматов был высоким.

В исследуемом нами XVIII веке мусульманство еще не перешагнуло традиционных языческо-христианских воззрений, бытовавших у горских народов. В таких условиях появление идеи распространения православия в крае выглядело целесообразным и своевременным. Правительство видело в христианизации эффективное консолидирующее средство, могущее привести горские племена в лоно Российской империи. Для этого решено было укрепить свои позиции в крае при помощи христианских миссий. Миссионеры обошли весь Кавказ и встретили наибольшее понимание в Осетии и Ставрополье.

Заинтересованная важным стратегическим положением Северного Кавказа и его природными ресурсами, императрица Елизавета Петровна решила создать комиссию для отправки на Кавказ. Идею учреждения этого церковного института подали царице архиепископ Иосиф и архимандрит Николай. Духовные лица обосновали это тем, что «осетинцы издревле были христианы. То доказывают состоящие и поныне в жительствах их каменные со святыми иконами церкви, к коим они охотно прибегают, и посты содержат и когда по случаю увидят какую христианскую духовную персону, с оною поступают ласково и желательно в дом к себе для посещения неотступно просят, и к принятию греческого вероисповедания весьма склонны, да и мольбищ идолопоклоннических у них нет, но не получая проповеди Слова Божия молитву творят, взирая только на небо» [3. Л. 29–30]. Их челобитная не осталась без внимания и была всецело поддержана российскими властями, стремившимися завоевать эту территорию, известную своим выгодным стратегическим положением, природными и человеческими ресурсами.

Однако не так просто было отправить духовную миссию на Кавказ: мешала внешнеполитическая обстановка. По Белградскому трактату Россия не имела права вторгаться в пределы края. Тем не менее нашелся выход из положения: посылка в Осетию лиц грузинского (а не русского) происхождения с миссией ни у кого не могла вызвать недовольства. Акт отправки проповедников-мигрантов послужил начальным звеном российской политики на Кавказе. Вскоре члены комиссии, руководимые архимандритом Пахомием, прибыли в христианскую Осетию. Они обосновались в урочище Хускадаг, назвав свое поселение Осетинским подворьем; оно было весьма невелико и состояло из небольшой церквушки и избы. Основной целью церковной организации были христианизация горцев и приведение их к культурной ассимиляции с Россией.

Однако христианизация продвигалась слабо, что наглядно подтверждают мемуары современников и донесения начальствующих лиц. Так, академик Юлиус Генрих Клапрот вспоминал: «Все их обращение ограничивается крещением. Многие повторяли этот обряд вследствие того, что окрещенным выдавалось за счет государства 12 аршин грубого полотна на сорочки и штаны, две высушенные севрюги и один латуневый крест, однако о христианстве горцы ничего не узнавали кроме того, что они называли себя христианами и умели делать знак креста» [4. С. 24]. «Работа Осетинской комиссии показала 2 085 душ обоего пола, обращенных в христианство. Однако обращающихся удостаивали Св. Крещением с чрезвычайной поспешностью и дабы склонить их к принятию сего таинства употребляли средства более мирские, нежели духовные. А тем самым не исполняли в точности возложенного на них звания», – писал сенатор Петр Бутков [5. С. 76]. «Нельзя не заметить чрезвычайно важной ошибки, сделанной проповедниками при самом начале действия ея: народу полудикому, в коем рассудок не есть путеводитель страстей, от природы жадному к прибыли и по скудости природных средств живущему в крайней нищете, для успеха действий своих она проповедовала свободу и неповиновение властям, законами утвержденными, а также и уничтожение платежа податей в пользу правительства для тех, кои примут христианство», – докладывал начальству статский советник А. Якушев [6. Л. 933]. Этими документами очевидцы рассказывают о заурядном подкупе жителей. Понимая нецелесообразность траты казенных средств, власти вскоре такой способ обращения решили отклонить. Наставникам разъяснялось, что механическое приращение числа новообращенных должно перерасти в фактическое, т.е. проповедники сами должны разделять проповедуемые ими взгляды. Это было нелишне, так как грузинские проповедники больше приторговывали рыбой и промышляли приисканием провожатых по кавказским горам, в которых бесчинствовали абреки.

Сам же Пахомий в отчете императрице о деятельности Осетинской духовной комиссии писал: «...в священниках имеется тамо нужда для отправления божественные службы и протчих потребностей и повелено б было мне на первый случай хотя пять человек священников, а церковных служителей потребное число. А в Осетии ныне имеется церковь в Куртатинском уезде – полотняная, походная, вторая церковь в Захинском уезде, походная, во имя богоявления Господня, третья церковь в Дигории, каменная, в Осетии в разных местах и уездах оного народу... докрестилось числом более тысячи душ и для них потребно церквей, священников и протчих церковных причетников...» [7. Л. 855].

Деятельность духовной комиссии параллельно распространялась и на соседей осетин – ингушей, которые считали, что только путем крещения они могут рассчитывать на экономико-политические привилегии,

такие как решение земельного вопроса и защита от внешних врагов. В 1756 г. произошли массовые крещения вайнахов, просивших «в какой милости осетинцы и под покровом всемилостивейшей нашей государыни обретаютца и свободно приезжают в Кизляр, в такой же милости и под покровом их, киштинцев, иметь и свободно ж в Кизляр им ездить дозволить» [8. Л. 4]. Этим актом достигалась двусторонняя выгода: вайнахи добились права беспошлинной торговли в Кизляре и получили равнинные земли, а русские, переселяя новообращенных горцев, укрепили свои южные границы «ради скорейшего усиления Кизлярского края против тамошних варварских народов» [9. Л. 12]. Процесс миграции сочетался с выдачей денежного пособия переселенцам: владетелям по десять, а простым по пять рублей на каждую семью», – горцы же за это «обесчали для обучения грамоте и познания нужных артикулов детей своих отправить в Моздок» [10. Л. 7].

Здесь мы видим тесное взаимодействие политики и культуры. Посредством политических устремлений русское руководство прививало горцам российские ценности. В «Инструкции по обращению с горцами» излагалось: «…завися от отношений политических и обстоятельств, более или менее благоприятных, также случаев неожиданных, рассмотрение коих не подлежит предмету сему, средства сии не могут быть определены положительно; но есть некоторые заслуживающие особенного внимания и долженствующие быть приведенными в исполнение совокупными усилиями властей духовной и военно-гражданской; таковы суть учреждение училищ для образования горцев; установление письмен для господствующих в горах наречий и, наконец, перевод на оный, как необходимый для христианина, книг церковных, так равно и кратких удобно-понятных исторических рассказов, в особенности о России, и других начальных полезных сведений» [11. Л. 3 об.]. Здесь конкретно говорится, что политическая пропаганда должна была быть связана с просветительской посредством расширения знаний автохтонов.

Для этих целей в 1753 г. миссионеры предприняли попытку учреждения духовной школы при Осетинском подворье. Известны донесения архимандрита Пахомия, человека всесторонне образованного, Св. Синоду об обучении горских детей: «Я с прежде взятых… малолетних три человека уже грамоте совершенно мною и моим коштом обучил, из которых один в Астрахань мною привезен был, во иерея посвящен и в Осетию отправлен, а двое к тому еще обученные приготовлены к посвящению» [12. С. 39]. Церковные руководители одобрили проект Пахомия, сказав, что школа должна будет выпускать пастырей. Однако этому желанию не суждено было сбыться. По политическим причинам в 1764 г. школу решено было перенести в Моздок.

Еще одним видом просветительской деятельности членов комиссии были перевод и издание книг. Они стали основоположниками осетинской книжной литературы. Об этом мы узнаем из рапорта Пахомия 1753 г.: «От Св. пр. синода постановлением велено было нам, нижайшим, грузинское божественное писание переводить на осетинский язык с употреблением грузинских литеров, о чем мы, нижайшие, и стараемся, и некоторые уже стихи из божественных писаний нами на осетинский язык и переведено» [13]. В те времена вся трансфертная литература печаталась в грузинской типографии. Профессор М. Джанашвили нашел свидетельства этому: «В царствование Ираклия II стали появляться богослужебные книги на осетинском языке, печатаемые в царской типографии грузинскими церковными буквами с добавлением некоторых знаков, свойственных осетинскому. Первая такая книга вышла из печати в 1753 году» [14. С. 64].

Здесь уместно сказать, почему первые осетинские книги стали выходить на основе грузинской графики, а не русской. Тому имелось несколько причин. Во-первых, пионерами осетинской книжной литературы явились духовные лица грузинской национальности; во-вторых, церковно-славянские буквы осетинам в те времена были неизвестны, тогда как грузинская письменность им была знакома (об этом свидетельствуют грамоты осетинам от грузинских царей); в-третьих, социально-экономические и духовные связи с Московским государством тогда были весьма слабыми, а грузины являлись ближайшими соседями осетин; в-четвертых, сдерживающим фактором был Белградский трактат, запрещавший России любые вмешательства на Кавказе, и печатание церковно-славянским шрифтом могло бы усложнить внешнеполитическую ситуацию (только после подписания Кучук-Кайнарджийского мирного договора (1774) Россия смогла открыто демонстрировать свои позиции на Кавказе).

Вскоре на комиссию стали обрушиваться несчастья – как внешние (Порта выдвинула России ультиматум за незаконное вторжение на кабардинские земли), так и внутренние (убийство архимандрита Григория и последующее разорения кабардинцами Подворья). Это подтолкнуло в 1771 г. Св. Синод, в ведении которого была данная миссия, назначить ее руководителем русского протопопа Афанасия Лебедева и перенести место пребывания Комиссии в город Моздок. При этом А. Лебедеву вменялось в обязанность осетинских и ингушских людей учить законам и иметь за ними присмотр [15. С. 289]. В свою очередь, начальствующий Духовной комиссии поручил полковнику Гаку в короткие сроки организовать школу начального порядка для обучения горцев православному закону и российской грамоте. Во исполнение этих целей решено было восстановить открытую еще Пахомием Моздокскую школу, которая обветшала и была в жалком состоянии, о чем и было доложено императрице: «Ныне при обветшании и разрушении школьных покоев остались ученики без пристанища и скитаются по разным домам у поселившихся осетинцев и претерпевают крайнюю бедность и недостаток, не имея ни обуви, ни рубах по причине отбираемого у них жалованья отцами и родственниками во время их в Моздок приездов, для чего не только по городу, но и в школу ходить не могут; к чему и отведена деревянная изба, в которой летом от течи, а зимою от угаров великое беспокойство и ученикам и учителям причиняются» [16. С. 83].

В ответ на это послание Елизавета Петровна обязала генерал-губернатора Астрахани Ивана Якобия срочно

привести школьный корпус в порядок. Она утверждала: «…нет лучшего способа по обстоятельствам осетинцев и ингушевцев и прочих горцев учинить их прямыми христианами и к здешней стороне приверженным, как просвещением из них молодых людей» [17. Л. 7]. Данное образовательное учреждение правительством воспринималось как важный стратегический объект, имеющий богатый культурный ресурс утверждения православной веры, что было немаловажно, так как соседняя Кабарда предпринимала неоднократные попытки усиления ислама. Имелись случаи, описанные игуменом Григорием, когда «адыги присылали от себя к тем осетинцам человека с увещеванием, дабы они не могли детей своих в российские руки отдавать, потому что если оне такую отдачу учинят, то дети их... в России останутся, и обратно возвращены к ним не будут» [18. Л. 6].

Для ликвидации подобных слухов было решено выдавать всем воспитанникам стипендию со своеобразной дифференциацией – детям простых людей 3 рубля, детям знатных фамилий 5 рублей. Ответственными за школу назначались комендант Кизляра и губернатор Астрахани. Первым директором школы был архиепископ Пахомий, а после него – игумен Григорий, которому было поручено проводить набор учеников, что оказалось нелегким делом. Напуганные горцы боялись отдавать свою детвору на обучение. В первый год после открытия школы Григорий, руководствуясь приверженностью родителей российскому курсу, зачислил 7 человек. История сохранила их имена: Андрей Битаров, Иван Елиханов, Павел Давыдов, Феофан Карабугаев, Пётр Париев, Харитон Хетагуров, Христофор Хетагуров. На протяжении остальных лет функционирования школы количество детей доходило до 46 человек [19. Л. 12].

Основной целью учебного заведения была подготовка грамотных священников, лояльных к российской власти, из местного населения, поэтому обучение в нем было примитивным. Преподавались лишь основы русской и осетинской грамоты, чтение. Основной упор делался на толкование духовных книг и церковное пение, «дабы осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на другом каком диалекте... дабы из осетинцов могли быть достойные к производству в духовные чины и к употреблению в должности переводческие» [20. Л. 18 об.]. Как видим, по замыслу церковного ведомства, выпускники должны были стать либо священнослужителями, либо переводчиками и привлекаться к работе в Духовной комиссии. Для «увеличения учености» наиболее смышленые воспитанники отправлялись в Астраханскую духовную семинарию.

По понятным причинам методика обучения в Моздокской школе нуждалась в существенной коррекции: «Учебное заведение Комиссии в Моздоке, если бы оно было общеполезным и его доходы разрешали бы более значительную подготовку, могло бы явиться основой преобразования этой нации. А для этого учащихся следовало бы учить не только молиться по псалтырю, но и другим более полезным вещам», отмечал полковник Л.Л. Штедер [21. С. 37]. Но все-таки вклад этого первого учебного заведения в культурное строительство края был несомненен: в его стенах открылась первая типография, выпускавшая учебники и церковную литературу на русском и местном диалекте; оно явилось источником первой плеяды осетинской интеллигенции, знавшей русскую грамоту и являющейся проводниками российской политики.

Первая духовная российская школа просуществовала 30 лет и была закрыта в 1793 г. из-за восстания шейха Мансура, мешавшего доставке детей в учебное заведение. Причины закрытия хорошо объяснил просветитель и литератор К.Л. Хетагуров: «Немногое могла совершить в то время Моздокская комиссия для успешного распространения евангельского учения, но если принять во внимание, что ею отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, создано несколько церковнослужителей из природных же осетин, то и эти результаты нужно признать довольно значительными. Судя по времени и обстоятельствам тогдашней боевой жизни края» [22. С. 56].

Действительно, крещение горцев проходило весьма непросто. Однако известно, что в период с 1771 по 1792 г. Осетинская духовная комиссия обратила в веру 6 657 горцев. В это время были окрещены осетинские владетели Петр Цаликов, Курман Кубатиев, Ахмет Дударов, Айтек Туганов, Кайтук и Максим Дударовы, Соломон Гуриев, Созрук Аристанов и др. Все окрестившиеся получили различные чины и привилегии, а российская самодержица дала поручение управляющему главе И.В. Гудовичу: «Почитая обращение сих народов в христианство и в политическом виде для нас полезным, поелику большая часть их обращалась бы в магометанство, тем более находим их достойными всякого внимания и всякого о них призрения и попечения» [23. Л. 15].

Что касается ингушей, то их обращение в православие приостановилось в связи с угрозой кабардинских владетелей. Об этом факте еще в 1773 г. сообщало Екатерине Святое ведомство: «В киштинском народе в минувшую осень зделалось смятение таковое, а имянно: Большия Кабарды владельцы, злобствуя на них в том, что они, отринувши их подданство, отдались в полное защищение ея императорского величества и принимают крещение, отогнали у них полторы тысячи скота, а потом и войну объявили, прислав к ним обнаженную стрелу с тем изъявлением, чтоб всех их попленить и жилища их сожещи. Затем они и священников наших от себя выслали честно, чтобы и они с ними не погибли. И так в том народе теперь крещение остановилось» [24. Л. 56]. Но не исчезло стремление ингушского народа к образованию. Православное ведомство они просили о принятии детей во Владикавказское духовное училище и даже давали расписки, что по окончании его обязуются отдать ребят в священники. Помимо Владикавказского училища ингушские дети получили право на образование в крупных российских городах – в Ставропольской классической гимназии, Воронежской военной гимназии, Краснодарской реальной прогимназии и т.д.

Одновременно с крещением ингушского народа российские власти обратили внимание на чегемцев и балкарцев, которые были адептами «религии идолопо-

клоннической. А посему необходимо было у них ввести религию христианского закона, как у осетинцев и прочих около Владикавказа смежных народов» [25. Л. 34]. Данный факт стал возможен с учреждением Моздокско-Манжарской епархии (1793–1799) во главе с архимандритом Гайозом Бараташвили, образованной на месте Осетинской духовной комиссии.

Помимо этого Гайозу вменялось в обязанности наравне с христианизацией населения содействовать возведению церквей и монастырей «для обучения юношества тамошнего обоего пола закону и мастерством в общежитии потребным» [26. Л. 12]. Для этого ему следовало «прилагать свое попечение к Моздокской школе с тем, дабы учение в ней происходило с желаемым успехом, в пристойном порядке и удовольствии их пищею и одеянием, стараясь и об умножении оных согласными расположению тамошних жителей средствами» [27. Л. 1–2]. Что касалось реставрации старых храмов и постройки новых, то он должен был рассматривать это на основании пожелания жителей. В бытность Гайоза только в одном Моздоке было открыто 3 православных и 2 григорианских храма. Всего при нем было основано 75 церквей, в том числе 2 соборных, 53 приходских и 20 молитвенных домов [28].

К тому же владыка Гайоз прилагал немало усилий в борьбе с ненадлежащим поведением священников. Если он замечал у кого-нибудь из них пьянство, то обещал тому расстрижение и отдачу на военную службу. Вместе с тем владыка заботился об улучшении жилищно-бытовых условий своего клира, не забывая ни на минуту о своей культурной миссии. Всестороннее образованный, он перевел на дигорский диалект «Начальное учение человеком, хотящим учитися книг Божественного Писания», в Пензе просветитель помог основать семинарию и встал во главе нее в первое, самое трудное время ее существования. Однако, несмотря на заслуги Гайоза, епархию расформировали, а православные городов Моздок, Кизляр, Георгиевск, Александров и Ставрополь были присоединены к Астраханской епархии.

С закрытием Моздокско-Маджарской епархии многие горцы, оставшиеся без должного попечения, стали обращаться в ислам, чему немало способствовало соседство с Кабардой. Известно немало случаев, когда адыги грабили церкви и изгоняли священников. Чтобы подобное больше не повторялось, в 1800 г. архиепископ Платон Любарский (1738–1811) вменил в обязанность всему православному клиру в воскресные и праздничные дни читать прихожанам «катехизические проповеди с ясным снисходительным понятию слушателей толкованием» и написать по три заповеди, произнося их с амвона «непременно наизусть» [29. Л. 11].

Одновременно с этим решено было открывать школы грамотности. Подобным образом было учреждено две школы – в Моздоке и Кизляре, и два духовных училища – в Георгиевске и Кизляре. Сам же благочинный Платон Любарский обязал духовные правления прислать в Астраханскую семинарию для обучения детей церковнослужителей, имеющих возраст от 10 до 15 лет. Однако духовные лица под разными предлогами старались уклониться от такого предложения. В итоге набралось всего 7 мальчиков. Тогда вышло предписание о наборе в семинарию «пристроившихся к месту детей», т.е. тех, кто уже занимали низшие церковные должности.

Отсутствие желания обучать детей в Астраханской гимназии священнослужители объясняли дальностью, небезопасностью дороги, скудным содержанием. К тому же широко было распространено мнение, что духовный сан можно получить и без окончания учебного заведения, благо много мест оставалось вакантными. Пополняли эти ряды обычно дети духовных пастырей. Их вместо обучения готовили к служению. «При церкви моего прихода причетнические места состоят праздны. А как у меня есть два сына – Иван 11 лет и Николай 9 лет, то и прошу определить их – одного дьячком, а другого пономарем» [30. Л. 5], – читаем мы в прошении батюшки Московитской церкви. Из-за нежелания учиться духовные лица в большинстве своем были полуграмотными. К тому же они потворствовали нравственным грехам своей паствы, порожденным суровостью военного времени и отдаленностью от епархиальных центров.

Начало XIX столетия в развитии православной культуры у горских народов было отмечено рядом знаменательных событий. В этом плане отметим выдающуюся подвижническую деятельность протоиерея Черноморского войска Кирилла Васильевича Россинского (1774–1825 гг.), попавшего на Северный Кавказ в 1803 г. Благодаря своим незаурядным способностям отец Кирилл завоевал уважение черноморских казаков, многих из них самолично стал обучать церковному ремеслу и отправлять на служение в уже имеющиеся и вновь строящиеся церкви, которых в его правление было образовано 27.

Однако Отец Кирилл был известен не только возведением храмов. Он сыграл огромную роль в просветительской деятельности и тем самым завоевал звание «просветителя Черноморского края» [31. Л. 2–9 об.]. Стараниями Благочинного Екатеринодарская начальная школа, доселе влачившая убогое существование, была переоборудована в 1806 г. в уездное училище. Содержанием этого учебного заведения стал заниматься войсковой штаб, выдавая каждый год приличную по тем временам сумму – 1 562 рубля. Сам Кирилл Васильевич встал во главе этого училища. Вскоре оно снискало славу среди горцев своим педагогическим составом (многих учителей Кирилл пригласил из центральных городов России) и приличной методической базой, для чего Кирилл сам разрабатывал пособия для обучения. В итоге через 5 лет в стенах школы появился гимназический класс, который стал основой появления гимназии, о которой мечтал протоирей.

Она открылась 17 мая 1820 г. Гордостью этой гимназии стала библиотека, в которой помимо учебных пособий и церковных книг имелись и светские, которые заказывала войсковая канцелярия. В гимназии помимо основных дисциплин преподавались экономические – политическая экономия, коммерция, «изящные» – риторика, история, военные – артиллерия и фортификация. Кирилл хотел добавить к ним еще и турецкий язык, но преподавателя не нашли.

Для гимназии нужен был контингент учащихся, для чего еще раньше решено было открыть духовно-приходские школы начального порядка. И такие учебные заведения появились в 1818 г. в станицах Щербиновке, Брюховецкой и Темрюке. Они содержались на средства зажиточных граждан и войскового комитета. Для улучшения образования в них Кирилл ввел преподавание латинского языка и нотного пения. Через год к этим школам прибавились прогимназии в станицах Леушковской, Риговской, Кущевской, Темрюке, Медведовской и Пластуновской и духовное училище в Гривном [32. Л. 80].

Сам же Кирилл Россинский сотрудничал с известными журналами «Украинский вестник», «Соревнователь просвещения» и состоял в просветительских организациях: Харьковском обществе наук, Петербургском вольном обществе любителей российской словесности, Московском императорском человеколюбивом обществе. Его перу принадлежат «Краткие правила российского правописания», увидевшие свет в 1815 г. и дважды переизданные в Харькове. Таким образом, стараниями просветителя Кирилла Россинского построено свыше 27 храмов, организован войсковой хор церковных певчих, учреждено 10 церковно-приходских школ в казачьих станицах и основано три училища в Екатеринодаре – войсковое, духовное и начальное, ставшее первой гимназией в крае, что явилось значительным достижением для развития горской культуры.

В 1814 г. возобновилась деятельность Осетинской духовной комиссии, состоящей из 12 священников и 5 светских лиц. Ее главой был поставлен грузинский архиепископ Досифей (Пицхелаури) (1774–1830). Этот церковный институт начал работу в Тифлисе с христианизации южных осетин. Вскоре там обратились в православие 14 219 душ. Комиссии каждый год выделялось 28 тысяч рублей на подкуп влиятельных горцев [33. Л. 5–6]. Помимо этого, ее члены занимались сооружением и восстановлением храмов, переводом богослужебных книг. Досифей дал указание миссионерам «идти на дело для благовестия без малейшей огласки и без конвоя и выдавать себя не за посланных от правительства, но за простых странников, желающих всем человекам спасения. Не преподавать крещения спешно, но удостоверяться многими опытами в искренности обращения» [34. С. 71]. Такое отношение к горцам было обусловлено тем, что учение Христово стало проповедоваться жителям труднопроходимых ущелий вдоль стратегически важной для России и всего Кавказа Военно-Грузинской дороги – грузинам-мтиулам, гудамакарцам и осетинам. Несмотря на то, что проповедническая деятельность архиепископа Досифея в Осетии была успешной, его идея о конфискации богатых имений в пользу казны провалилась, и Досифей был смещен с занимаемой должности.

Наибольшего успеха Осетинская комиссия добилась под руководством владыки Феовилакта (1765–1821): за 1817–1822 гг. в христианство было обращено 47 100 человек, построено и реконструировано 29 православных святилищ. Службы велись на трех языках – грузинском, армянском и греческом [35. Л. 15]. Преосвященный привлек к просветительской деятельности И. Ялгузидзе (Габараева; 1770–1830), который перевел на осетинский язык букварь-молитвенник, Евангелие, создал два алфавита: один – на основе светской графики, другой – грузинской церковной [36. С. 254].

В 1822 г. Синодом было принято решение о продолжении миссионерства в Балкарии. Для этого архиепископ Иона, обращаясь к «проконсулу Кавказа» А.П. Ермолову, отмечал: «Между горскими народами, окружающими Грузию, остаются в язычестве бассияне и ингуши. Оба этих народа, по удостоверению миссионеров Осетинской духовной комиссии, к ним отправлявшихся, склонны к принятию христианства, но боятся обиды от черкес». Однако главноуправляющий ответил, что еще не пришло время, «ибо народ сей попрежнему остался во мраке безбожия… Просвещение народов сих светом Евангелия надо предоставить до времени особенной благодати божьей» [37. Л. 67].

Сами члены Духовной комиссии отмечали, что истинной христианизации среди местного населения можно добиться только подготовкой из их детей священнослужителей. Для этого в 1824 г. были открыты уездные духовные училища сразу в нескольких кавказских районах: в Ставрополе, Моздоке, Екатеринбурге.

Следующим этапом продвижения православия стало учреждение 16 января 1843 г. Кавказской епархии, получившей название Ставропольской. Впоследствии от нее отмежевались Владикавказская и Сухумская митрополии. Сфера деятельности Ставропольской епархии распространилась на адыгские народы, проживающие в Майкопской области. Именно оттуда началось введение школ русской грамоты, целью которых явилось, по словам атамана Кубанской области, «просвещение горцев в духе православия» [38. Л. 2 об.]. Однако открытые школы Джерокаевская, Егерохаевская, Калмонарская, Ходзьская, Хатукаевская, Хачимзиевская, где арабский язык вели старшие аульные эфенди, не знающие основ православия и русского языка, не отвечали требованиям и вызовам времени. К тому же население до конца не понимало, почему оно должно было материально обеспечивать такие школы. Этот факт нашел отражение в рапорте инспектора народных училищ Кубани: «Во всех этих школах учителями состоят лица, далеко не подготовленные не только вести эти школы в миссионерских целях, но даже удовлетворительно простое обучение инородцев русскому языку» [39. Л. 12 об.].

Действительно, школы грамоты были известны низким уровнем преподавания и изучения православного Закона Божьего. Это едва не явилось причиной возмущения местных жителей, которые и так с большой неохотой под принуждением местной администрации отправляли туда своих детей. Известно, что население аула Ульский отстранилось от помощи миссионерской школе, узнав, что та находится на пансионе православного ведомства.

Инспектор народных училищ, видя такое положение дел, справедливо посчитал, что школы русской грамоты не выполняли возложенной на них просветительской миссии. К тому же они обходились казне дорого. Это осознали и в Петербурге. Вскоре, в конце

XIX в., вышло «Положение о церковных школах», где наряду с общими рекомендациями по устроительству духовного образования указывалось, что русские школы грамоты могут учреждаться только в православных районах [40. С. 96]. У адыгских народов эти школы сразу же исчезли, а преподаватели, работавшие в них, были с позором изгнаны и едва не избиты. Такая же картина происходила и на Восточном Кавказе. Православные школы не прижились среди местного мусульманского населения и потому были ликвидированы.

Заключение

Подводя итог, отметим, что впервые православие проникло в Северокавказский край из Армении, Албании, Византии, Грузии в начале первого тысячелетия н.э., а наивысшего подъема добилось в X–XII вв., когда к распространителям веры присоединилась Русь, которая преследовала цели не столько культовые, сколько политические. Поэтому религия горских народов на протяжении нескольких веков претерпевала смены различных верований, приведшие в итоге к синкретизму (смеси язычества и христианства). После присоединения северокавказских земель к Российскому государству (середина XVIII – середина XIX в.) и появления здесь славянских, украинских и казачьих поселений в крае начинается самый плодотворный период экспансии православия.

Наибольший успех в деле аккультурации народов Северного Кавказа миссионеры РПЦ имели в Осетии. В Ингушетии введение православия не означало особых перемен в сознании народа: вера у них была неглубокой и определялась в основном политической и экономической выгодой. И совсем не удалось внедрить культурные ценности христианства среди балкарского этноса, что объясняется труднопроходимостью горских ущелий и запоздалостью предпринимаемых светскими и религиозными властями мер. К тому же у имперского правительства не было опыта коммуникации с властью церковной, что послужило причиной низкого морального, социального и образовательного уровня кавказского духовенства.

Однако деятели РПЦ все же смогли внести огромный вклад в дело аккультурации местного населения своим подвижническим трудом: строительством и восстановлением храмов, большим количеством обращенных в веру, созданием православного клира среди горцев, учреждением церковно-приходских школ и училищ, разработкой алфавитов, переводных изданий. В результате их деятельности появилась молодая горская интеллигенция в лице священников А. Аладжикова, А. Гатуева, П. Жускаева, Е. Караева, А. Колиева, М. Сухиева, положивших свои жизни на алтарь просвещения кавказских народов.

Из задуманного имперскими и церковными властями по культурному строительству Кавказа далеко не все получилось осуществить, однако миссионерская практика служителей православия не прошла хря. Христианская вера смогла сохранить свои позиции на Кавказе и внести неоценимый вклад в дело культурного обустройства этого проблемного и полного тревог края. Поучительный опыт аккультурации автохтонного населения, предпринятый в прошлые века, по-прежнему будет вызывать интерес у нынешних и будущих поколений.

Список источников

1. Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. М : Русайнс, 2017. Т. 1. 282 с.
2. Дзанагова Л.В. Роль православного христианства в духовно-нравственном развитии горских народов Кавказа (конец XVIII – начало XX вв.). Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2000. 121 с.
3. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 79 (Общее управление кавказской областью). Оп. 1/194. Д. 331, ч. 4.
4. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Дзауджикау, 1948. 321 с. (Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (СОИГСИ); т. XII).
5. Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 602 с.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135 (Общее управление Ставропольского края и Кавказской области). Оп. 2. Д. 223.
7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 1.
8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 11 (Канцелярия общего присутствия). Оп. 11. Д. 112.
9. РГИА. Ф. 1268 (Кавказский комитет). Оп. 1. Д. 39.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (Третье отделение Е.И.В. Канцелярии). Оп. 376. Д. 11.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 123 (Дирекция народных училищ). Оп. 45. Д. 67/1.
12. Материалы по истории Осетии. Дзауджикау, 1947. Т. 5. 178 с.
13. Джанашвили М. Известия грузинских летописей // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис : Изд. Упр. Кавказ. учеб. округа, 1899. Вып. 26. С. 34.
14. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис : Изд. Упр. Кавказ. учеб. округа, 1897. Вып. 22. [643] с. разд. паг.
15. Bleich H.O. The Contribution of Russian and Mountaineer enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 289–295.
16. Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 602 с.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 468 (кабинет Е. И. Величества). Оп. 453. Д. 354.
18. РГАДА. Ф. 23 (Кавказские дела). Оп. 13. Д. 34.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 12 (Канцелярия начальника Терской области). Д. 123.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 123 (Владикавказская духовная консистория). Д. 32.
21. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 367 с.
22. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений : в 5 т. Орджоникидзе, 1967. Т. 3. 235 с.
23. РГАДА. Ф. 1276 (Документы Совета министров по Кавказскому правлению). Оп. 127. Д. 45.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 482 (Фонд военных действий в Закавказье и на Северном Кавказе). Д. 123.
25. РГВИА. Ф. 482. Д. 192.

26. РГАДА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Д. 256.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 233 (Моздокская духовная консистория). Д. 27.
28. Моздокско-Маджарское викариатство в Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 32. С. 12.
29. ГАСК. Ф. 135 (Епархиальная духовная консистория). Д. 234. Оп. 14.
30. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454 (Переписка о Кубанских школах министерства народного просвещения). Оп. 1. Д. 576.
31. ГАКК. Ф. 774 (Переписка с главнокомандующим Кавказской армией о принятии христианства горцами). Оп. 2. Д. 94.
32. ГАКК. Ф. 454 (Дело об открытии школ среди горского населения). Оп. 4. Д. 149.
33. РГВИА. Военно-учетный архив. Д. 18491.
34. История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов по 1 генваря 1825 г. М. : Синодальная тип., 1853. 81 с.
35. ГАСК. Ф. 439 (Епархиальный миссионерский совет). Оп. 254. Д. 78.
36. Бигулаев Б. Из истории осетинского письма // Известия СОНИИ. Дзауджикау, 1948. Т. 12, вып. 1. 321 с.
37. РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство). Оп. 354. Д. 1123.
38. ГАКК. Ф. 774 (Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами). Оп. 2. Д. 173.
39. РГАДА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 3. Д. 552.
40. Блейх Н.О., Дзанагова Л.В. Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX века // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 96–108.

References

1. Blejkh, N.O. (2017) *Istoricheskie vekhi stanovleniya i razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossiyskoy tsivilizatsionnoy politiki* [Historical milestones in the formation and development of enlightenment in the North Caucasus in the mainstream of Russian civilizational policy]. Vol. 1. Moscow: Rusayns.
2. Dzanagova, L.V. (2000) *Rol' pravoslavnogo khristianstva v dukhovno-nravstvennom razvitii gorskikh narodov Kavkaza (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [The role of Orthodox Christianity in the spiritual and moral development of the mountain peoples of the Caucasus (late 18th – early 20th centuries)]. Vladikavkaz: SOGU.
3. The Russian State Archives (RGIA). Fund 79. List 1/194. File 331. Part 4.
4. Klaprot, Yu. (1948) *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807–1808 gg.* [Journey across the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807–1808]. Dzaudzhikau: [s.n.].
5. Butkov, P. (1869) *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. The State Archives of Stavropol Krai (GASK). Fund 135 (General Administration of Stavropol Krai and the Caucasus Region). List 2. File 223.
7. The Archives of Foreign Policy of the Russian Federation (AVPR). Ossetian Affairs. List 128/2. File 1.
8. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (TsGA RSO-A). Fund 11 (General Administration Office). List 11. File 112.
9. The Russian State Archives (RGIA). Fund 1268 (The Caucasian Committee). List 1. File 39.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109 (Third Section of His Imperial Majesty's Chancellery). List 376. File 11.
11. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (TsGA RSO-A). Fund 123 (Directorate of Public Schools). List 45. File 67/1.
12. Anon. (1947) *Materialy po istorii Osetii* [Materials on the history of Ossetia]. Vol. 5. Dzaudzhikau: [s.n.].
13. Dzhanashvili, M. (1899) Izvestiya gruzinskikh letopisey [News of the Georgian Chronicles]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 26. Tiflis: Administration of the Caucasian. Educational District. p. 34.
14. Anon. (1897) *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 22. Tiflis: Administration of the Caucasian. Educational District.
15. Bleich, N.O. (2015) The Contribution of Russian and Mountaineer enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus. *Bylye gody*. *Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 36(2). pp. 289–295.
16. Butkov, P. (1869) *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the New History of the Caucasus, from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 468 (His Majesty's Cabinet). List 453. File 354.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 23 (Caucasian Affairs). List 13. File 34.
19. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (TsGA RSO-A). Fund 12 (Chancery of the Head of the Terek Region). File 123.
20. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (TsGA RSO-A). Fund 123 (Vladikavkaz Spiritual Consistory). File 32.
21. Shteder, L.L. (2016) *Dnevnik puteshestviya iz pogranichnoy kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a Journey from the Border Fortress Mozdok to the Interior of the Caucasus, Undertaken in 1781]. Vladikavkaz: RAS.
22. Khetagurov, K.L. (1967) *Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t.* [Complete Works: in 5 vols]. Vol. 3. Ordzhonikidze: [s.n.].
23. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1276 (Documents of the Council of Ministers for the Caucasian Government). List 127. File 45.
24. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 482 (The Fund of Military Operations in Transcaucasia and the North Caucasus). File 123.
25. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 482. File 192.
26. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 796 (Chancery of the Synod). File 256.
27. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (TsGA RSO-A). Fund 233 (Mozdok Spiritual Consistory). File 27.
28. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. (1880) Mozdoksko-Madzharskoe vikariatstvo v Astrakhanskoy eparkhii [Mozdok-Madzhar Vicariate in the Astrakhan Diocese]. 32. p. 12.
29. The State Archives of Stavropol Krai (GASK). Fund 135 (Diocesan Spiritual Consistory). File 234. List 14.
30. The State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 454 (Correspondence on the Kuban schools of the Ministry of Public Education). List 1. File 576.
31. The State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 774 (Correspondence with the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on the Adoption of Christianity by the Highlanders). List 2. File 94.
32. The State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 454 (The case of opening schools among the highland population). List 4. File 149.
33. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Military Registration Archive. File 18491.
34. Anon. (1853) *Istoriya gruzinskoy ierarkhii s prisovokupleniem obrashcheniya v khristianstvo osetin i drugikh gorskikh narodov po 1 genvarya 1825 g.* [History of the Georgian hierarchy with the addition of the conversion of the Ossetians and other highland peoples to Christianity by January 1, 1825]. Moscow: Sinodal'naya tip.
35. The State Archives of Stavropol Krai (GASK). Fund 439 (Diocesan Missionary Council). List 254. File 78.

36. Bigulaev, B. (1948) Iz istorii osetinskogo pis'ma [From the history of Ossetian writing]. *Izvestiya SONII*. 12(1).
37. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 18 (Spiritual Department). List 354. File 1123.
38. The State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 774 (Office of the Assistant Head of the Kuban Region for the Management of the Highlanders). List 2. File 173.
39. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 733 (Department of Public Education). List 3. File 552.
40. Blejkh, N.O. & Dzanagova, L.V. (2018) Spetsifika prosvetitel'skikh tendentsiy u narodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka [The specificity of enlightenment trends among the peoples of the North Caucasus in the second half of the 18th – Early 20th century]. *Dialog so vremenem*. 62. pp. 96–108.

***Сведения об авторе*:**
Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия). E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Blejkh Nadezhda O. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Psychology and Education of North Ossetian State University named after C. L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 13.04.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/89/2

Конфессиональная политика СССР в отношении религиозных общин во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Западной Сибири (по материалам Новосибирской области)

Петр Константинович Дашковский[1], Наталья Сергеевна Дворянчикова[2]

[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] natali.dvoryanchikova@mail.ru

Аннотация. Проанализирована государственно-конфессиональная политика советской власти в отношении религиозных общин Новосибирской области во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. Показаны особенности положения православных, мусульманских, протестантских и ряда других религиозных общин в регионе. Отдельное внимание уделено процессу регистрации, социально-экономическим, демографическим изменениям внутри общин, а также методам атеистической пропаганды.
Ключевые слова: Западная Сибирь, Новосибирская область, государственно-конфессиональные отношения, СССР, атеистическая пропаганда

Благодарности: Работа подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России (проект № 23-18-00117).

Для цитирования: Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Конфессиональная политика СССР в отношении религиозных общин во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Западной Сибири (по материалам Новосибирской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 15–22. doi: 10.17223/19988613/89/2

Original article

Confessional policy of the USSR in relation to religious communities in the second half of the 1970s – early 1980s in Western Siberia (based on the materials of the Novosibirsk region)

Petr K. Dashkovskiy[1], Nataliy S. Dvoryanchikova[2]

[1, 2] Altai State University, Barnaul, Russian Federation
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] natali.dvoryanchikova@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the state-confessional policy of the USSR in relation to religious communities in the second half of the 1970s – early 1980s and its implementation in the territory of the Novosibirsk region.
In connection with this goal, the following tasks were supposed to be solved: analyze current confessional policy in the USSR and its impact on the activities of religious associations in Western Siberia; study the situation of Orthodox, Old believers, Muslim, Protestant, and other communities; study the registration process, economic, social, and demographic changes within communities, as well as the level of education of clergy.
The methodological basis of the article is based on the principles of historicism, objectivity and determinism, which imply a comprehensive critical analysis of historical processes that determine the legal status and functioning of religious communities in the South of Western Siberia in the second half of the 1970s and early 1980s.
The most objective analysis of the situation of religious communities in the context of state-confessional policy of the USSR in the second half of the 1970s-early 1980s is provided by archival materials and legal documents. Archival sources are represented by business correspondence of the authorized Council for religious affairs in the Novosibirsk region with councils, district committees, city committees and religious associations; statistical data; administrative materials; legislative and regulatory acts of state and party bodies. The article was prepared using materials from the state archive of the Novosibirsk region and the state archive of the Altai territory.
The authors conclude that during the period under review, there was modernization of state-confessional relations, both in the Soviet state in general and in Western Siberia in particular. Since the mid-1970s the registration process of Orthodox,

© П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова, 2024

Catholic, Mennonite and Lutheran communities, as well as organizations of the all-Union Council of Evangelical-Christian Baptists, is being resumed. In addition, the authorities tried to control the Pentecostal communities, the Council of churches of Evangelical Christians-Baptists, who opposed the legalization of activities and were not ready for constructive interaction with the institutions of state power. During the study period, there was an increase in income in Orthodox churches and the Muslim community of the Novosibirsk region.
Keywords: Western Siberia, Novosibirsk region, state-confessional relations, USSR, atheistic propaganda

Acknowledgements: The work was prepared within the framework of the RNF grant "The impact of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia (project No. 23-18-00117).

For citation: Dashkovskiy, P.K., Dvoryanchikova, N.S. (2024) Confessional policy of the USSR in relation to religious communities in the second half of the 1970s – early 1980s in Western Siberia (based on the materials of the Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 15–22. doi: 10.17223/19988613/89/2

Введение

История государственно-конфессиональных отношений в СССР является на сегодняшний день одной из актуальных тем в отечественной исторической науке. Исследование взаимоотношений советского государства и религиозных объединений поможет в будущем миновать проблемы в государственно-конфессиональной политике, а также будет содействовать формированию целостной модели взаимодействия между различными конфессиями и государством. В связи с этим важно рассмотреть изменения, которые произошли в государственно-конфессиональной политике во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Западной Сибири на примере анализа обозначенных процессов в Новосибирской области, которая характеризовалась поликонфессиональным составом населения. Важно отметить, что положение религиозных организаций в стране в советский период достаточно хорошо освещено в современной исторической науке в трудах О.В. Васильевой, М.И. Одинцова, Т.К. Никольской и ряда других специалистов. Однако ученые рассматривали преимущественно общесоюзные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях. При этом региональная проблематика взаимоотношений государственных институтов власти и религиозных общин, в том числе в Новосибирской области, изучена недостаточно полно. В частности, уделено мало внимания положению мусульманских и протестантских религиозных организаций в Новосибирской области.

Наиболее объективно проанализировать положение религиозных общин в контексте государственно-конфессиональной политики СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. позволяют архивные материалы и правовые документы. Архивные источники представлены деловыми переписками уполномоченного Совета по делам религий по Новосибирской области с советами, райкомами, горкомами и религиозными объединениями, статистическими данными, распорядительными материалами, законодательными нормативно-правовыми актами государственных и партийных органов.

Следует обратить внимание на то, что подписание Советским Союзом Хельсинкского акта 1975 г. включало в себя и реализацию прав свободы совести. Ратификация СССР данного документа повлияла в том числе и на содержательные положения готовившегося проекта новой Конституции СССР. «В отличие от Конституции 1936 г., – подчеркивали разработчики, – проект впервые закрепляет общий принцип равенства граждан перед законом как общую норму», а «равноправие... рассматривается в качестве предпосылки всех прав и обязанностей граждан» [1. С. 149]. Таким образом, определенные изменения в государственно-конфессиональных отношениях в СССР наметились с середины 1970-х гг. Подтверждением служит, например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. [2], которым были внесены изменения в советское законодательство о религиозных культах. В результате были расширены возможности религиозных общин в отправлении религиозных обрядов. В то же время данное постановление носило «номинальный характер».

В 1977 г. определенные надежды для верующей части населения страны на исправление ситуации давал факт разработки новой Конституции СССР. Ее проект был обнародован для всенародного обсуждения в начале 1977 г. [3. С. 417]. С принятием новой Конституции СССР произошло некоторое смягчение отношения к религиозным организациям. Статья 52 Конституции 1977 г. закрепляла права верующих на свободу вероисповедания [4]. Однако после ее принятия ситуация в государственно-конфессиональных отношениях была неоднозначной. Во многом это было связано с тем, что религиозные общины не обладали статусом юридического лица. Более того, продолжали действовать командно-административные методы реализации вероисповедной политики [5. С. 38].

Подписание соглашений, а также принятие новой Конституции СССР 1977 г. оказали влияние на деятельность религиозных общин на территории страны в целом, в том числе и на развитие религиозной ситуации в Новосибирской области. Так, в Новосибирской области с 1977 г. начали переводить на легальное положение общины Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов.

Важно отметить, что еще с конца 1960-х гг. власти активно шли на регистрацию общин Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. Данный факт связан, во-первых, с тем, что органы власти хотели установить контроль над баптистскими общинами. Во-вторых, государство стремилось предотвратить деятель-

ность СЦЕХБ путем вовлечения в зарегистрированные общины ВСЕХБ верующих из других протестантских направлений. Еще ранее, во второй половине 1950-х гг. раскололись общины евангельских-христиан баптистов. ВСЕХБ еще в 1959 г. по указанию государственных органов власти издал «Новое положение» и секретное «Инструктивное письмо». Данные документы определяли жизнь верующих баптистов, однако противоречили основам баптистского вероисповедания. Так, например, в нормативных документах запрещалась проповедь вне религиозного объединения. Кроме того, верующим запрещалось присутствовать в других населенных пунктах на богослужениях и многое другое. Несколько влиятельных баптистов восприняли данные нормативные акты как измену Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов баптистскому вероучению. В 1960–1961 гг. произошел окончательный раскол на Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов и Совет церквей евангельских христиан-баптистов, отрицающих «Новое положение» и секретное «Инструктивное письмо». Верующие Совета церквей евангельских христиан-баптистов стали привлекать в свои ряды молодых людей. Такая позиция заинтересовала местные органы власти [6. Л. 1–2].

Кроме того, после принятия в 1977 г. Конституции СССР соответствующие государственные органы регистрировали новые общины русской православной церкви, а также объединения адвентистов седьмого дня, старообрядцев, которые ранее были переведены на нелегальное положение.

Положение религиозных общин в Новосибирской области

В 1976 г. на территории Новосибирской области действовало лишь три православные церкви. В 1977 г. в данном регионе произошло увеличение численности духовенства. К 1977 г. насчитывалось уже 20 официально действующих священнослужителей [7. Л. 8]. Необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период в Новосибирской области значительно вырос уровень образования священнослужителей (табл. 1) [7. Л. 8–9].

Таблица 1

Сведения об образовании священнослужителей Новосибирской области на 1 декабря 1977 г. [7. Л. 8–9]

Наименование служителя культа	Светское образование		Духовное образование		
	среднее	высшее	начальное	среднее	высшее
Архиепископ	1				
Священники	11	2	4	4	3
Диаконы	6	1	3	3	1
Псаломщики	2	–	1	–	–
Итого	20	3	8	7	4
Кандидатов богословия – 4 человека					

Стоит отметить, что в 1978 г. работа уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР на юге Западной Сибири строилась с учетом требований новой Конституции СССР о свободе совести. После открытой публикации законов в области религии и церкви верующие ряда населенных пунктов стали более настойчиво ставить вопросы о регистрации религиозных объединений на этой территории. Так, в 1978–1979 гг. православные верующие г. Барабинска отправляли в Совет по делам религий ходатайства о регистрации. Однако их заявление не получило сразу положительной резолюции [8. Л. 8]. Община была зарегистрирована только в конце 1980 г. Кроме того, в 1978 г. поступило заявление от православных верующих о регистрации и предоставлении в их пользование здания бывшей церкви в г. Куйбышеве Новосибирской области. Куйбышевский горисполком проинформировал, что не возражает против аренды помещения для проведения богослужения, но выделить здание за счет государственного фонда не может [9. Л. 55]. Важно обратить внимание на то, что отказы в регистрации православным общинам присутствовали и в других регионах. Так, православные верующие Камчатки с 1974 по 1983 г. более десяти раз подавали ходатайства о регистрации общины, однако местные власти находили разнообразные причины для отказов [10. С. 125].

Необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период в Новосибирской области возрастают и доходы православной церкви, и сама численность верующих. Так, к 1979 г. насчитывалось 1 495 православных верующих, а уже в следующем 1980 г. – 2 286 человек, в 1981 г. – 2 339 человек [11. Л. 23]. Об увеличении уровня доходов общин Русской православной церкви свидетельствуют некоторые данные по приходам Новосибирской области в рассматриваемый период. Так, Никольская православная церковь г. Болотное была зарегистрирована в 1945 г. По данным уполномоченного Совета по делам религий по Новосибирской области на 1980 г. община Никольской православной церкви оказывала определенное влияние на часть населения города. В доказательство уполномоченный Совета по делам религий по Новосибирской области приводил данные об увеличении доходов (табл. 2) [12. Л. 12]. Стоит отметить, что пик численности крещенных в Никольской православной церкви г. Болотное приходился на 1978 г. и составил 458 человек. Интересно отметить также, что в исследуемый период большинство совершенных религиозных обрядов в Новосибирской области приходилось на Вознесенский собор г. Новосибирска (табл. 3) [7. Л. 2]. Примечательными являются данные о количестве верующих в дни религиозных праздников. Так, в 1978 г. в день Пасхи четыре зарегистрированные православные церкви Новосибирской области посетили 61 685 человек, причем в Вознесенский собор г. Новосибирска пришли 60 тысяч верующих [13. Л. 12].

Таблица 2

Объем доходов от треб, совершенных в Никольской православной церкви г. Болотное [12. Л. 12]

Год	Приход	Расход	Остаток на 01.01.1981
1976	38 815	38 650	199
1977	44 046	41 252	2 973
1978	46 593	45 493	4 073
1979	45 913	39 200	10 786
1980	54 889	55 853	9 821

В отличие от общин русской православной церкви в старообрядческих объединениях в исследуемый пе-

риод отмечается снижение количества религиозных обрядов. Так, в старообрядческой общине (Новосибирск) в 1979 г. произошло сокращение численности крещений: всего были крещены лишь 7 человек. Кроме того, было совершено 123 молебна, 464 обедни, 9 венчаний, 12 очных погребений, 124 заочных, 63 панихиды [14. Л. 5].

Таблица 3

Количество совершенных обрядов по церквям Новосибирской области за 1977 г. [7. Л. 2]

Содержание	Вознесенский собор, Новосибирск	Никольская церковь, Болотное	Никольская церковь, Новолуговое	Приход А. Невского, Колывань	Всего
Крещение	6 306	366	529	12	7 213
Венчание	86	4	14	–	104
Отпевание очное	681	31	37	–	749
Отпевание заочное	7 158	197	205	95	7 655
Вызов на дом	709	–	137	–	846
Соборование	476	–	222	–	698

В исследуемый период на территории Новосибирской области официально действовала одна мусульманская община. Отдельные группы верующих располагались в селах Юрт-Ора, Казанке, Юрт-Акбалыке и др. [15. Л. 16]. В мусульманской общине легально действовал один мулла со средним духовным образованием. По национальности верующие-мусульмане были преимущественно татарами, и лишь небольшое количество из них были этническими казахами. Посещали мечеть в основном люди преклонного возраста. При этом в дни религиозных праздников мечеть посещали и несколько молодых людей, в среднем 5–7 человек. В 1978–1982 гг. в мусульманской общине Новосибирска проводились обряды наречения имени, венчания и похорон, что хорошо видно из табл. 4 [16. Л. 8].

Таблица 4

Количество религиозных обрядов, проведенных мусульманской общиной г. Новосибирска [16. Л. 8; 17. Л. 7]

Наименование	1978 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Наречение имени	11	16	12	13
Венчание	12	11	17	5
Похороны	73	33	23	16

Стоит отметить, что в сравнении с предыдущим периодом в мусульманской общине также произошло увеличение доходов. Так, доходы новосибирской общины за несколько лет выглядят следующим образом: в 1979 г. – 15 526 рублей [17. Л. 4], 1980 г. – 17 200, 1981 г. – 10 500, 1982 г. – 10 300 рублей [16. Л. 9]. Важно подчеркнуть, что в период руководства СССР Л.И. Брежневым атеистическая пропаганда в отношении ислама на местах вовсе приобретала формальный и внешний характер. Так, например, в 1960–1980-х гг. мусульмане могли печатать Коран, наполнять мечети предметами культа [18. С. 127].

В 1970–1980-х гг. в Новосибирске отмечалась активизация деятельности католической общины. Верующие г. Новосибирска неоднократно писали прошения о регистрации, однако большинство активистов сменили место жительства, поэтому данная община не была зарегистрирована [14. Л. 37]. В 1978 г. местные власти взяли на учет группу верующих католиков г. Новосибирска, состоявшую из 16 человек. Однако долгожданную регистрацию община получила лишь в 1982 г. [19. Л. 11]. К 1983 г. количество членов общины значительно возросло, ее численность составила 240 человек. В течение года в общине, по официальным данным, было совершено 30 крещений и 16 венчаний [20. Л. 21]. Аналогичная практика регистрации католических общин прослеживается и в других регионах юга Западной Сибири. Так, в 1974 г. в Алтайском крае католическая община ходатайствовала о регистрации, однако требование не было выполнено. Долгожданное право на официальную деятельность объединение г. Славгорода Алтайского края получило лишь в 1982 г. [21. С. 281–282].

Кроме вышеуказанных религиозных объединений в рассматриваемый период в г. Новосибирске продолжала действовать иудейская община. В основном общину посещали евреи преклонного возраста в количестве 15–17 человек. Уполномоченный Совета по делам религий по Новосибирской области отмечал, что нарушений законодательства со стороны общины не было зафиксировано [16. Л. 4].

Баптистские общины в Новосибирской области были представлены Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов, а также Советом церквей евангельских христиан-баптистов. К 1978 г. в Новосибирской области было учтено 8 легально действующих общин ВСЕХБ, состоящих из немцев. Самая крупная община располагалась в г. Новосибирске, в ней состояли 1 117 верующих, в том числе 200 немцев. Зарегистрированные общины с. Орловка Купинского района и с. Кузнецовка Баганского района Новосибирской области состояли полностью из немцев. Однако они были немногочисленны: суммарно в двух общинах состояли всего 43 человека. Остальные зарегистрированные общины ВСЕХБ в Новосибирской области располагались в г. Купино (50 чел.), п. Сибирь Купинского района (31), с. Неудачино Татарского района (32), с. Ордынское (27), г. Карасук (32) [19. Л. 8].

В 1981 г. произошла активизация деятельности Совета церквей евангельских христиан-баптистов в Новосибирской области. В исследуемый период численность общины г. Новосибирска составляла 190 человек [22. Л. 19–20]. Важно упомянуть, что общины последователей СЦ ЕХБ активно взаимодействовали с верующими из других регионов. Так, в 1981 г. в Семипалатинской области на железной дороге были задержаны члены Новосибирской общины сторонников Совета церквей, которые везли в Новосибирск из Казахской ССР значительное количество литературы. Затем был проведен обыск у сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов г. Новосибирска и было обнаружено 1,5 тонны книг. По предварительным данным, литература была завезена из Казахской ССР. При этом стоит учесть, что Новосибирск являлся перевалочной базой по распространению литературы в общинах Сибири и Дальнего Востока [22. Л. 21].

В 1978 г. в Новосибирской области действовала одна зарегистрированная община лютеран, в которой насчитывалось 210 человек (мужчин – 16%, женщин – 84%). Кроме того, в 1979 г. местными властями были выявлены новые общины лютеран. Уполномоченный Совета по делам религий по Новосибирской области сообщал, что во многих из них были ярко выраженные эмиграционные настроения. Таким образом, к 1979 г. в области действовала одна зарегистрированная община, а еще 7 были взяты на учет. Общая численность лютеран насчитывала, по официальным данным, около 380 человек [14. Л. 36].

Стоит отметить, что в Новосибирской области кроме лютеранских общин [12. Л. 51–52] функционировали три общины адвентистов седьмого дня (в 1977 г. община г. Бердска получила официальную регистрацию) [9. Л. 8], а также легально действовали три общины меннонитов [19. Л. 9].

Последователей другого протестантского направления – христиан веры евангельской, или пятидесятников, в Новосибирской области насчитывалось 3 общины, все они действовали нелегально. Община Новосибирска была самой многочисленной, а молитвенный дом посещали 60–70 человек [12. Л. 16]. Следует сказать, что ситуация с пятидесятническими общинами в Сибири была разнообразной. Так, в Кемеровской области еще в 1969 г. совещание в обкоме признало необходимым «не препятствовать регистрации тех религиозных объединений, которые полностью признают законодательство о культах», тем самым предоставив возможность в 1970-е гг. умеренным пятидесятникам легально осуществлять свою деятельность [23. С. 73].

Свидетели Иеговы в Новосибирской области в основном действовали в Краснозерском и Чулымском районах. Кроме того, последователи этого религиозного направления разрозненно проживали в самом Новосибирске [24. Л. 42]. Приверженцы данного течения тщательно конспирировали молитвенные собрания и категорически отказывались от регистрации [15. Л. 86].

Атеистическая работа как элемент государственно-конфессиональной политики СССР

Одним из аспектов государственно-конфессиональной политики являлась атеистическая работа [25. С. 88]. Нужно подчеркнуть, что в 1970–1980-е гг. не появилось ни одного принципиально нового направления в атеистической пропаганде. Все формы и методы пропаганды были сформированы ранее [26. С. 195]. В данный период главными формами проведения атеистической работы были индивидуальная форма работы с верующими, чтение лекций на атеистическую тематику, подвижные группы атеистов. Наравне с ними активно использовались массовые формы пропаганды, такие как средства массовой информации, кинопоказы на антирелигиозную тему. Например, в Дзержинском районе г. Новосибирска в 1982 г. было прочитано более 530 лекций на атеистическую тематику. В районе действовала сеть народных университетов, лекториев, кинолекториев: «Социалистический образ жизни» в Доме культуры «Чкалов», «Религия и общество», «Юный атеист» в кинотеатре «Родина». В молодежном Доме культуры «Строитель» в течение нескольких лет для учащихся действовали Народный университет «Основы научного атеизма» и клуб «Юный атеист». В Народном университете был создан факультет научного атеизма, на котором занималось 75 человек [16. Л. 2].

В большинстве школ Октябрьского района г. Новосибирска проводилась большая работа по антирелигиозной пропаганде. Например, в школе № 185 студентами Новосибирского электротехнического института связи организовывался цикл бесед на атеистические темы «Религия и наука», «Чудеса без чудес», «Современные религиозные секты». В школах района особое внимание уделялось индивидуальной работе с детьми верующих. Так, в школе № 38 учились дети А.Н. Бернавского, который был руководителем общины адвентистов седьмого дня. Школьники пропускали уроки по субботам. Администрация школы попыталась провести беседу с родителями, но результатов она не дала. В 1980 г. в Октябрьском районе г. Новосибирска произошло оживление работы по атеистическому воспитанию: если в 1979 г. было прочитано 310 лекций, то в 1980 г. – уже 409 [27. Л. 5].

Несмотря на изменение государственно-конфессиональной политики, отношение местных органов власти к религиозным организациям было достаточно противоречивым. Так, в начале 1980-х гг. партийными органами принимались меры по предотвращению разрастания группы православных верующих и исключению возможности регистрации путем усиления атеистической работы среди населения. Большое распространение в исследуемый период получили лекции по пропаганде советского образа жизни, а также замена религиозных норм морали на коммунистические.

Стоит отметить, что в эти годы в стране в целом и в Западной Сибири в частности продолжалось внедрение советской обрядности взамен религиозной. Коммунистическая партия предполагала с помощью внедрения безрелигиозной обрядности добиться исчезновения «религиозных праздников». Традиция праздновать нерелигиозные советские праздники постепенно набирала обороты в населенных пунктах как на юге Западной Сибири, так и в стране в целом. Так, в Маслянинском районе Новосибирской области в 1978 г. было проведено 314 безрелигиозных бракосочетаний, 128 торжественных регистраций ребенка. Кроме того, по советскому обряду в 1978 г. были проведены одна золотая и 2 серебряных свадьбы. В День Победы был проведен день памяти умерших. В школах района было проведено три атеистических вечера, а в клубах прочитано 11 лекций на атеистические темы [15. Л. 45].

Религиозным обрядам в Мошковском районе Новосибирской области противопоставлялась работа по внедрению в быт трудящихся безрезлигиозных праздников. В 1979 г. в поселковых и сельских советах была совершена торжественная регистрация 374 новорожденных и 403 браков [12. Л. 36].

Необходимо обратить внимание на то, что даже в начале 1980-х гг. активно продолжался процесс внедрения безрелигиозных праздников в жизнь верующих. Например, в Ленинском районе г. Новосибирска в тор-

жественной обстановке было зарегистрировано в 1982 г. 97% всех родившихся, в 1983 г. – 82%, Кроме того, в 1982 г. было зарегистрировано государственными органами 87% браков, а в 1983 г. их доля составила уже 93% [16. Л. 38].

В Новосибирской области большую роль в распространении атеистических знаний играло общество «Знание». В 1980 г. в Дзержинском районе обществом было проведено 598 лекций и 5 380 бесед атеистической направленности. Кроме того, были разработаны новые темы лекций «Молодежь и религия», «Религиозные обряды и отношение к ним», «Роль учителя в атеистическом воспитании подрастающего поколения». Постоянно при содействии общества на заводах, в школах, учреждениях проводились диспуты, устные журналы, вечера вопросов и ответов. При проведении подобных мероприятий широко использовались художественные и научно-популярные фильмы, приглашались работники Планетария, квалифицированные лекторы областной и районной организаций «Знание» [28. Л. 51]. В г. Искитиме только за 1980 г. было проведено 287 лекций и бесед по атеистической тематике.

Важно отметить, что, несмотря на определенное послабление в конфессиональной политике, в 1981 г. вышло постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания». В данном постановлении говорилось о необходимости более гибкой политики, но в то же время и об ужесточении отношения к религиозному «подполью». В связи с этим атеисты большое внимание уделяли пропаганде материализма в районах, где располагались общины баптистов, лютеран, меннонитов и др. Так, в Краснозерском районе Новосибирской области действовала группа сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов численностью 20 человек. Баптисты часто нарушали законодательство о культах, уклонялись от регистрации, вели миссионерскую деятельность, воспитывали детей в религиозном духе. В 1983 г. особое внимание комиссией содействия по контролю соблюдения законодательства о религиозных культах и обществом «Знание» уделялось работе с молодыми баптистами – проведению индивидуальных бесед, вовлечению в общественную жизнь класса и школы, художественную самодеятельность и занятия спортом. Уполномоченным Совета по делам религий по Новосибирской области отмечалось, что комиссия и общество проделали положительную работу, так как в районе не были выявлены случаи нарушения конституционных прав о свободе совести [15. Л. 32–33].

Заключение

Таким образом, с принятием в 1977 г. новой Конституции начинают происходить изменения в государственно-конфессиональной политике как в СССР в целом, так и в регионах, в том числе в Западной Сибири. С 1977 г. начинается процесс легализации деятельности общин. Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. произошло увеличение доходов ряда религиозных объединений Новосибирской области (православных, старообрядческих, мусульманской общин). В исследуемый период в Новосибирской области легально начинали действовать католическая, лютеранские, меннонитские общины, а также последователи адвентистов седьмого дня. Однако были и религиозные общины, которые находились на отрицательной позиции в отношении регистрации своей деятельности, в частности общины Совета церквей ЕХБ, христиане веры евангельской. Стоит отметить, что в Новосибирской области не прекращалась атеистическая пропаганда. Однако все применяемые методы в целом не могли кардинально изменить ситуацию с увеличением религиозности населения. Причина роста культовой обрядности, количества крещений и усиления религиозной жизни в целом виделась региональным органам власти в недостатке использования СМИ, слабом отражении научно-атеистической пропаганды, отсутствии ответственного и во многом другом. Исследуемый этап в атеистической пропаганде можно охарактеризовать как постепенное снижение ее активности, выход атеистической пропаганды из приоритетного направления в общую систему советской пропаганды.

Список сокращений

РПЦ – Русская православная церковь
ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских-христиан баптистов
СЦЕХБ – Совет церквей евангельских-христиан баптистов

Список источников

1. Медушевский А.Н. Основной закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «Развитого социализма» // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз : журнал политической философии и социологии политики. 2014. № 3 (74). С. 149–168.
2. О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» : указ Президиума ВС РСФСР от 23.06.1975 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22615#024006540420579325 (дата обращения: 29.11.2019).
3. Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой…» : история Пятидесятнической церкви в России, XIX–XX вв. СПб. : Рос. объединение исследователей религии, 2012. 504 с.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. М.: Верховный Совет СССР : Известия, 1977. 47 с.
5. Клименко Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : дис ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 61.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 213.
8. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 221.
9. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 218.

10. Дударенок С.М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 123–135.
11. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 252.
12. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 235.
13. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 227.
14. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 228.
15. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 230.
16. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 251.
17. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 222.
18. Идиатуллов А.К., Галимова Л.Н. Неофициальная религиозность «мусульманских» народов Среднего Поволжья и Приуралья в 1960–1970-е годы // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 126–130.
19. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 223.
20. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 255.
21. Кащаева М.В., Белецкий А.Ю. Состояние католических общин на Алтае в конце XIX–XX в. // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С. 276–283.
22. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 242.
23. Горбатов А.В. Государство и христиане веры евангельской в Сибири (1945–1970 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Т. 3-4 (60). С. 68–73.
24. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 154.
25. Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. М. : Высшая школа, 1991. 143 с.
26. Чаусов А.И. Эволюция советской атеистической пропаганды в середине 50-х по начало 80-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 238 с.
27. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 243.
28. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 234.

References

1. Medushevskiy, A.N. (2014) Osnovnoy zakon SSSR 1977 g.: gosudarstvo i lichnost' v epokhu “Razvitogo sotsializma” [Basic Law of the USSR of 1977: State and Individual in the Era of "Developed Socialism"]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz : zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki*. 3(74). pp. 149–168.
2. All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR. (1975) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 8 aprelya 1929 goda “O religioznykh ob"edineniyakh”: ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 23.06.1975* [On Amendments and Supplements to the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 8, 1929 “On Religious Associations”: Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of June 23, 1975]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22615#024006540420579325 (Accessed: 29th November 2019).
3. Odintsov, M.I. (2012) *“Vy primete silu, kogda soydet na vas Dukh Svyatoy…”: istoriya Pyatidesyatnicheskoy tserkvi v Rossii, XIX–XX vv.* [“You will receive power when the Holy Spirit has come upon you.” History of the Pentecostal Church in Russia. 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: Ros. ob"edinenie issledovateley religii.
4. USSR. (1977) *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977]. Moscow: Verkhovnyy Sovet SSSR: Izvestiya.
5. Klimenko, E.N. (2007) *Vzaimootnosheniya gosudarstva i religioznykh ob"edineniy v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty* [Relations between the state and religious associations in the Russian Federation: Constitutional and legal aspects]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. The State Archives of Altai Krai (GAKK). Fund 1692. List 1. File 61.
7. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 213.
8. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 221.
9. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 218.
10. Dudarenok, S.M. (2005) Politika sovetskoy vlasti v otnoshenii religioznykh organizatsiy [The policy of the Soviet government towards religious organizations]. *Rossiya i ATR – Russian and the Pacific*. 2. pp. 123–135.
11. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 252.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 235.
13. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 227.
14. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 228.
15. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 230.
16. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 251.
17. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 222.
18. Idiatullov, A.K. & Galimova, L.N. (2016) Neofitsial'naya religioznost' «musul'manskikh» narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v 1960–1970-e gody [Unofficial religiosity of the “Muslim” peoples of the Middle Volga and Ural regions in the 1960s–1970s]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2(15). pp. 126–130.
19. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 223.
20. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 255.
21. Kashchaeva, M.V. & Beletskiy, A.Yu. (2015) Sostoyanie katolicheskikh obshchin na Altae v kontse XIX–XX v. [The state of Catholic communities in Altai in the late 19th–20th centuries]. *Narody i religii Evrazii*. 8. pp. 276–283.
22. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 242.
23. Gorbatov, A.V. (2008) Gosudarstvo i khristiane very evangel'skoy v Sibiri (1945–1970 gg.) [The state and Christians of the evangelical faith in Siberia (1945–1970)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3-4(60). pp. 68–73.
24. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 154.
25. Saveliev, V.N. (1991) *Svoboda sovesti: istoriya i teoriya* [Freedom of Conscience: History and Theory]. Moscow: Vysshaya shkola.
26. Chausov, A.I. (2010) *Evolyutsiya sovetskoy ateisticheskoy propagandy v seredine 50-kh po nachalo 80-kh gg. XX v.* [Evolution of Soviet atheistic propaganda in the mid-1950s to the early 1980s]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
27. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 243.
28. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1. File 234.

***Сведения об авторах*:**
Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Дворянчикова Наталья Сергеевна – преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dashkovsky Pyotr K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Dvoryanchikova Natalia S. – Lecturer at the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 16.10.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(47+57)
doi: 10.17223/19988613/89/3

Переселения крестьян Тамбовской губернии в Томскую губернию в XIX в. в контексте альтернатив социально-демографического поведения позднего аграрного общества России

Валерий Владимирович Канищев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, valcan@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема миграций в позднем российском аграрном обществе как выбор отдельными группами крестьян – уезжать на новое место или оставаться на родине. Статья базируется на сопоставимой тамбовской и томской статистике 1880-х гг., которая позволила определить предпосылки, мотивы и последствия переселения на новые территории или сохранения места жительства. На примерах четырех взаимосвязанных сел Тамбовской губернии и Алтайского округа Томской губернии выявлены разные варианты миграционных процессов, связанные с особенностями религиозного состава населения, спецификой землевладения, возможностями выбора неземледельческих миграций и занятий в Центральной России.
Ключевые слова: исторические альтернативы, миграции, предпосылки и последствия переселений

Для цитирования: Канищев В.В. Переселения крестьян Тамбовской губернии в Томскую губернию в XIX в. в контексте альтернатив социально-демографического поведения позднего аграрного общества России // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 23–29. doi: 10.17223/19988613/89/3

Original article

Migrations of Tambov Governorate peasants to Tomsk Governorate in the 19th century in the context of alternatives for a further social-demographic development

Valery V. Kanishchev

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, valcan@mail.ru

Abstract. The aim of this paper is to study migration as a decision of particular groups of peasants to leave for a new place or stay in their place of residence.

The article is based on Tambov and Tomsk statistics of the 1880s. Comparable household censuses of Tambov and Tomsk Governorates make it possible to discern prerequisites and motives for resettlement to new territories or staying in the same place of residence as well as consequences of doing so.

The author found that the skoptsy expelled from the Tambov village of Atmanov Ugol were not religious zealots: they left numerous progeny in Tomsk Governorate. These settlers may have taken part of the Tambov skoptsy's large capital. In the village of Yarki (Altai district of Tomsk Governorate), they were the richest: they set up wealthy households.

The peasants of Atamanov Ugol who stayed in their place of residence began to take on non-agricultural jobs. Many of them were sawyers; they worked in the surrounding villages and towns, yet continued to farm in their village. Their total income exceeded the income from agriculture of fellow countrymen who left for Altai.

Peasants of the Tambov village of Vtorye Levye Lamki, some of whom moved to the Altai village of Smolenskoye, tackled the migration issue in a different way. The Tambov village was established in the 19th century due to the expulsion of a group of peasants – former service people of the 17th century who did not want to change from household land ownership to communal land ownership. After a while, the land plots in Vtorye Levye Lamky began to shrink. Some of the households sold their plots and left for Altai. There, they would improve their socio-economic indicators. The peasants who stayed in bought up the migrants' lands. Their economic indicators were no worse than those of their fellow countrymen in the new places.

The author concludes that the studied groups followed different demographic paths after migration. Only the Altai village of Smolenskoye has maintained the population size of the beginning of the 20th century. This was facilitated by the preservation of the status of subregional center and attractive socio-economic conditions. Vtorye Levye Lamky had been successfully developing until the 1960s – while it was a subregional center. Atmanov Ugol and Novoyarki, due to natural decrease and migration outflow, have decreased four times over the last century. All four villages are still large settlements by the standards of their regions. They have retained their authenticity. The migration decision of their inhabitants turned out to be successful in the historical perspective.
Keywords: historical alternatives, migrations, prerequisites and consequences of migrations

© В.В. Канищев, 2024

For citation: Kanishchev, V.V. (2024) Migrations of Tambov Governorate peasants to Tomsk Governorate in the 19th century in the context of alternatives for a further social-demographic development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 23–29. doi: 10.17223/19988613/89/3

История миграций крестьян Центральной России в Сибирь, в том числе по линии Тамбовская–Томская губерния, исследована во многих аспектах. Главным образом изучалось аграрное переселение. Нередко анализировались причины и обстоятельства выезда крестьян из родных мест. Но практически нет работ, в которых помимо земледельческого переселения специально рассматривались иные направления миграций или отказ от миграции членов одной и той же микропопуляции, живших в одних условиях.

Понятно, что такого рода исследование возможно на уровне микродемографического анализа первичных источников. К счастью, изначально в источниках статистико-демографического характера как мест выселения, так и мест вселения отразилось достаточно много фактов для анализа миграционных процессов как совокупности выборов отдельных крестьянских дворохозяйств и их отдельных членов. Особенно отметим сопоставимые материалы подворных переписей и опросов, проведенных в 1880-е гг. Тамбовским губернским земством и в Алтайском округе народническим этнографом и экономистом Г.Л. Чудновским [1–3].

Автор этих строк в 2000-е гг. включился в изучение микродемографических процессов в российской Евразии в рамках совместного проекта с алтайскими коллегами [4–7]. Наработки последующих лет были обобщены в 2018 г. в совместной статье с Н.А. Жировым [8]. Продолжение исследований подтолкнуло нас к постановке вопроса о том, почему миграции совершали только отдельные дворы сельских поселений, а другая часть их жителей оставалась на месте или искала несибирские направления миграций.

Такой подход к изучению миграции представляется методологически и эвристически важным. Во-первых, он позволит точнее понять причины и мотивы миграции отдельных дворохозяйств и людей или отказ от таковых. Во-вторых, изучение отказа от переселения выходит на понимание широкой проблемы выбора жизненного пути отдельными группами и людьми, жившими в одном поселении, принадлежавшими к одной общине.

В указанных первичных источниках мы обратили внимание на интересные связи между двумя тамбовскими и двумя алтайскими селами, миграционное взаимодействие которых отразило самые разные стороны переселенческого процесса.

В частности, в тамбовских источниках содержатся данные о масштабах выселения и, самое главное, указываются причины и мотивы миграций крестьян сел Атманов Угол и Вторые Левые Ламки, относительно которых у Г.Л. Чудновского есть данные о местах вселения в Алтайском округе выходцев из этих сел, очень ценные сведения об изменении их социально-экономического положения вследствие переселения в Сибирь. Тамбовские документы также предоставляют информацию о тех дворохозяйствах двух сел, которые остались на местах. Такая информация дает возможность оценки альтернатив миграционному выбору. Сопоставление тамбовских и алтайских первичных источников позволяет увидеть много интересных нюансов, которые не отражались в документах агрегированного характера.

Позволим себе напомнить, что миграции в истории России всегда имели и принудительный, и добровольный варианты [9].

Первыми тамбовскими переселенцами в алтайское с. Ярки стали в начале XIX в. скопцы, высланные из с. Атманов Угол Моршанского уезда Тамбовской губернии. Г.Л. Чудновский в начале 1880-х гг. получил от старожилов с. Ярки подробные сведения о тамбовских переселенцах. В частности, выяснилось, что первоначально (вероятно, в конце 1830-х гг.) в Ярки были сосланы три скопца. По записи Чудновского, вскоре к ним стали перебираться дети. Первые семь дворов переехали в 1843 г., примерно через 10 лет прибыли еще 35 выходцев из того же села, в 1853 г. – бывший крепостной из близкого с. Сосновка, выкупившийся у гр. Бенкендорфов за 1 000 руб., в 1872 г. из той же Сосновки – некий Гавриил Плотицын [3. С. 43–44].

Сведения, приведенные Чудновским, совпадают с известными фактами из истории тамбовского скопчества. Появление атмановских переселенцев в Ярках в конце 1930-х – начале 1840-х гг. можно считать следствием судебного процесса над тамбовским скопцами 1838 г. [10–14]. Объяснимо и появление в Ярках богатого вольноотпущенника из Сосновки. Дело в том, что скопчество в Тамбовской губернии возникло именно в этом селе в среде «капиталистых» крестьян. В связи с этим становится понятным, откуда у отпущенника могла появиться огромная для крепостного крестьянина сумма в 1 тыс. руб. Сосновские скопцы были тесно связаны с единоверцами округи, в которую входили в числе прочих селений Атманов Угол и Вторые Левые Ламки.

Можно предположить, что тамбовский переселенец в Ярки Г. Плотицын (в разных документах фамилия писалась либо через «а», либо через «о») был представителем рода руководителей тамбовских скопцов Платицыных, выходцев из с. Сосновка. Возможно, он привез с собой какую-ту часть скопческих капиталов, которые контролировали его родственники. Судя по данным Г.Л. Чудновского, которые мы рассмотрим чуть позже, тамбовские переселенцы были самыми богатыми в Ярках.

Пока порассуждаем о том, что причины переселения крестьян с. Атманов Угол на Алтай вряд ли могли быть связаны с движением истинных скопцов, у которых по строгому счету детей быть не могло. Соответственно, к первым сосланным скопцам не могли приехать дети. Приходится предполагать, что оскопление в соответствующих общинах было неполным как физиологически, так и социально. Известно, что так называемая «малая печать» – отсечение яичек, не лишала возможности заниматься сексом [15].

Вероятно, в семьях скопцов не все члены подвергались кастрации. Ведь у главного фигуранта дела 1838 г. Е.И. Платицына был племянник, наследник больших дядюшкиных денег и подсудимый на следующем процессе над скопцами. И вообще практика передачи скопческих капиталов представителям следующих поколений была обычной. Все эти рассуждения о продолжении рода у скопцов нужны для показа демографических последствий атмановских переселений. Г.Л. Чудновский отмечал большую людность семей тамбовских переселенцев: у них имелись даже семьи численностью в 25–30 человек, половина семей тамбовцев относилась к группе 6–10 человек [3. С. 87–88]. С другой стороны, известно, что в Атмановом Углу средний размер семьи с 10,4 человек в 1858 г. снизился до 6,1 [1. С. 50]. Эти цифры наводят на мысль, что переехавшие в Сибирь скопцы отказались от изуверской практики ограничения рождаемости, а может быть, представляли ту часть тамбовцев, которая не хотела ей следовать и бежала из-под контроля скопцов.

Применительно к оставшимся на месте жителям Атманова Угла сокращение средних размеров семьи может говорить о продолжении скопческой практики. Но возможно предполагать и то, что переход к ограничению рождаемости мог быть вызван другими, рационалистическими причинами.

В историко-демографической литературе существует мнение о том, что в пореформенные годы количество детей в крестьянских семьях зависело от размеров земельных наделов [16. С. 187]. В Атмановом Углу уже в 1840-е гг. душевой надел сократился до 1 десятины, что, по словам переселенцев на Алтай, было главной причиной их отъезда из родных мест. К тому же первые переселенцы указывали, что на родине стало явно не хватать покосов, а леса настоящего вообще не было, только мелкий дубняк [3. С. 44]. Переселившиеся на Алтай крестьяне передали 200 душевых наделов в распоряжение общества. Поэтому к 1880-м гг. размер надела вырос до 4 десятин [1. С. 50]. Но это не вызвало рост размеров семей в с. Атманов Угол. Нельзя забывать о том, что в середине XIX в. в центральных земледельческих регионах России стоял вопрос не только о недостаточности крестьянской надельной земли, но и о ее качестве. Статистики 1880-х гг. прямо отметили: «В Перкинской волости худшею землею владеют крестьяне села Атманов Угол». При этом отмечалось, что крестьяне села не удобряли свои поля [1. С. 63, 68].

В пореформенные годы продолжали сокращаться животноводческие и лесные угодья. Хотя формально лесные владения села были немалыми по тамбовским меркам (более 2 000 десятин), они фактически не были лесными: «Лесной надел представляет кустарник из березника, дубняка, осинника (сосны нет)». Дерева уже не хватало на отопление. К тому же кустарник использовался для пастьбы скота [1. С. 39].

В таких ресурсных условиях крестьяне села стали переходить к неземледельческим занятиям, которые не требовали большого числа работников и получателей земли. По данным подворной переписи, в Перкинской волости 190 дворов занимались работой пильщиков. Большинство таких дворов находилось в Атмановом Углу и составляло примерно половину дворов села. По данным той же переписи, дневные заработки пильщиков составляли без расходов на питание до двух рублей [1. С. 230]. Если сравнить эти средние доходы с наиболее известными крестьянскими бюджетами центральных земледельческих губерний того времени (Воронежская губерния, 1877–1896), то получается, что максимальные заработки атмановских пильщиков в расчете на среднюю душу семьи из 6 человек почти достигали доходов зажиточной группы воронежских крестьян (немногим более 100 руб. в год) [17. С. 375]. Конечно, пильщики-крестьяне вряд ли работали каждодневно круглый год. С другой стороны, их семьи имели еще и пропитание от сельского хозяйства, которое они полностью не забрасывали.

Очевидно, что при таких заработках у многих жителей села не возникало желания к переселению в дальние края. Тем более у жителей Центральной России существовали разнообразные направления переселения или по меньшей мере отходничества. В этот период сохранялись еще возможности извоза сельскохозяйственной продукции из Тамбовской губернии в Москву и более северные территории. Старинный тракт из Тамбова на Моршанск, далее на Рязань и Москву проходил недалеко от Атманова Угла. О.С. Зарянская выявила конкретные проявления переселения тамбовских крестьян в первые пореформенные годы на жительство в Москву, где они предпочитали «легкую» по сравнению с сельским хозяйством работу в качестве дворников, горничных, кухарок и т.п. [18].

С другой стороны, в 1860–1870-е гг. начался сезонный отход тамбовских крестьян, в том числе и изучаемой нами части Моршанского уезда, на работу углекопами в Донбасс.

Особый вариант миграционного выбора продемонстрировали обстоятельства переселения в алтайское с. Смоленское часть дворохозяев тамбовского с. Вторые Левые Ламки. Первоначально с. Ламское возникло еще в середине XVII в. Затем оно стало делиться, новые названия образовывались от положения к р. Ламочке. По мере развития этих поселений менялась система землевладения. Жители Вторых Левых Ламок и в XIX в. помнили о том, что их предки были служилыми людьми, которые охраняли государственную границу, за что получили землю в вечное пользование.

Владение землей на семейно-наследственном праве называлось «четвертными» (в XVII в. эти земли мерили четвертями). К середине XIX в. такое название сохранялось. Но уже в конце XVIII в. жители еще единых Левых Ламок стали осознавать ограниченность подворного землевладения, невозможность пополнять свои участки при разделе общинного фонда. И, видимо, в период генерального межевания в селе начался переход к общинному землевладению. Часть потомков служилых людей не захотела отказаться от семейной собственности. Они выселились из старого села и образовали Вторые Левые Ламки (его жителей долго звали четвертными).

Однако в середине XIX в. проблемы с четвертным владением землей возникли и в новом селе. Часть дво-

рохозяев села пошла по пути распродажи семейных участков. Земские статистики отметили сокращение земельного фонда села в конце 1850-х – 1870-е гг. с 6 до 3 тыс. десятин [1. С. 42–44]. Распродажу четвертной земли вели наименее обеспеченные дворы, которые предпочли переехать в Томскую губернию. О лучших условиях там они знали от уже переселившихся земляков.

У Г.Л. Чудновского изложение сюжета о тамбовских переселенцах 1870-х гг. в с. Ярки завершается фразой о том, что затем в этом селе стало не хватать покосов, и тамбовские переселенцы направились в другие волости [3. С. 44].

Весьма интересно в этой связи то, что мигранты из с. Атманов Угол теперь переселялись, в частности, в алтайское с. Смоленское, куда в то же время пришла волна мигрантов из Вторых Левых Ламок (несколько десятков километров от Атманова Угла), также государственных крестьян и также связанных со скопчеством.

Мы бы не вернулись к сюжету о скопцах, если бы в очередной раз не возникал вопрос о том, как в XIX в. крестьяне, разделенные тысячами километров, сообщали землякам об изменениях, которые происходили на новых местах жительства. Ответ вроде бы известен: функцию передатчика информации выполняли ходоки. Но они обычно осуществляли связи между конкретными местами выселения и вселения. Непонятно, как ходоки отслеживали вторичные переселения земляков по обширным просторам Сибири.

Известно, что основатель скопчества К. Селиванов, находясь с конца XVIII в. в сибирской ссылке, продолжал поддерживать связи со своими единоверцами [19]. Можно предположить, что и в XIX в. «сетевые связи» внутри секты продолжали работать, и выходцы из скопческих общин сел Атманов Уголо и Вторые Левые Ламки разными путями, но вместе оказались в алтайском с. Смоленское.

Можно также предположить, что связи между жителями одного, по российским меркам совсем небольшого, участка Тамбовской губернии радиусом в несколько десятков километров (всего две волости с высокой плотностью населения) были шире только религиозных связей и, самое главное, исторически глубже. Явно неслучайно внутри этой группы в разных селениях оказалось немало людей с одинаковыми фамилиями, которые пересеклись затем в обоих алтайских селах.

Анализ материалов Центра генеалогических исследований, который содержит данные о нескольких миллионах конкретных носителях фамилий, извлеченных из массовых источников [20], позволил установить, что из 10 фамилий тамбовских переселенцев в алтайские села Ярки и Смоленское, названных Г.Л. Чудновским, почти все упоминаются в массовых источниках XX в. в обоих регионах. Только применительно к фамилии Жогин, упомянутой среди первых трех скопцов, высланных из Атманова Угла в Ярки, мы можем предполагать, так сказать, строгое скопчество и отсутствие потомства. В дальнейшем фамилия не встречается ни в тамбовских, ни в алтайских источниках.

С другой стороны, люди с фамилией Жданов (также из первой тройки скопцов в Ярках) в источниках по Сосновскому району Тамбовской области упоминаются десятки раз, а по Алтайскому краю – сотни раз. При таких многочисленных потомках вряд ли можно говорить о реальном и массовом скопчестве и тамбовских Ждановых, и их сородичей, переселившихся на Алтай.

Примерно то же можно сказать и о представителях фамилии Неверов, которые как минимум десятками исчислялись в источниках по Сосновскому району и в таком же порядке цифр в Алтайском крае.

Известно, что фамилия Жданов была широко распространена в разных регионах России. Но в алтайских документах XX в. есть прямые упоминания о людях с этой фамилией, родившихся в Тамбовской губернии и живших затем на Алтае, в том числе в селах Ярки и Смоленское. Другими словами, часть Ждановых – переселенцев из Атманова Угла и Вторых Левых Ламок в Ярки – могла совершить вторичное переселение в Смоленское или сразу по «подсказке» ярковских родственников и однофамильцев направиться в это второе село.

Факты переселения тамбовцев в оба алтайских села выявились и среди представителей фамилий Неверовых и Ненашевых.

Среди фамилий, упомянутых Чудновским, особый интерес вызывают Платицыны (Плотицыны). В источниках по истории Сосновского района XX в., особенно в самом с. Сосновка, упоминаются десятки Платицыных, однофамильцев или потомков лидеров тамбовских скопцов. При таком немалом потомстве сложно говорить о строгой скопческой практике представителей этого рода. А вот оказавшийся в 1870-е гг. в Ярках Г. Плотицын, может быть, являлся единственным представителем рода на Алтае. Во всяком случае в алтайских источниках XX в. такая фамилия встречается очень редко. Но «перекочевавшие» на Алтай фамилии интересны не только с точки зрения истории распространения скопчества, но и с точки зрения социально-экономических перемен, произошедших с тамбовскими переселенцами на новых местах.

Тамбовские мигранты, переселившиеся в алтайские села Ярки и Смоленское, получили намного большую возможность для занятий привычным им сельским хозяйством, которое в Томской губернии стало высокопродуктивным и товарным.

По данным, собранным Г.Л. Чудновским, у тамбовцев, составивших большинство новых жителей с. Ярки, на двор приходилось посевов более 20 десятин, лошадей – 10,7, рогатого скота – 11,4, овец – 29,7, свиней – 9,2, пчел – 25,6 ульев. У наиболее зажиточных хозяев отдельные показатели были в 2–3 раза выше. С демографической точки зрения важно отметить, что во всех этих хозяйствах семьи были численностью свыше 10 человек [3. С. 46–47]. Ясно, что такие размеры семей были возможности при отсутствии контроля рождаемости.

У оставшихся на родине крестьян Атманова Угла при меньших семьях были меньше и душевые показатели состояния хозяйства. Земли всей удобной на двор – немногим более 10 десятин, лошадей – менее 2, рогатого скота – менее 2 голов, овец – около 6, свиней – около 2, колод пчел (даже не ульев) – 3 [1. С. 50].

Хозяйства переселенцев в с. Смоленское из Вторых Левых Ламок имели средние подворные показатели

несколько ниже, чем в Ярках: 12 десятин посева, около 8 лошадей, около голов 8 рогатого скота, 17 овец, 4 свиньи, 2 улья пчел. В зажиточных хозяйствах тамбовских выходцев в Смоленское (они составляли 40%) такие показатели были многократно выше – до 50 десятин посева, 40 лошадей и т.д. [3. С. 74, 84].

Наиболее интересный эффект переселения части жителей с. Вторые Левые Ламки проявился в том, что оставшиеся на родине дворохозяйства сохранили и, может быть, увеличили свои хозяйственные показатели, в чем-то большие, чем у многих бывших односельчан на Алтае: до 100 десятин земли, более 10 лошадей, до 100 овец, 30 свиней и т.д. [1. С. 44–45].

Более того, у оставшихся на родине хозяйств Вторых Левых Ламок в пореформенные годы резко выросла цена земли, что помимо экономических выгод порождало повышение социального престижа. Понятно, что в таких условиях леволамским крестьянам выгодно было продолжать заниматься сельским хозяйствам на родине (не нужно ехать за тридевять земель!). Три четверти дворов Вторых Левым Ламок в 1880-е гг. имели наемных работников, тем самым повышая свой экономико-демографический потенциал.

«Капиталистическое» мышление стало проявляться и в том, что крестьяне села стали специально оформлять документы на наследственную землю, которой они владели только по обычаю. Отцы, понимая, что нет «прочности» землевладения, стали продавать землю сыновьям и, соответственно, получать купчие документы.

Однако подчеркнем: такое благополучие зажиточных дворохозяйств Вторых Левых Ламок 1880-х гг. было достигнуто вытеснением односельчан в Сибирь. Но и переселенцы также повысили на новом месте свое материальное положение, что невозможно было в стесненных условиях родного края.

Специально отметим, что в области ведения сельского хозяйства тамбовские переселенцы были готовы к новациям. Во всем Моршанском уезде Тамбовской губернии крестьяне до 1880-х гг. продолжали преимущественно сеять озимую рожь. Пшеницы не было даже в яровых посевах [1. С. 77]. На Алтае бывшие тамбовские крестьяне стали засевать пшеницей более половины посевного клина. Они стали потреблять громадное по тамбовским меркам количество собственного пшеничного хлеба (более 30 пудов на душу в год). Помимо этого, зажиточные хозяйства переселенцев с. Смоленского (полагаем, и с. Ярки) в среднем за год продавали пшеницы на сумму до 200 рублей [3. С. 94]. Конечно, это намного меньше потенциальных заработков оставшихся на родине пильщиков. Но у переселенцев на Алтай явно лучше оказалось самообеспечение и, скажем так, самоудовлетворение как земледельцев. Другими словами, с точки зрения традиционного социально-демографического поведения выбор переселенцев был вполне удачным. Их землякам, оставшимся на родине, приходилось напряженно искать новые возможности для дальнейшего развития, уходить от крестьянского образа жизни.

Разнообразие миграционного выбора отдельных групп населения изученных населенных пунктов в XIX в. в определенной мере предопределило особенности их демографических стратегий в XX в. В алтайских селах Ярки и Смоленское во конце XIX – начале XX в. численность населения за счет мигрантов (в том числе и тамбовских) выросла в разы. Миграционный приток в самом конце XIX в. сыграл какую-то роль и в росте населения тамбовского села Вторые Левые Ламки, рядом с которым в 1890-е гг. строилась железнодорожная ветка, требовавшая немалого числа работников, и возникла железнодорожная станция, давшая местному населению сравнительно близкий по российским меркам выход через ЮВЖД на Москву (менее 10 часов).

В специальном исследовании демографических процессов в тамбовской деревне в 1920–1930-е гг. автор этих строк вместе с коллегами показал, что Вторые Левые Ламки, которые в этот период стали районным центром, были эталонным поселением демографического типа, развивавшимся и благодаря положительному естественному приросту, и благодаря миграционному притоку из окрестных населенных пунктов [21]. Благодаря сохранению статуса райцентра, соответственно, немалому числу молодежи и положительному естественному приросту, а также типичному для Тамбовской области конца 1940-х – 1950-х гг. самоограничению крестьянами миграции село к 1959 г. восстановило свою предвоенную численность [22]. Однако утрата статуса райцентра в последующие десятилетия привела к сокращению численности жителей (в 2010 г. – в 2 с лишним раза в сравнении с максимумом 1939 г.). Однако и сейчас Вторые Левые Ламки остаются крупным по людности селом (людность почти втрое больше среднеобластной), а самое главное – число жителей в селе превышает показатель 1880-х гг., после первой волны миграции в Сибирь. Упрощенно говоря, в исторической перспективе оставшиеся на родине местные крестьяне «не проиграли».

Село Атманов Угол в XX в. развивалось явно менее успешно: достигло пикового числа жителей в 1917 г. и впоследствии их только теряло (за 100 лет население уменьшилось почти в 4 раза). Несмотря на все перипетии, Атаманов Угол в начале XXI в. остался крупным по местным меркам селом (более 800 чел.). Но, самое главное, он сохранил своеобразие, традиции, которые придают селу устойчивость. Верность неземледельческим занятиям, «не отходя от дома», проявляется в деятельности предприятия «Атманов кирпич», а сохранение исторической памяти о народной «забаве» кулачных боев сделало село центром ежегодных традиционных игр всероссийского масштаба «Атмановские кулачки».

Видимо, подобную демографическую судьбу пережило в XX в. и алтайское село Ярки (ныне Новоярки). С 1926 г. по настоящее время население села сократилось в 4 раза, что, как и в Атмановском Углу, было следствием и сокращения естественного прироста, и, вероятно, в большей мере миграционного оттока. Мы не знаем, в какой мере на демографическом развитии села сказались особенности его религиозного состава. Может быть, именно к нему относились слова Г.Л. Чудновского, который обратил внимание на то,

что вселяться в некоторые села и волости 1880-х гг. было трудно из-за проживания там староверов и сектантов, которые не пускали новоселов [3. С. 131]. Можно предполагать и то, что на падении миграционной привлекательности сказалось упомянутое Чудновским сокращение животноводческих угодий в селе.

Анализ судеб алтайских крестьян с тамбовскими фамилиями показал, что десятки и сотни из них в 1930-е гг. были раскулачены и выселены. Получился некий исторический парадокс: приобретенная в результате миграции на Алтай в дореволюционный период зажиточность бывших тамбовских крестьян в советском обществе стала основанием для репрессий и раскрестьянивания.

На дальнейшем сокращении населения алтайских, как и всех российских сел, сказались трагические последствия Великой Отечественной войны. Но вот алтайское с. Смоленское к 1970-м гг. смогло не только восстановить свою численность, но и за 20 последующих лет превысить уровень начала XX в. Изучение демографического развития крупных сел земледельческих регионов Центральной России, главным образом районных центров, в послевоенные десятилетия показывает, что рост их населения происходил благодаря и естественному, и миграционному приросту. Во-первых, это происходило благодаря усиленной государственной поддержке сельских административных центров. Во-вторых, благоприятным фактором в этих поселениях было сохранение привлекательных для молодежи рабочих мест и объектов социально-культурной сферы. В-третьих, именно в такие поселения происходил и происходит миграционный отток из городов некоторых сельских уроженцев [23]. Все эти факторы действовали и в алтайском с. Смоленское.

Новоярки, являющиеся центром только сельского совета, в послевоенные десятилетия теряли свою численность, но все-таки остаются в настоящее время сравнительно крупным по алтайским масштабам селом (более 1 000 человек, в 1,5 раза выше среднекраевой численности).

В итоге можно заключить, что и переселившиеся в Томскую губернию, и оставшиеся на родине группы крестьян сумели сохранить свои родные и новые поселения. По современным меркам это крупные сельские населенные пункты. Поэтому можно сказать, что давний миграционный выбор, с одной стороны, и отказ от такового – с другой, оказались в исторической перспективе удачными.

Список источников

1. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбовм: Губернская земская тип., 1882. Т. 3: Моршанский уезд. 522 с.
2. Сведения о переселениях крестьян Тамбовской губернии в другие губернии и области с 1869 по 1881 г. [Б. м., 188–?]. 31 с.
3. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае : статистико-экономический очерк. Иркутск : Тип. газеты «Восточное обозрение», 1889. 154 с. (Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, по отделению статистики; т. 1, вып. 1).
4. Владимиров В.Н., Канищев В.В. Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX – начала XX в. (Тамбовская губерния – Алтайский округ)»: первые итоги реализации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2002. № 30. С. 193–195.
5. Владимиров В.Н., Канищев В.В., Лазарева О.В., Силина И.Г., Токарев Н.В. Источники изучения переселения крестьян Тамбовской губернии в Алтайский округ во второй половине XIX – начале XX вв. (микроисторический уровень) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. науч. ст. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. Вып. 4. С. 47–63.
6. Владимиров В.Н., Канищев В.В., Силина И.Г. Итоги реализации проекта «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX – начала XX вв. (Тамбовская губерния – Алтайский округ)» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2004. № 32. С. 176–177.
7. Канищев В.В. Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880-е – 1910-е гг. (поселенный и волостной уровни) // Российское крестьянство в XIX–XX вв. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. С. 80–102.
8. Канищев В.В., Жиров Н.А. Эвристические возможности изучения миграционных процессов в российском аграрном обществе XVII – первой четверти XX веков на микроуровне) // Демографическая история России и регионов. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2018. С. 4–18.
9. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 8 (100). С. 340–345.
10. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов : Юлис, 1993. 786 с.
11. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1973. 256 с.
12. Мелехов А.С., Рожкова Т.Р. «Дело моршанских скопцов» 1869 года // Наука и образование: научный рецензируемый электронный журнал. 2019. Т. 2, № 4. URL: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1141/1140
13. Озорнов И.А., Федосеева Н.Л., Левин О.Ю. Моршанск православный. Тамбов : Пролетарский светоч, 2010. 328 с.
14. Рожков Г.А., Капранова Д.А. «Ново знамя нам явилось...». Сектантство Моршанского уезда Тамбовской губернии // Наука и образование: научный рецензируемый электронный журнал. 2019. Т. 2, № 2. URL: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/862/862
15. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем директора медицинского департамента Евгения Пеликана. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1872. Часть вторая (судебно-медицинская). 58 с.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб. : Кондратий Булавин, 1999. Т. 1. 548 с.
17. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 439 с.
18. Зарянская О.С. Миграция тамбовских крестьян по данным паспортных книг г. Москвы // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 145–149.
19. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. : ОГИ, 2004. 541 с.
20. Центр генеалогических исследований. URL: https://rosgenea.ru
21. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фрактальное моделирование демографических процессов в тамбовской деревне 1926–1939 гг. // Fractal Simulation. 2012. Вып. 1 (3). С. 33–60.
22. Жуков Д.С., Канищев В.В. «Если бы не было войны»: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930–1950-х гг. (по материалам Тамбовской области) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2019. № 3. С. 118–136.
23. Жиров Н.А. Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в 1959–2010 гг. на районном уровне // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 183. С. 244–251.

References

1. Tambov Province Zemstvo. (1882) *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy guberni* [Collection of statistical information on Tambov province]. Vol. 3. Tambov: Gubernskaya Zemskaya tipografiya.
2. Tambov Treasury Chamber. (188–?) *Svedeniya o pereseleniyakh krest'yan Tambovskoy gubernii v drugie gubernii i oblasti s 1869 po 1881 g.* [Information on the resettlement of peasants of Tambov province to other provinces and regions from 1869 to 1881]. [s.l.: s.n].
3. Chudnovskiy, S.L. (1889) *Pereselencheskoe delo na Altae: statistiko-ekonomicheskiy ocherk* [Migration case in Altai: A statistical and economic essay]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
4. Vladimirov, V.N. & Kanishchev, V.V. (2002) Proekt “Mikromigratsionnye protsessy v Rossiyskoy Evrazii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (Tam-bovskaya guberniya – Altayskiy okrug)”: pervye itogi realizatsii [Project “Micromigration processes in Russian Eurasia in the second half of the 19th – early 20th centuries. (Tambov Province – Altai Okrug)”: First Results of Implementation]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter.”* 30. pp. 193–195.
5. Vladimirov, V.N., Kanishchev, V.V., Lazareva, O.V., Silina, I.G. & Tokarev, N.V. (2002) Istochniki izucheniya pereseleniya krest'yan Tambovskoy gubernii v Altayskiy okrug vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (mikroistoricheskiy uroven') [Sources for studying the migration of peasants from Tambov Province to Altai Okrug in the second half of the 19th – early 20th centuries (the microhistorical level)]. In: *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Tambov Peasantry: From Capitalism to Socialism (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Vol. 4. Tambov: TSU. pp. 47–63.
6. Vladimirov, V.N., Kanishchev, V.V. & Silina, I.G. (2004) Itogi realizatsii proekta “Mikromigratsionnye protsessy v Rossiyskoy Evrazii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. (Tambovskaya guberniya – Altayskiy okrug)” [Results of the implementation of the project “Micromigration processes in Russian Eurasia in the second half of the 19th – early 20th centuries (Tambov province – Altai district)”]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”.* 32. pp. 176–177.
7. Kanishchev, V.V. (2004) Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya pereseleniya tambovskikh krest'yan na Altay v 1880-e – 1910-e gg. (poselennyy i volostnoy urovni) [Demographic and socio-economic consequences of migration of Tambov peasants to the Altai in the 1880s – 1910s (the settlement and volost levels)]. In: *Rossiyskoe krest'yanstvo v XIX–XX vv.* [Russian peasantry in the 19th – 20th centuries]. Tambov: TSU. pp. 80–102.
8. Kanishchev, V.V. & Zhirov, N.A. (2018) Evristicheskie vozmozhnosti izucheniya migratsionnykh protsessov v rossiyskom agrarnom obshchestve XVII – pervoy chetverti XX vekov na mikrourovne) [Heuristic possibilities for studying migration processes in the Russian agrarian society of the 17th – first quarter of the 20th centuries at the micro level)]. In: Zherebtsov, I.l. (ed.) *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov* [Demographic History of Russia and Regions]. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 4–18.
9. Dyachkov, V.L. & Kanishchev, V.V. (2011) Correlation of forced and voluntary migration of rural population of Tambov region in 1920–1990s. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki.* 8(100). pp. 340–345. (In Russian).
10. Dubasov, I.I. (1993) *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays on the History of Tambov Region]. Tambov: Yulis.
11. Klibanov, A.I. (1973) *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Religious Sectarianism in the Past and Present]. Moscow: Nauka.
12. Melekhov, A.S. & Rozhkova, T.R. (2019) "The case of the Morshansky eunuchs” of 1869. *Nauka i obrazovanie*. 2(4). (In Russian). [Online] Available from: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1141/1140
13. Ozornov, I.A., Fedoseeva, N.L. & Levin, O.Yu. (2010) *Morshansk pravoslavnyy* [The Orthodox Morshansk]. Tambov: Proletarskiy svetoch.
14. Rozhkov, G.A. & Kapranova, D.A. (2019) “Novo znamya nam yavilos'...”. Sektantstvo Morshanskogo uezda Tambovskoy gubernii [“The new banner appeared to us... .” Sectarianism of the Morshansky uezd of Tambov province]. *Nauka i obrazovanie.* 2(2). [Online] Available from: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/862/862
15. Pelikan, E. (1872) *Sudebno-meditsinskie issledovaniya skopchestva i istoricheskie svedeniya o nem direktora meditsinskogo departamenta Evgeniya Pelikana* [Forensic medical research of the skopchestvo and historical information about it]. St. Peterburg: V.I. Golovin.
16. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii* [Social History of Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Kondratiy Bulavin.
17. Kovalchenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow: Nauka.
18. Zaryanskaya, O.S. (2007) Migratsiya tambovskikh krest'yan po dannym pasportnykh knig g. Moskvy [Migration of Tambov peasants according to the data of passport books of Moscow. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki.* 2. pp. 145–149. (In Russian).
19. Panchenko, A.A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skopchestvo: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. Moscow: OGI.
20. The Center for Genealogical Research. Official website. [Online] Available from: https://rosgenea.ru
21. Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V. & Lyamin, S.K. (2012) Fraktal'noe modelirovanie demograficheskikh protsessov v tambovskoy derevne 1926–1939 gg. [Fractal simulation of demographic processes in a Tambov village of 1926–1939]. *Fractal Simulation*. 1(3). pp. 33–60.
22. Zhukov, D.S. & Kanishchev, V.V. (2019) “If there was no war”: modeling the demographic processes in Russian agrarian society in the 1930s – 1950s (on the Tambov region material). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya.* 3. pp. 118–136. (In Russian). DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-118-136
23. Zhirov, N.A. (2019) Strategies for the demographic behavior of the rural population of South-Central Russia in 1959–2010 at the district level. *Vestnik Tambovskogo universiteta: seriya gumanitarnye nauki.* 24(183). pp. 244–251. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201 -2019-24-183-244-251

***Сведения об авторе*:**
Канищев Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: valcan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kanishchev Valery V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General and Russian History of Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation). E-mail: valcan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 03.09.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/89/4

Численность и тенденции развития населения Дагестана в 90-е годы XX в. – 2010 г.

Мирзабек Яхьяевич Мирзабеков

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия, yash831@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-демографическому анализу численности и тенденциям развития населения многонационального региона страны в 90-е годы XX в. – 2010 г. Показано, что Дагестан оставался одним из немногих регионов, где наблюдался рост численности как городского, так и сельского населения. Охарактеризован половозрастной состав городского и сельского населения республики. Обращено внимание на анализ национального состава населения региона. Прослежены изменения в зональном расселении населения.
Ключевые слова: демографические процессы, население, многонациональный регион, рождаемость, половозрастной состав населения

Для цитирования: Мирзабеков М.Я. Численность и тенденции развития населения Дагестана в 90-е годы XX в. – 2010 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 30–39. doi: 10.17223/19988613/89/4

Original article

Number and trends of the development of the population of Dagestan in the 90s of the 20th century – 2010

Mirzabek Ya. Mirzabekov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation, yash831@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and demographic analysis of the number and development trends of the population of the multinational region of the country in the 1990s – 2010s. It is shown that the demographic processes in the republic were negatively affected by the collapse in the standard of living of the bulk of the republic's population during the liberal market reforms in the new conditions. Dagestan remained one of the few regions of the country in which there was an increase in the number of both urban and rural populations. At the same time, there was a stable tendency to the predominance of the rural population in its total number, which was due to the predominance of the agrarian sector in the economy of the mountainous region, as well as inclination of the bulk of the population to the traditional rural way of life.

The patterns and regional features of the formation and further development of urban and rural population in the republic are traced. It was noted that in the region there were 10 cities of republican subordination, the largest of which was the administrative, industrial and cultural center of the Republic of Dagestan - Makhachkala. The overall growth of the urban population in the multinational region as a whole and in the context of individual cities (except for the city of Yuzhno-Suhokumsk) continued.

The author, using the materials of the population censuses of 1989, 2002, 2010, and other reliable statistical data, analyzed the sources of positive changes in the population, the predominant of which was the natural increase. The age and sex composition of the urban and rural population of the republic is characterized, among which the children and people of working age prevailed, which created favorable opportunities for the development of the branches of material production and the socio-cultural sphere. However, in the conditions of economic difficulties in the analyzed decades, they remained not fully realized, which caused an increase in the outflow of people of working age to other regions of the country in search of work. The same was associated with the need to increase attention to the development of socio-cultural infrastructure in the region, primarily in the Dagestani village. The document focuses on the analysis of the national composition of the region's population, showing the growth of the total number of all Dagestani peoples during the decade under review, although the growth rates of some of them have varied.The changes in the zonal settlement of the population, the increase in its inflow into the flat areas of the republic were traced, which was accompanied by an increase in the overpopulation of the population by the aggravation of the problem of employing young people in the branches of the economy.
Keywords: demographic processes, population, multinational region, fertility, sex and age composition of the population

© М.Я. Мирзабеков, 2024

For citation: Mirzabekov, M.Ya. (2024) Number and trends of the development of the population of Dagestan in the 90s of the 20th century – 2010. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 30–39. doi: 10.17223/19988613/89/4

Развал СССР, последующее изменение государственного и общественного строя нового Российского государства, курс на осуществление либеральных рыночных реформ в начале 1990-х гг. оказали существенное влияние на развитие демографических процессов в многонациональной стране.

Дагестан в силу ряда факторов по уровню оплаты труда и жизненному уровню населения оказался в числе самых неблагополучных регионов страны. Республика в 1990-е г. занимала последнее место в России практически по всем экономическим и социальным индикаторам, которые в абсолютном выражении на душу населения были в 2–3 раза ниже среднероссийских [1].

Обвальное падение жизненного уровня основной массы населения республики в новых условиях негативно сказалось на демографическом развитии многонациональной республики. Тем не менее Дагестан оставался в числе немногих регионов страны, где сохранялась положительная динамика развития народонаселения: в 1990-е гг. здесь продолжался рост общей численности городского и сельского населения. За десятилетие по городу он составил 230,0 тыс. чел. (27,9%), а по селу – 380,7 тыс. чел. (36,2%) [2. С. 11].

В начале 90-х гг. истекшего столетия на карте Дагестана появился десятый город – Дагестанские огни. Указом Президиума Верховного Совета ДАССР от 4 марта 1991 г. рабочий поселок Дагестанские огни был отнесен к категории городов республиканского (АССР) подчинения с сохранением прежнего наименования – Дагестанские огни [3. С. 124].

В отмеченное десятилетие продолжалось увеличение численности населения и в разрезе отдельных городов республики (за исключением Южносухокумска) (табл. 1).

Однако темп прироста населения в них, за исключением Махачкалы (прирост составил 46,9%), снизился. Уменьшение численности населения в Южносухокумске объяснялось тем, что многие его жители стремились переехать в столицу и в другие относительно крупные города или переселялись на постоянное жительство в перспективные сельские населенные пункты.

Развитие урбанизационных процессов в 1990-е гг. в республике нашло отражение и в изменении в группировке численности городов (табл. 2).

Таким образом, в 1990-е гг. в республике наблюдался переток населения в города с большей численностью населения. В 2002 г. в Дагестане имелся 1 город с численностью населения менее 10 тыс. человек. Число городов с населением 10–49,9 тыс. осталось неизменным – 4, а с населением 100–499,9 тыс. человек увеличилось до 3.

Таблица 1

Численность населения городов Дагестана по итогам переписей 1989 и 2002 гг. (тыс. человек) [4. С. 8, 9]

Города	1989 г.	2002 г.
Махачкала	314,7	462,4
Буйнакск	56,7	61,4
Дагестанские огни	–	26,3
Дербент	77,9	101,0
Избербаш	29,2	41,0
Каспийск	60,0	77,7
Кизилюрт	40,3	45,6
Кизляр	41,6	51,0
Хасавюрт	70,1	121,8
Южносухокумск	12,2	9,8

Таблица 2

Группировка городов Дагестана по числу жителей по итогам переписей населения 1989 и 2002 гг. [1. Т. 8. С. 8, 9]

Города	Число городских поселений	
	1989 г.	2002 г.
	9	10
Из них с числом жителей, тыс. человек – до 3	–	–
3–4,9	–	–
5–9,9	–	1
10–49,9	4	4
50–99,9	4	2
100–499,9	1	3
500–999,0	–	–
1 млн и более	–	–

Снижение темпов урбанизации в многонациональном регионе в 1990-е гг. привело к уменьшению доли городского населения в общей его численности. Этот процесс во многом был связан с тяжелейшим экономическим кризисом, разразившимся в стране и республике в этот период и оттоком из Дагестана русского населения, которое в основной массе проживало в городах. В 1992 г. доля городского населения в об-

щей его численности в Дагестане составила 44,1%. В последующие годы она начала снижаться и достигла минимума в 2001 г. – 42,4% [2. С. 11].

В конце 1990-х гг. наметились обнадеживающие сдвиги в развитии отраслей индустрии региона. Правительством была разработана, Государственным Советом Республики Дагестан одобрена, Народным Собранием РД принята «Программа экономического и социального развития Республики Дагестан на период до 2010 года».

Властные структуры Дагестана при целенаправленной помощи и поддержке федерального центра развернули большую работу по развитию отраслей экономики, в том числе и промышленности. По предварительным данным объем промышленного производства в 2005 г. составил 13,9 млрд рублей и превысил уровень 2004 г. на 35,5%. Весомый вклад в общий успех внесли предприятия машиностроения. Производство оборонной и гражданской продукции увеличилось в 3,2 раза, химической – 1,74 раза, текстильной и швейной – в 1,3 раза [5. С. 646]. Одновременно наметилось оздоровление общественно-политической ситуации в республике. Активная целенаправленная работа правоохранительных органов привела к резкому снижению преступности, прежде всего в городах.

Эти и другие благоприятные изменения в дагестанских городах позитивно сказались на их демографическом развитии. С 2002 г. наметилась и все более усиливалась тенденция к увеличению доли городского населения в общей его численности. На 1 января 2010 г. доля городского населения в республике составила 44,8%, что на 2,4% больше по сравнению с 2001 г. [2. С. 11].

Несмотря на эти благоприятные изменения, Дагестан к концу анализируемого периода оставался одним из немногих субъектов страны, в котором доля городского населения продолжала уступать сельскому. Это было следствием того, что многонациональный регион оставался преимущественно ориентированным на производство сельскохозяйственной продукции с зональной специализацией – растениеводческой продукции в равнинной и животноводческой в предгорной и горных зонах.

Однако в силу существенного падения жизненного уровня сельского населения, снижения рождаемости и, как следствие, уменьшения естественного прироста в первое десятилетие XXI в. темпы увеличения численности населения в абсолютных показателях за многие десятилетия в дагестанском селе оказались ниже, чем в городе. Так, с 2001 по 2010 г. (данные на 1 января) численность сельского населения республики возросла на 152,1 тыс. человек (10,6%), а в городе – на 220,7 тыс. человек (21,8%) [2. С. 11] (табл. 3).

Таким образом, за 1989–2010 гг. население республики увеличилось на 1 108,0 тыс. человек, в том числе городского – на 536,6, сельского – на 571,4 тыс. человек.

Таблица 3

Численность населения Республики Дагестан в 1989, 2002, 2010 гг. (по итогам переписей населения) [4. С. 27]

Годы	Численность населения, тыс. человек	В том числе, тыс. чел.		Доля в общей численности населения, %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1989	1 802,2	779,3	1 022,9	43,2	56,8
2002	2 576,5	1 102,6	1 473,9	42,8	57,2
2010	2 910,2	1 315,9	1 594,3	45,2	54,8

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Республики Дагестан было учтено 2 910,2 тыс. человек, в том числе городских жителей – 1 315,9 тыс. человек, сельских – 1 594,3. В республике проживал 31% всего населения Северо-Кавказского федерального округа и 2,0% населения Российской Федерации. По численности населения Дагестан занимал первое место среди регионов Северо-Кавказского федерального округа и 13-е место в России.

Населенность республики росла постоянно. По сравнению с первой переписью (1897) число жителей Дагестана (в современных границах) выросло в 4,1 раза. Причем если за первые 30 лет – от переписи 1897 г. до переписи 1926 г. – лишь на 5,2% (отдельные народности – аварцы, даргинцы, ногайцы и др. – практически вымирали, детская смертность превышала 35%), то за 1926–1959 гг. – на 43%, за 1959–1989 гг. – на 68%, за 1989–2002 гг. – на 43%. За период после Всероссийской переписи населения 2002 г. численность населения республики увеличилась на 333,7 тыс. человек (13,0%), в том числе городского – на 231,3 тыс. человек (19,3%), и сельского – на 120,4 (8,2%) [4. С. 9].

Анализируемый период характеризовался существенными позитивными изменениями и в этническом составе населения республики. В 2010 г. в Российской Федерации насчитывалось 22 наиболее многочисленных национальности, численность которых превышала 400 тыс. человек. В 2002 г. таких национальностей было 23. В их число входили чеченцы, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и лезгины.

При рассмотрении национального состава населения следует иметь в виду, что на численность отдельных национальностей могло повлиять то, что население имело право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности. В связи с этим при переписи населения 2010 г. в Дагестане у 18,4 тыс. человек (в 2002 г. – 0,2 тыс. человек) отсутствуют сведения о национальной принадлежности, включая лиц, по которым сведения были получены из административных источников. В том числе почти у 14 тыс. человек (0,5% всего переписанного населения республики) в переписном листе национальность не указана, 3 897 человек (0,13%) отказались от ответа и 559 человек не заполнили строку «национальность». При переписи 2002 г. свою национальную принадлежность не указали лишь 151 человек [4. С. 18, 19].

На территории Республики Дагестан переписью 2010 г. были зафиксированы представители 117 нацио-

нальностей и этнических групп (при переписи 2002 г. – 121). За межпереписной период в республике появились такие национальности, как австрийцы, албанцы, афганцы, булгары, долганы, кистины, колумбийцы, крымские татары, манси, нигерийцы, сербы, талыши, тюрки, французы, эфиопы, японцы. Вместе с тем в последней переписи отсутствовали багулалы, американцы, бесермяне, вепсы, водь, караимы, тувинцы, удины, ительмены, нагайбаки, нанайцы, пуштуны, селькупы, эскимосы, юкагиры, якуты, отмеченные переписью 2002 г. [4. С. 18, 19]

В 2010 г. число этносов, численность которых составляла от 1 до 500 человек, равнялось 86, от 500 до 1 000 человек – 8, от 1 000 до 10 000 человек – 15. У восьми национальностей республики (аварцы, даргинцы, азербайджанцы, кумыки, лакцы, лезгины, русские, табасаранцы) численность населения превышала 100 тыс. человек, как и при переписи 2002 г. В 1989 г. таких национальностей было пять. Остальные нации и народности насчитывали от единиц до нескольких сотен человек (табл. 4) [4. С. 18, 19].

Таблица 4

Изменение национального состава Дагестана по итогам переписей населения 1989, 2002, 2010 г. [4. С. 20]

Национальности	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население, тыс. человек	1 802,2	2 576,5	2 910,2
В том числе, % к итогу			
аварцы	27,5	29,4	29,4
агулы	0,76	0,90	1,0
азербайджанцы	4,2	4,33	4,5
даргинцы	15,6	16,5	17,0
евреи*	1,44	0,13	0,08
кумыки	12,9	14,2	14,9
лакцы	5,09	5,4	5,6
лезгины	11,3	13,1	13,3
ногайцы	1,57	1,48	1,4
русские	9,2	4,69	3,6
рутульцы	0,83	0,94	1,0
табасараны	4,3	4,28	4,1
цахуры	0,29	0,32	0,3
чеченцы	3,2	3,41	3,2

* Таты, горские евреи и евреи.

Таблица 5

Владение языками основных наций и народностей, проживавших в Дагестане, по итогам переписи населения 2010 г. [4. С. 21, 22]

	Человек	% к итогу	Наименование языков	Численность лиц, владеющих соответствующим языком	% владеющих соответствующим языком от общей численности населения
Аварцы	650 011	29,21	Аварский	677 935	23,29
Андийцы	11 448	0,39	Андийский	5 397	0,19
Арчинцы	6	0,0002	Арчинский	966	0,03
Ахвахцы	7 923	0,27	Ахвахский	184	0,01
Багулалы	–	–	Багвалинский (багулальский)	1 440	0,05
Бежтинцы	5 956	0,20	Бежтинский	6 038	0,21
Ботлихцы	3 508	0,12	Ботлихский	183	0,01
Гинухцы	439	0,02	Гинухский	1	0,00
Годоберинцы	426	0,01	Годоберинский	121	0,00
Гунзибцы	918	0,03	Гунзибский	1 011	0,03
Дидойцы	11 623	0,40	Цезский (дидойский)	12 357	0,42
Каратинцы	4761	0,16	Каратинский	228	0,01
Тиндалы	634	0,02	Тиндальский	2 145	0,07
Хваршины	526	0,02	Хваршинский	1 733	0,06
Чамалалы	16	0,001	Чамалинский	495	0,02
Агулы	28 054	0,96	Агульский	25 664	0,88
Азербайджанцы	130 919	4,5	Азербайджанский	133 511	4,59
Даргинцы	490 384	16,85	Даргинский	418 303	14,37
Кумыки	431 736	14,84	Кумыкский	375 581	12,91
Лакцы	161 276	5,54	Лакский	138 222	4,75
Лезгины	385 240	13,24	Лезгинский	357 185	12,27
Ногайцы	40 407	1,39	Ногайский	37 476	1,29
Русские	104 020	3,57	Русский	2 633 950	90,51
Рутульцы	27 849	0,96	Рутульский	25 947	0,89
Табасараны	118 848	4,08	Табасаранский	111 309	3,82
Таты, евреи горские	652	0,02	Татский	1 249	0,04
Цахуры	9 771	0,34	Цахурский	8 965	0,31
Чеченцы	93 658	3,22	Чеченский	64 679	2,22

Таким образом, в 1989–2010 гг. продолжался численный рост дагестанских народов. Доля аварцев по итогам двух последних переписей населения осталась неизменной. Это во многом являлось результатом того, что часть представителей народностей аварской группы, ранее записанных аварцами, указали свою народность.

Важным показателем этнодемографического развития является владение родным и другими языками. По итогам переписи населения 2010 г. на владение русским языком указали 2 634 тыс. человек (90,5% из числа ответивших на вопрос о владении русским языком). В 2002 г. таковых было 83,1%. Среди горожан владели русским языком 95,7%, а среди сельского населения – 86,2% [4. С. 21].

Анализ данных табл. 5 показывает, что подавляющее большинство дагестанцев владели родным языком. Среди иностранных языков наиболее распространенным являлся английский, им владели 47 тыс. человек, или 1,6% населения республики, немецким соответственно 8,7 тыс. и 0,3%, арабским – 5,1 тыс. человек, французским 3,2 тыс., турецким 1,3 тыс. человек и т.д. [4. С. 21, 22]

Из общей численности ответивших владели только русским языком 469 тыс. человек, или 16% населения. Одним языком (кроме русского) владели 1 909 тыс. человек, или 65%, двумя языками (включая русский) – 2 042 тыс. человек, или 70,2% населения, двумя языками (кроме русского) – 4,2 тыс. человек, тремя языками (включая русский) – 114 тыс., четырьмя языками (включая русский) – 9,4 тыс., пятью языками (включая русский) – 17 человек [4. С. 23].

В 2010 г. общее число городов и поселков городского типа по сравнению с 2002 г. не изменилось и составило 29, в том числе 10 городов и 19 поселков городского типа. Из 10 городов республики 3 города были с численностью населения более 100 тыс. человек и 1 город с численностью населения более 500 тыс. человек. В число городов с численностью населения свыше 100 тыс. жителей вошли Хасавюрт (131,2 тыс.), Дербент (119,2 тыс.) и Каспийск (100,1 тыс.). За период после проведения переписи населения 2002 г. количество городов со 100-тысячным населением увеличилось за счет Каспийска.

Наиболее высокий прирост населения наблюдался в столице республики Махачкале, а также в городах Дербенте, Избербаше, Каспийске и Хасавюрте. В Махачкале с подчиненными административными единицами численность населения по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. составила 696,9 тыс. человек. По сравнению с предыдущей переписью число жителей столицы Дагестана увеличилась на 151,6 тыс. человек, или 27,8%. В Махачкале проживало 23,9% всего населения республики (21,2% по данным переписи 2002 г.) и 53% городского населения региона (49,5% по данным переписи 2002 г.).

Большая часть населения поселков городского типа (63%) приходилась на населенные пункты с численностью до 10 тыс. человек. В среднем в одном таком поселке проживали 5,2 тыс. человек [4. С. 11, 12].

Как было отмечено выше, в 1990-е гг. основной прирост населения в регионе приходился на дагестанское село, причем основную роль в увеличении сельского населения республики по-прежнему играл естественный прирост. Однако на него негативно повлияло ухудшение материального благосостояния основной массы семей региона в ходе осуществления либеральных рыночных реформ.

В республике, в том числе и в сельской местности, многие детские учреждения были закрыты. Действующие в регионе детские учреждения (примерно 620 на 71 тыс. мест) обеспечивали потребность населения на уровне, в 2,5 раза уступающем среднему по России (в расчете на детей – в 3,75 раза), работали с недопустимой перегрузкой, а их сеть постоянно сокращалась из-за высокой стоимости содержания и возможностей более выгодного коммерческого использования зданий детских садов (только за 1992 г. было закрыто более 40 детских садов). Аналогичная ситуация сложилась с детскими внешкольными учреждениями. В 1992 г. количество лагерей для летнего отдыха детей по сравнению с 1991 г. сократилось на 40%, а численность отдыхающих в них – на 50%, количество санаторных лагерей уменьшилось в 5 раз [6. С. 45, 46].

Указанные и другие примеры и факты крайне отрицательно влияли на рождаемость в дагестанском селе. Хотя в 1994 и 1995 гг. по сравнению с предыдущими годами наблюдалось определенное повышение уровня рождаемости, в целом за 1990-е гг. тенденция к снижению рождаемости в сельской местности республики приобрела устойчивый характер. В 2000 г. в дагестанском селе родились 25 218 детей, что на 4 333 человека меньше по сравнению с 1990 г. [2. С. 40]. Крайне неприятным фактом стало повышение смертности в сельской местности региона. Так, показатель смертности с 6 979 в 1990 г. поднялся до 10 199 случаев в 2000 г. [2. С. 40]. Это было следствием резкого ухудшения материального благосостояния многих сельских семей, дороговизны лекарств, продуктов питания и т.д. Уровень общей смертности был наиболее высок в группе высокогорных районов, где определенную роль играли вопросы доступности медицинской помощи населению. Высокая преждевременная смертность фиксировалась в Хивском, Левашинском, Лакском, Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Тарумовском, Цунтинском районах. Смертность мужского населения была значительно выше, чем женского. Среди умерших в 1998 г. 53% составляли мужчины, 47% – женщины. В структуре заболеваемости взрослого населения превалировали болезни системы кровообращения, органов дыхания, заболевания сердечно-сосудистой системы, болезни органов пищеварения и т.д. [6. С. 56, 57].

Говоря о воспроизводстве сельского населения региона, следует отметить, что усилиями медицинских работников удалось снизить смертность среди детей в возрасте до 1 года. В 1990 г. таких случаев в сельской местности республики было 651, а к 2000 г. этот показатель снизился до 490 [2. С. 40]. Однако в 1990-е гг. детская смертность в Дагестане оставалась по-прежнему высокой. В 1996 г. в республике она составляла 23,4 человек на 1 000 родившихся, а в России – 19,9. Две трети младенцев погибали в перинатальный период (от 28 дней беременности, включая

роды и первые семь дней жизни ребенка) и от врожденных аномалий.

В 1998 г. более 30% умерших новорожденных первого года жизни скончались от состояний, возникших в перинатальный период и от врожденных аномалий, что, несомненно, было связано с выхаживанием глубоко недоношенных детей, летальность которых в 20 раз выше, чем доношенных, 27,5% умерших детей от 1 года заболели инфекционными и паразитарными болезнями, а 23,7% умерли от болезней органов дыхания. Высокая смертность детей, особенно от кишечных инфекций – до 8%, на протяжении многих лет являлась одной из основных причин в структуре детской и прежде всего младенческой смертности. По данным Министерства здравоохранения Республики Дагестан, по сумме острые кишечные инфекции возросли на 33% [6. С. 60, 61]

Несмотря на эти и другие негативные факторы, рождаемость в сельской местности региона на протяжении 1990-х гг. продолжала превышать смертность, что, несмотря на снижение показателей прироста, обеспечивало естественный прирост населения на селе. В 1990 г. естественный прирост в дагестанском селе составил 22 572 человека, а в 2000 г. – 15 019 человек [2. С. 40].

Ситуация с рождаемостью в дагестанском селе постепенно начала меняться в лучшую сторону с начала 2000-х гг. Одной из причин, позитивно повлиявших на стабилизацию рождаемости, здесь стала выплата так называемого «материнского капитала» женщинам, родившим и воспитывающим двух и более детей. С 2007 г. тенденция к повышению рождаемости в сельской местности республики приобрела устойчивый характер. Так, если в 2007 г. здесь родились 28 704 детей, то в 2010 г. – уже 32 392 [2. С. 40].

Однако смертность в дагестанском селе и в эти годы оставалась достаточно высокой, хотя смертность детей, умерших в возрасте до 1 года, снизилась. В 2010 г. в сельской местности региона умерли 10 386 человек, в том числе 348 детей в возрасте до 1 года [2. С. 40]. Значительную долю умерших в дагестанском селе составляли мужчины трудоспособного возраста.

Причинами ухудшения здоровья населения оставалась эпидемиологическая ситуация по артериальной гипертензии как результат воздействия комплекса крайне неблагоприятных социальных факторов, являющихся источником стрессовых напряжений и факторами риска: падения жизненного уровня большей части населения, психологической неуверенности в завтрашнем дне, снижения у большинства населения возможностей организации активного отдыха [7. С. 109].

Высокая смертность негативно сказывалась на естественном приросте населения в дагестанском селе. В 2010 г. здесь он составил 22 006 человек, что на 6 258 человек больше по сравнению с 2001 г. [2. С. 40]

Негативно на общей численности и половозрастном составе населения дагестанского села сказывался усилившийся в 2000-е гг. отток в города республики и другие регионы страны на постоянное жительство или сезонные заработки. В 2001–2002 гг. миграционный прирост в сельской местности республики составил 12 520 человек. В последующем отток населения из дагестанского села, хотя по годам колебался, оставался значительным. За 2003–2010 гг. механическая убыль из сельской местности региона составила 36,4 тыс. человек [2. С. 14].

В 1990-е гг. в связи с усилением притока населения в дагестанские города из сельской местности республики и других регионов страны существенно возросла роль миграционного прироста в увеличении общей численности городского населения региона. За 1991–2000 гг. общий прирост городского населения в Дагестане составил 230,0 тыс. человек, в том числе 157,2 тыс. человек – миграционный прирост [2. С. 13].

В 2000-е гг. значение миграционного прироста городского населения в республике продолжало усиливаться. В этот период он превратился в основной канал увеличения городского населения в регионе. За 2001–2010 гг. из общего прироста в 262,9 тыс. городского населения в Дагестане миграционный прирост составил 161,9 тыс. человек [2. С. 39]. Основной миграционный поток оседал в столице республики Махачкале. Это ставило весьма сложные и ответственные задачи перед городскими и республиканскими властными структурами по созданию новых рабочих мест, решению обостряющихся социально-бытовых и культурных проблем, усилению политико-воспитательной и правовой работы и т.д.

Естественный прирост, игравший определяющую роль в приросте городского населения в регионе в предшествующие несколько десятилетий, в начале 1990-х гг. продолжал в значительной мере определять увеличение общей численности населения дагестанского города. Так, в 1990 г. рождаемость в городах республики составила 18 658 человек, в 1991 г. – 17 769 человек, в 1992 г. – 16 330 человек [2. С. 39].

Либеральные рыночные реформы крайне отрицательно сказались на отраслях материального производства, в том числе промышленности многонационального региона. В республике падение промышленного производства привело к массовой безработице, что отрицательно отразилось и на уровне рождаемости в городах. В 1990-е гг. рождаемость в городах региона уменьшилась на 5 647 человек и составила в 2000 г. 1 301 человека [2. С. 39].

За этот период в городах республики, как и в сельской местности, смертность выросла и составила в 2000 г. 5 909 человек, тогда как в 1990 г. она равнялась 450 [2. С. 39]. При этом показатель смертности в дагестанском городе был существенно ниже, чем на селе. Это во многом было следствием лучшей обеспеченности горожан медицинской помощью, в том числе специализированной. Процент удовлетворения городских детей в республике дошкольными и внешкольными учреждениями был значительно выше по сравнению с селом.

Сказанное позитивно влияло и на снижение детской смертности в городах. В 2000 г. показатель смертности среди детей в возрасте до 1 года (на 1 000 населения) в городах республики составил 16,9, тогда как в 1990 г. – 18,0 [2. С. 39]. В начале 2000-х гг. наметилась тенденция к увеличению рождаемости в городах

республики, однако рост был незначительным. Ощутимый прирост рождаемости здесь, как и в сельской местности, начался в 2007 г. За 2007–2010 гг. рождаемость в дагестанском городе увеличилась на 2 899 и в 2010 г. составила 19 665 человек [2. С. 40]. Смертность в дагестанском городе и в эти годы оставалась высокой. В 2000 г. здесь умерли 6 627 человек, в том числе 392 детей в возрасте до 1 года. Эти показатели были выше аналогичных показателей за предыдущие годы. Тем не менее естественный прирост подрос и в 2010 г. составил 13 038 человек, что на 5 599 человек больше, чем в 2001 г. (табл. 6) [2. С. 39].

Таблица 6

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения в городах республики за 1990–2010 гг. [2. С. 40]

Годы	Всего человек				На 1 000 населения			
	Родившихся	Умерших	Из них умерших в возрасте до 1 года	Естественный прирост	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Число умерших в возрасте до 1 года на 1 000 родившихся живыми
1990	18 658	4 503	337	14 155	23,1	5,6	17,5	18,0
1991	17 769	4 946	370	12 823	21,2	5,9	15,3	20,7
1992	16 330	5 260	323	11 070	18,9	6,1	12,8	19,7
1993	14 079	5 831	278	8 248	16,2	6,7	9,5	19,2
1994	14 902	5 971	218	8 931	16,3	6,5	9,8	14,8
1995	15 016	6 031	237	8 985	15,7	6,3	9,4	15,8
1996	13 975	5 985	218	7 990	14,3	6,1	8,2	15,4
1997	13 268	5 909	190	7 359	13,2	5,9	7,3	14,2
1998	13 544	5 963	258	7 581	13,3	5,8	7,5	18,2
1999	12 672	6 091	269	6 581	12,2	5,9	6,3	20,9
2000	13 011	5 909	219	7 102	12,4	5,6	6,8	16,9
2001	13 301	5 862	269	7 439	12,5	5,5	7,0	20,3
2002	14 719	5 955	315	8 764	13,5	5,4	8,1	21,7
2003	14 680	5 942	244	8 738	13,1	5,3	7,8	16,6
2004	15 004	5 879	327	9 125	13,1	5,1	8,0	21,8
2005	14 839	5 976	279	8 863	12,7	5,1	7,6	18,8
2006	14 993	6 177	327	8 816	12,6	5,2	7,4	21,8
2007	16 766	5 757	332	11 009	13,7	4,7	9,0	20,0
2008	18 526	6 118	362	12 408	14,8	4,9	9,9	19,8
2009	19 052	6 271	385	12 781	15,0	4,9	10,1	20,3
2010	19 665	6 627	392	13 038	15,1	5,1	10,0	20,0

Таблица 7

Изменение соотношения мужчин и женщин в Российской Федерации и Республике Дагестан по итогам переписи населения 1989, 2002, 2010 гг. [4. С. 13]

Регионы и территории	Число женщин на 1 000 мужчин		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	1 140	1 132	1 163
Дагестан	1 120	1 074	1 078
в том числе: городское население	1 093	1 081	1 102
сельское население	1 140	1 069	1 058

Таким образом, за два десятилетия темпы прироста городского населения в республике немного снизились. В абсолютных цифрах для городов региона был характерен ежегодный естественный прирост населения, который оказывал значительное влияние на увеличение общей численности городских жителей. В расчете на 1 000 населения естественный прирост, снизившийся в 1990-е – начале 2000-х гг., с 2007 г. начал расти и в 2010 г. составил 10,0 человек.

Изменения в естественном приросте и развитие миграционных процессов отражались на половозрастной структуре населения региона.

Диспропорция, характерная для половой структуры населения Дагестана в 1980-х гг., в 1990-е гг. начала постепенно сглаживаться. Так, в 1991 г. доля мужчин в общей численности населения республики составляла 47,2%, в 1992 г. – 47,3%, в 1993 г. – 47,4%, в 1994 г. – 47,5%. В 2000 г. доля мужчин в общей численности населения региона возросла до 48,2% [2. С. 26]. Хотя тенденция к увеличению доли мужчин в общей численности населения Республики Дагестан сохранялась и в последующие годы, женщины продолжали преобладать.

По данным переписи населения 2010 г. сохранялось превышение численности женщин над мужчинами. По сравнению с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. в республике отмечалось уменьшение доли мужского населения в общей численности населения с 48,2% до 48,1%. Если в 2002 г. число женщин превышала число мужчин на 91,7 тыс. человек, то в 2010 г. разница составила 109,1 тыс. человек. По данным переписи 2010 г. на 1 000 мужчин приходилось 1 078 женщин против 1 074 по переписи 2002 г. (1 163 по Российской Федерации; табл. 7).

Число мужчин в 2010 г. по сравнению с 2002 г. в регионе увеличилось на 158 128 человек, или на 12,7%, а женщин – на 175 590, или на 13,2%. По данным переписи 2010 г. преобладание численности женщин над численностью мужчин отмечалось с 18-летнего возраста (в 2002 г. – с 21-летнего возраста).

Женщин преобладали во всех городах и районах республики. Наибольший удельный вес женщин отме-

чался в Кизляре (54,3% от общего числа жителей), Избербаше (54,3%), Кизилюрте (53,1%), Южносухокумске (53%), в Чародинском (52,5%), Кулинском (52,3%), Кизилюртовском (52,2%), Казбековском (52,1%), Левашинском (52,1%), Ногайском (52,1%), Тарумовском (52,1%), Унцукульском (52,1%), Шамильском (52,0%) районах [4. С. 14]. В целом за счет более высокой рождаемости сглаживание диспропорции половой структуры населения в 1990–2000-е гг. в Дагестане шло активнее, чем в целом по России.

Сокращение рождаемости в регионе в 1990-е гг. и последующее ее увеличение в 2000-е гг. сказалось не только на общей численности населения многонационального региона, но и на изменении соотношения различных половозрастных групп (табл. 8), структуре и использовании трудовых ресурсов, разработке и осуществлении мер социальной поддержки различных групп населения, состоянии брачности и разводов среди мужчин и женщин. Существенное влияние на эти процессы оказывала и миграция населения.

Таблица 8

Распределение населения Дагестана по полу и возрасту по итогам переписей населения 2002, 2010 гг. (человек) [2. С. 20]

	2002 г.			2010 г.		
	Все население	Мужчины	Женщины	Все население	Мужчины	Женщины
Все население	2 576 531	1 242 437	1 334 094	2 910 249	1 400 565	1 509 684
в том числе в возрасте, лет:						
до 1	40 764	20 543	20 221	48 826	25 148	23 678
1	38 939	19 901	19 038	51 731	26 203	25 528
2	42 324	21 643	20 681	54 999	27 691	27 308
3	45 144	23 067	22 077	50 339	25 655	24 684
4	45 910	23 209	22 701	47 788	24 229	23 559
5–9	238 537	121 097	117 440	235 097	119 118	115 979
10–14	282 796	142 686	140 110	245 364	124 842	120 522
15–19	301 466	151 250	150 216	277 690	136 326	141 364
20–24	245 168	118 843	126 325	315 208	149 031	166 177
25–29	200 905	96 888	104 017	254 782	122 790	131 992
30–34	194 969	94 153	100 816	216 427	105 262	111 165
35–39	190 493	90 844	99 649	198 068	95 189	102 879
40–44	184 431	88 683	95 748	198 075	95 521	102 554
45–49	127 560	60 720	66 840	193 831	92 527	101 304
50–54	93 594	43 901	49 693	160 682	76 715	83 967
55–59	45 815	20 599	25 216	105 470	48 839	56 631
60–64	72 856	31 798	41 058	71 034	31 993	39 041
65–69	72 570	31 084	41 486	41 095	17 541	23 554
70–74	59 459	25 117	34 342	64 372	26 229	38 143
75–79	28 541	10 649	17 892	43 064	17 377	25 687
80–84	13 725	3 597	10 128	25 274	9 444	15 830
85 и более	10 490	2 138	8 352	11 024	2 891	8 133
Возраст не указан	75	27	48	9	4	5
Все население по основным возрастным группам 0–15	792 339	401 364	390 975	787 581	399 676	387 905
Мужчины 16–59 и женщины 16-54	1 501 260	736 663	764 597	1 810 165	895 410	914 755
Мужчины 60 и более и женщины 55 и более	282 857	104 383	178 474	312 494	105 475	207 019

Анализ данных табл. 8 показывает, что Дагестан оставался одним из немногих регионов страны, в котором общая численность населения продолжала увеличиваться. За 1989–2002 гг. она возросла на 774 343 человека, а за 2002–2010 гг. – на 333 708 человек. Хотя женщины продолжали преобладать, шел процесс сглаживания различий в половой структуре населения региона. По итогам переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. мужчины в возрастной категории от 0 до 14 лет в регионе продолжали преобладать. В последующих возрастных категориях женщин становится больше, а в возрасте 60 лет и старше они уже доминируют.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., как и в целом по Российской Федерации, в Дагестане отмечался процесс демографического старения населения. По сравнению с переписью 2002 г. средний возраст населения республики увеличился на 1,5 года и составил 30,6 года в целом по республике. У мужчин средний возраст был ниже на 1,8 года и составил 29,7 года, а у женщин средний возраст превышал среднереспубликанский показатель на 1,3 года и равнялся 31,5 года [1. С. 15].

В процессах, протекавших в половозрастной структуре городского и сельского населения республики, в 1990–2000-х гг. сохранялись, как и ранее, определенные различия.

Данные табл. 9 показывают, что по итогам переписей 2002 и 2010 гг. в дагестанском городе доля мужчин в общей численности населения с 48,1% в 2002 г. снизилась до 47,6% в 2010 г. В сельской же местности, в отличие от предыдущих переписей, доля мужчин по итогам последних двух переписей (2002 и 2010 гг.) немного выросла и соответственно составляла 48,3 и 48,6%

По итогам переписи 2002 г. мужчины в городе, как и ранее, преобладали до 15–19-летнего возраста вклю-

чительно. В 2010 г. преобладание мужчин здесь наблюдалось до 10–14 лет. В сельской же местности республики проявлялась иная тенденция. В 2002 г. мужчины в дагестанском селе преобладали до 10–14-летнего возраста, а в 2010 г. это преобладание проявлялось до 15–19 лет.

Таблица 9

Распределение населения Дагестана по полу и возрасту по итогам переписей населения 2002, 2010 гг. в разрезе город–село (человек) [8. С. 22, 25]

Возраст в годах	Городское население						Сельское население					
	2002 г.			2010 г.			2002 г.			2010 г.		
	Все население	Мужчины	Женщины	Все население	Мужчины	Женщины	Все население	Мужчины	Женщины	Все население	Мужчины	Женщины
Все население	1 102 577	529 889	572 688	1 315 882	625 924	689 958	1 473 954	712 548	761 406	1 594 367	774 641	819 726
в том числе в возрасте, лет:												
до 1	15 400	7 796	7 604	19 209	9 785	9 424	25 364	12 747	12 617	29 617	15 363	14 254
1	14 198	7 243	6 955	20 751	10 406	10 345	24 741	12 658	12 083	30 980	15 797	15 183
2	15 889	8 146	7 743	22 509	11 216	11 293	26 435	13 497	12 938	32 490	16 475	16 015
3	17 120	8 724	8 396	21 357	10 767	10 590	28 024	14 343	13 681	28 982	14 888	14 094
4	16 962	8 438	8 524	20 575	10 369	10 206	28 948	14 771	14 177	27 213	13 860	13 353
5–9	87 074	43 792	43 282	99 932	50 496	49 436	151 463	77 305	74 158	135 165	68 622	66 543
10–14	109 258	54 721	54 537	102 990	51 943	51 047	173 538	87 965	85 573	142 374	72 899	69 475
15–19	151 657	76 982	74 675	128 533	60 858	67 675	149 809	74 268	75 541	149 157	75 468	73 689
20–24	121 425	59 134	62 291	154 499	70 450	84 049	123 743	59 709	64 034	160 709	78 581	82 128
25–29	87 079	41 246	45 833	122 956	58 688	64 268	113 826	55 642	58 184	131 826	64 102	67 724
30–34	82 024	38 982	43 042	103 570	50 232	53 338	112 945	55 171	57 774	112 857	55 030	57 827
35–39	79 057	36 460	42 597	913 25	43 232	48 093	111 436	54 384	57 052	106 743	51 957	54 786
40–44	81 437	38 649	42 788	878 16	41 454	46 362	102 994	50 034	52 960	110 259	54 067	56 192
45–49	60 039	28 230	31 809	864 22	40 574	45 848	67 521	32 490	35 031	107 409	51 953	55 456
50–54	46 363	21 831	24 532	74 776	35 544	39 232	47 231	22 070	25 161	859 06	41 171	44 735
55–59	22 702	10 277	12 425	50 649	23 558	27 091	23 113	10 322	12 791	54 821	25 281	29 540
60–64	31 520	14 085	17 435	35 801	16 474	19 327	41 336	17 713	23 623	35 233	15 519	19 714
65–69	25 435	11 073	14 362	20 174	8 715	11 459	47 135	20 011	27 124	20 921	8 826	12 095
70–74	19 925	8 312	11 613	26 260	11 180	15 080	39 534	16 805	22 729	38 112	15 049	23 063
75–79	10 266	3 611	6 655	14 042	5 843	8 199	18 275	7 038	11 237	29 022	11 534	17 488
80–84	4 692	1 369	3 323	8 202	3 077	5 125	9 033	2 228	6 805	17 072	6 367	10 705
85 и более	3 024	777	2 247	3 532	1 061	2 471	7 466	1 361	6 105	7 492	1 830	5 662
возраст не указан	31	11	20	2	2	–	44	16	28	7	2	5
Все население 0–15	299 788	150 948	148 840	329 625	165 902	163 723	492 551	250 416	242 135	457 956	233 774	224 182
Мужчины 16–59 женщины 16–54	695 471	339 703	355 768	851 153	413 670	437 483	805 789	396 960	408 829	959 012	481 740	477 272
Мужчины 60 и более женщины 55 и более	107 287	39 227	68 060	135 102	46 350	88 752	175 570	65 156	110 414	177 392	59 125	118 267

Уменьшение рождаемости в регионе в 1990–2010-е гг. привело к дальнейшему сокращению доли детей в возрасте 0–15 лет в общей численности населения и в городе, и на селе. Так, в 2010 г. доля детей в возрасте 0–15 лет в общей численности населения в дагестанском городе составила 25,1%, тогда как в 2002 г. – 27,8%. В сельской местности республики эти цифры соответственно равнялись 28,7% и 33,4%.

Доля лиц трудоспособного возраста продолжала расти и среди городского, и среди сельского населения региона. При этом доля этой категории населения в городе была выше. В 2002 г. доля лиц трудоспособного возраста в общей численности населения в дагестанском городе составляла 61,3%, а в 2010 г. – 64,7%. В сельской местности этот показатель с 54,7% вырос до 60,2%. Следует отметить, что между переписями 2002 и 2010 гг. наблюдалось увеличение доли мужчин в общей численности населения трудоспособного возраста в городе и на селе. Однако эти показатели уступали аналогичным показателям переписей 1979 и 1989 гг.

Численность населения в возрасте 55–60 лет и старше продолжала увеличиваться в городах и сельской местности региона. Доля этой категории в общей численности городского населения с 9,7% в 2002 г. выросла до 10,3% в 2010 г. В дагестанском же селе она снизилась и соответственно равнялась 11,9 и 11,1% [1. С. 15]

Изменение возрастной структуры оказало положительное влияние на показатель демографической нагрузки трудоспособного населения детьми (0–15 лет) и людьми пожилого возраста (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше). По данным переписи населения 2010 г. на 1 000 человек трудоспособного возраста приходилось 608 лиц нетрудоспособного возраста (при переписи 2002 г. – 716). 1990–2010-е годы

характеризовались дальнейшим увеличением общей численности населения республики.

Таким образом, Дагестан оставался одним из немногих регионов страны, в котором и городское, и сельское население продолжало увеличиваться. В анализируемые десятилетия естественный прирост продолжал играть определяющую роль в воспроизводстве населения. Наблюдались определенные изменения в половозрастной и этнодемографической ситуации в городах и сельской местности республики.

Список источников

1. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 8 т. Махачкала, 2005. Т. 8. 147 с.
2. Демографический ежегодник. 2013 год : стат. сб. Махачкала, 2014. 237 с.
3. Историко-архивный справочник административно-территориального деления Дагестана за 1920–2000 гг. / сост. М.И. Лагутина и др. Махачкала : Пресс-Маркет, 2008. 431 с.
4. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан : стат. сб. Махачкала, 2012. 45 с.
5. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала : Тип. ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
6. Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. М. : Наука, 2007. 328 с.
7. Алиева В.Ф. Население Дагестана на рубеже веков. Махачкала : Юпитер, 1999. 231 с.
8. Демографический ежегодник. 2001 год : стат. сб. Махачкала, 2002. 192 с.

References

1. The State Statistics of Russia. (2005) *Osnovnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.* [The main results of the 2002 All-Russian Population Census]. Vol. 8. Makhachkala: [s.n.].
2. The State Statistics of Russia. (2014) *Demograficheskiy ezhegodnik. 2013 god* [Demographic Yearbook. 2013]. Makhachkala: [s.n.].
3. Lagutina, M.I. et al. (2008) *Istoriko-arkhivnyy spravochnik administrativno-territorial'nogo deleniya Dagestana za 1920–2000 gg.* [Historical and archival reference book of the administrative-territorial division of Dagestan for 1920–2000]. Makhachkala: Press-Market.
4. The State Statistics of Russia. (2012) *O nekotorykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda v Respublike Dagestan* [On some results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Dagestan]. Makhachkala: [s.n.].
5. Abdulaeva, M.I. et al. (2009) *Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiey* [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia]. Makhachkala: RAS.
6. Alieva, V.F. (2007) *Demograficheskie protsessy v sovremennom Dagestane* [Demographic Processes in Modern Dagestan]. Moscow: Nauka.
7. Alieva, V.F. (1999) *Naselenie Dagestana na rubezhe vekov* [Population of Dagestan at the Turn of the Century]. Makhachkala: Yupiter.
8. The State Statistics of Russia. (2002) *Demograficheskiy ezhegodnik. 2001 god* [Demographic Yearbook. 2001]. Makhachkala: [s.n.].

***Сведения об авторе*:**
Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала, Россия). E-mail: yash831@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mirzabekov Mirzabek Ya. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: yash831@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2018; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 11.02.2018; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 329.63
doi: 10.17223/19988613/89/5

Причины дезертирства законодателей в современной России (на примере партии «Единая Россия»)

Руслан Салихович Мухаметов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, muhametov.ru@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску причин и мотивов дезертирства парламентариев из «партии власти». На примере голосования по так называемой пенсионной реформе 2018 г. исследуются три подхода к объяснению нарушения партийной дисциплины. Много внимания уделено эмпирическому анализу и статистическим расчетам. В исследовании рассматривается генезис «партии власти». Показано, что причина дезертирства законодателей обусловлена несоответствием между партийной линией и идеологическими взглядами части депутатов партии «Единая Россия», а также принадлежностью к другой группе интересов.
Ключевые слова: парламент, партийное дезертирство, «Единая Россия», «партия власти»

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Причины дезертирства законодателей в современной России (на примере партии «Единая Россия») // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 40–46. doi: 10.17223/19988613/89/5

Original article

Voting in Parliament and defection of legislators (on the example of the United Russia party)

Ruslan S. Mukhametov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg Russian Federation, muhametov.ru@mail.ru

Abstract. In September 2018, deputies of the State Duma of the Russian Federation voted to raise the retirement age. At the same time, some parliamentarians from «United Russia», violating party discipline, did not support the so-called pension reform in one form or another. The purpose of this article is to obtain an empirically based answer to the research question: why did some deputies from the «United Russia» faction support raising the retirement age, while others did not? What is the reason for the defection of «United Russia» legislators? The relevance of the topic is due to the fact that «United Russia» is the main political resource of the Russian president, the «party of power» or the hegemonic party. The conceptual basis of the study was the concept of defection by legislators. The author defined this term as the deviation of parliamentarians from the line / decision of the party during the vote on the bill. Based on a number of theoretical approaches explaining the occurrence of defection by the legislature, the author formulated several working hypotheses: (1) older parliamentarians are more likely to desert than their younger counterparts; (2) «ordinary» deputies are more likely to violate party discipline and desert than «status» parliamentarians; (3) legislators elected in single-mandate constituencies are more likely to violate party discipline and desert than list deputies. The statistical method of data analysis was binary logistic regression. Three regression models were constructed in the article to explain the defection by parliamentarians when voting for raising the retirement age. Statistical calculations showed that none of the three working hypotheses found their empirical confirmation. To find an unaccounted factor, the author turned to the study of the genesis of the Russian «party of power». It is shown that «United Russia» was created by combining several political organizations – political movement «The Unity», electoral bloc «The Fatherland – All Russia», etc. After considering the specifics of the origins of the party, the author came to the conclusion that the party included members with different political views in its ranks. Much attention is paid to the existence of ideological clubs and platforms within the party. The article says that the decision taken by the party leadership to support the so-called “pension reform – 2018” did not correspond to the political attitudes of some of the deputies from «United Russia».
Keywords: parliament, party desertion, “United Russia”, “party of power”

For citation: Mukhametov, R.S. (2024) Voting in Parliament and defection of legislators (on the example of the United Russia party). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 40–46. doi: 10.17223/19988613/89/5

© Р.С. Мухаметов, 2024

Введение

В начале осени 2018 г. депутаты Государственной Думы большинством голосов поддержали постепенное (до 2028 г.) повышение пенсионного возраста с 55 до 60 лет для женщин и с 60 до 65 для мужчин. За такое решение проголосовали 326 депутатов (72,5%), против – 59 (13,1%). Законопроект был преимущественно одобрен силами депутатов от «Единой России». За пенсионную реформу проголосовали 324 депутата-единоросса при одном воздержавшемся (15 депутатов не голосовали) [1]. В связи с этим возникает вопрос: почему одни депутаты из фракции «Единой России» поддержали повышение возраста выхода на пенсию, а другие – нет? Чем обусловлено дезертирство законодателей-единороссов? Цель настоящего исследования состоит в получении эмпирически обоснованного ответа.

Актуальность темы обусловлена тем, что в сентябре 2018 г., когда было голосование по законопроекту во втором (основном) чтении, мы наблюдали дезертирство парламентариев, которые относились к политической партии, которая называет себя «главным политическим ресурсом президента» [2], а журналисты и политологи именуют ее «партией власти» [3. С. 86]. Академические исследователи отмечают, что в России сложилась партийная система с гегемонистской партией, т.е. система, в которой одна политическая партия остается в должности непрерывно в (полу)авторитарных условиях при проведении многопартийных выборов [4. P. 11]. Такую партийную систему следует отличать от того, что Т. Пемпель назвал «необычными демократиями», т.е. режимами, которые управляются одной политической партией в течение длительных периодов времени, но в демократических условиях (например, Либерально-демократическая партия в Японии или Индийский национальный конгресс в Индии) [5]. Дж. Сартори предложил называть такие партийные системы системами с преобладающими партиями, а также отличать их от режимов с гегемонистскими партиями. Он считает, что партия-гегемон допускает существование других партий только в качестве «сателлитов» и не допускает ни формальной, ни фактической конкуренции за власть. Другим партиям разрешается существовать, но как партиям второго сорта, имеющим лицензию, поскольку им не разрешается конкурировать с гегемонистской партией на равной основе [6. P. 204–205]. Как подчеркивают исследователи, «Единая Россия» – это партия, которая играет ведущую роль в определении доступа к большинству политических постов и политических назначений, использует привилегированный доступ к бюджету / государственным ресурсам для поощрения лояльности [7]. В этих условиях изучение причин нарушения депутатами дисциплины партии-гегемона представляет особый интерес. Таким образом, в данной статье мы исследуем детерминанты дезертирства парламентариев из «партии власти».

Необходимо отметить, что в последнее время было предпринято несколько попыток проанализировать причины дезертирства элит из партии «Единая Россия» (О. Рейтер, Дж. Ганди, Д. Саконьи). Исследователи пришли к мнению, что плохие экономические показатели побуждают элиты отходить от партии-гегемона и бросать вызов режиму на выборах [8]. Кроме того, дезертирству элит способствуют, во-первых, непопулярность властей, которые не могут помочь кандидатам выиграть выборы, во-вторых, ограничение доступа элит к финансовым благам; в-третьих, неопределенность в отношении будущего предоставления трофеев [9]. Данное исследование продолжает это теоретическое направление и вносит вклад, сосредотачиваясь на индивидуальных характеристиках представителей партийной элиты.

Структура статьи выглядит следующим образом. Первая часть посвящена теоретическому осмыслению феномена партийного дезертирства, а также выделению факторов, при которых происходит нарушение партийной дисциплины. Во второй части описываются источники, методы сбора и анализа данных. В третьем разделе представлены результаты эмпирического анализа и происходит их обсуждение. Наконец, в заключении подводятся итоги работы, излагаются основные выводы.

Аналитическая рамка исследования и рабочие гипотезы

Прежде чем выделить факторы / причины, которые способствуют дезертирству парламентариев, нужно определиться с самим понятием дезертирства (defection by legislators). Оно означает, что член парламента изменил партии, по спискам которой он был избран, и присоединился к другой партии [10. P. 110]. Иными словами, это переход законодателей из одной политической партии в другую. Термин, который чаще используется для обозначения этого процесса, – «пересечение этажа / зала» (crossing the floor / crossing the carpet), что означает перейти на другую сторону, т.е. покинуть одну политическую партию и присоединиться к другой. Этот термин вошел в общее употребление в странах с вестминстерской системой управления [11. P. 160–162]. Другим синонимом является понятие «смена партии» (party switching). Под ним понимается любое зарегистрированное изменение партийной принадлежности со стороны политика, занимающего выборную должность или претендующего на нее [12. P. 910]. В настоящей статье дезертирство законодателей определяется как отступление парламентариев от линии / решения партии во время голосования по законопроекту, что является частным случаем нарушения дисциплины партии, во фракцию которой входят законодатели.

Можно выделить несколько теоретических подходов, объясняющих возникновение дезертирства среди членов парламента / палаты законодательного органа. Во-первых, возраст парламентария. Дж. Шлезингер предполагает, что политические амбиции должны ослабевать с возрастом. Пожилые политики с большей вероятностью достигли своих целей, поэтому завоевание должности, продвижение по карьерной лестнице или переизбрание становятся менее насущными по мере приближения выхода на пенсию [13]. В этих условиях они в большей степени автономны и самостоятельны в принятии решении о том, как голосовать по тому или иному законопроекту. Кроме того, более возрастным политикам, для которых, например, ны-

нешний срок полномочий является последним, не так страшны санкции за нарушения партийной дисциплины (в частности, не выдвижение партией на следующих выборах). Исходя из этого, можно предположить, что такие политики могут руководствоваться при голосовании уже не личными, материальными интересами, а общественными.

Во-вторых, фактор, связанный со статусом депутата. Парламентарии, которые нарушили партийную дисциплину, по идее, должны быть наказаны партийным руководством. Самой жесткой санкцией является отказ от поддержки на следующих выборах, а в период исполнения депутатских полномочий – освобождение от должности, например, председателя какого-нибудь комитета или комиссии. Другими словами, депутат, который дезертировал, может лишиться более высокого формального статуса. В этом случае от законодателей, которые входят в руководство палаты парламента, фракции и т.д., стоит ожидать «командной работы». В то же время «обычные» депутаты обладают большей свободой в своем выборе, так как терять им меньше.

Наконец, влияние избирательной системы. Законодатели, избранные по мажоритарной системе (от одномандатных округов) и стремящиеся к переизбранию на новый срок, должны сохранять доверие своих избирателей. В этих условиях депутаты, зависящие непосредственно от электората, должны с меньшей вероятностью поддерживать законопроекты, которые «раздражают» их избирателей, и в большей степени дезертировать. Законодатели, избранные исключительно на основе партийной принадлежности (по партийным спискам), зависят не от избирателей, а от партийного руководства. Это обусловлено тем, что попадание человека в список кандидатов – решение менеджмента конкретной политической партии. Исходя из этого, мы ожидаем, что законодатели, попавшие в парламент по партийным спискам, должны голосовать в большей степени в соответствии с партийной линией, чем депутаты-одномандатники.

Исходя из всего вышесказанного, можем сформулировать следующие рабочие гипотезы исследования:

1. Более возрастные парламентарии в большей степени дезертируют, чем их более молодые коллеги.

2. «Обычные» депутаты с большей вероятностью нарушат партийную дисциплину и дезертируют, чем «статусные» парламентарии.

3. Законодатели, избранные в одномандатных округах, с большей вероятностью нарушат партийную дисциплину и дезертируют, чем депутаты-списочники.

Описание данных, методов и переменных

После того как мы рассмотрели аналитическую рамку и сформулировали ряд рабочих гипотез, пришла очередь описать дизайн исследования. Настоящая статья представляет собой количественное исследование, или, как выразился Ч. Рагин, «сравнительное исследование, ориентированное на переменные» [14. P. 53–55]. Основным методом исследования является логистическая регрессия, т.е. статистический метод, используемый для прогнозирования взаимосвязи между предикторами (независимыми переменными) и прогнозируемой переменной (зависимой переменной), где последняя является двоичной.

Зависимая переменная в данном исследовании связана с так называемой пенсионной реформой 2018 г. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, абсолютное большинство граждан выступало против этой реформы [15]. Во-вторых, повышение пенсионного возраста резко подкосило рейтинги российской власти и снизило оценки работы президента и правительства [16]. В нашем случае если депутат проголосовал за повышение пенсионного возраста, то переменная получает значение 0; если парламентарий проголосовал против, воздержался или не явился на пленарное заседание, когда было голосование во втором чтении, переменная получает значение 1 (переменная «Голос»). Поименное голосование по законопроекту представлено в сети Интернет. В качестве независимых переменных выступили:

– «Возраст» – переменная, указывающая на количество полных лет депутата на год голосования;

– «Статус» – бинарная переменная, указывающая на тип статуса депутата Госдумы: «1» – председатель думского комитета или комиссии, руководитель фракции, «0» – все остальные;

– «Выборы» – бинарная переменная, указывающая на вид избирательной системы, по которой были избраны депутаты в 2016 г.: «1» – мажоритарная система относительного большинства (одномандатные округа), «0» – пропорциональная система (партийный список).

Таблица 1

Описательная статистика по переменным

Переменные	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Голос	0,45714	0	0	1	0,50543
Возраст	54,629	55	33	75	10,944
Статус	0,17143	0	0	1	0,38239
Выборы	0,65714	1	0	1	0,48159

Источником данных по независимым переменным был официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Общая выборка составила 340 депутатов из партии «Единая Россия». Анализ статистических данных был выполнении в программе Gretl. Описательная статистика по переменным представлена в табл. 1.

Результаты эмпирического анализа и их обсуждение

В данном разделе статьи в табл. 2 мы представляем три регрессионные модели, которые сконструированы для объяснения дезертирства парламентариев при голосовании за повышение пенсионного возраста.

Таблица 2

Результаты бинарной логистической регрессии (n = 340)

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t	P-значение
Возраст	0,0141444	0,0377758	0,3744	0,7081
Статус	3,33087	1,50994	2,206	0,0274
Выборы	1,94891	1,13877	1,711	0,0870
const	−2,82092	2,36927	−1,191	0,2338

Примечание. R-квадрат – 0,17.

Статистические расчеты, отраженные в табл. 2, показывают, что ни одна из трех рабочих гипотез не нашла своего эмпирического подтверждения. В то же время видно, что у переменной «Статус» p-значение равно 0,0274, что ниже принятого в статистике порога в 0,05. Это говорит о том, что данная регрессионная модель значима. Однако коэффициент у переменной «Статус», равный 3,33087, со знаком плюс. Это означает, что данная независимая переменная оказывает положительное влияние на зависимую переменную. Другими словами, «статусные» парламентарии с большей вероятностью нарушат партийную дисциплину и дезертируют, чем «обычные» депутаты. Важно подчеркнуть, что коэффициент детерминации (R-квадрат), показывающий степень точного описания моделью процесса, равный 0,17, говорит, что данная модель описывает только 17% случаев.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что существуют другие факторы, которые оказывают воздействие на принятие решения депутатами-единороссами. Как нам представляется, одно из объяснений лежит в области идеологии и программы партии. Известно, что «Единая Россия» была создана в 2001 г. путем слияния избирательного блока «Отечество – Вся Россия» и движения «Единство». В 2006 г. произошло вхождение Российской объединенной промышленной партии в состав «партии власти». В 2008 г. в ряды «Единой России» влилась Аграрная партия. Как отмечают исследователи, «партия власти» была создана Кремлем в первую очередь для максимизации влияния президента на законотворческий процесс и обеспечения дисциплинированности парламентского большинства [17. С. 8–9]. По мнению В. Гельмана, такое происхождение «партии власти» повлекло за собой отсутствие у нее четко выраженной идеологии, что в краткосрочной перспективе было, скорее, активом партии. В условиях, когда программные позиции находились вблизи точки «медианного избирателя», это оставляло «партии власти» широкое пространство для политического маневра [18. С. 142–143]. «Партия власти» апеллирует к «всеобщему электорату», позиционируется как «партия для всех», не привязывая себя к какой-либо конкретной идеологии.

В принятом на втором съезде партии первом программном документе говорилось, что левые идеи доказали свою несостоятельность и были отвергнуты российским обществом, проекты правых себя дискредитировали опытом реформ 1990-х гг., поэтому в основе идеологии партии лежит центризм [19]. Отсутствие четко сформулированной идеологии имеет определенные преимущества, позволяя партии апеллировать к разным слоям населения. «Партия власти» опирается на людей без твердых политических убеждений, которые предпочитают сохранение проводимого курса [20. С. 55].

Неидеологичность «Единой России» выражается в существовании внутри партии политических клубов и идеологических платформ, которые объединяли близких по своим воззрениям членов партии. В 2005 г. возник Центр социально-консервативной политики, который курировал А. Исаев. На базе «Русского проекта» возник Государственно-патриотический клуб под кураторством И. Яровой. Либерально-консервативные взгляды членов партии выражал клуб «4 ноября» (В. Плигин и В. Фадеев). В марте 2016 г. было принято решение о создании предпринимательской платформы. Другими словами, цель существования клубов и платформ состоит в том, чтобы уместить внутри единой партии представителей разных политических взглядов. Таким образом, партию «Единая Россия» трудно отнести к программной партии, которая при проведении избирательной кампании уделяет внимание личности кандидата, имеет выраженные программу и идеологию, ориентируется на определенный круг избирателей [21. P. 185–187]. «Партия власти», скорее, походит на партию типа «хватай всех» (по терминологии О. Хиркхаймера), для которой характерно манипулирование идеологией для максимальной общей привлекательности в глазах избирателей с целью охвата всех групп граждан. Справедливости ради нужно сказать, что исследователь говорил о том, что западноевропейские рабочие массовые партии, стремясь адаптироваться к успешным стратегиям своих конкурентов, пытаются удержать свой электорат из рабочего класса, но в то же время охватить множество других групп избирателей [22].

Итак, в академической среде распространено мнение о такой черте «Единой России, как неидеологичность, что обусловлено как спецификой создания «партии власти», так и ее основным предназначением. Результатом стало то, что она включает в себя членов / депутатов, которые придерживаются разных политических убеждений. В таких условиях, когда внесенный в Госдуму законопроект о повышении пенсионного возраста был поставлен на голосование, часть единороссов отказались его поддержать: кто-то в «жесткой» форме – проголосовали против, но абсолютное большинство парламентариев – в «мягкой» форме, т.е. воздержались или не явились на голосование по той или иной причине. Публично свое несогласие с этой реформой высказала только Н. Поклонская. Один из руководителей «Единой России» С. Железняк заявил, что «последовательно критиковал идеи… об обязательном повышении пенсионного возраста, считая этот подход экономически неэффективным и социально неприемлемым… решил не поддерживать законопроект» [23].

Другими словами, несмотря на особое место партии в партийной системе («партия власти», гегемонистская партия), а также роль, которую играет «Единая Россия» в политической системе страны, голосование в Госдуме по так называемой пенсионной реформе 2018 г. продемонстрировало, что часть депутатов-партийцев не готовы поддерживать по личным политическим убеждениям партийную линию.

Необходимо подчеркнуть, что дезертирство парламентариев из «партии власти» выражается, как правило» в «мягкой» форме, т.е. в отсутствии явки за заседание, на котором рассматривается законопроект. Так, например, 24 депутата из 325 (7,4%) не явились на голосование в рамках второго чтения 9 декабря 2021 г. по законопроекту «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В качестве другого примера можно привести голосование в рамках первого чтения по законопроекту «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Неявка парламентариев из «Единой России» составила рекордные 19,7% (64 депутата из 325). Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие явки представляет собой рациональную форму поведения депутатов: с одной стороны, это позволяет выразить свое несогласие с содержанием законопроекта, а с другой, избежать санкции со стороны партийного менеджмента.

Другая причина дезертирства находится в политической плоскости. Исходя из плюралистической теории демократии [24], реальная политическая борьба как на федеральном, так и на региональном уровне происходит между группами влияния (кланами), а не партиями [25. С. 24]. Другими словами, парламентарий входит в ту или иную клиентелу, а его голосование за конкретный законопроект детерминировано не личными убеждениями и предпочтениями, а принадлежностью к определенной группе интересов. В качестве примера можно привести голосование в Госдуме по законопроекту об организации публичной власти в российских регионах. Так, в рамках первого чтения шесть депутатов (из 14) от Татарстана проголосовали против, еще четверо проигнорировали голосование в принципе [26]. Такое поведение парламентариев, с нашей точки зрения, связано с самоидентификацией депутатов с местной правящей элитой, которая выступает против ряда норм этого законопроекта (в частности, лишения права регионов устанавливать наименование должности главы субъекта федерации).

Заключение

В день открытия Чемпионата мира по футболу 2018 г., который проходил в России, было объявлено о планах повышения пенсионного возраста в стране. Законопроект о так называемой пенсионной реформе был принят депутатами Госдумы во втором чтении 26 сентября 2018 г. Абсолютное большинство парламентариев, которые поддержали повышение возраста выхода на пенсию, входили во фракцию «Единой России». Надо заметить, что часть депутатов-единороссов выступили в той или иной форме против этой законодательной инициативы. Выполнение данного исследования и написание по его итогам статьи было вызвано стремлением понять причины дезертирства законодателей из «партии власти». Для достижения этой цели были определены факторы, которые могли объяснить нарушение депутатами партийной дисциплины. К ним были отнесены возраст и статус законодателей, а также система, по который были избраны парламентарии. Проверка этих факторов и сформулированных на их основе рабочих гипотез производилась методом бинарной логистической регрессии. По результатам статистических расчетов мы пришли к выводу, что «статусные» парламентарии с большей вероятностью нарушали партийную дисциплину и дезертировали, чем «обычные» депутаты. Однако это все равно противоречило нашей гипотезе исследования. Иными словами, ответ о причинах / мотивах дезертирства законодателей был связан с чем-то другим. Мы поняли, что существуют нерассмотренные (неучтенные) нами факторы, которые повлияли на голосование депутатов. Для их поиска нами было принято решение изучать происхождение партии «Единая Россия». По итогам рассмотрения генезиса «партии власти» было выявлено, что массовость партии была обеспечена путем включения и приема лиц с диаметрально противоположными политическими установками, а также без явных общественно-политических взглядов. В этих условиях голосование по принципиальным вопросам (например, за повышение пенсионного возраста) вошло в противоречие с позицией и убеждениями части депутатов. В этом плане нарушение партийной дисциплины и дезертирство законодателей партийный менеджмент должен рассматривать в каком-то смысле как неизбежную издержку генезиса «партии власти». Другой причиной дезертирства является принадлежность депутатов к иной группе интересов.

Список источников

1. Кто и как голосовал за пенсионную реформу во втором чтении // Коммерсантъ. 2018. 26 сент. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3752944 (дата обращения: 19.02.2022).
2. Медведев: «Единая Россия» – главный политический ресурс президента // RG.ru. 2017. 22 янв. URL: https://rg.ru/2017/01/22/medvedev-edinaia-rossiia-glavnyj-politicheskij-resurs-prezidenta.html (дата обращения: 19.02.2022).
3. Мухаметов Р.С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // Ars Administrandi. 2015. № 1. С. 85–94.
4. Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 296 p.
5. Pempel T.J. Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes // Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. Ithaca : Cornell University Press, 1990. P. 1–32.
6. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Colchester : ECPR Press, 1976. 370 p.
7. Reuter O. Remington T. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. № 4. P. 501–526.
8. Reuter O.J., Gandhi J. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties // Comparative Politics Russia. 2015. № 2. P. 22–49.
9. Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia // American Political Science Review. 2019. № 2. P. 552–568.

10. Venkatachalapathy Swamy K. Defection and law with special reference to tenth schedule of the Indian constitution // International Journal of Arts and Science Research. 2017. № 2. P. 109–116.
11. Smiles J. Floor Crossing in South Africa: A Controversial Democratic Process // Insight on Africa. 2011. № 2. P. 159–175.
12. Heller W.B., Mershon C. Dealing in Discipline: Party Switching and Legislative Voting in the Italian Chamber of Deputies, 1988–2000 // American Journal of Political Science. 2008. № 4. P. 910–925.
13. Schlesinger J.A. Political Parties and the Winning of Office. Chicago : University of Chicago Press, 1991. 248 p.
14. Ragin C.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. University of California Press, 2014. 185 p.
15. Гончаров С. Пенсионная реформа в зеркале общественного мнения // Левада-центр : аналитический центр Юрия Левады[1]. 2018. 24 сент. URL: https://www.levada.ru/2018/09/24/pensionnaya-reforma-v-zerkale-obshhestvennogo-mneniya/ (дата обращения: 19.02.2022).
16. Волков Д. Усталость и пенсии. Что происходит с рейтингом Владимира Путина // Левада-центр : аналитический центр Юрия Левады[1]. 2018. 14 сент. URL: https://www.levada.ru/2018/09/14/ustalost-i-pensii/ (дата обращения: 19.02.2022).
17. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 6–14.
18. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.
19. Манифест Всероссийской политической партии «Единство и Отечество» – Единая Россия // Internet Archive. 2003. 23 апр. URL: https://web.archive.org/web/20041011185527/http://www.edinros.ru/news.html?rid=42&id=3452 (дата обращения: 19.02.2022).
20. Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 42–65.
21. Gunther R., Diamond L. Species of political parties: a new typology // Party Politics. 2003. № 2. P. 167–199.
22. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party // Political Parties and Political Development. Princeton : Princeton University Press, 1966. P. 177–200.
23. Личная страница С. Железняка // Facebook.com[2]. URL: https://www.facebook.com/zheleznyak.duma/posts/1895654880524741 (дата обращения: 19.02.2022).
24. Dahl R.A. Who Governs: Democracy and Power in an American City. New Haven : Yale University Press, 1961. 355 p.
25. Кынев А. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 24–37.
26. Шесть депутатов «Единой России» выступили против закона о публичной власти // Lenta.ru – новости России и мира. 2021. 9 нояб. URL: https://lenta.ru/news/2021/11/09/vlastt/ (дата обращения: 19.02.2022).

References

1. Kommersant.ru. (2018) *Kto i kak golosoval za pensionnuju reformu vo vtorom chtenii* [Who and how voted for the pension reform in the second discussion]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3752944 (Accessed: 19th February 2022).
2. Medvedev, D. (2017) “Edinaya Rossiya” – glavnyy politicheskiy resurs prezidenta [“United Russia” is the main political resource of the president]. *RG.ru*. 22nd January. [Online] Available from: https://rg.ru/2017/01/22/medvedev-edinaia-rossiia-glavnyj-politicheskij-resurs-prezidenta.html (Accessed: 19th February 2022).
3. Mukhametov, R.S. (2015) Rol' partii “Edinaya Rossiya” v konsolidatsii elit na munitsipal'nom urovne [The role of the United Russia Party in the consolidation of elites at the municipal level]. *Ars Administrandi*. 1. pp. 85–94.
4. Magaloni, B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Pempel, T.J. (1990) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. Ithaca: Cornell University Press. pp. 1–32.
6. Sartori, G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis.* Colchester: ECPR Press.
7. Reuter, O. & Remington, T. (2009) Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia. *Comparative Political Studies.* 4. pp. 501–526. DOI: 10.1177/00104140083274
8. Reuter, O.J. & Gandhi, J. (2015) Ekonomicheskoe razvitie i raskoly dominantnykh partiy [Economic development and splitting of dominant parties]. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 6(2(19)). pp. 22–49. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-22-49
9. Reuter, O.J. & Szakonyi, D. (2019) Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 113(2). pp. 552–568. DOI: 10.1017/S0003055419000030
10. Venkatachalapathy Swamy, K. (2017) Defection and law with special reference to tenth schedule of the Indian constitution. *International Journal of Arts and Science Research.* 2. pp. 109–116.
11. Smiles, J. (2011) Floor Crossing in South Africa: A Controversial Democratic Process. *Insight on Africa*. 2. pp. 159–175. DOI: 10.1177/0975087814411140
12. Heller, W.B. & Mershon, C. (2008) Dealing in Discipline: Party Switching and Legislative Voting in the Italian Chamber of Deputies, 1988–2000. *American Journal of Political Science*. 4. pp. 910–925. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2008.00350.x
13. Schlesinger, J.A. (1991) *Political Parties and the Winning of Office*. Chicago: University of Chicago Press.
14. Ragin, C.C. (2014) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. University of California Press.
15. Goncharov, S. (2018) *Pensionnaya reforma v zerkale obshchestvennogo mneniya* [Pension reform in the mirror of public opinion]. [Online] Available from: https://ridl.io/pensionnaja-reforma-v-zerkale-obshhestv/ (Accessed: 19th February 2022).
16. Volkov, D. (2018) *Ustalost' i pensii. Chto proiskhodit s reytingom Vladimira Putina* [Fatigue and pensions. What is happening with Vladimir Putin's rating]. [Online] Available from: https://carnegie.ru/commentary/77148 (Accessed: 19th February 2022).
17. Golosov, G.V. & Liechtenstein, A.V. (2001) The “Power Parties” and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 6–14. (In Russian).
18. Gelman, V.Ya. (2008) Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii – k ierarkhii [Political parties in Russia: From competition to hierarchy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 135–152.
19. United Russia Party. (n.d.) *Manifest Vserossiyskoy politicheskoy partii “Edinstvo i Otechestvo” – Edinaya Rossiya* [Manifesto of the All-Russian Political Party “Unity and Fatherland” – United Russia]. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20041011185527/http://www.edinros.ru/news.html?rid=42&id=3452 (Accessed: 19th February 2022).
20. Makarenko, B.I. (2011) Post-Soviet party of power: The "United Russia" in a comparative context]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 42–65. (In Russian).
21. Gunther, R. & Diamond, L. (2003) Species of political parties: a new typology. *Party politics.* 2. pp. 167–199.
22. Kirchheimer, O. (1966) The Transformation of the Western European Party. In: LaPalombara, J. & Weiner, M. (eds) *Political Parties and Political Development*. Princeton: Princeton University Press. pp. 177–200.
23. Zheleznyak, S. (2018) Personal page. [Online] Available from: https://www.facebook.com/zheleznyak.duma/posts/1895654880524741 (Accessed: 19th February 2022).

[1] Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 г. включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.
[2] Facebook заблокирован в России с 4 марта 2022 г. Его деятельность в России признана экстремистской и запрещена.

24. Dahl, R.A. (1961) *Who Governs: Democracy and Power in an American City.* New Haven: Yale University Press.
25. Kynev, A. (2009) Osobennosti mezhpartiynoy bor'by v rossiyskikh regionakh: bor'ba grupp vliyaniya i imitatsiya partiynosti [Inter-party struggle in Russian regions: The struggle of influence groups and imitation of partisanship]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya.* 4. pp. 24–37.
26. Yampolskaya, Yu. (2021) *Shest' deputatov "Edinoy Rossii" vystupili protiv zakona o publichnoy vlasti* [Six deputies of the United Russia Party opposed the law on public power]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2021/11/09/vlastt/ (Accessed: 19th February 2022).

***Сведения об авторе*:**
Мухаметов Руслан Салихович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mukhametov Ruslan Salikhovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Sciences of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 21.02.2022; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(47+57) «1920»
doi: 10.17223/19988613/89/6

От идеи до реализации: создание коммунистической номенклатуры в советском государстве

Василий Петрович Пашин

Курский государственный университет, Курск, Россия, pashinvp@mail.ru

Аннотация. На основе анализа документальных источников исследуются причины формирования номенклатурного (бюрократического) метода подбора руководящих кадров. Обосновывается вывод, что созданный номенклатурный механизм работы с кадрами был вызван объективными причинами. Номенклатура позволила прекратить хаос в кадровой политике правящей партии, установить персональную ответственность руководящих кадров. Выявляются конкретные разработчики идеи номенклатурной работы с кадрами. Высказывается идея, что номенклатурный механизм выполнял роль социального лифта в обществе.
Ключевые слова: номенклатура, партия большевиков, учраспредотдел, руководящие кадры, подбор и расстановка кадров, персональная ответственность

Для цитирования: Пашин В.П. От идеи до реализации: создание коммунистической номенклатуры в советском государстве // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 47–54. doi: 10.17223/19988613/89/6

Original article

From idea to implementation: the creation of a communist nomenclature in the Soviet state

Vasily P. Pashin

Kursk State University, Kursk, Russian Federation, pashinvp@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of documentary sources, the reasons for the formation of the nomenclature (bureaucratic) selection of leading personnel are investigated. The conclusion is substantiated that the created nomenclature mechanism for working with personnel was caused by objective reasons, had a certain logic and sequence. In the early years of Soviet power, the dominant idea was that "every cook can learn to run the state." The civil war hid the shortcomings of such personnel policy. The kaleidoscopic turnover of leading cadres and the belonging of territories to the warring parties did not allow us to see the shortcomings of their work. Peaceful conditions, the New Economic Policy highlighted the perniciousness of such an idea. Not only proletarians, but also members of the Bolshevik Party possessed a set of organizational qualities, especially professional knowledge. There is a refusal from the policy of assignment to leading work through a specially created body (registration and distribution department of the Central Committee of the Bolshevik Party) of all communists. The process of searching, identifying talented cadres, not only for the Bolshevik Party, but also for the national economy as a whole, begins. In 1923, the mechanism of the nomenclature of personnel and positions was put into operation. The nomenclature number 1 included positions and persons who were necessarily appointed only by the party committee of the Bolshevik party. The nomenclature number 2 included positions and persons who were approved for positions with the consent of the relevant committee of the Bolshevik party. The nomenclature No. 3 included persons and positions of minor rank, who were selected and appointed for positions by an independent economic entity, with the subsequent notification of the higher party body about the appointments made. Responsibility for the results of work was established not only for the personally appointed leader, but also for the appointed party committee. An unfortunate choice of an appointee from the nomenklatura list undermined the authority of the party committee secretary. In fact, personal and collective responsibility was established. The nomenclature made it possible to end the chaos in the cadre policy of the ruling party, to establish the responsibility of the leading cadres for the final results of work. The specific developers of the idea of nomenclature work with personnel are identified. It is shown that the elements of the created mechanism for working with leading cadres were initially implemented in organizational and party work, and then were already systematized and extended to the entire Soviet society and the state. Despite the shortcomings of the nomenclature selection of leading cadres, the nomenclature mechanism contributed to the organization of social lifts in Soviet society.
Keywords: nomenclature, Bolshevik party, constituent distribution department, leading personnel, selection and placement of personnel, personal responsibility

© В.П. Пашин, 2023

For citation: Pashin, V.P. (2024) From idea to implementation: the creation of a communist nomenclature in the Soviet state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 47–54. doi: 10.17223/19988613/89/6

Непременным условием успешного развития общества и государства является адекватная времени их существования кадровая политика. В истории кадровой политики нашего государства были три способа подбора кадров. В период Московского государства – местничество. В императорской России – в соответствии с принципами, зафиксированными в Табели о рангах 1722 г. и в ее последующих редакциях. В советский период истории действовал механизм номенклатуры. Каждый из этих способов отвечал историческому развитию государства и потребностям времени. Цель работы – хронологическое восстановление процесса реализации идеи по созданию номенклатурного механизма подбора руководящих кадров, проводимое на основе единства теоретических и методологических подходов. Подобное сочетание и единство позволило подойти к изучению становления номенклатурной работы с кадрами в советском обществе непредвзято, с учетом места, времени и причин создания.

Если первые два способа подбора кадров изучались исторической наукой на протяжении ряда столетий, то историография номенклатуры ведет свое начало с 1990-х гг. Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигантер одними из первых приступили к научному изучению феномена номенклатуры [1], они утверждали, что «она не имеет своей историографии», кроме работы М.С. Восленского, которая впервые была издана на немецком языке в 1980 г.

Первые работы не были лишены недостатков. Фактическое отсутствие архивных данных в книге М. Восленского [2] породило много авторских догадок, неточностей в хронологии. В основном содержание книги было обращено к анализу состояния номенклатуры 1960–1980-х гг. Однако ее истоки, механизм формирования фактически изложены схематично. Нельзя согласиться и с предположением, что именно И.В. Сталин создал номенклатуру, т.е. она возникла только по субъективным причинам. При этом М. Восленский ввел в научный оборот термин «номенклатура».

Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигантер утверждали, что номенклатурный принцип механизма руководства обществом сложился и окончательно утвердился к концу 1930-х гг. и что И.В. Сталин явился создателем номенклатурного подбора руководящих кадров. Эти выводы также не совсем верны. Основные принципы механизма номенклатурной работы с кадрами в общегосударственном масштабе были созданы в первой половине 1920-х гг., а в последующие десятилетия постоянно шли их корректировка и совершенствование.

Нередко в историографический обзор по проблеме номенклатуры включают труды А. Авторханова [3, 4], которые носят, скорее, даже не научно-популярный, а обвинительно-публицистический характер. Следует с большим вниманием отнестись к работам М. Джиласа [5], который, нетрадиционно проанализировав социальную структуру общества в странах социализма, показал ее новое видение, где в ее центр поставил новый господствующий класс – работников партийно-коммунистического аппарата.

В 1992 г. В.П. Пашиным была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук [6]; в ней автор сделал попытку осмыслить причины становления и последствия номенклатурной работы с кадрами. Однако ряд разделов диссертации изложен конъюнктурно, под влиянием времени ее создания.

В современных условиях формируется разновекторное изучение номенклатурной работы с кадрами в советском обществе. Наиболее активно развивается ее региональная тематика. Одной из первых в этом направлении стала работа В.П. Мохова [7]. В 2006 г. А.П. Коноваловым была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по вопросам создания и функционирования номенклатуры в регионе Сибири [8]. В 2018 г. Е.Ф. Туфановым была защищена докторская диссертация по вопросам становления номенклатуры в регионе Северного Кавказа [9]. При этом сложно согласиться с мнением Е.Ф. Туфанова, что уже с 1960-х гг. активно стала исследоваться кадровая деятельность государства [9. С. 10].

Данное направление исследований стало достаточно популярным в отечественной историографии. Выходят работы, показывающие опыт номенклатурной селекции в регионах Западной Сибири [10], Челябинской [11], Кировской областях [12]. В широкий оборот вводятся материалы региональных архивов, а безликий номенклатурный работник приобретает фамилию, имя, отчество и конкретно совершаемые им (под его руководством) дела.

А.Н. Федоров [13], Е.А. Борисенко [14] развивают направление анализа факторов, способствующих выдвижению и росту региональных руководителей. Авторы утверждают, что карьерный рост номенклатурного работника происходил на основе компетенции, выполнения поставленных центром социально-хозяйственных задач.

Таким образом, в современной историографии начинают изучаться новые направления в номенклатурной политике РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. Исследуются такие факторы карьерного роста, как профессионализм в работе, подбор кадров под конкретно поставленные задачи, повышение персональной ответственности за порученное дело. Перспективным является направление изучения номенклатурного механизма в подборе кадров в качестве социальных лифтов в советском обществе, хотя еще достаточно часто встречаются стереотипы и политически конъюнктурные подходы к номенклатуре. Так, статья С.В. Устинкина [15] посвящена номенклатурному подбору кадров в 1970-е гг., и уже в самом названии статьи присутствует элемент непонимания сути номенклатуры. Номенклатура была только партийной. Автор другой статьи Э.Э. Рзаев пытается не только возродить, но и превзойти негативные оценки М. Восленского и М. Джиласа, что но-

менклатура являлась «эксплуататорским классом», «паразитическим классом» и т.д. [16. С. 371].

Пришедшая к власти партия большевиков первоначально руководствовалась идеей, что «каждая кухарка может научиться управлять государством». Ввиду того, что учиться было некогда и не у кого (у буржуазных специалистов?!), при подборе кадров руководствовались классово-партийными подходами. В мае 1918 г. начинается первая попытка переписи состава партийно-советских кадров по партийному стажу, профессии, занимаемой должности, образовательному цензу и возрасту. В условиях гражданской войны подобных переписей было несколько [17. С. 2; 18. С. 1–2; 19. С. 74–76; 20. С. 60–61; 21. Л. 1–2; 22. Л. 142, 148]. Однако все попытки заканчивались неудачами. Это было связано и с объективными причинами (в условиях Гражданской войны принадлежность регионов России противоборствующим сторонам постоянно изменялась) и с субъективными: неграмотностью переписчиков и непониманием необходимости сбора подобной информации. Бланки, анкеты, опросные листы и прочие документы заполнялись наспех и небрежно. В деле назначений они не играли практически никакой роли. Их не только не обрабатывали и не изучали, но и не читали. В каждой партийной организации создавались свои формы анкет, вопросников и пр. Нередко на запросы ЦК РКП(б) в отношении конкретных работников приходили отрицательные ответы, так как искомые коммунисты не только не работали в данном учреждении, но и не состояли на партийном учете в губернской организации [23. Л. 356, 357]. Поэтому в условиях Гражданской войны от партийной организации требовали выделить, назначить, отправить по постоянно проводимым мобилизациям не конкретных физических лиц, а определенное число большевиков. (Мобилизации проводились не только на фронты Гражданской войны и для нужд промышленности, но и в управленческий аппарат регионов страны.)

Для наведения элементарного порядка в учете членов партии большевиков – потенциальных руководителей – в ЦК РКП(б) в апреле 1919 г. создается Учетно-распределительный отдел. Однако, как показывают выявленные документы, эффективность его работы первоначально оказалась невысокой. В основном работа с кадрами сосредоточивалась на учете и подборе кадров в партийные организации и органы советской власти. Несмотря на то, что в этой сфере руководящие кадры являлись выборными, Учраспредотдел ЦК партии большевиков накопил большой опыт в их «избрании», где в основу был положен дореволюционный опыт работы с кадрами в самой партии большевиков.

Окончание Гражданской войны заставило партию большевиков обратить внимание и на руководящие кадры промышленности, иных государственных структур, деятельность которых непосредственно не была связана с Гражданской войной. Резко возрастает количество собираемой информации о руководящих кадрах в советском государстве: только за период с X по XI съезд РКП(б) количество поступающих в Учраспредотдел ЦК письменных материалов увеличилось в три раза и достигло 120 тысяч [24. С. 53]. Начинается целенаправленная работа по изучению качественных характеристик выдвинувшихся в годы гражданской войны руководителей. Данное направление работы было поручено В. Молотову и Л. Кагановичу.

С целью выявления реальной картины работы с руководящими кадрами на местах из Учраспредотдела ЦК партии в национальные и областные комитеты партии постоянно стали выезжать инструкторы. В своих объемных отчетах, составленных на основе анализа работы партийных комитетов, они указывали на необходимость сведения к минимуму «многократных передвижений членов РКП(б) с одной работы на другую». Более того, отмечалось в информационных отчетах, подобные передвижения кадров не позволяли им приобретать необходимые навыки работы в определенной сфере деятельности, так как их немалая часть вообще не имела определенной специализации и образования [25. Л. 60].

Под руководством В. Молотова и Л. Кагановича разрабатывается программа реорганизации подбора кадров и повышения их ответственности за результаты работы, которая началась с организационного укрепления учетно-статистических отделов партийных органов. Во главе такого отдела мог стоять только работник, имевший опыт работы не ниже уездного масштаба. Пребывать в должности он должен был не менее 6 месяцев. Разрабатывается единая для всей страны инструкция по технике учета ответственных работников [26. С. 1–12; 27. Л. 2]. Только за 1922 г. общее количество руководящих инструктивных писем из центра по вопросам учета и распределения руководящих кадров увеличилось в 7–8 раз [28. С. 59].

Впервые формулируется задача разноуровневого учета членов партии большевиков в зависимости от занимаемой должности. В ЦК партии учитывались работники центральных, губернских, уездных организаций. В губкомах – губернского, уездного и районного масштабов. А учет рядовых членов партии большевиков сосредоточивался в укомах (хотя таковых оставалось всего 10–15%) [29. С. 12]. Подобный подход разноуровневого учета членов РКП(б) через год будет положен в основу номенклатур и номенклатурного распределения работников.

Разрабатывается схема изучения всех руководящих работников в стране, которых разделили на 14 групп. Специальность учитываемого работника определялась на основе практического опыта его работы в определенной отрасли. Всего выделялось 9 видов работ – партийная, культурно-просветительная, профессиональная, советско-административная, промышленная, экономическая, судебно-следственно-карательная, военная, охрана труда и собес. Но так как большинство высшего и среднего руководящего звена за первые 5–6 лет советской власти успели поработать в самых различных отраслях, прикрепление работника к определенной группе проводилось Президиумом губкома визуально. Если же из собранной информации о работнике квалификацию вообще невозможно было определить (работник сменил большое количество не только должностей, но и отраслей работы), вопрос откладывался на три месяца, по истечении которых он прикреплялся

к определенной группе, как правило, последнего места работы. Если же работник выдвигался на руководящую должность впервые, то он прикреплялся к соответствующей группе временно, на срок 6 месяцев. При положительной характеристике на новом месте работы вопрос о «выдвинутом товарище» решался окончательно.

Таким образом, под руководством В. Молотова и Л. Кагановича в течение года была проделана большая работа в учетной работе партии большевиков: была разработана единая схема анкетного изучения работника, сформирована система формального представления о руководящих кадрах, отрабатывалась определенная система универсальных анкетных вопросов.

Мирное время и концепция советской модели социализма настоятельно требовали подчинения партийно-большевистскому аппарату всех руководящих кадров во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Это – с одной стороны. С другой стороны, требовался механизм по выявлению, отбору наиболее преданных «делу партии и социализма» лиц. Но одной преданности в мирных условиях было уже недостаточно. Выдвинувшихся в период гражданской войны коммунистов, пришедших в управление на производство и в государственные органы на основе «мандата», начинали, как отмечалось в партийных документах, «затирать». Обобщающую характеристику подобным руководителям дал заместитель председателя Главного комитета государственных сооружений В.И. Гольберг в мае 1921 г. в записке в ЦК РКП(б), где он выразил резко негативную оценку «назначенным комиссарам в управление», «не смыслящим ничего в деле и тем самым дискредитирующим партию в целом». Подобные оценки «комиссарам-специалистам» поступали и из других отраслей народного хозяйства [30. Л. 104–106; 31. Л. 2, 3, 5]. Обобщенную характеристику проблемы управления государством и обществом в целом дал В.И. Ленин в 1922 г. на XI съезде РКП(б), выделив основную проблему: «Гвоздь положения – в людях, в подборе людей». Требовался квалифицированный состав руководителей, способный эффективно решать поставленные задачи.

Когда было обозначено четкое направление в решении возникающих проблем в советском государстве и обществе через подбор кадров исполнителей, началась кропотливая бюрократическая работа по выявлению таких руководителей и контролю за их деятельностью. Уже в следующем году (1923) на XII съезде РКП(б) принимается принципиальное решение, что не вся партия большевиков занимается подбором кадров руководителей, а только партийные структуры и конкретно – Учраспредотдел [32. С. 56, 57]. Выполнять безоговорочно партийно-коммунистические директивы могли только члены партии большевиков. Один из работников Учраспредотдела ЦК Л. Рошаль, просчитав количество руководящих должностей в государстве и сопоставив с количеством членов партии большевиков, поставил задачу равномерно их распределить по руководящим должностям в государственных структурах [33. Л. 112–113].

Подобные теоретико-схоластические рассуждения Л. Рошаля легли в основу проекта Учраспредотдела «Основные задачи партии в области учета и подбора работников госаппарата» [34. Л. 122–128]. Основная идея проекта – «овладеть командными пунктами в госаппарате сверху донизу, насаждая туда коммунистов».

Непосредственной отправной точкой в создании механизма номенклатурного подбора кадров стало заседание Политбюро ЦК РКП(б), состоявшееся 23 ноября 1922 г. под председательством Л. Каменева, на котором было принято решение «назначить комиссию для совершенно секретного пересмотра персонального состава правлений 28 московских трестов» в составе В. Куйбышева, И. Зеленского, М. Иванова, А. Андреева, К. Судакова [35. Л. 1–54]. Отчет о результатах работы комиссии должен был быть предоставлен в Оргбюро ЦК РКП(б) через месяц.

Однако поступающие материалы от группы студентов, рядовых членов партии и комсомола оказались некачественным. Информация о руководящих кадрах оформлялась бессистемно, не на весь руководящий состав, нередко собиралась из официальных источников. Поэтому с 12 декабря эта работа поручается сотрудникам ГПУ и РКИ, которые не открыто, а тайно посещали предприятия, делали секретные запросы на руководящий состав.

Собранная комиссией информация выявила крайне негативную картину. Так, кадры хозяйственных руководителей подбирались одновременно и профсоюзными, и хозяйственными, и партийными органами. В результате отсутствовала персональная ответственность за промахи в подборе кадров. Одни подбирали кадры, другие назначали, третьи утверждали в должности. При этом персональной ответственности за провал в работе назначенного руководителя фактически никто не нес. В качестве основного вывода говорилось о «распыленности ответственности – формальной и политической, за результат подбора состава правлений трестов», «неумном, неосторожном, бессистемном подборе кадров состава правлений трестов» [35. Л. 53, 54]. Отчет был подписан Секретарем ЦК РКП(б), председателем комиссии В. Куйбышевым.

Комиссия В. Куйбышева, проанализировав состояние компетентности и ответственности руководителей, разрабатывает план мероприятий по повышению их ответственности за конечные результаты работы, где в центре предложений стояло усиление партийного влияния в сфере подбора кадров с целью усиления ответственности за результаты экономической деятельности, выполнение поставленных партией большевиков и государством задач и планов.

В недрах партийного аппарата начинают реализовываться два параллельных процесса. С одной стороны, решительный отказ от распределения Учраспредотделом ЦК рядовых коммунистов и руководителей «незначительного масштаба», а с другой – сбор информации о наличии должностей в той или иной хозяйственной структуре. Так, если за 1922–1923 гг. через ЦК прошли 22 550 человек, среди которых 80% были рядовыми коммунистами, то за 1923–1924 гг. через ЦК прошли 6 088 коммунистов, среди которых только 25% являлись рядовыми, а 75% занимали «ответственные должности» [28. С. 56].

В феврале 1923 г. принимается закрытое постановление ЦК РКП(б), которым регламентировался порядок назначения руководящих кадров [36. Л. 17]. Так, единогласно принятое решение Секретариата ЦК, который назначал кадры губернского уровня, не опротестованное в течение 48 часов с момента вручения решения ни одним из членов ЦК, считалось постановлением Оргбюро ЦК. Оргбюро занималось кадрами не выше областного масштаба. Состав областного ЦК, ЦК национальных компартий и краевых комитетов мог быть изменен Оргбюро только с санкции Политбюро ЦК. Таким образом, в области подбора кадров в партийные структуры был наведен четкий административный порядок. Кандидатуру на должность вначале «рекомендовали» и только затем «избирали». Подобный подход в подборе кадров руководителей в партийные организации уже имелся в дореволюционной деятельности большевиков. Вопрос заключался в другом. Отныне высшим партийным структурам (Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК) четко определили уровень руководящих кадров, которых они подбирали и назначали, а следовательно, несли определенную ответственность за результаты их деятельности.

Наибольшие трудности возникли в соборе информации о наличии коммунистов и имеющихся должностей в хозяйственных органах. Особо сильное сопротивление по сбору подобной информации оказал ВСНХ РСФСР, руководство которого прямо заявляло, что эта работа является чисто партийной, а не хозяйственной. По этому вопросу между П. Богдановым и В. Молотовым возникает интенсивная переписка, где Богданов не был согласен с категориями должностей, назначение на которые должно было производиться только партийными органами [37. Л. 10, 90, 320; 38. Л. 26, 49; 39. Л. 284; 40. Л. 103–104]. Он решительно протестовал против вмешательства в подбор и назначение кадров, занятых на чисто технических должностях, – начальников и заместителей начальников отделов функциональных управлений – финансово-коммерческих, производственных: «Учраспредотдел ЦК слишком далеко отстоит от внутренней работы наших органов, чтобы иметь возможность подобрать вполне подходящие деловые кандидатуры для выполнения работ, где нужны прежде всего знания конкретно-специального дела» [37. Л. 321]. Дискуссии по сбору и перечню должностей между руководством ЦК партии большевиков и ВСНХ были завершены административно-волевым способом. Возглавлявший с 1921 г. ВСНХ РСФСР П. Богданов был освобожден от должности, председателем назначен А. Рыков, а с февраля 1924 г. – Ф. Дзержинский.

Определяются должности, на которые в обязательном порядке должны были назначаться только члены партии большевиков.

Завершающий этап в создании номенклатурного механизма начался с сентября 1923 г. В недрах Учраспредотдела ЦК разрабатывается несколько проектов постановлений в области распределительной работы партии. На их основе ЦК партии большевиков принимает ряд постановлений и директив по учету и подбору работников. 8 ноября 1923 г. выходит постановление ЦК РКП(б) «Основные задачи учетно-распределительной работы на ближайший период» [41. С. 64–67], где основной задачей ставилось «полное практическое осуществление… подбора руководящих работников и проведение через партийные органы всех перемещений и назначений на наиболее ответственные посты государственных, хозяйственных и промышленных организаций».

Практическая реализация этой задачи началась 16 ноября 1923 г. Протоколом № 54 принимается постановление Оргбюро ЦК об учете ответственных работников в наркоматах и центральных учреждениях. Отныне все наркоматы, центральные и местные органы обязывались создать учраспредотделы, работающие под контролем Учраспредотдела ЦК и местных партийных органов.

30 ноября 1923 г. секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов и заведующий Учраспредотделом ЦК РКП(б) Л. Каганович подписывают постановление Оргбюро ЦК по вопросу учета и распределения работников в государственных и хозяйственных органах. Этот документ рассылался в 35 адресов центральных учреждений и во все областные партийные организации [42. Л. 93–96; 43. Л. 1]. Отныне все должности центральных и местных органов, включенные в номенклатуру № 1 (3 581 должность), утверждались постановлением ЦК партии большевиков. В номенклатуру № 2 включались должности (1 458 должностей), где назначения, освобождения и перемещения согласовывались с учраспредотделом ЦК за 3–5 дней до обозначенных изменений в руководстве.

В перечень должностей номенклатур включались не только государственные и хозяйственные, но и выборные должности общественных организаций – профсоюзов, комсомола. Первоначально их общее количество по первой номенклатуре составляло 1 105 должностей [42. Л. 62–63]. Утвержденный или согласованный в недрах партийно-большевистского аппарата руководитель только затем «избирался» на выборную должность. Если представленная кандидатура не утверждалась в ЦК или Учраспредотделе, она не могла «выдвигаться» и «избираться».

Особое внимание в тезисах и постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросам учета и распределения руководящих кадров уделялось работникам государственных и хозяйственных органов. Отныне все назначения и перемещения руководящего состава ответственных работников в государственные и хозяйственный органы производились с санкции ЦК, а на местах – соответствующих партийных комитетов.

В марте 1924 г. ЦК партии большевиков пересматривает перечень номенклатурных должностей. Были утверждены номенклатура № 1 из 2 855 должностей, утверждаемых ЦК, номенклатура № 2, состоящая из 3 232 должностей, утверждаемых Учраспредотделом ЦК и номенклатура № 3, включавшая в себя 3 064 должности [44. Л. 1–125]. Третья номенклатура называлась ведомственной, назначения на такие должности (невысокого ранга) производились самостоятельно учреждениями с последующим уведомлением вышестоящего партийного органа о произведенных назначениях.

Смысл номенклатуры № 3 состоял в стремлении аппарата ЦК разгрузиться от чрезмерного количества должностей, передав их часть местным партийным организациям и ведомствам.

Так была создана стройная система подчинения и личной зависимости номенклатурного работника от назначаемого партийного органа: «Он тебя утверждает в должности постольку, поскольку ты обязуешься строго и неукоснительно выполнять его решения». От руководящих кадров стали требовать не только «общих указаний», но и непосредственного участия в работе по выполнению поставленных задач. Номенклатурный механизм подбора кадров позволил установить персональную ответственность за выполнение поставленных задач и жесткий контроль за деятельностью руководящих кадров со стороны партийных органов сверху донизу.

Номенклатурные списки не являлись застывшими. В зависимости от требований времени должности из первого номенклатурного списка могли переходить во второй и наоборот. При этом номенклатурные работники стремились из третьей номенклатуры перейти во вторую, из второй – в первую. Включение в более высокую номенклатуру давало руководителю определенную свободу действий и некоторую независимость от местных партийных организаций.

Созданный к середине 1920-х гг. номенклатурный механизм подбора и расстановки руководящих кадров с небольшими изменениями и усовершенствованиями просуществовал вплоть до приостановки деятельности КПСС в августе 1991 г. Номенклатурные списки сформировали определенную иерархию должностей. Нельзя было занять высокую руководящую должность, не проработав определенное время на низших ступенях власти. Нельзя было работника, включенного в номенклатуру № 2, назначить на должность, входящую в номенклатуру № 1.

Номенклатура являлась определенной социальной опорой правящей партии и способствовала реализации ее доктринальных идей, тем самым превращая партию в правящий слой общества. Номенклатурщик мог связывать свою дальнейшую судьбу только с успешной реализацией поставленных перед ним задач. Впрочем, это является обязательным условием в любом обществе.

Список источников

1. Коржихина Т.П., Фигантер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия ; Октябрь, 1991. 624 с.
3. Авторханов А. Технология власти. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1976. 709 с.
4. Авторханов А. Происхождение партократии. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1983. Т. 2: ЦК и Сталин. 534 с.
5. Джилас М. Лицо тоталитаризма : пер. с серб.-хорват. М. : Новости, 1992. 544 с.
6. Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х–1930 году) : дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. 438 с.
7. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. 238 с.
8. Коновалов А.П. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)–КПСС в регионе Сибири: 1945–1991 гг. : дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 744 с.
9. Туфанов Е.Ф. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа) : дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2018. 500 с.
10. Калинина О.Н. Партийное и советское руководство Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа. Новосибирск, 2013. 435 с.
11. Нечаева С.В. Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2006. Челябинск, 2007. 380 с.
12. Политические лидеры Вятского края : библиогр. Справочник / сост. В.С. Жаравин, Е.Н. Чудиновских; под ред. Е.Н. Чудиновских. Киров : Лобань, 2009. 730 с.
13. Федоров А.Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945–1953 гг. (на примере политической биографии А.Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 65–74.
14. Борисенко Е.А. Основные способы решения кадровой проблемы в колхозах Красноярского края в послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 80–87
15. Устинкин С.В. Партийно-советская номенклатура в условиях брежневской «кадровой стабильности» // Власть. 2012. № 7. С. 27–32.
16. Рзаев Э.Э Роль системы номенклатур в партийно-государственной кадровой политике в первое десятилетие советской власти // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 369–374.
17. Известия ЦК РКП(б) : журнал ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1920. № 19.
18. Известия ЦК РКП(б). 1921. № 30
19. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М. : Политиздат, 1969. Сб. IV. 515 с.
20. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М. : Политиздат, 1970. Сб. V. 424 с.
21. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 7 (Фонд Центрального комитета РКП(б)–ВКП(б).
22. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 222 (Фонд Центрального комитета РКП(б)–ВКП(б).
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 285.
24. XI съезд РКП(б) : стенограф. отчет, март–апрель 1922 г. М. : Госполитиздат, 1961. 873 с.
25. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 16.
26. Сборник циркуляров, положений и инструкций по учету и распределению членов РКП(б). М. : тип. ЦК РКП(б), 1922. 30 с.
27. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11.
28. Известия ЦК РКП(б). 1923. № 51.
29. Яцков В. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М. : Мысль, 1986. 315 с.
30. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 667.
31. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 131.
32. XII съезд РКП(б) : стенограф. отчет, 17–25 апреля 1923 г. М. : Главполитпросвет,1923. 705 с.
33. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 51.
34. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 5.
35. РЦХИДНИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 245 (Личный фонд Куйбышева В.В.).
36. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 44.

37. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 571.
38. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 572.
39. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 573
40. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 567.
41. Известия ЦК РКП(б). 1924. № 59.
42. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 49.
43. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 288 (Личный фонд Сталина И.В.).
44. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 256.

References

1. Korzhikhina, T.P. & Figanter, Yu.Yu. (1993) Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizm deystviya [Soviet nomenclature: formation, mechanism of action]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 25–38.
2. Voslenskiy, M.S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The dominant class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; Oktyabr'.
3. Avtorkhanov, A. (1976) *Tekhnologiya vlasti* [Technology of Power]. Frankfurt am Main: Posev.
4. Avtorkhanov, A. (1983) *Proiskhozhdenie partokratii* [The Origin of the Partocracy]. Vol. 2. Frankfurt am Main: Posev.
5. Dzhilas, M. (1992) *Litso totalitarizma* [The Face of Totalitarianism]. Translated from Serb-Croatian. Moscow: Novosti.
6. Pashin, V.P. (1993) *Partiyno-khozyaystvennaya nomenklatura v SSSR: stanovlenie, razvitie, uprochenie (v 20-kh–1930 godu)* [The USSR party-economic nomenclature: Formation, development, consolidation (in the 1920s – 1930s)]. History Dr. Diss. Moscow.
7. Mokhov, V.P. (2003) *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [Russian regional political elite (1945–1991)]. Perm: [s.n.].
8. Konovalov, A.P. (2006) *Formirovanie i funktsionirovanie nomenklaturnykh kadrov organov VKP(b) – KPSS v regione Sibiri: 1945–1991 gg.* [Formation and functioning of the nomenclature personnel of the CPSU (b)bodies]. History Dr. Diss. Kemerovo.
9. Tufanov, E.F. (2018) *Stanovlenie i razvitie sovetskoy regional'noy partiyno-gosudarstvennoy nomenklatury v 1921–1939 gg. (Na materialakh Severnogo Kavkaza)* [Formation and development of the Soviet regional party and state nomenclature in 1921–1939 (Based on materials from the North Caucasus)]. History Dr. Diss. Stavropol.
10. Kalinina, O.N. (2013) *Partiynye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoy Sibiri v 1946–1964 gg.: opyt istoricheskogo analiza* [Party and Soviet leadership of Western Siberia in 1946–1964: A historical analysis]. Novosibirsk: Parallel'.
11. Nechaeva, S.V. (2007) *Lidery politicheskoy elity Chelyabinskoy oblasti. 1934–2006* [Leaders of the political elite of the Chelyabinsk region. 1934–2006]. Chelyabinsk: Kniga.
12. Chudinovskikh, E.N. (ed.) (2009) *Politicheskie lidery Vyatskogo kraya: bibliograf. spravochnik* [Political leaders of the Vyatka region: Bibliography]. Kirov: [s.n.].
13. Fedorov, A.N. (2020) The factors of regional leaders' career progress in 1945–1953 (by the example of A.B. Aristov's political biography). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 65–74. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/66/8
14. Borisenko, E.A. (2017) Solving the staff problem on collective farms in Krasnoyarsk Krai in the post-war years: the basic ways (1946–1953). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 80–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/12
15. Ustinkin, S.V. (2012) Partiyno-sovetskaya nomenklatura v usloviyakh brezhnevskoy “kadrovoy stabil'nosti” [Party-Soviet nomenklatura in the conditions of Brezhnev's “personnel stability”]. *Vlast'*. 7. pp. 27–32.
16. Rzaev, E.E. (2019) Rol' sistemy nomenklatur v partiyno-gosudarstvennoy kadrovoy politike v pervoe desyatiletie sovetskoy vlasti [The role of the nomenclature system in the party-state personnel policy in the first decade of Soviet power]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 369–374.
17. *Izvestiya TSK RKP(b). Zhurnal TSK RKP(b)–VKP(b)*. (1920) 19.
18. *Izvestiya TSK RKP(b)*. (1921) 30.
19. RCP (b). (1969) *Perepiska Sekretariata TSK RKP(b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami* [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the RCP (b) with local party organizations]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].
20. RCP (b). (1970) *Perepiska Sekretariata TSK RKP(b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami* [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the RCP (b) with local party organizations]. Vol. 5. Moscow.
21. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 67. List 1. File 7. (Fund of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b)).
22. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 65. File 222. (Fund of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b)).
23. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 65. File 285.
24. RCP (b). (1961) *XI s"ezd RKP(b). Stenograf. otchet, mart–aprel' 1922 g.* [XI Congress of the RCP (b). Verbatim report, March – April 1922]. Moscow: Gospolitizdat.
25. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund17. List 67. File 16.
26. RCP (b). (1922) *Sbornik tsirkulyarov, polozheniy i instruktsiy po uchetu i raspredeleniyu chlenov RKP(b)* [Collection of circulars, regulations and instructions for the registration and distribution of members of the RCP (b)]. Moscow: TSK RKP(b).
27. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 34. File 11.
28. *Izvestiya TSK RKP(b)*. (1923) 51
29. Yatskov, V. (1986) *Kadrovaya politika KPSS: opyt i problemy* [Personnel policy of the CPSU: Experience and problems]. Moscow: [s.n.].
30. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 65. File 667.
31. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 3. File 131.
32. RCP (b). (1923) *XII s"ezd RKP(b). Stenograf. otchet, 17–25 aprelya 1923 g.* [XII Congress of the RCP (b). Verbatim report, April 17–25, 1923]. Moscow: Glavpolitprosvet.
33. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 51.
34. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 5.
35. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 79. List 1. File 245. (V.V. Kuybyshev’s personal archive).
36. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 44.
37. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 571.
38. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund17. List 68. File 572.
39. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund17. List 68. File 573.
40. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 567.
41. *Izvestiya TSK RKP(b)*. (1924) 59.

42. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 68. File 49.
43. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 558. List 1. File 288. p. 1 (I.V. Stalin's personal archive).
44. The Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 34. File 256.

***Сведения об авторе*:**
Пашин Василий Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail pashinvp@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pashin Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail pashinvp@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 09.10.2021; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(470.42)
doi: 10.17223/19988613/89/7

Немецкая пропаганда среди молодежи на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)

Елена Анатольевна Пушкаренко

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты немецкой пропаганды среди молодежи на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь). Оккупация Советской Белоруссии продолжалась более трех лет, поэтому вопросу привлечения местного населения к выполнению экономических и политических планов немецкими властями уделялось особое внимание. Одной из первоочередных задач в этой области стало воспитание молодежи в национал-социалистском духе.
Ключевые слова: пропаганда, молодежь, школьная система, Генеральный округ Беларусь, коллаборантские организации

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда среди молодежи на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 55–62. doi: 10.17223/19988613/89/7

Original article

German propaganda among young people in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General district of Belarus)

Elena A. Pushkarenko

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation, pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article discusses the main directions of German propaganda among young people in the occupied Soviet territory during the great Patriotic war (based on the materials of the General district of Belarus). The purpose of research is to determine the directions of the German administration's ideological influence on Belarusian youth, its forms and methods, dynamics, and effectiveness. The sources for writing the work were documents of the National archive of the Republic of Belarus (NARB), analytical materials of Soviet authorities, reports of partisans, as well as a number of scientific studies on the topic of the work. Research methods – analysis and synthesis.

The German occupation authorities in the territory of the General district of Belarus actively used propaganda tools to ensure their economic and political plans. Belarusian youth became a special object of ideological influence. Able-bodied young workers from the East had to make up for the shortage of workers in the war economy of the "3rd Reich". Belarusian youth tried to instill the values of national socialism. In addition to propaganda recruitment actions in Germany, the school and higher education system under the patronage of the German occupation authorities in the district, as well as a number of collaborator organizations, in particular, the Union of Belarusian Youth (SBM), had an ideological impact on children and youth. They tried to erase Soviet Communist values from the minds of young people. The young generation of occupied Soviet Belarus had to link their future with Nazi Germany. Young people tried to instill the idea that the previous years of Soviet power brought their homeland decline and suffering, and the revival of the Belarusian land is possible as part of the so-called "New Europe". This was proved by the creation of puppet pseudo-state institutions, including the "Belarusian Central Rada" ("BCR").

Both heads of the German district administration – V. Kube and K. von Gottberg – attached great importance to educating the young generation of the General district of Belarus in a nationalist and Pro-Nazi spirit. Young people were to become the mainstay of the German occupation authorities and a source of free labor. However, the rate of invaders to the Belarusian youth has failed. Participation in the "SBM" was mostly compulsory.

Thus, the massive propaganda aimed at potential Belarusian Ostarbeiters from among the youth proved to be ineffective. Attempts to mobilize young people to actively resist the advancing Red Army units were also unsuccessful. The efforts of German and local propagandists were leveled by the extremely brutal occupation regime, including methods of fighting partisans, punitive SS expeditions against civilians, and mass extermination of Jews.
Keywords: propaganda, youth, school system, General district of Belarus, collaboration organizations

© Е.А. Пушкаренко, 2024

For citation: Pushkarenko, E.A. (2024) German propaganda among young people in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General district of Belarus). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 55–62. doi: 10.17223/19988613/89/7

В последние годы наша страна сталкивается с вызовами самого различного характера, в том числе идеологического. Попытки переписать историю Второй мировой войны можно остановить только воссозданием правдивой и законченной картины отечественной и всеобщей истории. В этой связи данная статья представляется актуальной и значимой. Новизна исследования обусловлена его объектом. В современной российской историографии крайне мало работ, посвященных проблеме идеологического воздействия на молодежь оккупированных территорий СССР, в том числе Советской Белоруссии. Длительность оккупационного режима, действовавшего на белорусской земле, позволяет проследить эволюцию содержания, форм и методов пропагандистской деятельности немецкой администрации среди белорусской молодежи.

Воспитание молодого поколения порабощенной нации раньше или позже становится одной из главной задач любого завоевателя (если, конечно, не идет речь о полном уничтожении народа). Именно молодежь должна была стать опорой в реализации планов немецкой администрации на захваченной советской территории. Уже с первых дней оккупации гражданской администрацией Генерального округа Беларусь под руководством В. Кубе были предприняты усилия по организации пропагандистской работы среди белорусской молодежи. Ее главной целью стали привитие нацистских ценностей и развенчание идей коммунистической советской идеологии. Выполнению этих задач должны были служить коллаборантские профашистские организации и система школьного образования. Так, уже 26 сентября 1941 г. В. Кубе отдает приказ об открытии школ и начале их деятельности в Минском гебитскомиссариате с 1 октября. Аналогичные приказы были направлены в другие административные единицы округа – Слуцк, Борисов, Вилейку, Глубокое, Барановичи, Слоним, Лиду и Гродно. Интересно, что в документах была указана и зарплата учителей. Ее размер должен был составить 50 рейхсмарок, что по немецким подсчетам соответствовало довоенному уровню зарплаты учителей в пересчете на советские рубли. В «Положении о школах Генерального округа Беларусь», утвержденном 24 сентября 1941 г. Генеральным комиссаром В. Кубе, подчеркивался национальный характер образования белорусских детей и подростков. «Первоочередной обязанностью школьной системы, – говорилось в нем, – является защита белорусской культуры и образование. Другие национальные меньшинства (поляки, русские), которые здесь проживают, должны изучать и признавать белорусскую культуру; все учительские кадры обязаны пройти аттестацию по специальности и проверку морального и политического соответствия новым требованиям. Языком обучения будет белорусский (в польских местностях еженедельно будет преподаваться не менее 6 часов белорусского языка). Руководство школьным делом возлагается на инстанцию в составе Генерального комиссариата. В учебный план главным образом войдут занятия по родному языку (в польских областях – по польскому и белорусскому), естествознанию, географии, пению, математике. Но в начале каждого учебного дня нужно обращать внимание учеников на значение и смысл Новой Европы под руководством А. Гитлера и карать смертью каждую попытку большевистского влияния в школьной среде, поскольку подрастающая молодежь Генерального округа Беларусь будет воспитана только в духе Новой Европы под началом фюрера» [1. Л. 8].

Организованное немецкими оккупационными властями школьное дело изначально было сильно идеологизировано. Наследие коммунистического воспитания очень раздражало и беспокоило руководство округа, поэтому одной из главных целей пропагандистской работы отдела молодежи Генерального комиссариата стало ее воспитание по примеру «гитлерюгенда» в исключительно националистическом, русофобском и антисемитском духе. Помимо этого, школьной системе ставилась задача ликвидации последствий «господства на белорусской земле польского и российского шовинистических режимов, а потом советско-большевистского, каждый из которых либо отрицал в праве на существование белорусской нации, проводя польскую и русскую националистическую политику, либо, официально признав ее, провозглашал националистическим и враждебным все поистине национальное». Этот аспект советской национальной политики (например, борьба с нацдемовщиной) был использован немецкими пропагандистами на территории оккупированной Белоруссии. Акцентировалось уважение ко всему белорусскому – культуре, языку, традициям и обычаям. Воспитательная работа среди молодежи велась под лозунгом «Беларусь для белорусов» [2. Л. 104].

В сложившейся ситуации белорусская молодежь, с одной стороны, получила возможность приобщиться к достижениям национальной культуры, но, с другой стороны, ей внушались мысли, что главными врагами их Родины выступают «жидо-большевистские агенты Москвы – партизаны и польские националисты, а другом и помощником – национал-социалистическая Германия», которая якобы стремилась «возродить Беларусь и ввести ее в почетный ряд европейских держав».

Критиковалась советская школа, которая, по мнению представителей Генерального комиссариата, была излишне политизирована и занималась воспитанием не человеческих качеств, а качеств будущих борцов за мировую революцию. «Роль учителей ограничивалась только пропагандистской деятельностью, а преподавание и нравственное воспитание молодежи не занимали главного места. Теперь же в задачи учителя входит разъяснение роли национального возрождения Беларуси», – так писала в 1942 г. «Белорусская газета» [3. Л. 44]. Однако, несмотря на все преимущества новой белорусской системы школьного образования, в октябре 1941 г. В. Кубе приказал для «детей немецкого проис-

хождения открывать специальные школы», при этом строжайше запрещалось направлять немецких детей при отсутствии для них специальных школ в местные белорусские школы [4. Л. 14–15]. Конечно, дело здесь не только в языковом вопросе, поскольку изучению немецкого языка в белорусских школах отводилось значительное количество часов, а в нацистском восприятии славянства, которое так тщательно скрывалось от местного населения.

В 1942 г. молодежная политика приобретает еще большие масштабы и новые направления: в течение года глава «гитлерюгенда» П. Аксман издал несколько приказов о создании на территории Остланда филиала НСДАП. Это были «Восточная областная организация НСДАП», «Остзейское руководство гитлерюгенд». У последнего был свой штаб в Минске, который назывался «Окружное руководство гитлеровской молодежи в Беларуси». В мае 1942 г. в составе «Имперского руководства молодежи» был образован Главный отдел «работы среди молодежи в занятых восточных районах», в обязанности которого входила разработка всех общественно-политических и молодежных вопросов на оккупированной территории [5. Л. 45]. Все эти учреждения подробно регламентировали и направляли деятельность молодежных организаций и системы школьного образования как в самой Германии, так и в оккупированных европейских странах, определяли пропагандистскую сторону их работы и ее содержание.

Надо отметить, что на протяжении первых двух лет войны и в первой половине 1943 г. школа оставалась главным и практически единственным проводником идеологии лидерства Гитлера и так называемой «Новой Европы» именно для молодой части общества. Конечно, идеологическое воздействие на молодежь осуществлялось и в ходе целого ряда политических мероприятий, рассчитанных на другие группы населения. Однако содержание школьного образования, воспитательная деятельность учителей должны были, по мнению оккупантов, создать молодых белорусов нового типа, соответствующего требованиям и интересам нацистской Германии. Одновременно немецкая пропаганда неустанно критиковала советскую систему школьного образования именно за то, что «советская власть использовала ее только для воспитания молодежи в необходимом для нее коммунистическом духе». Небезосновательно утверждалось, что на достижение этих целей была направлена вся система образования и воспитания: школа, пионерия, комсомол, а также кино, пресса, театр. «Большевики преобразовали школу в основу воспитания молодежи в духе коммунизма и пролетарского интернационализма. Они превратили школу в лабораторию по привитию жидовско-большевистской отравы, по воспитанию покорных рабов своей власти», – говорилось в одном из материалов пропаганды [6. Л. 26].

Активное участие в разработке планов идеологического воздействия на белорусскую молодежь принимали коллаборанты. 1 июня 1942 г. их представители участвовали в одном из заседаний Генерального Комиссариата по вопросам организации работы с молодежью с докладом под названием «О школьном деле Беларуси», в котором указывалось на ряд просчетов немецких оккупационных властей в работе с молодым поколением Белоруссии. В частности, указывалось на то, что «…1941/42 школьный год был полностью потерян для дела воспитания белорусского народа и замедления польско-российско-еврейско-большевистского влияния на Беларуси». «В этом году на Беларуси могли существовать только начальные народные белорусские школы, – говорилось в нем, – школьные учебники не были апробированы властями, ни один учебник не вышел из печати. Тем не менее на 1942–1943 год в Беларуси не планируется ничего нового в школьном деле. В то же время в Литве и на Украине дело национального воспитания и подготовки своих специалистов выглядело совсем иначе уже в 1941/42 учебном году: там полностью работали школы нижней, средней и высшей ступени, даже Академия наук; там открываются такие общеобразовательные учреждения, как библиотеки и музеи. Там с корнем уничтожаются вражеские польско-российско-жидовско-большевистские влияния, вместо которых дается свое, национальное, содержание в духе построения Новой Европы... На Беларуси необходимо воспитание молодежи и всего народа в своем, национальном, направлении, согласно с потребностями нового строя. Польская интеллигенция стремится нынче захватить позиции в администрации, костеле, торговле, культурной жизни в свои руки, чтобы проводить свою шовинистическую политику... А интеллигенция, оставленная большевиками, в большинстве своем является сторонницей целости СССР, а частично полностью враждебно относится к новой Беларуси, в этом смысле она – плацдарм восточного врага». Далее предлагалось как можно скорее создать под наблюдением Генерального Комиссара руководство просвещения и культуры Беларуси из среды «сознательных белорусов», способных к организации низших, средних и высших общеобразовательных и специальных школ по всей Беларуси, а также передать этому руководству весь научно-культурный фонд Беларуси. Эти меры должны были, по их мнению, восполнить недостаток национальной интеллигенции, заменить «враждебные польские и российские профессиональные кадры на белорусские, чтобы начать общую воспитательную работу белорусского народа в своем национальном направлении, которое обеспечит прочное ограничение от Польши и России» [7. Л. 62–71].

Одним из первых таких ограничений стало введение с 1 сентября 1942 г. в первых классах народных школ, а позже и в старших, латиницы. Для проведения соответствующих консультаций в реализации этого вопроса референт Генерального комиссариата Беларуси и руководитель школьной системы Беларуси Сивица ездил в Берлин, где участвовал в обсуждении проблем белорусского языкознания. Для Генерального округа Беларусь были назначены специальные руководители по вопросам языка для разработки транскрипции и составления школьных учебников. Цель, которая преследовалась такими действиями, была двоякой: с одной стороны, дети, проходя обучение на латинице, вообще утрачивали связь с общеславянской культурной традицией через алфавит, а с другой сто-

роны, его «белорусскость» определяла исключительно национальные черты и отделяла от польского языка [8. Л. 19].

1943 год стал переломным в вопросах школьной и профессиональной подготовки в округе, предпосылкой чему послужил ряд объективных изменений. Военная промышленность рейха испытывала все более возрастающую потребность в рабочих руках с Востока. При этом в 1943–1944 гг. основная ставка немецкой администрацией округа делалась не столько на вербовку белорусской молодежи и ее отправку в Германию, сколько на ее использование на предприятиях в пределах Генерального округа (в любом случае остарбайтеры трудились на благо рейха). Исходя из необходимости увеличить количество профессионально подготовленных белорусских кадров, В. Кубе приказал в июле 1943 г. распространить на всю территорию округа новую систему школьного образования, которая включала следующие ступени:

I. Дошкольные учреждения – ясли, детские сады.

II. Общеобразовательная школа (бесплатная, обязательная для всех детей в возрасте от 7 до 14 лет). Уже на этой ступени должно было происходить распределение на способных и тех детей, обучение которых завершалось в 14 лет окончанием классов с профессионально-технической ориентацией.

III. Средняя школа (была уже необязательной и платной, дети принимались сюда по результатам экзаменов (примерно 30% лучших из начальной школы). Эта ступень включала несколько подтипов школ: реальную, гуманитарную, сельскохозяйственную и трудовую, а также техническую, торговую и учительские семинарии. Окончание трех последних и успешная сдача вступительных экзаменов гарантировали продолжение образования в высших учебных заведениях.

IV. Трудовая повинность (четвертая ступень) распространялась на всю молодежь в возрасте 18–19 лет и проходила в течение года независимо от образования в так называемой школе «Служба Отечеству».

V. Высшая школа (пятая ступень), в состав которой входили университеты, институты, консерватории, высшие курсы.

На каждой ступени проходил отбор 10% лучших, которые имели возможность (в случае возможности оплаты обучения) продолжить учебу. В печати широко пропагандировались эти нововведения. А с октября того же года Кубе приказал провести пропагандистскую кампанию в связи с открытием четырех институтов – медицинского, юридического, управления и ветеринарного [9. Л. 43–47].

Школьный инспекториат особенно волновал вопрос, связанный с вынужденным закрытием школ в районах наибольшей активность партизан. В отчетах районных инспекторов неоднократно повторялось: «учителя боятся ехать на работу», «сожженное партизанами школьное здание» [10. Л. 51].

Препятствия со стороны партизан деятельности школ объясняются выраженным антисоветским содержанием школьной программы пронемецких учебных заведений. Например, в начальной школе детям говорили, что Сталин погиб, и теперь «нашим руководителем будет А. Гитлер». При этом в ответ на национальное приветствие «Живе Беларусь!» дети должны были отвечать нацистским жестом, соответствовавшим приветствию на слоган «Хайль Гитлер!» В целом, помимо того что школьная программа приобрела националистический характер, она была насыщена фальшивыми идеями построения так называемой Новой Европы под руководством фюрера и благодарности «освободителям за данную ими возможность идти в Европу». Конечно, основными школьными предметами, которые использовались в пропагандистских целях, были история, литература и белорусский язык. В истории Беларуси наибольший акцент делался на периодах войн между Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой, с одной стороны, и «Московской державой» – с другой. Большое внимание уделялось проблеме белорусского освободительного движения XVIII–XIX вв., активизировавшегося после разделов Речи Посполитой. В курсе школьной истории был раздел под названием «Европейская война», в котором преподносилась немецкая версия причин и развития Второй мировой войны. В частности, говорилось о наступлении для Беларуси «новой эры» в связи с ее «освобождением от Польши и Советов». Особое внимание уделялось изучению биографии и исторической роли А. Гитлера [8. Л. 7].

В так называемых «Чытанках» для 3-го класса говорилось: «У белорусов красивые язык и литература, которые испортили большевики и поляки, а теперь есть возможность изучать их и повысить свой культурный уровень». Здесь же содержались разделы, названия которых говорят сами за себя – «Мощь Германии», «Немецкий солдат», а также немецкие поговорки, которые должны были воспитывать у белорусских детей и подростков такие качества, как трудолюбие, покорность, послушание, дисциплинированность [11. Л. 106]. Нельзя не отметить, что много времени отводилось на изучение национальной культуры, традиций, истории, которые в предшествовавший советский период не входили в школьную программу. Однако комментарии, которыми сопровождали эти разделы, носили откровенно пропагандистский характер.

Составителями школьных учебников стали с 1943 г. белорусские сотрудники комиссариата (до этого книги на белорусском языке поступали непосредственно из Берлина). Например, Калубович стал автором хрестоматии на белорусской литературе для V–VI классов, Шкеленок и Найдюк написали учебники по истории Беларуси, Кипель – по ботанике; учебники по грамматике были основаны на разработках известных белорусских лингвистов начала XX в. Тарашкевича и Лесика. При Генеральном Комиссариате действовало Издательство учебников и литературы для молодежи в Минске, материалы для которого приходили попрежнему из Германии, а руководителем его был коллаборант Найдюк [12. Л. 44–48].

В 1943 г. на территории округа был создан так называемый «Союз белорусской молодежи». В уставе СБМ, утвержденном 22 июня 1943 г. В. Кубе, определялись следующие цели его деятельности: «Воспитание молодых, идейных, смелых последовательных строителей новой Беларуси и подготовка их к созида-

тельному труду в народной среде; освобождение белорусской молодежи от враждебных и вредных влияний, ее нравственное возрождение и воспитание в духе Новой Беларуси под руководством национал-социалистической Германии; проведение национально-патриотического воспитания через ознакомление с историей Беларуси, изучение языка и культуры, развитие национального своеобразия. Через нравственное воспитание изжить рабскую психологию, материализму противопоставить высокие понятия и ценности идеализма, чувства героизма, справедливости, трудолюбия, обязательности. Так развить черты характера и души, чтобы белорусский народ, имеющий арийское происхождение, мог быть принят в сферу европейской культуры, и прежде всего западноевропейской; через физическое воспитание взрастить здорового, трудоспособного и жизнерадостного белорусского юношу и здоровую белорусскую девушку – будущую жену и мать» [13. Л. 80].

Методами работы СБМ были собрания, экскурсии, кружковая работа. Привлечение в состав союза носило, однако, принудительный характер: под угрозой увольнения с работы либо чтобы трудоустроиться зачастую приходилось записаться в эту организацию. Принципы, на которые опирался Союз в своей воспитательной работе, были полностью заимствованы из германского гитлерюгенда:

– принцип вождизма, строгой субординации, подчинения, выполнения приказов;

– несение трудовой повинности в специальных лагерях;

– жесткая дисциплина [14. Л. 8].

Сама структура организации СБМ полностью копировала структуру и принципы организации работы германского «гитлерюгенда».

Разжигание ненависти и развитие качеств бойца по принципу «меньше интеллекта, больше физкультуры», создание фактически «зомби» послушных авторитарной воле являлись истинными целями деятельности СБМ. «Молодежь должна не думать, а беспрекословно подчиняться. Безграмотность – идеал нацистов», – говорил глава Немецкого трудового Союза Р. Лей. Действительно, основную часть занятий, проводимых в Слонимской (для ребят) и Дроздовской (для девушек) школах СБМ, занимали строевая подготовка, физическое воспитание, пение и лекции, направленные на воспитание «арийского» духа, мужества, самопожертвования, дисциплинированности, верности, обязательности, а занятия по белорусской культуре отличались националистическим оттенком [15. Л. 62]. После окончания школы и принесения присяги воспитанников возили в Германию, где они в течение двух недель знакомились с работой «гитлерюгенда» [16. Л. 54].

Ставка на молодежь в реализации оккупационных планов получила развитие и у преемника В. Кубе К. фон Готтберга. Польский исследователь Ю. Туронок отмечает, что новый Генеральный комиссар округа на одной из конференций проходившей в ноябре 1943 г в Министерстве занятых восточных территорий, высказался о необходимости скорейшего издания школьных учебников на территории округа, а также за дальнейшее развитие деятельности таких коллаборантских организаций, как «Самопомощь» и СБМ, считая, что они выполняют необходимые пропагандистские функции [17. С. 175]. Как и прежде, большая роль отводилась подготовке пропагандистских кадров. Так, согласно приказу Готтберга от 16 февраля 1944 г. пропагандисты, подготовленные в школах СБМ, поступали в распоряжение гебитскомиссаров и должны были сотрудничать с местными пропагандистами-референтами в проведении акций и кампаний пропагандистского характера и распространении газет и журналов [18. Л. 23].

Пропагандистский отдел был одним из пяти, составлявших так называемый руководящий штаб СБМ. Председателем Союза был Михаил Ганько – воспитанник берлинской школы пропагандистов Акинчица. Женский отдел организации возглавляла врач Наталья Абрамова. Для пропаганды и распространения идей Союз имел свой печатный орган – ежемесячник «Жыве Беларусь», а для собственных пропагандистских кадров выходила специальная учебная литература – «Дневники приказов» и «Учебный листок». Обязанности пропагандистов должны были выполнять и учителя: в 1943/44 учебном году они занимались организацией школьных кружков СБМ [19. С. 100].

В 1944 г. использование в пропагандистских целях СБМ и системы образования достигло максимума: через эти учреждения проводились многие идейно-политические акции и кампании, рассчитанные на молодое поколение. С наибольшим упорством местные пропагандисты и руководящие лица из состава Генерального комиссариата призывали белорусскую молодежь бороться за «Новую Европу», при этом главный расчет делался на национальное самосознание. Апелляцией к национальным чувствам стало в том числе провозглашение 27 декабря 1943 г. Белорусской Центральной Рады во главе с «президентом» Р. Островским и целый ряд других мер. На втором совещании высшего руководства СБМ, проходившем 16–20 февраля 1944 г., выступали шеф-проводник руководящего штаба СБМ Ганько, руководитель отдела молодежи ГКБ Гене, президент БЦР Островский и сам генеральный комиссар Курт фон Готтберг. Суть их выступлений можно свести к следующим тезисам из речи Готтберга: «Мы переживаем конфликт между большевизмом и упорядоченным миром в лице Германии, а между этими сторонами стоит молодежь; СБМ – это революция молодежи против большевизма; вы будете писать национальную историю вашей страны в Новой Европе, но для этого нужно ее защитить от большевизма своим трудом» [16. Л. 16].

Еще в июне 1943 г. Ганько получил от рейхсминистра «занятых областей» А. Розенберга инструкцию относительно целей и задач возглавляемой им организации. В ней говорилось, что «реорганизация народа для службы на благо нашей общей победы и скорейшего построения Новой Европы, воспитание белорусской молодежи в духе гитлерюгенд выступает доказательством воли к жизни белорусского народа перед угрозой большевизма». В соответствии с этими тезисами руководящий штаб СБМ и отдел пропаганды ГКБ провели ряд пропагандистских акций среди молодежи, в том числе призывы к белорусским студен-

там, не закончившим обучение до начала войны, поехать на учебу в рейх. При этом среди населения ходили упорные слухи, что белорусские студенты поедут в Германию не для продолжения образования, а в качестве остарбайтеров на принудительные работы. Доказательством справедливости такого недоверия со стороны населения служили вербовочные акции, проходившие параллельно с рекламой учебы в рейхе. Листовки и плакаты обещали равноправие с немцами, свободу, легкую и хорошо оплачиваемую работу, культурное развитие, профессиональное обучение и т.д. На самом деле за красивыми фразами скрывались потребности военной экономики рейха, остро испытывавшей недостаток в работниках. Так, в инструкции руководителя отдела трудовой и социальной политики при ГКБ Фрайденберга от 15 декабря 1942 г. раскрываются истинные цели подобных пропагандистских акций. Здесь, в частности, говорится, что три штаба по набору на работу до сих пор поставили очень мало рабочей силы для рейха на основе принципа добровольности. «Во всяком случае все оценки относительно положения сходятся на том, что при больших пропагандистских затратах невозможно добиться значительного успеха при найме на добровольном основании. Поскольку положение в рейхе с рабочей силой является очень напряженным и требует большого количества остарбайтеров, и, с другой стороны, из-за нехватки профессионально обученных кадров на территории Генерального округа взрослые не могут быть вывезены, возникло предложение, чтобы посылать в рейх больше молодежи. Набор молодежи должен проводиться полицией. Для набора подходят в первую очередь молодые люди в 15–18-летнем возрасте. Проведение набора должно начаться в марте 1943 г., чтобы не дать возможности действовать вражеской пропаганде» [20. Л. 28]. С этого времени вербовочные кампании среди белорусской молодежи сочетали в себе пропагандистские акции с принудительными мерами полиции, как, впрочем, и среди других возрастных категорий потенциальных остарбайтеров в течение двух последних лет оккупации.

Можно отметить, что молодежная политика и соответствующий раздел пропаганды для молодежи постоянно шли рядом с политическими мероприятиями власти в масштабах всего округа. Поэтому для пропагандистских кадров СБМ не стало каким-то неожиданным явлением участие в акциях в связи с организацией так называемых «самообороняющихся деревень». Организация подобных деревень, население которых должно было участвовать в боестолкновениях с частями Красной Армии, предшествовала советской операции «Багратион». Людей запугивали перспективой возвращения советской власти, местью тем, кто жил в оккупации и тем более сотрудничал с немецкими властями. Члены СБМ с оружием в руках должны были участвовать в обороне белорусских деревень, лежащих на пути советского наступления. Ганько в марте 1944 г. на собрании окружных руководителей СБМ заявил, что «самообороняющиеся деревни должны быть обеспечены журналами, литературой, а почетным долгом юношей из этих деревень является служба с оружием в руках, что поможет уничтожить врага и защитить Беларусь» [21. Л. 29].

Разумеется, работа в отделе пропаганды требовала определенного уровня знаний и подготовки на той или иной образовательной ступени СМБ. Активное участие в общественной работе среди своего окружения, распространение белорусскоязычной прессы, сотрудничество с газетами в качестве корреспондента, соответствующая спортивная и военная подготовка, а также сдача экзамена по истории Беларуси, истории деятельности и задачам СБМ, роли в жизни народа НСДАП – такие требования выдвигались для молодых пропагандистов средней степени СБМ (от 18 лет). Молодежь в возрасте от 22 лет проходила подготовку на занятиях высшей ступени. Кроме вышеозначенных задач они должны были заниматься формированием национального самосознания среди крестьян и рабочих, организацией небольших пропагандистских мероприятий. Пропагандисты СБМ данного звена должны были иметь высокий уровень военной подготовки, были обязаны знать психологию молодежи и методику управления ею, а также активно проводить в своей среде профилактику алкоголизма, курения и венерических заболеваний. Те, кто успешно проходил курс обучения на данной ступени, попадал на еще более высокую ступень старших руководителей «Союза белорусской молодежи». Соответственно, и требования к ним были более высокими: активная «национальная пропаганда», знание немецкого (французского, английского) языка, польского и русского языков, сдача экзамена по «содержанию вражеской пропаганды против СБМ и белорусской освободительной борьбы и методов противодействия ей». Они должны были знать «идеологическое и методологическое сходство и разницу между Союзом и враждебными и дружественными организациями молодежи (гитлерюгенд, комсомол, скаутинг) и соответственно освещать отношение поляков и большевиков к белорусской молодежи и их влияние на ее психику и характер, разъяснять общее историческое и сегодняшнее состояние арийской западноевропейской культуры и ее влияние на Беларусь», знать «враждебные методы фальсификации истории Родины», а также «сегодняшнее культурно-политическое и экономическое состояние Беларуси, способы сосуществования белорусского и европейских народов, историю, идеологию и методику работы НСДАП и идеологию Новой Европы», разоблачать «вредную роль жидовства в истории человечества» и «отвратительность большевистской идеологии», уметь ей противодействовать. Несмотря на эти достаточно высокие требования к пропагандистским кадрам из числа членов СБМ, по мнению Готтберга, они все-таки не соответствовали тому уровню, который был необходим для понимания и распространения национал-социалистических идей. Когда в июне 1944 г. из штаба А. Розенберга в очередной раз прислали в Минск распоряжения насчет «национально-политического воспитания молодежи и создания для этого необходимых условий», Готтберг приказал 15 июня 1944 г. ввести «в профессиональных школах, высших учебных заведениях и учительских семинариях занятия по национал-

политическим вопросам» и послать в рейх специально избранных лиц, которые будут не только тщательно изучать вышеуказанные вопросы, но и познакомятся для дальнейшего использования в пропагандистских целях с жизнью крестьянства в образцовых деревенских хозяйствах, с социальным строем немецкого государства, с деятельностью Немецкого трудового фронта. Предполагалось, что срок пребывания в Германии для получения необходимых сведений и навыков составит 10–12 недель [22. Л. 70].

Аналогичные задачи поставил Готтберг и для школьных инспекторов, директоров и учителей: все они должны были пройти своеобразную «политграмоту в смысле общей антибольшевистской мобилизации», а школы должны были стать «местами воспитания молодежи для борьбы с большевизмом и охраны нового европейского строя». В приказе также шла речь о необходимости методической переподготовки учителей «в смысле поворота от господствующей сейчас материалистической доктрины воспитания и образования к интеллектуализации молодежи через использование новых методов преподавания» [23. Л. 23].

В феврале 1944 г. появляется и еще одно нововведение в школьном деле: Готтберг приказал передать управление системой школьного образования представителям Белорусской Центральной Рады. Это было одним из проявлений крупномасштабной кампании пропаганды созыва БЦР как свидетельства и доказательства наличия белорусской государственности. Подлинность последней должна была определить ее деятельность в управлении школой, делах культуры и науки. Но фактически руководство школой оставалось в руках немцев [10. Л. 55].

За месяц до прихода в Минск Красной Армии там проходило заседание областных школьных инспекторов, которое четко отразило последние попытки немецкой гражданской администрации осуществить через сеть школ национал-социалистическое воспитание, что, в свою очередь, исходило из так называемой «новой политической линии в Беларуси». Суть линии заключалась в желании создать условия для совместной борьбы белорусского и немецкого народов против большевизма. Предполагалось отбросить старые методы господства среди народов Востока», при этом задачу школы видели в воспитании «нового национально сознательного белорусского течения», которое займется национальным воспитанием остального населения. Отмечалось, что белорусы поздно начали осознавать себя как самостоятельную нацию, что они политически индифферентны и только при немецкой власти получили возможность для своего национально-культурного развития [24. Л. 44].

В феврале 1944 г. в деятельность СБМ были вовлечены по разным данным от 8 до 10 тысяч молодых людей. Однако их участие в работе Союза было номинальным, поскольку его работа на это время ограничивалась лишь поддержкой определенных пропагандистских кампаний власти. Между прочим, несмотря на близкое завершение немецкого господства, предполагалось расширить влияние Союза на 200–300 тысяч человек. Определялись направления деятельности среди деревенской молодежи, учитывая ее крестьянскую психологию. А работа в женских отделах должна была «рядом с воспитанием чувства женщины-матери и женщины-националистки» обеспечить подготовку «специалистов в различных областях народной жизни согласно физическим и моральным возможностям женщины». С 22 июня 1944 г. вообще планировалось введение всеобщей обязанности для белорусской молодежи службы в СБМ.

Как известно, время распорядилось иначе, и борьба за сознание белорусской молодежи осталась в несбывшихся планах создателей третьего рейха. Такое количество пропагандистских задач системы образования отражало фактическую беспомощность этого учреждения в деле воспитания белорусской молодежи. С приближением линии фронта пропаганда все больше запугивала «жидо-большевистской угрозой для Беларуси». За этой фразой скрывался страх самих оккупантов перед реальностью и предстоящим временем расплаты. Активная пропагандистская деятельность немецких властей фактически накануне советского наступления стала последней попыткой скрыть собственный провал в реализации планов господства на Востоке, попыткой привлечения населения оккупированных территорий СССР на сопротивление наступавшим частям Красной Армии.

Таким образом, ставка немецких оккупационных властей на белорусскую молодежь потерпела крах. Участие в СБМ и других коллаборантских организациях в подавляющем числе случаев было принудительным. Попытки мобилизовать белорусскую молодежь на активное сопротивление советским войскам с оружием в руках также не увенчались успехом. Массированная пропаганда, ориентированная на потенциальных белорусских остарбайтеров из числа молодежи, оказалась малоэффективной. Усилия немецких и местных пропагандистов нивелировались методами антипартизанской борьбы, карательными экспедициями СС, массовым уничтожение евреев.

Список источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 28.
2. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1281.
3. НАРБ. Ф. 411. Оп. 2. Д. 31.
4. НАРБ. Ф. 500. Оп. 1. Д. 773.
5. НАРБ. Ф. 411. Оп. 33 а. Д. 544.
6. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 33.
7. НАРБ. Ф. 688. Оп. 2. Д. 2.
8. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 446.
9. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 43.
10. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 23.
11. НАРБ. Ф. 370. Оп. 6. Д. 14.

12. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 415.
13. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 441.
14. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 544.
15. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 442.
16. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2483.
17. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск : Беларусь,1993. 236 с.
18. НАРБ.Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 442.
19. Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : дис. … канд. ист. Наук : 07.00.02. Минск, 1995. 129 с.
20. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395.
21. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 72.
22. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2383.
23. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 385.
24. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31.

References

1. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 28.
2. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1281.
3. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 2. File 31.
4. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 500. List 1. File 773.
5. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 33 a. File 544.
6. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 33.
7. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 688. List 2. File 2.
8. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 446.
9. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 43.
10. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 23.
11. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 6. File 14.
12. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 415.
13. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33 a. File 441.
14. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33 a. File 544.
15. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33 a. File 442.
16. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 2483.
17. Turonak, Yu. (1993) *Belarus' pad nyametskay akupatsyyay*. Minsk: Belarus'.
18. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33 a. File 442.
19. Zhumar, S.V. (1995) *Okkupatsionnaya periodicheskaya pechat' na territorii Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Occupation periodical press on the territory of Belarus during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Minsk.
20. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1395.
21. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 72.
22. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 2383.
23. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 385.
24. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 31.

***Сведения об авторе*:**
Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pushkarenko Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities of the Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.07.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 28.07.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 930:378.4(571.16)"19"
doi: 10.17223/19988613/89/8

Третья роль Томского государственного университета в советский период: развитие организационных форм (1920–1991 гг.)

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. Отмечается неразработанность тематики третьей роли советской высшей школы в историографии ввиду сравнительной новизны концепции и отсутствия методологического инструментария для проведения исследований. На основе делопроизводственной документации автором исследуется развитие организационных форм третьей роли ТГУ в советский период. Делается вывод, что она протекала в условиях ограниченной автономии университетов, а также подчинения нуждам плановой экономики. Организационные формы третьей роли эволюционировали от действий отдельных ученых к работе надвузовского координационного органа.
Ключевые слова: третья роль, третья миссия, Томский государственный университет, советский университет, социальное участие, социальная ответственность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Для цитирования: Расколец В.В. Третья роль Томского государственного университета в советский период: развитие организационных форм (1920–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 63–75. doi: 10.17223/19988613/89/8

Original article

The third role of Tomsk State University in the Soviet period: the evolution of organizational forms (1920–1991)

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. This article, based on office documentation, identifies the organizational forms of the third role of Tomsk State University, as well as their development in the Soviet period (1920–1991). The author notes that the topic of the third role of Soviet higher education in historiography has not been developed, due to the comparative novelty of the concept and the lack of the necessary methodological tools. The author's concept of the third role is introduced. This is the university's activities focused on the needs of public institutions, going beyond the boundaries of teaching and science. The position of universities in the Soviet period is examined, the main task of which was to train personnel for science and other universities, mainly in fundamental disciplines. It is noted that in the interwar period and until the end of the Soviet regime, the third role of TSU was transformed under the influence of educational, ideological and industrial requests of the state and resulted from the scientific specialization of the scientist. During the Great Patriotic War, the third role of TSU reached the supra-university level through the creation of the Tomsk Committee of Scientists, which coordinated efforts, on the one hand, between the city's universities, and on the other, between the authorities, industry and the scientific community. In the post-war period, the emergency organizational form was transformed into a permanent one, when the experience accumulated during the war years in the implementation of third role resulted in the project of creating an Interuniversity Scientific Council and the Council of Rectors of the Tomsk Region. The results of this work allow us to re-emphasize the participation of universities in the life of Soviet society, and also update the discussion about the degree of subjectivity of the Soviet university. This study, using the example of TSU, partly shows that universities in the USSR, being located on the periphery of the scientific and educational space, could be the initiators of the creation of unique organizational forms of involvement in the social problems of society. However, further research is required from other university cases to confirm this point.
Keywords: third role, third mission, Tomsk State University, Soviet university, social participation, social responsibility

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00048 "Discontinuities and continuity in the history of Russian universities. XVIII-XXI centuries".

© В.В. Расколец, 2024

For citation: Raskolets, V.V. (2024) The third role of Tomsk State University in the Soviet period: the evolution of organizational forms (1920–1991). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 63–75. doi: 10.17223/19988613/89/8

Введение

Исследователи за рубежом начиная с 1960-х гг. и особенно в последние десятилетия все больше стали обращать внимание на третью роль (ТР), которую университеты выполняют наряду с первой (образование) и второй (наука) ролями. Ученые ставили самые разные проблемы, касающиеся этого феномена: интерпретация понятия ТР [1], ТР в контексте новых видов университетов, таких как предпринимательский [2], отношение сотрудников университета к участию в реализации ТР и способы их поощрения [3, 4], привлечение заинтересованных сторон к участию в ТР [5, 6], измерение, классификация и демонстрация результатов ТР [7], место ТР в системах стратегического развития университетов [8] и т.д.

В российской науке осознание важности изучения ТР университетов начало возникать лишь в начале 2000-х гг. На сегодняшний день, несмотря на констатированный Я.И. Кузьминовым и М.М. Юдкевич «дефицит ощущения третьей миссии» российских университетов [9. С. 14], тематика ТР получила признание на уровне ведущих университетов России.

Несмотря на качественно иную инновационную компоненту ТР современного университета, формы реализации этой роли, такие как просвещение населения, консультирование институтов и сообществ и даже доходы от контрактов и количество выданных патентов и др., имеют свое историческое измерение и потому могут изучаться историческими науками [10. P. 446]. На этот же элемент обращают внимание исследователи современных университетов, указывая на историчность проявлений ТР для университетов в прошлом (например, университетов США).

Признавая историчность проявлений ТР, исследователь задается вопросом о существовании работ по данной тематике. На сегодняшний день их немного. Например, в исследовании Л. Компаньуччи и Ф. Спигарелли было проанализировано 144 работы, вышедших с 2004 по 2019 г., выявлены повторяющиеся темы исследований ТР [6]. Однако авторы не указали ни одной работы, которая имела бы целью своего исследования исторические проявления ТР.

В российской исторической науке предпринимались лишь отдельные исследования, которые можно отнести к тематике ТР [11, 12]. Применительно к советскому периоду эти исследования не проводились вовсе за исключением отдельных попыток [13]. Вместо этого советские, а впоследствии и российские исследователи апеллировали такими понятиями, как «общественно-политическая деятельность университета», «политико-воспитательная и общественная работа», которые выделялись в качестве отдельных разделов в научных трудах [14, 15][1]. Такое понимание отражало в советских исследованиях идеологическое восприятие включения университетов в жизнь социума. При этом в условиях плановой экономики передача технологий являлась неотъемлемой частью научно-исследовательской работы и относилась к ней.

Российские же историки, по-видимому, не стали пересматривать это понимание. Оно, с одной стороны, клишировано и воспринимается как идеологический придаток деятельности университета или же, наоборот, известно по наиболее крупным событиям и мероприятиям. Однако даже в таком случае понимание социального участия университета раздроблено, не отрефлексировано, не структурировано, не осмыслено в качестве самостоятельной ценности.

Таким образом, изучение организационных форм ТР в советский период является актуальной проблемой выявления потенциала данного феномена применительно к историческому исследованию. Вместе с тем это позволяет рассмотреть деятельность советских университетов под углом их включения в жизнь локальных, региональных и национальных социумов, выявить элементы, которые прежде исследователи обходили стороной, суммировать и актуализировать значение университетов в жизни советского общества.

Особое положение в структуре советской системы высшей школы играл Томский государственный университет. Его кейс интересует нас с точки зрения развития третьей роли в советском университете, находящемся на полупериферии научно-образовательного пространства: в отношении периферии по отношению к университетам Москвы и Ленинграда; в отношении центра по отношению к вузам Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. Такое положение позволяло ТГУ относительно автономно создавать уникальные организационные формы ТР, которые впоследствии транслировались на территории других регионов и даже приобретали всесоюзный масштаб. Акцент на формах ТР позволяет проследить степень институционализации ТР и участия университета в жизни социума в различные исторические периоды.

Исходя из вышесказанного, определена цель исследования, которая заключается в выявлении организационных форм третьей роли Томского государственного университета, а также их развития в советский период (1920–1991 гг.)[2].

Теоретические и методологические рамки исследования. Описание кейса

Интерпретация форм ТР для историка – сложная методологическая задача. В советский период (равно как и до него) ТР не рассматривалась в качестве отдельного самостоятельного феномена, однако придавалось значение некоторым ее направлениям: просвещению общества, консультированию предприятий, внедренческой деятельности.

Сложности вытекают из неустоявшегося определения самой ТР ввиду различного видения высшего образования со стороны исследователей. Наиболее крайние трактовки, с одной стороны, включают в ТР любую

полезную деятельность университетов для индивидов и сообществ, выходящую за пределы преподавания и науки [16]. С другой стороны, часть исследователей настаивает на том, что ТР вовсе не является самостоятельной величиной, но лишь дополняет первые две роли [17].

Одно из конвенциональных определений ТР дали в своем исследовании Л. Компаньуччи и Ф. Спигарелли. По их мнению, третья роль – это совокупность всех видов деятельности, связанных с генерированием, использованием, применением и эксплуатацией знаний, возможностей и ресурсов университета за пределами академической среды [6. P. 5]. В нем снимается противоречие между ролями, которые играет университет, а акцент переносится на взаимодействие университета и внешней среды. Однако при таком определении роли университета смешиваются, ввиду чего теряется смысл выделения ТР в качестве отдельного феномена.

Отсутствие исторических определений ТР вынуждает историков обращаться к современным. Мы придерживаемся определения ТР, выдвинутого на основе нашей предыдущей работы, а также исследования С.Э. Сорокина. ***Третья роль – это ориентированная на потребности общественных институтов деятельность университета, выходящая за пределы преподавания и науки***. Такое определение, во-первых, выбрано автором в контексте использования им индуктивного подхода, в соответствии с которым осуществляется сбор как можно большего количества сведений ТР ТГУ и развития ее форм.

Во-вторых, избранное определение ТР проистекает из холистического видения, в соответствии с которым оно предстает в качестве института социализации, что, помимо передачи знаний, подразумевает формирование мировоззренческих принципов у индивидуумов, основанных на правилах общества. Такое понимание роднит данную концепцию с функциональным и институциональным подходами, представители которых отмечают историчность нормативно-нравственных идеалов общества, в соответствии с которыми университеты социализируют личностей [18. С. 42]. Такое видение позволяет нам избежать излишнего противопоставления социально-экономической и социально-культурной функций университета среди исследователей, учесть вариативность форм и практик ТР университета.

К социально-экономической функции университета относятся следующие направления: экспертно-консультационная деятельность, повышение квалификации и переподготовка кадров, а также трансфер знаний и технологий в условиях советской плановой экономики (например, на уровне патентной деятельности). К социально-культурной функции университета относятся воспитание и просвещение, которые осуществляются за пределами академической среды[3].

Вместе с тем специфика положения советского университета позволяет с учетом принятого нами определения отнести к проявлениям ТР достаточно широкий ряд практик. Это, например, участие студентов, преподавателей и научных сотрудников университета в уборке урожая в колхозах, освоении целины, работе строительных отрядов, участие в военных действиях и мероприятиях на фронте и в тылу, различных формах шефства и т.д. Вариативность включения советских университетов в жизнь общества может привести к размыванию поля исследования, поэтому в этой работе им не будет уделено внимания.

Другой проблемой, встающей перед исследователями, является проблема волеизъявления, или субъектности. Как определить в условиях отсутствия необходимых источников, кто был инициатором действия в области ТР? Являлись ли инициативы сотрудников ТГУ их самостоятельным начинанием или же были организованы «сверху»? Каково в таком случае соотношение усилий «сверху» и «снизу» в данном начинании? В настоящем исследовании, не стремясь решить окончательно поставленные вопросы, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что решающим в определении инициативы «снизу» была уникальность ее организационной формы. В других случаях речь может лишь о тиражировании практик. В основной части работы мы постараемся там, где позволяют источники, дать ответы на поставленные вопросы.

Синонимичным понятию «третья роль» является термин «третья миссия», который используется преимущественно зарубежным учеными. Помимо этого, исследователи ТР используют понятия «социальная ответственность» и «социальное участие», чтобы отразить степень рефлексии и вовлеченности университетов в жизнь социума. Применительно к историческому исследованию социальное участие можно рассматривать в динамике, характеризуя причины его эволюции в определенные исторические периоды.

Мы разделяем и развиваем точку зрения О.В. Перфильевой, в соответствии с которой величина университета и его положение в научно-образовательной системе не всегда пропорционально коррелируют с его взаимодействиями с различными институтами. Университет может сочетать ориентацию на локальные, национальные и наднациональные сообщества для получения конкурентных преимуществ перед другими вузами [19. С. 138]. Применительно к кейсу ТГУ это означает, что мы не должны рассматривать его вовлеченность в направления ТР исключительно на региональном уровне, априори исходя из факта географического расположения вуза.

Третья роль университета в контексте советской системы высшего образования

Исследователи Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов, Д.С. Семенов, И.Д. Фрумин и др., изучая структуру советской вузовской сети, пришли к ряду выводов [20], которые мы можем использовать в качестве отправных тезисов при характеристике советской системы высшего образования, частью которой являлся ТГУ:

– разделение образовательной (вузы) и научно-исследовательской деятельности (Академия наук, отраслевые НИИ, лаборатории и КБ);

– преимущественно «вертикальная», а не «горизонтальная» интеграция вузов в экономику страны;

– дисциплинарно-профильное управление совокупностью вузов через отраслевые министерства, много-

ведомственность управления высшим образованием (к моменту распада СССР высшая школа находилась в введении более 70 ведомств и организаций);

– неприятие дублирования специализаций в системе высшего образования, рассмотрение его как экономически невыгодного (за исключением военной сферы);

– полное подчинение внутренним потребностям народного хозяйства в рабочей силе;

– идеологическое воспитание и обеспечение «правильной классовой и этнической репрезентации и мобильности»[4].

В итоговом выводе авторы охарактеризовали систему высшего образования в СССР в качестве «квазикорпоративной системы», в которой государство сочетает в себе роли «заказчика подготовки кадров и основного работодателя, как в корпоративных системах подготовки кадров» [20. С. 26]. Классические университеты же – это, прежде всего, места подготовки кадров для науки и других вузов (преимущественно по фундаментальным дисциплинам) и, кроме того, для подготовки местных управленческих элит и (в некоторых случаях) учителей.

Несмотря на то, что авторы отказывают советским вузам в какой-либо субъектности не только по отношению к экономике и обществу, но даже по отношению к собственному развитию, они отмечают их высокую культурную роль в советском обществе, приведшую к «мирному распаду тоталитарного государства». Культурная роль, конечно, не является равнозначным понятием ТР, однако и такое объяснение представляется нам несколько упрощенным. Ограничение субъектности университетов в СССР, их подчиненность в отношении государства-партии и плановой экономики ставят под сомнение добровольность осуществления ими ТР, однако не отменяют ее вовсе. Государство в этой ситуации устанавливает приоритеты и задачи в области ТР и направляет усилия университетов на их решение. В таких условиях социальное участие профессорско-преподавательского и студенческого состава могло протекать как в свободной форме, так и в форме принуждения. Свободное осуществление ТР могло, на наш взгляд, отчасти коррелировать с динамикой и характером развития ее организационных форм.

Преамбула исследования. Третья роль Томского университета в 1888–1920 гг.

Перед тем как приступить к анализу советского периода, кратко обозначим положение ТГУ в дореволюционные годы.

Императорский Томский университет (ИТУ) официально начал свою работу в 1888 г. и по праву причисляется к плеяде классических университетов Российской империи. В дореволюционный период, однако, он занимал периферийное[5] положение в структуре университетской сети, географически находясь далеко от основных интеллектуальных сил России и Европы. Имеющиеся на сегодня исследования демонстрируют не только малочисленность контингента преподавателей [21. С. 189] и студентов университета, но также скудность материально-технических и финансовых ресурсов, которыми он располагал [22. С. 316]. Такое положение, впрочем, не мешало университету осуществлять третью роль (просветительская, меценатско-благотворительная, консультационная и другие функции) в отношении не только Томска, но и частично территории Западной и Восточной Сибири.

К концу имперского периода Томский университет окреп институционально. Были открыты физико-математический и историко-филологический факультеты. Возник целый ряд научных школ, прежде всего в области медицинских исследований. В годы революции и Гражданской войны осознание ответственности за судьбы России и Сибири воплотилось в экстраординарной форме – научной организации Института исследования Сибири, поставившего в качестве главной цели «планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития» [23. Ч. IV. С. 1]. Сотрудники ИИС помимо научной работы также консультировали (на условиях экономического заказа) различные экономические организации и ведомства. Ими же предпринимались отдельные попытки создания форм переподготовки и повышения квалификации кадров (например, курсы по подготовке исследователей природы). Примечательно, что подобная инициатива обозначилась «снизу» и именно в период «разрыва» в истории российской высшей школы.

Формы проявлений третьей роли ТГУ в межвоенный период (1920–1941 гг.)

В межвоенный период третья роль Томского государственного университета постепенно возрастала и вместе с тем трансформировалась в соответствии с задачами советского государства. Например, изменилась просветительская функция: советские университеты не только просвещали население, но и воспитывали его в рамках коммунистической идеологии. В 1920-е гг. это было еще не так ощутимо. Например, в начале 1920-х гг. профессор А.П. Поспелов читал лекции на тему «Что такое электрификация РСФСР, ее задачи и будущность», профессор А.А. Кулябко – цикл лекций для студентов и учащихся средних школ о научной организации умственного труда, профессор Б.П. Вейнберг – лекцию «Есть ли предел материальному прогрессу человечества» [24. С. 64].

В 1920–1930-е гг. консультационная и научно-просветительская работа Томского университета велась на базе его научных и научно-учебных подразделений, возникших еще в дореволюционный период: Ботанического сада и Гербария, музеев истории материальной культуры, зоологического, почвенного, минералогического и палеонтологического, которые принимали многочисленные экскурсии школьников, учащихся техникумов и студентов вузов, а также трудящихся.

К середине 1920-х гг. с усилением финансирования расширилась работа Научной библиотеки. В 1926 г. она обслуживала свыше 80 тыс. посещений и выдала 171 тыс. томов, что в 7 раз превысило показатели 1916 г. [14. С. 149]. Библиотеке был назначен обязательный

экземпляр всей книжной продукции страны и предоставлено право участия в межбиблиотечном абонементе с заграницей.

Во многом же в 1920-е гг. консультационная и научно-просветительская работа велась на индивидуальных началах и зависела от специализации исследователя и опыта его работы.

Так, профессор-физик А.П. Поспелов являлся официальным консультантом и активным деятелем Сибирского бюро по исследованию и использованию водных ресурсов Сибири. Он принимал активное участие в конкретизации плана ГОЭЛРО для Сибири, в составлении Сибгосплана.

Ученые медицинского факультета Томского университета в 1920-е гг. неоднократно выезжали в Кузбасс, где читали лекции и доклады о борьбе с туберкулезом, раком и другими болезнями и, пользуясь случаем, проводили профилактические консультации в лечебных учреждениях.

В 1924–1925 гг. профессор М.Г. Курлов и доцент А.К. Иванов работали в комиссии по изучению и организации производственных отраслей народного хозяйства Сибири при Сибплане. Неоднократно принимал участие в работах Томского комитета Севера по вопросам охоты и рыболовства профессор В.А. Хахлов. По заданию Сибирского крайсовнархоза в 1927 г. профессор Б.К. Шишкин возглавил большую экспедицию на Алтай по обследованию запасов дубильного растения бадана.

В 1927 г. окрисполком привлек ученых университета к разработке 15-летнего плана развития Томского округа[6]. В качестве консультантов были привлечены видные ученые, профессора и доценты В.В. Ревердатто (сельское хозяйство), Вит.А. Хахлов (животноводство, пчеловодство, пушной промысел), Г.Э. Иоганзен (рыбный промысел), Вен.А. Хахлов (геология), А.К. Иванов (вопросы краеведения) [14. С. 154].

В конце 1920-х гг. при университете была создана комиссия по поднятию урожайности в Томском округе (руководители – профессора В.Н. Александров и П.В. Савостин). В рамках ее деятельности ученые-биологи оказывали практическую и консультативную помощь селу. Например, в 1930 г. профессор Б.К. Шишкин, доценты Н.Н. Лавров и Р.П. Бережков прочитали ряд лекций для колхозников по культивированию клевера, борьбе с сельскохозяйственными вредителями и др. Профессор В.В. Ревердатто прочитал по радио лекцию на тему: «Наука в помощь земледелию». В том же году члены комиссии взяли культурное шефство над крупным колхозом «Смена», которое выразилось в проведении консультаций, чтении докладов и лекций, снабжении колхозников литературой по вопросам агрономии и т.п.

С организацией Сибирского физико-технического института (СФТИ) в 1928 г. он стал одним из ключевых акторов в консультативном сопровождении Урало-Кузнецкой проблемы и организации сибирской индустриализации. Работа велась в контакте с Кузнецким металлургическим заводом им. Сталина, НИИ путей сообщения НКПС, НИИ железнодорожного транспорта НКПС, Томской и Омской железными дорогами, Главэнерго НКТП, Азотно-туковым заводом (Кемерово), Уральским медеплавильным заводом, Радиоиспытательной станцией НКС, Московским радиотелеграфным управлением, Магнитной обсерваторией (Слуцк), Научно-исследовательской лабораторией № 34 (НКОП), Научно-исследовательским институтом № 9 (НКОП), заводом № 211 (НКОП), Геологическим управлением Новосибирской области и т.д. [25. С. 93].

Это сопровождение вращалось в том числе вокруг научных проблем, разрабатываемых в институте, например проблем хладоломкости рельсовой стали, контроля качества рельсов, физических методов анализа в металлургической промышленности, электроизоляции, проблем акустики и распространения радиоволн.

В решении Урало-Кузнецкой проблемы участвовали ведущие геологи университета, профессора В.А. Хахалов, И.К. Баженов, А.М. Кузьмин, Ю.А. Кузнецов, Н.Н. Горностаев, Ф.Н. Шахов, Л.М. Шорохов. Из 158 человек, участвовавших в разработке проблемы минерало-сырьевой базы Кузнецкого металлургического комбината, 96 были научными сотрудниками и выпускниками Томского университета [14. С. 187].

В 1930-е гг. идейно-просветительская деятельность университета укрепилась за счет создания лектория, в котором каждый год прочитывалось около 30 лекций на самые разнообразные темы. Например, профессор В.Н. Кессених прочитал лекцию «Переменные токи в исследованиях металлов и в геологических разведках», профессор П.С. Тартаковский – «О некоторых проблемах квантовой механики», профессор Б.П. Токин – «Дарвин и его учение» и т.д. Лекции пользовались большой популярностью среди молодежи города, порой они проходили в переполненных аудиториях [24. С. 64].

В 1930-е гг. также развернулась практика выездов специальных бригад ученых для чтения лекций в воинских частях Сибирского военного округа. Активное участие в них приняли профессора К.Т. Сухоруков и М.К. Коровин, доценты В.С. Чепурнов и А.К. Иванов, ассистент Васильев и др. Были прочитаны лекции на темы: «Природные богатства СССР – на службу второй пятилетке», «Об экономике и политике японского милитаризма» и др. [24. С. 67].

Просветительскую работу вел и коллектив СФТИ. В 1936 г. бригады сотрудников института выезжали с докладами и лекциями в Кузбасс (Сталинск, Кемерово). По выходным дням при институте устраивались чтения научно-популярных лекций по современной физике. Помимо этого, был организован физико-технический реферативный семинар, объединявший физиков Томска.

Важным элементом идейно-просветительской работы стало оказание учебно-методической помощи командирам и политработникам в организации общеобразовательной подготовки личного состава воинских частей Сибирского военного округа. Наряду с чтением лекций на научно-популярные и технические темы, проведением экскурсий в научно-исследовательские лаборатории, кабинеты и музеи с командным составом проводились консультации по общеобразовательным предметам для подготовки к поступлению в военно-учебные заведения [24. С. 67].

Во второй половине 1930-х гг. преподаватели Томского университета знакомили красноармейцев и командиров с вопросами внутренней и внешней политики: решениями партийных съездов и пленумов, съездов советов, заседаний Коминтерна и т.д. Наибольшей активности разъяснительная работа достигала в период обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г. и последующие затем выборы в Верховные Советы СССР и РСФСР. Атеистическая пропаганда работала за счет популярного разъяснения наиболее важных природных и социальных явлений. За шесть месяцев 1936 г. в этой области учеными Томска в воинских частях СибВО было прочитано около 80 лекций и докладов.

Таким образом, в межвоенный период третья роль Томского университета трансформировалась под влиянием идейно-идеологических и экономических запросов советского государства. В реализации ТР участвовали все факультеты университета. ТР реализовывалась в виде идеолого-просветительской и научно-консультативной деятельности преподавателей и научных сотрудников университета, его учебно-вспомогательных и научно-исследовательских подразделений. Институционально формы реализации ТР закрепились именно на идеолого-просветительском уровне, в то время как научно-консультативная деятельность университета реализовывалась преимущественно на базе организаций, с которыми университет сотрудничал. Уровень реализации ТР университета уже в этот период достиг общегосударственного значения поскольку Урало-Кузбасский проект являлся одним из ключевых приоритетов социалистического строительства.

Формы проявления третьей роли ТГУ в период Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны третья роль университета значительно усилилась. 27 июня 1941 г. возникла новая форма координации усилий между властью, промышленностью и вузами – в Томске был создан Комитет ученых (полное наименование – Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время; ТКУ). Важно отметить, что инициаторами создания ТКУ выступили именно исследователи томских вузов, инициатива которых в дальнейшем была поддержана и оформлена государственной властью при промышленных предприятиях. Парадоксально, но именно в период войны, когда любые социальные системы приобретают жесткий вертикальный характер, ученые получили больше творческой свободы, чем та, которой они располагали в непростой период 1930-х гг.

Предшественником ТКУ являлось консультационное бюро, созданное при Доме ученых в марте 1940 г. Его основная задача заключалась в консультировании промышленных предприятий и колхозов Новосибирской области (Томск с 1937 г. входил в ее состав) и Алтайского края по «разным отраслям народного хозяйства и по отдельным теоретическим вопросам». Консультации проводились силами научных работников томских вузов.

Председателем Томского комитета ученых стал профессор ТГУ Б.П. Токин, его заместителями – профессора К.Н. Шмаргунов (ТИИ[7]), В.Д. Кузнецов (ТГУ) и А.Г. Савиных (ТМИ[8]). В состав комитета вошли 22 человека, в том числе 17 профессоров и 3 доцента.

Комитет делился на ряд секторов: горно-геологический, химико-технологический, механический, энергетический, физико-технический, биологии и сельского хозяйства. За консультациями обращались представители самых разных сфер: руководители промышленных предприятий, изобретатели и рационализаторы, инженеры, колхозники, учителя, краеведы, студенты-дипломники и т.п. Консультации велись ежедневно с двух часов дня. Начиная с февраля 1942 г. они продолжались до девяти часов вечера.

В ТКУ также создавались комиссии и бригады из научных работников для оказания технической помощи и консультаций различным предприятиям: металло-техническая, электротехническая, энергетическая, химико-технологическая, топливная, транспортная, коммунальная [26. С. 18]. Помимо них комитет формировал постоянно действующие специализированные бюро, составы которых утверждались горкомом ВКП(б): ботанико-фармакологическое (впоследствии медико-биологическое), консультационное бюро для помощи рационализаторам и изобретателям, геологическое, химическое, транспортное.

Учеными Комитета выполнялись самые разные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В числе заказчиков были Управление пути Народного комиссариата путей сообщения, Кузнецкий металлургический комбинат, Уральский медеплавильный завод, геологические учреждения Красноярского края и Кузбасса, Западно-Сибирское геологическое управление, Новосибирское управление гидрометеослужбы и др.

Под руководством ТКУ вузы Томска заготавливали лекарственные растения (к 1943 г. этими заготовками можно было обслуживать всю фармпромышленность СССР), производили химические вещества для нужд медицины (аммиак). При СФТИ были открыты курсы рентгенотехников для медицинских нужд фронта. На базе факультетских клиник ТМИ был развернут многопрофильный эвакуационный госпиталь № 2483, который возглавил профессор М.Т. Бриль. Благодаря усилиям томских медиков эвакогоспитали города возвратили в строй 38% от общего числа поступивших раненых. В запас было уволено 61,4% раненых, умерли 0,6% [26. С. 35].

По мнению коллектива историков ТГУ, «именно тесное содружество производства, разных сфер научно-практической деятельности, переплетение компетенций, разработок, достижений, планов ученых, институтов, лабораторий преобразили научный фон Томска и региона в целом, значительно продвинув производственный, промышленный образовательный потенциал Сибири» [26. С. 35]. Организационной опыт Томского комитета ученых оказался востребован как в период самой войны, когда по аналогии с ТКУ создавались комитеты ученых в других городах Сибири, так и после. 18 мая 1945 г. ТКУ был реорганизован в Научный совет при Областном исполнительном комитете Том-

ской области, а в 1963 г. возник Межвузовский научный совет (о нем речь пойдет далее).

В годы Великой Отечественной войны томские вузы активно развернули идейно-просветительскую работу. Для этих целей весной 1942 г. при ТГУ был открыт Воскресный университет, который посещали студенты и преподаватели вузов Томска, рабочие и служащие предприятий и организаций города. Здесь читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории и международной политики. Одной из главных была тема воспитания патриотизма. В среднем их посещали от 25 до 70 человек. Ежегодно в воскресном университете читалось около 20 лекций.

Для слушателей Томского университета был прочитан исторический цикл лекций, посвященный вопросам патриотизма и борьбы русского народа с иноземными захватчиками (в основном немецкими) и др. По циклу истории искусства с лекциями выступил профессор К.Э. Гриневич («Происхождение искусства», «Искусство в Древнем Египте и Вавилоне», «Искусство в Древней Греции»). Кроме того, читались циклы лекций по физике, астрономии, географии и другим дисциплинам.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны вузы Томска, как и в годы Гражданской войны, сумели скоординировать свои усилия, создав организацию надвузовского уровня. Цели ТКУ и ИИС, впрочем, оказались несколько различными. ИИС сосредоточил свои усилия преимущественно на стыке фундаментальных и прикладных исследований, реализуемых в соответствии с научными интересами конкретных исследователей, лишь часть из которых проводилась по запросам хозяйственных организаций. ТКУ же реализовывал свою деятельность именно русле ТР: на уровне консультационной и внедренческой деятельности в соответствии с задачами власти и промышленности.

В заключение раздела отметим идейно-просветительскую роль Томского университета, которая имела в этот период отчетливо патриотический характер.

Формы проявления третьей роли ТГУ в послевоенный период (1945–1991 гг.)

Первое послевоенное десятилетие стало для Томского университета периодом трудного и долгого восстановления, протекавшего в контексте процессов реэвакуации заводов и госпиталей из зданий университета, демобилизации преподавателей и студентов. Восстановление утраченного сопровождалось процессами начала холодной войны и становления большой науки. Открытие новых факультетов, кафедр и лабораторий, увеличение числа студентов не сопровождалось предоставлением достаточного количества материальных ресурсов. Остро стояла проблема учебно-научных площадей и бытовых условий проживания как преподавателей, так и студентов университета.

В этих условиях, однако, университет по-прежнему находил возможности для реализации третьей миссии. Продолжалось распространение политических и научных знаний среди населения. Импульс этому направлению был дан в 1947 г., когда в Москве было организовано Общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – общество «Знание»). От ТГУ на учредительном собрании присутствовал делегат И.П. Лаптев. В числе членов Общества были профессора и доценты всех вузов Томска. Долгое время правление возглавлял академик АМН СССР, ректор ТМИ И.В. Торопцев, затем директор НИИЯФ при ТПИ А.Н. Диденко, затем научный руководитель Института сильноточной электроники ТНЦ СО РАН Г.А. Месяц.

Одной из разновидностей просветительской деятельности Общества стали Народные университеты, представлявшие собой сеть учебных заведений для самообразования, культурного развития и повышения профессионального уровня трудящихся. В начале 1960-х гг. в Томской области насчитывалось около 35 таких университетов [15. С. 84].

В коллективах университета разрабатывались способы борьбы с вредными беспозвоночными, проблемы рыбного хозяйства р. Оби, физико- и экономико-географического изучения как Томской области в целом, так и отдельных ее районов. Биолого-почвенный факультет внедрил в 1949–1951 гг. в производство 37 научных работ. Важные задания выполняли сотрудники СФТИ, который к тому же оказывал техническую помощь колхозам и МТС. Ботанический сад вырастил и передал колхозам области 100 тыс. саженцев и 100 тыс. корней рассады овощей и ягодно-плодовых растений. Всего с 1948 по 1952 г. в промышленность и сельское хозяйство было внедрено 190 работ [14. С. 265].

В первое послевоенное десятилетие преподаватели и студенты университета прочитали несколько тысяч лекций для жителей города и области. В этом процессе участвовали все факультеты, но главную роль играл историко-филологический.

Студенты ТГУ создавали предметные кружки в школах и руководили ими. Так, в 1952 г. студенты мехмата работали с 10 такими кружками. В этом же году они провели математическую олимпиаду для школьников, в 1950/1951 учебном году в городских школах работало 40 предметных кружков, созданных студентами и молодыми сотрудниками университета.

Полупривилегированное положение ТГУ в сети вузовских учреждений Сибири поколебалось во второй половине 1950-х гг. с основанием в Новосибирске Сибирского отделения Академии наук СССР, а затем и Новосибирского государственного университета. В 1960–1970-е гг. существенно расширилась и укрупнилась сеть научно-исследовательских учреждений Западной и Восточной Сибири. Открылся ряд новых университетов (Тюмень, Омск, Барнаул, Кемерово, Красноярск) и технических вузов (Тюмень, Кемерово и др.), что сказалось на числе желающих учиться в Томске. Накопился целый ряд проблем в области координации научных усилий, материально-технического и бытового характера и т.д.

В этих условиях 6 июня 1963 г. вузы Томска (Томский государственный университет, Томский политехнический институт, Томский институт радиоэлектроники и электронной техники, Томский медицинский институт, Томский инженерно-строительный инсти-

тут, Томский государственный педагогический институт) выступили инициаторами создания первого на территории СССР Межвузовского научного совета[9]. История этой организации отражает степень рефлексии ответственности за развитие региона со стороны вузовского сообщества. Кроме того, она позволяет выявить ряд важных тенденций, а также ключевые проекты развития вузовского комплекса Томска в 1960–1980-е гг.

Межвузовский научный совет являлся составной частью Западно-Сибирского совета по координации и планированию научно-исследовательских работ, однако по своим задачам выходил далеко за пределы научной деятельности. В марте 1967 г. опыт работы Межвузовского научного совета был одобрен на совместном заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и президиума Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. А в 18 июля 1972 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 535 «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране», в соответствии с которым стала создаваться общегосударственная система советов ректоров вузов. Таким образом, высшая школа Томска почти на десять лет опередила и дала существенный импульс данному институту.

В соответствии с Положением о Совете ректоров высших учебных заведений перед советами ставился ряд задач, в том числе: координация разработки комплексных научных проблем, выполняемых вузами, НИРС и проведение смотров студенческих работ; объединение усилий вузов города по повышению квалификации преподавателей и организации их стажировки на предприятиях и в учреждениях данного экономического района, усиление связи вузов с предприятиями, организациями и учреждениями по вопросам производственной практики студентов и стажировки выпускников, изучение проблемы использования молодых специалистов в отраслях народного хозяйства, координация работы вузов по профессиональной ориентации молодежи, организации деятельности подготовительных курсов и отделений, проведение приема нового пополнения студентов.

Исходя из поставленных задач можно определить основные институты и социальные группы, с которыми взаимодействовали вузы Томска. Прежде всего это были сами вузы, поскольку деятельность основных ячеек Совета – комиссий – была направлена прежде всего на изучение различных сторон жизни вуза, обмен опытом между вузами и координацию деятельности в соответствии с той или иной задачей.

Однако в перечень основных акторов, с которыми взаимодействовали вузы, можно включить и других игроков: партийные инстанции (горком КПСС, горисполком совета трудящихся, отдел науки и учебных заведений облисполкома, обком профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений), промышленные предприятия, исследовательские институты томского научного центра. Социальные группы, на которые был ориентирован Совет ректоров включали в себя школьников и учащихся училищ, студентов высшей школы, специалистов промышленных предприятий и научно-педагогических работников.

Анализ сохранившихся материалов делопроизводственной документации Межвузовского научного совета и Совета ректоров Томской области за период с 1963 по 1989 г. дает возможность не только проследить развитие основных направлений деятельности этих органов, но и указать конкретные результаты этой деятельности.

Профориентационная деятельность. В составе Межвузовского научного совета работала комиссия по ежегодной организации набора студентов. Вся территория Сибири к востоку от Урала была поделена между томскими вузами, которые брали на себя организацию подготовительных курсов. К исходу первого пятилетия работы Межвузовского научного совета подготовительными курсами для поступления в любой вуз Томска были охвачены все города Западной Сибири, Кузбасса и Алтая с числом слушателей около 10–12 тысяч человек. Были установлены единые требования для поступающих. К середине 1980-х гг. работу по формированию контингента и координацию учебно-методической работы на подготовительных отделениях осуществляло отдельное городское методическое объединение (ГМО ПО). Работала межвузовская приемная комиссия, которая осуществляла организационное руководство деятельностью всех приемных комиссий вузов.

На эту же социальную группу была ориентирована комиссия по работе с общеобразовательными средними школами города и области, в рамках которой вузы города оказывали помощь в оснащении предметных кабинетов современным оборудованием, учебными и наглядными пособиями, направляли молодых научных сотрудников и студентов руководителями школьных кружков и вожатыми пионерских отрядов. К середине 1970-х гг. 6 вузов и 7 вузовских НИИ осуществляли шефство над 67 средними школами и 18 городскими профессионально-техническими училищами. А в начале 1980-х гг. Совет ректоров вузов г. Томска начал деловое взаимодействие с Советом директоров средних специальных учебных заведений.

В середине 1980-х гг. с утверждением информатики в качестве школьной дисциплины вузы Томска включились в разработку и методическое обеспечение новой дисциплины для учителей школ и повышение их квалификации на базе вузов, чтение курса «Основы информатики и вычислительной техники» для школ и ПТУ, создание и оснащение кабинетов вычислительной техникой (например, ТГУ взял на себя шефство над школами № 6 и 8 в этом вопросе) совместно с промышленными предприятиями.

Повышение квалификации сотрудников. Это направление курировала комиссия по повышению идейно-политического и профессионального уровня преподавателей. Повышение квалификации осуществлялось на ФПК ТГУ и ТПИ. В 1975 г. около 500 преподавателей обучались на ФПК или были на стажировке, 1 100 преподавателей и сотрудников вузов обучались в институте марксизма-ленинизма, 4 252 участвовали в работе 145 методологических семинаров.

В 1978 г. это направление было значительно усилено в учебно-методическом, материально-техническом и бытовом аспектах. До всех ректоров вузов Томска была доведена установка о том, что ежегодное повышение квалификации должны проходить не менее 20% преподавателей. Для слушателей ФПК и аспирантов ТГУ планировалось строительство отдельного общежития. Для расширения повышения квалификации было принято решение о привлечении специалистов народного хозяйства на условиях почасовой оплаты. Всего же за 1976–1979 гг. в вузах города на специальных факультетах повысили квалификацию 1 340 преподавателей, инженерно-технических работников и других сотрудников предприятий и учреждений Сибири и Дальнего Востока.

В марте 1984 г. было принято решение, в котором ректорам вузов рекомендовалось изучить потребность в специалистах по новой технике и их использованию на предприятиях Томска и области с последующим информированием Томского обкома КПСС. В апреле 1984 г. Совет обсудил вопрос о переподготовке кадров для предприятий Минэлектротехпрома Томска на ФПК дипломированных инженеров ТПИ. В 1984/1985 учебном году Совет организовал контроль за выполнением этих решений и изучил эффективность использования молодых специалистов на Томском нефтехимическом комбинате.

Укрепление связи вузов с промышленным производством. Разработка предложений по объединению научно-производственных учреждений и предприятий вузов, имеющих общевузовское значение, фигурировала в качестве одной из основных задач Межвузовского научного совета. Впоследствии при Совете ректоров функционировала отдельная комиссия по научно-исследовательской работе, координировавшая усилия томских вузов по разработке комплексных научных проблем, а также по обобщению опыта по участию вузов в технической реконструкции предприятий томской промышленности. На практике это направление в работе Совета оказалось намного шире.

Делопроизводственная документация Совета хранит и численные показатели вузов Томска в области научно-исследовательский и внедренческой деятельности. Так, известно, что за 1971–1973 гг. вузы Томска выполнили научных исследований в объеме 40 млн руб., 30 из которых – по прямым договорам-заказам промышленности. Условный экономический эффект составил более 50 млн руб. Было получено 275 изобретений и патентов.

В годы десятой пятилетки (1976–1980) объем НИР томских вузов составил 162,2 млн руб., 118,8 из которых были получены в рамках хоздоговорной тематики. Доля ТГУ в этом объем составила 56,3 млн руб., 35,2 из которых пришлись на хоздоговоры. Экономический эффект от внедрения НИР по всем вузам составил 388,8 млн руб., сотрудники и студенты томских вузов получили 24 патента, 164 медали ВДНХ, а также 1 164 авторских свидетельства на изобретения.

Совет ректоров курировал работу межвузовского патентного отдела. В 1983/1984 учебном году в свете постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» отдел принял участие в подготовке анализа эффективности проведения научных исследований и внедрения их результатов в народное хозяйство.

В начале 1970-х гг. в ТГУ возникли первые учебно-научно-воспитательные комплексы (УНВК). Позднее в ТПИ и ТИАСУРе возникли первые учебно-научно-производственные комплексы (УНПК), сочетавшие в себе усилия кафедр вузов, вузовских НИИ, отраслевых КБ и промышленных предприятий. В начале 1980-х гг. в вузах Томска работало 12 различных форм учебно-научно-производственных объединений. К этому моменту Совет ректоров занялся вопросами регулирования и направления их деятельности, а также организацией обмена опытом между вузами. В постановлении «Об опыте работы учебно-научно-производственных комплексов ТИАСУР и ТПИ в 1980–1981 гг.» он, например, рекомендовал ректорам изучить опыт организации УНПК применительно к профилю вуза, одобрить планы НИИ АЭМ и ТПИ по созданию межвузовских УНПК, рекомендовать кафедрам вузов шире привлекать ресурсы промышленных предприятий, входящих в УНПК, создавая на предприятиях филиалы кафедр, лабораторий, отделов вузов и др. История создания и эволюция УНПК, обзор опыта по условиям их успешного функционирования применительно к вузам Томска были представлены в справке «Об учебно-методических производственных комплексах (УНПК) на современном этапе (на примере вузов г. Томска)».

Следующий шаг на пути координации усилий томских вузов и промышленных предприятий обозначился 27 декабря 1983 г. Вузы должны были выступить головными организаторами проведения мероприятий по созданию оптимальной технологии и реконструкции предприятий и производственных объединений, создав единые коллективы компетентных ученых города для решения совместно с руководством предприятий поставленных НТП задач для конкретных предприятий и производственных объединений.

К 1987 г. в вузах Томска функционировало 27 различных УНПО, из них 4 – в Томском государственном университете. Наиболее крупный из четырех – УНВК «Физика» – работал по схеме факультет–НИИ–предприятие; малые УНПО работали по принципу кафедра–научная лаборатория–цех предприятия. Целями УНПО стали:

– обеспечение соответствия тематики НИР профилю подготовки кадров;

– рациональное использование кадрового потенциала преподавателей, сотрудников, студентов;

– ускоренное развитие и более эффективное использование приборной вычислительной базы;

– укрепление связи с производством в процессе решения научно-технических проблем и целевой подготовки специалистов.

Критикуя формальность существования некоторых томских УНПО, Совет ректоров на совместном заседании с секцией «Образование» Совета по ускорению НТП при Томском обкоме КПСС вынес решение, в котором одобрил дальнейшее количественное и каче-

ственное развитие УНПО, «рассматривая их как средство децентрализации управления в вузах, повышения прав и ответственности подразделений за конечные народно-хозяйственные результаты деятельности» [27. С. 171]. Для этого в 1988 г. при Совете было создано городское методическое объединение по УНПО, которое возглавил руководитель УНПК «Кибернетика» ТПИ профессор В.З. Ямпольский.

Внедрение результатов НИОКР стимулировалось областной комплексной программой социально-экономического развития области «Ускорение-90». Работа в рамках этой программы обнажила крен в научно-исследовательской и внедренческой деятельности томских вузов. Так, в 1986 г. вузы Томска внедрили на предприятиях страны 379 разработок с реальным экономическим эффектом 18 млн руб., из которых лишь 4,3 млн руб. пришлось на предприятия Томской области. Доля ТГУ в этих разработках составляли только 520 тыс. руб., университет занял предпоследнее место. В 1987 г. вузы Томска внедрили на предприятиях страны 451 разработку с реальным экономическим эффектом 19,5 млн руб., из которых на предприятия Томской области пришлось уже 7,325 млн руб. ТГУ занял второе место, осуществив работы на сумму 1,26 млн руб. Таким образом, при возрастании разработок в целом всего на 1,5 млн руб. доля разработок для Томской области увеличилась почти в 2 раза, что говорит о частичном развороте вузов Томска в сторону потребностей Томской области. Реальный экономический эффект от внедрения результатов завершенных вузами разработок за 1986–1987 гг. составил 27 млн руб. из них ТГУ дал 6,4 млн руб. Этому, в частности, способствовали новые формы организации внедрения – временные научно-производственные коллективы, бригады внедрения, ориентация вузов на выпуск наукоемкой, мелкосерийной и малотоннажной продукции. В то же время в выполнении НИР по хоздоговорам и государственному бюджету участвовало около 90% профессорско-преподавательского состава (в ТГУ – 90,6%).

В определенной степени положение ТГУ стало иллюстрацией положения томского вуза в контексте потребностей хозяйства региона второй половины 1980-х гг. Проректор по научно-исследовательской работе А.С. Петров в докладе на заседании парткома университета 20 января 1987 г. отмечал: «…В 1986 г. в университете выполнялось 305 тем общей стоимостью 18,5 млн руб., 92% всех выполняемых тем относятся к числу важнейших, т.е. выполняются по постановлениям ГКНТ, союзных и республиканских министерств, АН СССР, других директивных органов и в большинстве своем не связаны с проблемами предприятий Томской области… Пока мы не имеем каких-то очень крупных внедрений, которые бы революционизировали производительные силы области, не имеем и данных о большом реальном экономическом эффекте»[28].

В тоже время А.С. Петров указал на целый ряд разработок для нужд предприятий и хозяйств Томской области: металлодетекторы для защиты автоматизированных кормоцехов от металлических предметов, конструкции из сплавов с памятью формы для травматологических отделений, криоультразвуковой скальпель для операций, опытный участок по производству лечебных препаратов из лечебной грязи и рапы, промышленный участок по производству эффективных абразивных материалов, искатели подземных коммуникаций, пневматические аппараты порошковых технологий и СВС-процессов и др.

В докладе были отмечены и объективные препятствия на пути к дальнейшему развитию научно-исследовательской и внедренческой деятельности, характерные, впрочем, для всех томских вузов: слабая экспериментально-производственная и конструкторская база, с одной стороны, и незаинтересованность предприятий и министерств во внедрении и освоении вузовских разработок – с другой. Чтобы частично устранить эти недостатки, Совет ректоров поручил НИИ АЭМ при ТИАСУРе обеспечить ввод в 1988 г. промышленного здания модульного типа для межвузовского производства, а также обратился в Томский обком КПСС и Томский облисполком с целью принятия срочных мер по развитию экспериментально-производственной базы томских вузов.

Идейно-просветительская деятельность. С целью привлечения промышленности в качестве партнера высшей школы Совет выступил инициатором ряда регулярных мероприятий, которые существуют в Томской области до настоящего времени. В 1971 г. впервые был организован «День науки», который стал почином для дальнейшей ежегодной традиции. В 1978 г. были организованы «Дни профессора», которые, как и «Дни науки», проводились на производстве, где сотрудники вузов информировали рабочих о достижениях науки и техники, о тематике НИР лабораторий и НИИ Томска. Для популяризации достижений использовались телевидение и радио, лекции и доклады. Совет ежегодно организовывал межвузовские конференции по развитию производительных сил и науки Томской области. В этом направлении он активно сотрудничал с Советом по развитию производительных сил области, созданном при обкоме КПСС. Организовывал он и выставки, в частности ежегодную выставку «Ученые Томска – народному хозяйству». 2 апреля 1988 г. на базе учебно-научно-информационно-производственного центра «Ускорение» ТИАСУРа была открыта областная выставка достижений научно-технического прогресса «Ускорение-90», которая популяризировала итоги НИОКР вузов за 1986–1988 гг.

Совет не ставил в качестве отдельного направления просветительскую деятельность в отношении населения, ограничиваясь идейно-политической и профессиональной подготовкой по отношению группам студентов и преподавателей. Однако и здесь можно выделить определенные успехи, которых удалось добиться вузам Томска.

Так, в 1975/1976 учебном году на базе ТГУ под руководством доцента Э.В. Бурмакина была открыта межвузовская кафедра этики и эстетики. В 1983 г. эта кафедра стала инициатором создания межвузовского студенческого университета искусств. Большую военно-патриотическую работу среди студенческой молодежи вели вузовские музеи и комнаты боевой и трудо-

вой славы. В 1984 г. для руководства ими было создано отдельное городское методическое объединение.

Продолжалась деятельность общества «Знание» при университете, которая к 1978 г. насчитывала более 760 членов, включая 47 профессоров и 279 доцентов. Деятельность отделения под руководством профессора Г.Х. Рабиновича охватывала всю Томскую область. Лекции по-прежнему имели, с одной стороны, идейно-пропагандистский, с другой – научно-просветительский характер. Каждый год членами Общества читалось около 6 тыс. лекций. Всего же за 4 года десятой пятилетки (1976–1979) сотрудники вузов Томска прочли около 108 тыс. лекций по линии общества «Знание».

Таким образом, в период 1945–1991 гг. третья миссия Томского университета после первого трудного послевоенного десятилетия укрепилась в виде участия в создании и деятельности Межвузовского научного совета и Совета ректоров Томской области. Реализация третьей миссии томских вузов развивалась от чрезвычайной к постоянной организационной форме. Участие в работе этих советов позволило университету усилить выполнение третьей миссии за счет координации возможностей и укрепления сотрудничества с другими вузами Томска при поддержке областной власти и промышленности. Эти процессы охватили все ключевые направления реализации третьей роли: профориентацию молодежи, работу с общеобразовательными средними школами города и области, повышение квалификации сотрудников, внедренческую деятельность на предприятиях, идейно-просветительскую работу.

Выводы

Уже в первое десятилетие советской власти в Сибири и до конца ее существования третья роль Томского государственного университета трансформировалась под влиянием идеологических и экономических запросов советского государства. Университеты, с одной стороны, превратились в агентов просвещения и воспитания коммунистического человека и пропаганды социалистических идеалов, с другой – в агентов индустриального развития.

В реализации ТР участвовали все факультеты, а также учебно-вспомогательные и научно-исследовательские подразделения. Во многом это объясняется тем, что участие в некоторых ее направлениях имело обязательный для сотрудников университета характер.

Социальная ответственность университета возрастала в периоды вооруженных конфликтов, таких как Гражданская война (Институт исследования Сибири) и Великая Отечественная война (Томский комитет ученых). Институционализация третьей роли происходила преимущественно «снизу», на стыке координации усилий между вузами города, а также между научным сообществом, промышленностью и властью. Эта координация достигла следующего этапа в послевоенный период, когда накопленный опыт позволил реализовать проект создания Межвузовского научного совета.

Результаты данной работы позволяют по-новому расставить акценты участия университетов в жизни советского общества, а также актуализируют дискуссию о степени субъектности советского вуза. Каким образом можно характеризовать степень социальной ответственности или социального участия советского университета в условиях специфики положения высшей школы в СССР? Не является ли участие преподавателей и сотрудников в реализации ТР простым подчинением условиям, в которые советская власть их поставила? Данное исследование на примере ТГУ отчасти показывает, что университеты в СССР, находясь на периферии научно-образовательного пространства, могли быть инициаторами создания уникальных организационных форм вовлеченности в социальные проблемы общества. Однако требуются дальнейшие исследования других кейсов университетов на предмет подтверждения этого тезиса.

В случае если исследователи смогут ответить на поставленные выше проблемы, перед ними откроется целый ряд других проблем: определение степени участия государства в реализации третьей роли советскими университетами, периодов усиления и ослабления этого влияния, соотношения инициативы «снизу» и «сверху», влияние идеологии на формы ТР. В более широкой трактовке речь может идти о выявлении факторов, влияющих на усиление или ослабление социального участия и социальной ответственности университетов. Интересным представляется изучение ТР в периоды «разрывов» университетской истории.

Невозможно будет обойти темы развития ТР за рубежом с целью определения специфики положения третьей роли в советских университетах. Наконец, исследователям предстоит провести сравнение положения ТР имперских, советских и российских вузов.

Примечания

[1] Социально-экономическая функция университетов в советский период, в свою очередь, оказалась производной от научно-исследовательской работы, но присутствовала в качестве отдельной самостоятельной величины.

[2] Нижняя хронологическая граница исследования – 1920 год – обусловлена тем, что прочное становление советской власти в Томске обозначилось лишь в конце декабря 1919 г. До этого отдельные мероприятия советской власти в годы Гражданской войны проводились в обстановке противоборства с белыми движениями и не оказали серьезного влияния на развитие высшей школы в Томске.

[3] Применительно к дореволюционному университету исследователи также говорят о меценатско-благотворительной функции. Для советского периода такая функция нехарактерна, за исключением периода Великой Отечественной войны.

[4] Последний вывод не рассматривается авторами как отличительный признак с точки зрения дифференцирования вузов внутри сети, однако для нашего исследования он является полезным.

[5] В дальнейшем при характеристике положения университета мы будем использовать некоторые термины концепции центр-периферийных отношений.

[6] С 1925 г. Томская губерния была преобразована в Томский округ, входивший сначала в состав Сибирского края, затем Западно-Сибирского края и Новосибирской области.

[7] Томский индустриальный институт – современный Томский политехнический университет.

[8] Томский медицинский институт – современный Сибирский государственный медицинский университет.

[9] В документах также фигурирует под названием Межвузовский координационной совет (МВК).

Список источников

1. Vorley T., Nelles J. Building entrepreneurial architectures: a conceptual interpretation of the third mission // Policy Fut. Educ. 2009. Vol. 7 (3). P. 284–296.
2. Clark B. The entrepreneurial university: demand and response // Tertiary Educ. Manag. 1998. Vol. 4 (1). P. 5–16.
3. Benneworth P., de Boer H., Jongbloed B. Between good intentions and urgent stakeholder pressures: Institutionalizing the universities' third mission in the Swedish context // European Journal of Higher Education. 2015. Vol. 5 (3). P. 1–17.
4. Markman G.D., Gianiodis P.T., Phan P.H., Balkin D.B. Entrepreneurship from the ivory tower: do incentive systems matter? // J. Technol. Transf. 2004. Vol. 29. P. 353–364.
5. Jongbloed B., Enders J., Salerno C. Higher education and its communities: interconnections, interdependencies and a research agenda // Int. J. High. Educ. Educ. Plann. 2008. Vol. 56 (3). P. 1–22.
6. Compagnucci L., Spigarelli F. The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints // Technological Forecasting & Social Change. 2020. Vol. 161. P. 1–30.
7. De La Torre E.M., Agasisti T., Perez-Esparrells C. The relevance of knowledge transfer for universities' efficiency scores: an empirical approximation on the Spanish public higher education system // Res. Eval. 2017. Vol. 26 (3). P. 211–229.
8. Secundo G., Massaro M., Dumay J., Bagnoli C. Intellectual capital management in the fourth stage of IC research: a critical case study in university settings // J. Intell. Cap. 2018. Vol. 19 (1). P. 157–177.
9. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
10. Loredo P. Revisiting the Third Mission of Universities: Toward a Renewed Categorization of University Activities? // Higher Education Policy. 2007. Vol. 20. P. 441–456.
11. Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 784 с.
12. Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII первая половина XIX вв.). Харьков : Харьков. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2014. 364 с.
13. Расколец В.В., Сорокин А.Н. Теория и практика исторического исследования третьей роли высшей школы (на примере вузов г. Томска в конце XIX – первой половине XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 66–78.
14. Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск : ТГУ, 1980. 490 с.
15. Петров К.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского государственного университета (1945 – начало 80-х гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2004. 235 с.
16. Göransson B., Maharajh R., Schmoch U. New activities of universities in transfer and extension: multiple requirements and manifold solutions // Sci. Public Policy. 2009. Vol. 36. P. 157–164.
17. Predazzi E. The third mission of the university // Rendiconti. Lincei. 2012. Vol. 23. P. 17–22.
18. Сорокин С.Э. «Третья миссия» университетов: социально-философский анализ : дис. … д-ра филос. наук. Архангельск, 2020. 417 с.
19. Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1 (32). С. 133–144.
20. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
21. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества, 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
22. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
23. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
24. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 156 с.
25. Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельности в 1920-е гг. – 1991 г. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2012. 338 с.
26. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2015. 480 с.
27. Совет ректоров вузов Томской области (1963–2013 гг.) : история в документах / под ред. Г.В. Майера, П.С. Чубика. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2013. 336 с.
28. От нас ждут внедрений // За советскую науку. 1987. 19 февр.

References

1. Vorley, T. & Nelles, J. (2009) Building entrepreneurial architectures: a conceptual interpretation of the third mission. *Policy Futures in Education*. 7(3). pp. 284–296.
2. Clark, B. (1998) The entrepreneurial university: demand and response. *Tertiary Education Management.* 4(1). pp. 5–16. DOI: 10.1007/BF02679392
3. Benneworth, P., de Boer, H. & Jongbloed, B. (2015) Between good intentions and urgent stakeholder pressures: Institutionalizing the universities' third mission in the Swedish context. *European Journal of Higher Education*. 5(3). pp. 1–17. DOI: 10.1080/21568235.2015.1044549
4. Markman, G.D., Gianiodis, P.T., Phan, P.H. & Balkin, D.B. (2004) Entrepreneurship from the ivory tower: do incentive systems matter? *The Journal of Technology Transfer*. 29. pp. 353–364. DOI: 10.1023/B:JOTT.0000034127.01889.86
5. Jongbloed, B., Enders, J. & Salerno, C. (2008) Higher education and its communities: interconnections, interdependencies and a research agenda. *International Journal of Higher Education and Educational Planning*. 56(3). pp. 1–22. DOI: 10.1007/s10734-008-9128-2
6. Compagnucci, L. & Spigarelli, F. (2020) The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints. *Technological Forecasting & Social Change*. 161. pp. 1–30. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120284
7. De La Torre, E.M., Agasisti, T. & Perez-Esparrells, C. (2017) The relevance of knowledge transfer for universities' efficiency scores: an empirical approximation on the Spanish public higher education system. *Research Evaluation*. 26(3). pp. 211–229. DOI: 10.1093/reseval/rvx022
8. Secundo, G., Massaro, M., Dumay, J. & Bagnoli, C. (2018) Intellectual capital management in the fourth stage of IC research: a critical case study in university settings. *Journal of Intellectual Capital*. 19(1). pp. 157–177. DOI: 10.1108/JIC-11-2016-0113
9. Kuzminov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2021) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How It Works]. Moscow: HSE.
10. Loredo, P. (2007) Revisiting the Third Mission of Universities: Toward a Renewed Categorization of University Activities? *Higher Education Policy*. 20. pp. 441–456. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300169
11. Maurer, T. & Dmitriev, A. (eds) (2009) *Universitet i gorod v Rossii v nachale XX veka* [University and the City in Russia in the Early Twentieth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Posokhov, S.I. (2014) *Universitet i gorod v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII pervaya polovina XIX vv.)* [University and city in the Russian Empire (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Kharkov: Kharkov National University.

13. Raskolets. V.V. & Sorokin, A.N. (2021) Theory and practice of historical research of the third role of higher education (on the example of universities in Tomsk in the late 19th – the first half of the 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 74. pp. 66–78. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/74/8
14. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk: TSU.
15. Petrov, K.V. (2004) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (1945 – nachalo 80-kh gg.)* [The faculty of Tomsk State University (1945 – early 1980s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
16. Göransson, B., Maharajh, R. & Schmoch, U. (2009) New activities of universities in transfer and extension: multiple requirements and manifold solutions. *Scientific and Public Policy*. 36. pp. 157–164. DOI: 10.3152/030234209X406863
17. Predazzi, E. (2012) The third mission of the university. *Rendiconti. Lincei*. 23. pp. 17–22. DOI: https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120284
18. Sorokin, S.E. (2020) *"Tret'ya missiya" universitetov: sotsial'no-filosofskiy analiz* ["The Third Mission" of Universities: Social and Philosophical Analysis]. Philosophy Dr. Diss. Arkhangelsk.
19. Perfilieva, O.V. (2011) Universitet i region: na puti k realizatsii tret'ey funktsii [University and Region: Towards the Implementation of the Third Function]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 1(32). pp. 133–144.
20. Kuzminov, Ya.I., Semenov, D.S. & Frumin, I.D. (2013) Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu "master-planu" [Structure network of higher education institutions: From the Soviet to the Russian "master plan"]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 8–69.
21. Gribovskiy, M.V. (2018) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiyskogo obshchestva, 1884 g. – fevral' 1917 g.* [The teaching corps of the imperial universities as a socio-professional group of the Russian society, 1884 – February 1917]. History Dr. Diss. Tomsk.
22. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
23. Veinberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Siberian Partnership of Printing and the House of Diligence.
24. Litvinov, A.V. (2006) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and science at Tomsk State University in the 1920s–30s]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Sorokin, A.N. (2012) *Sibirskiy fiziko-tekhnicheskiy institut imeni akademika V.D. Kuznetsova: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1920-e gg. – 1991 g.* [Siberian Physics and Technology Institute named after Academician V.D. Kuznetsov: History of creation and activities in the 1920s – 1991]. History Cand. Diss. Tomsk.
26. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Mayer, G.V. & Chubik, P.S. (eds) (2013) *Sovet rektorov vuzov Tomskoy oblasti (1963–2013 gg.): istoriya v dokumentakh* [Council of University Rectors of Tomsk Region (1963–2013): History in Documents]. Tomsk: Tomsk State University.
28. *Za sovetskuyu nauku*. (1987) Ot nas zhdut vnedreniy [They expect implementations from us]. 19th February.

***Сведения об авторе*:**
Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian History of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 24.02.2024; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 93/94(57)
doi: 10.17223/19988613/89/9

Исследование взаимосвязи городского пространства и нефтяной отрасли в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа в 1980–1990-е гг.

Ольга Руслановна Фадеева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, tomichkitomsk@mail.ru

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь городского пространства и нефтяной отрасли в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа в период с 1980 по 1990 г. Проведен анализ городской среды и ее трансформации под влиянием нефтегазовой промышленности. Изучены изменения в инфраструктуре и социальной сфере. Результаты исследования могут быть полезны для понимания взаимосвязи между городским пространством и отраслевой экономикой в условиях ресурсной зависимости региона.
Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, Муравленко, нефтегазодобывающая деятельность

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность руководителю муниципального архива Администрации города Муравленко О.И. Марковой.

Для цитирования: Фадеева О.Р. Исследование взаимосвязи городского пространства и нефтяной отрасли в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа в 1980–1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 76–82. doi: 10.17223/19988613/89/9

Original article

Study of the relationship between urban space and the oil industry in the city of Muravlenko, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, in the 1980s and 1990s

Olga R. Fadeeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, tomichkitomsk@mail.ru

Abstract. The research examines in detail numerous aspects related to the city of Muravlenko, located in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The aim of the study is to analyze the urban environment and its transformation under the influence of the oil and gas industry. The primary sources include archival materials of Muravlenko from the 1980s-1990s period, such as periodicals like «Nash Gorod», «Severnaya Vakhta», and «Muravlenko».

The study provides an overview of the geographical location of the city, which has shaped its specific characteristics, and explores its history, foundation, and development. Describing Muravlenko's connections with various countries, such as the USA, and Russian cities, allows for an examination of their influence on the city's development.

Special attention is given to urban planning in Muravlenko within the context of the dominant oil industry in the region. The research investigates demographic features of the city, including population composition, migration, and growth or decline trends.

In addition to the above, the study focuses on the benefits provided to oil industry workers in Muravlenko, as well as the interaction with universities and the attraction of young specialists to work in the city.

Significant emphasis is placed on the interaction between oil and gas companies and the city administration, schools, and extracurricular institutions. It describes how the activities of oil industry workers have had a considerable impact on the development of cultural and sports spheres in the city.

However, it is important to note that this study examines the relationship between urban space and the oil industry in Muravlenko specifically from 1980 to 1990. It analyzes the transformation of the urban environment under the influence of the oil and gas industry, changes in the city's infrastructure, and social sphere. An attempt was made to comprehensively consider the social development of the northern city's urban space.

The findings described in the research are of great significance for understanding the interplay between urban space and the industry's economy in the context of regional resource dependency.
Keywords: Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Muravlenko, oil and gas extraction activities

Acknowledgements: The author expresses sincere gratitude to the head of the Municipal Archive of the Administration of Muravlenko City, O.I. Markova.

© О.Р. Фадеева, 2024

For citation: Fadeeva, O.R. (2024) Study on the Interconnection of Urban Space and the Oil Industry in Muravlenko City, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, in the 1980s–1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 76–82. doi: 10.17223/19988613/89/9

Северные территории Российской Федерации, особенно Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), играют важную роль в экономическом и энергетическом развитии страны. Города ЯНАО являются каркасом его экономики, основанной на добыче топливно-энергетических ресурсов. Многие из этих городов были созданы как центры добычи нефти и газа, что отличает их промышленную структуру от остальных городов России.

Один из примеров урбанизации в ЯНАО – город Муравленко. Он развивается как нефтяной город, при этом имеет запасы природного газа и нефти и развитую транспортную структуру. Однако в городе существуют такие проблемы, как заболоченность низин, мерзлота и удаленность от Центрального федерального округа. Муравленко сталкивался с быстрым ростом и сокращением населения, что необычно для столичных мегаполисов. Именно такие процессы интересны для изучения урбанистических закономерностей.

До 1980-х гг. история Муравленко входила в изучение промышленного освоения нефтяных месторождений Ямало-Ненецкого округа. С 1990-х гг. историю города начали изучать специально. Однако исследования были односторонними и ограничены краеведческой или промышленной тематикой. Изучая городское пространство и нефтяную отрасль Муравленко, следует отметить, что историографию по тематике нефтегазодобывающих городов Ямало-Ненецкого автономного округа можно разделить на два этапа: советский (1960–1991) и постсоветский (с начала 1990-х гг.).

В советский период было опубликовано много работ по истории «нефтяных городов» в Ямало-Ненецком автономном округе. Данным вопросом интересовались эконом-географы (К.Н. Мисевич), руководитель института «Гипротюменнефтегаз» Я.М. Каган, историки (Н.М. Пашков, В.А. Ламин, В.В. Алексеев, Е.В. Логунов), экономисты (А.Г. Аганбегян, А.Д. Хайтун) [1–7].

В современных исследованиях по истории градостроительства нефтяные города обычно называются городами нефтегазодобывающих районов. Некоторые исследователи, включая доктора исторических наук В.П. Карпова, обратили внимание на различия между романтическим представлением о «голубых городах» и реальностью северных нефтяных городов [8. С. 127]. Авторитет В.П. Карпова является важным для оценки исследований по истории градостроительства нефтяных городов по нескольким причинам. Прежде всего, его обширный опыт и экспертное знание в области исторических наук придают его исследованиям вес и достоверность. Его участие в более чем 160 научных публикациях в РИНЦ и присутствие на 22 международных, всесоюзных и всероссийских научных конференциях указывают на признание его работы и интерес к его исследовательским выводам. Кроме того, работа по гранту РГНФ «Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий» свидетельствует о его активном участии в актуальных исследовательских проектах и обосновывает его экспертное мнение в области развития нефтегазодобывающих районов.

Социальная инфраструктура, демографическая ситуация и другие аспекты были освещены в работах Н.Ю. Гавриловой и других исследователей [9. С. 24]. Первые публикации по нефтяной промышленности в Муравленко появились с момента основания поселка и были опубликованы в виде отдельных брошюр, а также статей в газетах и журналах. Одними из наиболее комплексных работ по истории Муравленко и нефтегазодобывающей промышленности являются работы В.А. Быковского [10. С. 66].

Город Муравленко построен на землях казаков, ранее присоединенных к России. Территории вокруг города относятся к Пуровскому району Ямало-Ненецкого автономного округа, который образован Тобольским комитетом Севера. Данный район являлся домом для различных этнических групп и народов. В течение многих столетий в нем проживали разные народы и сообщества, включая ненцев, хантов и селькупов. Цель создания и деятельности Комитета Севера, организованного в 1924 г., предусматривала главным образом «вовлечение коренных народов Севера в советское строительство, содействие их экономическому, культурному и политическому развитию и защите их интересов».

В Муравленко активно и быстро осуществлялся процесс развития и роста. В 1980 г. было выделено место под застройку поселка. Заказчиком строительства Муравленко являлось нефтегазодобывающее управление «Холмогорнефть» [11. С. 28].

Первоначально финансирования для строительства поселка не было, оно не было предусмотрено десятым пятилетним планом. Но управляющий трестом-площадкой «Ноябрьскнефтестрой» М.К. Михайлов убедил генерального директора объединения «Ноябрьскнефтегаз» В.А. Городилова начать строительство, так как в фонде на строительство жилья деньги были.

Созданное в октябре 1980 г. строительно-монтажное управление НГДУ «СН» под руководством И.Б. Маневича занималось строительством поселка. Первый строительный десант управления высадился в «глухом уголке тайги» 19 октября 1980 г. В 1981 г. были построены дороги, кустовые площадки, произведен монтаж буровых. В 1982 г. начала функционировать дорога Муравленко–Ноябрьск и был основан поселок. Летом 1982 г. в Муравленко по разбитым «зимникам» начали приезжать строители [12].

В период строительства поселка, который в дальнейшем станет городом Муравленко, возникало немало споров по поводу названия. В процессе исследования двух решений «Об административно-территориальных изменениях в Пуровском районе» 1983–1984-х гг. стали известные возможные названия будущего города: в 1983 г. – Нефтеозерск, в 1984 г. – Муравленко. На выбор названия повлияло наименование ближайшего

нефтегазового месторождения – Муравленковского. Имя города связано с именем Виктора Ивановича Муравленко – человека, при непосредственном участии которого Западная Сибирь превратилась в крупнейший нефтедобывающий регион страны [13. С. 6].

Процесс становления Муравленко исторически имел несколько этапов развития. Отдельный интерес представляет этап 1980–1990-х гг., который характеризуется усиленным развитием нефтегазодобывающей промышленности.

Нефтегазодобывающая промышленность играла немаловажную роль в развитии Муравленко в 1980–1990-е гг. Процессы расширения пространства города происходили за счет освоения или поглощения ближайших поселений.

В 1980–1990-е гг. в мировой экономике наряду с развитием процессов глобализации наблюдались тенденции к расширению региональной и межрегиональной кооперации, что делало актуальным вопрос о сотрудничестве как составляющей глобального регулирования. Муравленко в данном процессе играл немаловажную роль, сотрудничая с Соединенными Штатами Америки по вопросам нефтегазодобывающей отрасли.

200 городов США поддерживали отношения городов-побратимов с городами 123 стран мира. 11 городов такого рода были в штате Оклахома: Оклахома Сити–Ульяновск, Талса–Зеленоград, Клэрмор–Муравленко. Между Клэрмором и Муравленко существовало много отличий в географическом положении, добыче нефти и газа. Предполагалось, что Муравленко может иметь с Клэрмором более широкие отношения, чем просто рабочие с компанией Centrilift, занимающейся продажей насосов для нефтяных скважин. К середине 1990-х гг. Муравленко посетили 50 работников Centrilift.

Побратимские связи ямальского Муравленко с американским Клэрмором начались в середине 1990-х гг. и продолжались благодаря успешному сотрудничеству нефтегазовых компаний города и фирмой Centrilift, выпускающей высокоэффективное нефтепромысловое оборудование. По завершении совместной работы в рамках заключенных контрактов стороны изъявили желание продолжить общение и зародившиеся дружеские связи. С инициативой организовать культурный обмен учащимися летом 1997 г. выступил мэр Клэрмора Рэймонд Пэйтон Эйкин III. В декабре 1997 г. 12 школьников из Муравленко впервые отправились в Клэрмор. Они проживали в американских семьях, посещали вместе со своими сверстниками занятия в школе, побывали на экскурсии в музее известного путешественника, писателя и актера Вилла Роджерса и в Чикаго. Самым ярким впечатлением для них стала встреча католического Рождества.

Сотрудничество с США имело свое отражение в периодических изданиях «ВестиМо» и «Наш город». В газете «ВестиМо» было опубликовано две статьи, в которых упоминается вклад американских работников в нефтегазодобывающую промышленность Муравленко. В 15-м номере от 17 мая 1993 г. в статье «Тесако в Муравленко» рассказывалось про американских нефтяников Брауна и Элиота, которые приезжали на месторождения Муравленко и познавали жизнь на Севере. Та же информация содержится в 40-м номере в статье «Начинаем лечить пласты» от 22 октября 1993 г. [14. С. 12].

Помимо США сотрудничество в нефтяной отрасли выстраивалось с Францией. В 1998 г. в Муравленко прибыли две бригады представительства французской компании «Шлюмберже», которая оказывала весь спектр услуг по нефтепромысловым ремонтам и сотрудничало с объединением «Ноябрьскнефтегаз». Компания планировала согласно контракту сделать 152 гидроразрыва в Муравленковском регионе: на Вынгаяхинском, Западно-Суторминском и Суторминском месторождениях. Выбор пал именно на эту компанию, так как она считалась в своем роде деятельности самой лучшей в мире.

Налажены были партнерские связи и с городами России: Тюменью, Томском, Ноябрьском и др. В 1980–1990-е гг. в г. Муравленко приезжало большое количество томичей. Это были студенты Томского политехнического университета по нефтегазодобывающим направлениям. Так, в статье «По распределению сердца» Тамара Кулькова вспоминает о своих первых впечатлениях о жизни на Севере [15. С. 5].

Среди урбанистических особенностей Муравленко в 1980–1990-е гг. следует отметить уникальное влияние нефтяной промышленности. Градообразующее производство в Муравленко было одним – добыча углеводородного сырья. Запасы природных ископаемых повлияли на развитие города. Добывающие нефтегазовые компании, такие как «СтройНефтеПровод», «Газпромнефть Ноябрьскнефтегаз», «Нефтегазовая компания НефтеСервис», «ЯмалСпецЦентр», KERUI GROUP, были активны в городе. Муравленко полностью зависел от добычи полезных ископаемых и экспорта углеводородов. Это приводило к высокому уровню социально-экономического развития и качеству жизни в городе.

Город Муравленко, изначально признанный «городом будущего», привлекал внимание благодаря своему потенциалу для разработки значительных нефтяных месторождений, основанному на предварительных геологических разведках. Более того, он получил прозвище «Второй Самотлор» в свете ожидаемого обильного наличия нефти.

По типу, назначению застройки, демографическому составу населения и повседневной организации жизни Муравленко относился к виду социальных городов. Город строился по типу «точечной или уплотнительной застройки», постепенно осваивая территорию лесного массива. Он имел компактную структуру, в нем четко были разделены две зоны: жилая и промышленная; уровень благоустройства жилья высокий. Автомобильная дорога протяженностью около 115 км соединяла город с железнодорожной станцией и аэропортом в Ноябрьске. Это свидетельствовало о том, что Муравленко являлся средой жизнедеятельности человека; созданная городская среда в нем – среда повседневной жизнедеятельности населения, включающей характер его трудовой деятельности.

К концу 1980-х гг. Муравленко привлекал большое количество молодых людей, приезжавших работать

в нефтяную отрасль. Это было связано с высокой миграционной активностью, особенно в возрастных группах 18–20 и 25–29 лет. Выпускники приезжали в город для получения профессионального стажа и трудоустройства, что компенсировало уход пенсионеров и создавало временную модель пребывания. Благодаря этому фактору и незначительному росту доли населения старшего возраста демографическая ситуация в Муравленко всегда была быстроменяющейся.

Вопреки постоянным изменениям в демографической ситуации Муравленко сохранял свое культурное и этническое разнообразие. На территории присутствовали украинская, азербайджанская, башкирская, татарская, чеченская, чувашская и другие диаспоры [16. С. 4].

Однако город стал сталкиваться с некоторыми неблагоприятными факторами. Во-первых, наблюдалось усиление миграционного оттока. Это было связано с ростом мобильности населения, увеличением числа людей, работающих по вахтовой системе. Во-вторых, изменение месторождений и смещение добычи углеводородов в более перспективные северные районы могли привести к дополнительному миграционному оттоку и истощению местных ресурсов. В результате население Муравленко со временем стало сокращаться. Однако представители предприятий нефтегазодобывающей отрасли предпринимали различные меры для удержания своих работников, предлагая разнообразные привилегии, льготы и компенсации.

Радужные прогнозы нового города нефтяников и газовиков сталкивались с проблемами, типичными для моногородов. Одной из серьезных проблем стал спад производства в кризисные периоды, что приводило к социальной проблеме. В период с 1980–1990-х гг. моногорода сталкивались с массовыми увольнениями, ростом безработицы и социальным напряжением. Время кризисов также приводило к устареванию предприятий и сокращению проектов и объектов. Однако моногорода с нефтяной промышленностью легче переживали кризисы. Нефтегазодобывающие предприятия поддерживали проекты и социальные объекты, обеспечивая более высокий уровень благосостояния. Анализ показал, что Муравленко не сталкивался с крупными кризисами, но наблюдалось снижение добычи в некоторые годы. Изменение географии добычи могло угрожать рабочим местам для 70% населения региона [17. С. 14].

Важным направлением деятельности нефтяных предприятий на протяжении многих лет являлось активное взаимодействие с вузами. Влияние компании «Ноябрьскнефтегаз» и ее сотрудничества с вузами на развитие Муравленко было значительным. Благодаря активному сотрудничеству с вузами компания готовила молодых специалистов, обеспечивая им специализированное обучение и ценный практический опыт. Это позволило сформировать кадровый резерв и гарантировать доступ к высококвалифицированным специалистам для развития нефтегазовой отрасли в городе.

В 1980–1990 гг. специалисты, обученные и подготовленные предприятием, внесли существенный вклад в исследования, проектирование и управление в области нефтяных и газовых скважин. Они способствовали развитию добычи нефти и газа, а также улучшению технологий и процессов сбора и подготовки продукции. Результатом было увеличение производственных мощностей и рост экономического потенциала Муравленко.

Также, уделяя внимание образовательному процессу и повышению профессиональных навыков работников, предприятие способствовало развитию технической и экономической экспертизы в городе. Проводимые курсы повышения квалификации и аттестация обеспечивали повышение квалификации работников и стандартов работы на нефтегазодобывающих предприятиях Муравленко.

Помимо образовательного процесса на производстве, нефтяные предприятия активно работали с образовательными организациями (школы, сады, организации дополнительного образования). Совместная работа нефтяных предприятий, включая «Муравленковскнефть», со школами внесла значительный вклад в развитие образования в Муравленко. Особое внимание было уделено развитию школ № 2 и 3.

В школе № 3 представители предприятия организовывали поездки для учеников в города Тюмень и Пермь, что создавало возможность расширить их горизонты и получить дополнительный опыт. Кроме того, комсомольские организации «Ноябрьскнефтегаз» проводили мероприятия в формате «вопросы–ответы», где ученики могли задавать интересующие их вопросы о деятельности нефтяных предприятий. Это стимулировало интерес школьников к нефтяной отрасли и помогло им получить более полное представление о профессиональных возможностях в этой сфере.

Важно отметить, что заместитель начальника НГДУДУ «Муравленковскнефть» А.Н. Гусев входил в совет школы № 3, открытой в 1986 г. Его присутствие в совете школы подчеркивает партнерство между предприятием и образовательным учреждением, а также поддержку и участие руководства «Муравленковскнефти» в развитии школьного образования.

Нефтегазодобывающие предприятия активно принимали участие в жизни образовательных учреждений города, включая сеть дополнительного образования.

Одним из примеров такого сотрудничества является музыкальная школа города. Она была создана при поддержке «Сутормінскнефти» в 1986 г. под руководством директора В.А. Страбыкиной. Это свидетельствует об участии компании в развитии музыкального образования и расширении возможности детей развивать свой талант и интерес к музыке [18. С. 1].

Работа образовательных организаций в сотрудничестве с нефтяниками способствовала согласованию и формированию морально-духовных ценностей и здорового образа жизни среди жителей Муравленко. Начиная с конца 1980-х гг. нефтегазодобывающие предприятия Муравленко организовывали конкурсы рисунков. Некоторые мероприятия проводились для сбора средств на благотворительность. Так, 22 апреля 1987 г. был организован общегородской субботник, посвященный дню рождения В.И. Ленина, на рабочих местах и строящихся объектах социального быта [19].

Трудовым коллективам было предложено средства, заработанные на субботнике, перечислить на счет дополнительных финансовых средств № 747 в Ноябрьском отделении Промстройбанка для ремонта Дома пионеров и школьников в Ноябрьске. Благодаря этому этот социальный объект отремонтировали в 1988 г.

Нефтегазодобывающие организации внесли большой вклад в 1990-е гг. в развитие культуры города. В партнерстве с городской администрацией они организовали праздник «День оленевода», который стал традиционным, таким своеобразным брендом Муравленко.

«Ноябрьскнефтегаз» уделял особое внимание созданию комфортных условий для высокопроизводительного труда своих сотрудников. С этой целью предприятие создавало новые рекреационные зоны, проводило ремонт социально-бытовых объектов, осуществляло финансирование проектов по повышению уровня комфорта и безопасности жизнедеятельности в Муравленко. В начале же 1990-х гг. часть объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения были передана с баланса предприятий нефтегазодобывающей промышленности на самостоятельный баланс. 13 октября 1992 г. городу был передан баланс НГДУ «Сутормінскнефть». В июне 1997 г. переведены на самостоятельный баланс магазины № 31, 42, 48, 49, 63, ресторан «Белые ночи», столовая № 1, кафе-бар «Славянка», буфеты № 1 и 3. В 1998 г. отдельно от предприятий стали функционировать пансионаты «Лесная поляна» и «Рубин», база отдыха НГДУ «Муравленковскнефть», гостиницы «Заполярье», «Сибирь», «Таежная».

Внимание к молодежи и формирование подходов к определению молодежной политики в нефтегазодобывающих компаниях отмечается с середины 1980-х гг. Представители власти проводили социологические опросы молодых специалистов нефтегазодобывающей сферы. Для молодежи организовывались тематические вечера в кафе «Пингвин»: вечера-встречи с воинами, дискуссионные встречи и т.д.

Производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз» и нефтегазодобывающее управление «Муравленковскнефть» всегда привлекали молодежь к разнообразным активным мероприятиям. По приказам 1980-х гг. прослеживаются организация творческих конкурсов, пожарно-профилактические работы и командировки на заготовку и отгрузку картофеля и овощей из колхозов Ишимского и Сладковского районов. Оплата работников проводилась в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 190 от 15 июня 1989 г. «О дополнительных мерах по обеспечению уборки урожая».

Руководство нефтегазодобывающих предприятий стремилось создать необходимые условия для нормально отдыха северян-нефтяников и укрепления их здоровья. Так, в 1993 г. начал работу физкультурно-оздоровительный комплекс. Для детей города были организованы волейбольная, баскетбольная, футбольная секции, а также секция атлетической гимнастики и каратэ. Производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз» проводило широкий комплекс спортивно-оздоровительных мероприятий, в которых принимали участие тысячи работников. Поддержание физической активности в Муравленко способствовало сохранению и укреплению здоровья и росту качества жизни населения. Первые упоминания о спортивной деятельности жителей города и нефтяников начинаются с 1986 г. В публикациях периодического издания «Северная вахта» упоминается о Всесоюзной неделе лыжного спорта в честь XXVII съезда партии в поселке Муравленковском. В соревнованиях приняли участие девять коллективов. Первое место заняла команда НГДУ «Сутормінскнефть», второе – Муравленковское УБР. В 1994 г. были организованы соревнования между подразделениями НГДУ по баскетболу, мини-футболу, теннису и шахматам.

На нефтегазодобывающих предприятиях проводилось большое количество спортивных соревнований, ресурсы для их проведения имелись на каждом предприятии. НГДУ «Муравленковскнефть» имело свой спортивный комплекс, НГДУ «Сутормінскнефть» – лыжную базу, на которой в 1994 г. был проведен легкоатлетический кросс среди школ города «Золотая осень-94» на призы профсоюзного комитета НГДДУ «СН». Представители нефтегазодобывающих компаний иногда выступали в роли тренеров для детей образовательных учреждений. В статье «Снежинка для детей» упоминается про двух тренеров по стрельбе из винтовки и гиревому спорту, которые работали в НГДУ «Сутормінскнефть». Но позднее предприятия передали на самостоятельный баланс наряду с объектами культуры, досуговой деятельности и спортивно-оздоровительный объекты и сооружения. С 1998 г. отдельно от предприятий стали функционировать крытый каток, оздоровительный комплекс НГДУ «Муравленковскнефть».

В данной статье были освещены различные аспекты развития г. Муравленко, включая историю его основания, взаимосвязь с другими странами и городами России, особенности урбанистики, демографические особенности, льготы для работников, сотрудничество с вузами, привлечение молодых специалистов, работа со школами и учреждениями дополнительного образования, развитие культуры, спорта и городских мероприятий.

Однако основным фокусом статьи была взаимосвязь между городским пространством и нефтяной отраслью в г. Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа в период с 1980 по 1990 г. Сотрудничество Муравленко с различными странами и городами в нефтегазовой отрасли в 1980–1990-е гг. благоприятно повлияло на развитие экономики. В образовательном направлении раскрывается вопрос о партнерстве между предприятиями и образовательными учреждениями. Такое партнерство способствовало подготовке молодых специалистов, заинтересованных в нефтяной индустрии, а также укреплению связей и взаимопониманию между образовательными учреждениями и корпоративным сектором. В урбанистическом направлении можно отметить, что нефтегазодобывающие предприятия предоставляли удобную среду для повседневной жизнедеятельности населения и трудовой

деятельности людей в разных аспектах: спорт, культура и другие социальные направления.

Таким образом, в статье отмечен значительный вклад нефтегазодобывающих организаций в развитие культуры, создание комфортных условий для труда, поддержку молодежи и развитие спорта в г. Муравленко. Полученные результаты могут быть ценными для понимания взаимосвязи между городским пространством и отраслевой экономикой в условиях региональной зависимости от ресурсов.

Список источников

1. Каган Я.М. Все начинается с проекта // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. М. : Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. Кн. 1 : Становление. Большая нефть Сибири. Тюменский газовый проект. С. 242–247. (Строители России. XX век)
2. Пашков Н.М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 162–176.
3. Ламин В.А. Геополитические факторы социально-политического развития Сибири // Сибирь: политика, экономика, управление. 1992. № 1. С. 25–38.
4. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Алексеев Вениамин Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1. С. 64.
5. Логунов Е.В. Развитие социальной инфраструктуры городов северных районов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1975–1985 гг.) // Урбанизация советской Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1987. С. 184–210.
6. Аганбегян А.Г. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4. С. 3–16.
7. Хайтун А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство Западной Сибири. Л. : Стройиздат, 1982. 176 с.
8. Карпов В.П. Нефтедобыча как основа урбанизации тюменского севера в 1960–1980-е гг. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : сб. ст. Барнаул : МЦ ЭОР, 2015. Ч. 2. С. 126–134.
9. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири: 1964–1985 гг. : дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 2003. 483 с.
10. Быковский В.А. Формирование региональной экономики в контексте устойчивого развития : дис. … д-ра экон. наук. Тюмень, 2003. 390 с.
11. Прокопьев В., Тимофеев Л. Города нефтяников на севере Тюменской области. // Архитектура СССР. 1976. № 11. С. 28–29.
12. Беседа О.Р. Фадеевой с руководителем муниципального архива г. Муравленко О.И. Марковой от 20 дек. 2020 г. // Личный архив О.Р. Фадеевой. 1 с.
13. Симаков С. Есть в Сибири город Муравленко // Муниципальный архив г. Муравленко. Ф. Справочно-информационный.
14. Подшивка газеты «ВестиМо» с № 1 по № 53 (1993 г.) // Муниципальный архив г. Муравленко. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.
15. Отдельные экземпляры газеты «Северная вахта» № 1 (1983 г.), № 1 и 23 (1985 г.), 59 (1990 г.), с № 1 по № 4 (2009 г.) // Муниципальный архив г. Муравленко. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2.
16. Подшивка газеты «Наш город» с № 1 по № 52 (1990 г.) // Муниципальный архив г. Муравленко. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12.
17. Мисевич К.Н., Рященко С.В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск : Наука. 120 с.
18. Приказ о передаче объектов Ноябрьскнефтегаз от 9 июня 1997 г. // Муниципальный архив г. Муравленко. Документ в процессе описи.
19. Решение о перечислении средств, заработанных на субботнике 22 сентября 1987 г. / Министерство нефтяной промышленности, Производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз», Нефтегазодобывающее управление «Муравленковскнефть» // Муниципальный архив г. Муравленко. Документ в процессе описи.

References

1. Kagan, Ya.M. (2004) Vse nachinaetsya s proekta [Everything starts with a project]. In: *Neftegazostroiteli Zapadnoy Sibiri* [Oil and Gas Workers of Western Siberia]. Vol. 1. Moscow: Ros. soyuz neftegazostroiteley. pp. 242–247.
2. Pashkov, N.M. (1987) Gorodskoe stroitel'stvo v neftegazodobyvayushchikh rayonakh Zapadnoy Sibiri [Urban construction in the oil and gas producing areas of Western Siberia]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Urbanizatsiya Sovetskoy Sibiri* [Urbanization of Soviet Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 162–176.
3. Lamin, V.A. (1992) Geopoliticheskie faktory sotsial'no-politicheskogo razvitiya Sibiri [Geopolitical factors of socio-political development of Siberia]. *Sibir': politika, ekonomika, upravlenie – Siberia: politics, economy, management*. 1. pp. 25–38.
4. Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2009) Alekseev Veniamin Vasilyevich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. p. 64.
5. Logunov, E.V. (1987) Razvitie sotsial'noy infrastruktury gorodov severnykh rayonov Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1975–1985 gg.) [Development of social infrastructure of cities in the northern regions of the West Siberian oil and gas complex (1975–1985)]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Urbanizatsiya Sovetskoy Sibiri* [Urbanization of Soviet Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 184–210.
6. Aganbegyan, A.G. (2014) Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF [Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation]. *Problemy prognozirovaniya*. 4. pp. 3–16.
7. Khaytun, A.D. (1982) *Ekspeditsionno-vakhtovoe stroitel'stvo Zapadnoy Sibiri* [Expedition-shift construction in Western Siberia]. Leningrad: Stroyizdat.
8. Karpov, V.P. (2015) Neftedobycha kak osnova urbanizatsii tyumenskogo severa v 1960–1980-e gg. [Oil production as the basis of urbanization of the Tyumen North in the 1960s–1980s]. In: Demchik, E.V. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka* [Economic History of Siberia of the 20th – early 21st century]. Vol. 2. Barnaul: AKIPKRO. pp. 126–134.
9. Gavrilova, N.Yu. (2003) *Sotsial'noe razvitie rayonov novogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri: 1964–1985 gg.* [Social development of new industrial development areas in the north of Western Siberia: 1964–1985]. History Dr. Diss. Tyumen.
10. Bykovsky, V.A. (2003) *Formirovanie regional'noy ekonomiki v kontekste ustoychivogo razvitiya* [Formation of regional economy in the context of sustainable development]. Economics Dr. Diss. Tyumen.
11. Prokopiev, V. & Timofeev, L. (1976) Goroda neftyanikov na severe Tyumenskoy oblasti [Cities of oil workers in the north of Tyumen region]. *Arkhitektura SSSR – Architecture of the USSR*. 11. pp. 28–29.
12. Fadeeva, O.R. & Markova, O.I. (2020) *Beseda O.R. Fadeevoy s rukovoditelem munitsipal'nogo arkhiva g. Muravlenko O.I. Markovoy ot 20 dek. 2020 g.* [Conversation of O.R. Fadeeva with the head of the municipal archive of Muravlenko O.I. Markova from December 20, 2020]. [Transcript of the conversation]. O.R. Fadeev's Personal Archive.
13. Simakov, S. (n.d.) *Est' v Sibiri gorod Muravlenko* [There is a town of Muravlenko in Siberia]. The Municipal Archive of Muravlenko. Reference and Information Fund.
14. The Municipal Archive of Muravlenko. (n.d.) *Filing of the newspaper "Vestimo" from No. 1 to No. 53*. Fund 9. List 1. File 1.

15. The Municipal Archive of Muravlenko. (n.d.) *Separate copies of the newspaper "Severnaya Vakhta" No. 1 (1983), No. 1 and 23 (1985), 59 (1990), from No. 1 to No. 4 (2009)*. Fund 19. List 2. File 2. l.
16. The Municipal Archive of Muravlenko. (n.d.) *Filing of the newspaper "Nash gorod" from No. 1 to No. 52*. Fund 13. List 1. File 12. l.
17. Misevich, K.N. & Ryashchenko, S.V. (1988) *Geograficheskaya sreda i usloviya zhizni naseleniya Sibiri* [Geographic environment and living conditions of Siberian population]. Novosibirsk: Nauka.
18. The Municipal Archive of Muravlenko. (n.d.) *Prikaz o peredache ob"ektov Noyabr'skneftegaz ot 9 iyunya 1997 g.* [Order on the transfer of Noyabrskneftegaz objects dated June 9, 1997]. The document is in the process of inventory.
19. Ministry of Petroleum Industry; Production Association "Noyabrskneftegaz"; Oil and Gas Production Department "Muravlenkovskneft". (1987) *Reshenie o perechislenii sredstv, zarabotannykh na subbotnike 22 sentyabrya 1987 g.* [The decision on the transfer of funds earned on the subbotnik of September 22, 1987]. The Municipal Archive of Muravlenko. The document is in the process of inventory.

***Сведения об авторе*:**
Фадеева Ольга Руслановна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomichkitomsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fadeeva Olga R. – PhD Student the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomichkitomsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023*; принята к публикации 15.05.2024*

The article was submitted 13.12.2023*; accepted for publication 15.05.2024*

Научная статья
УДК 94(47).031
doi: 10.17223/19988613/89/10

Вхождение Башкирии в состав Монгольской империи

Салават Ишмухаметович Хамидуллин

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, hamidullah@mail.ru

Аннотация. На основании анализа письменных источников, данных фольклора и этнографии рассматривается процесс вхождения Башкирии в состав Монгольской империи. Автор реконструирует ход и хронологию событий. Особо выделяется значение монгольско-кыпчакского противостояния в судьбах народов Восточной Европы, в частности башкир. Делается вывод о длительном процессе принятия башкирами подданства монгольским ханам и статусе Башкирии в эпоху Золотой Орды.
Ключевые слова: башкиры, Magna Hungaria, монголы, кыпчаки, Юлиан

Для цитирования: Хамидуллин С.И. Вхождение Башкирии в состав Монгольской империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 83–94. doi: 10.17223/19988613/89/10

Original article

The entry of Bashkiria into the Mongol empire

Salavat I. Khamidullin

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, hamidullah@mail.ru

Abstract. This article examines the process of accession of the Bashkirs to the Mongol Empire, reconstructs the course of events in the 1220-30s in the Ural-Volga region, and reveals the immediate causes of the Mongol invasion of Bashkiria. A special place in the study is given to the question of the character of Bashkir subjection, since two opposite points of view are usually expressed in the scientific literature. Some researchers believe that the Bashkirs voluntarily recognized the power of the Mongol Khan, while others claim that they were conquered by force of arms. Based on a comparative analysis of written sources of the Middle ages (Arab-Muslim, Persian, Mongolian, European, Russian), data from Bashkir folklore and Ethnography, it is concluded that Bashkiria gradually entered the administrative system of the Chingizid Empire under the influence of both diplomatic and military methods of subordination to the power of the Great Khan. The Mongols first learned about the Bashkirs in 1207 during the Jochi campaign against the "forest peoples" of the Altai region. In 1223 the Bulgars and Bashkirs crushed the corps of Subedei-bagatur and Jebe in the Volga steppes, which was moving from the Azov region, where the Mongols defeated the Russian-Polovtsian troops on the Kalka river. In 1229 Batu and other Juchids with the troops of Noyon Kukday (Kokoshay) began to conquer the Central part of Desht-i Qipchaq in the interfluve of the Ural (Yaik) and Volga rivers, as a result of which the Qipchaq of Ilbari tribe khanate was defeated. In 1232-1235, an agreement was concluded between the Bashkirs and the Mongols. The latter, apparently, viewed it as a tactical ploy to neutralize the Bashkirs on the eve of a large-scale war. Around 1235, a representative of the deposed Ilbari dynasty, Bachman, rebelled against the Mongols. Bashkirs or only some part of them could join to him. This was the formal reason for the punitive expedition of the Mongol army in 1236 in Bashkiria, which became the first military campaign of the Western campaign of the Mongols to conquer the countries of Eastern and Central Europe (1236-1242). It is also possible that the formal reason for the invasion was the migration of the defeated Qipchaqs to Bashkiria, recorded in written sources and reflected in the ancestral nomenclature of the Bashkirs. In the early 1240s, another punitive expedition of the Mongols took place against the rebellious Volga-Ural peoples (Bashkirs, Bulgars, Mordvins). However, the Bashkirs were not divided according to the decimal system, like other conquered ethnic groups (Qipchaqs, Qangli, Qara-Qitay, Kereyits, Merkits, etc.) and, therefore, were not part of the dominant people (Eke Mongol ulus, and then the ulus of the Juchids). Despite the armed confrontation, the Mongol authorities retained a certain autonomy and ruling elite for the Bashkirs, as it was in Russia, in the Mordovian, Alanian, and other lands.
Keywords: Bashkirs, Magna Hungaria, Mongols, Qipchaqs, Julian

For citation: Khamidullin, S.I. (2024) The entry of Bashkiria into the Mongol empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 83–94. doi: 10.17223/19988613/89/10

© С.И. Хамидуллин, 2024

Вопрос вхождения и статуса Башкирии в составе Монгольской империи имеет принципиальное значение для последующей истории края. Как пишет Б.А. Азнабаев, «правительство Ивана IV при установлении башкирского подданства воспользовалось традициями и опытом Золотой Орды и других государств, которые придерживались государственно-правовой системы джучидов» [1. С. 58]. Поскольку фрагментарность и противоречивость имеющихся письменных источников не позволяют делать однозначные выводы о ходе и результатах монгольского завоевания Башкирии, исследователи вынуждены прибегать к методу исторической реконструкции со всеми вытекающими последствиями: одна группа исследователей писала о добровольном вхождении и установлении союзнических отношений с завоевателями, вторая – о силовом, завоевательном подчинении башкир, третья отмечала региональные особенности данного процесса. Столь широкий разброс мнений неудивителен, ведь историческая реконструкция – это «конструкт», основанный на текстах [2]. Вопрос лишь в степени приближения к исторической действительности.

Применительно к рассматриваемому здесь вопросу необходимо, во-первых, уяснить мотивы монгольских походов в страны Восточной Европы, чтобы определить место «башкирского эпизода» в этом глобальном явлении; во-вторых, на основании данных о последующем положении башкир в составе Золотой Орды понять условия монгольского подданства. Очевидно, взгляд, брошенный на события 1235–1236 гг. с двух точек хронологической оси (до и после), как нельзя лучше способствует этому. Диахронный, герменевтический и источниковедческий анализ приводит нас к выводу, что процесс вхождения Башкирии в состав Монгольской империи занял длительный срок, в течение которого завоеватели использовали как дипломатические, так и военные методы принуждения башкир к признанию своей власти. При этом ключевую роль в ускорении развязки событий сыграл кыпчакский фактор, который, как правило, недооценивается исследователями. В данном исследовании пересмотрены прежние точки зрения на процесс вхождения Башкирии в состав Монгольской империи. Следует отметить, что его понимание усложнено так называемой «башкиро-мадьярской проблемой»[1], сводящейся в данном контексте к соотношению «страны Баскарт» и «Великой Венгрии» в известиях европейских авторов XIII в. Неоднозначность ситуации относительно соответствия друг другу южноуральских башкир и так называемых «восточных венгров» стала для многих отечественных и зарубежных исследователей серьезным препятствием, поэтому в работах, посвященных монгольским завоеваниям, они часто обходили стороной исследуемый здесь вопрос.

В 1219 г. армия Чингиз-хана вторглась в пределы Хорезмийского султаната (государства хорезмшахов Ануштегинидов). Взятием в 1221 г. его столицы г. Ургенч (Гургандж) войсками под командованием сыновей Чингиз-хана завершилось завоевание Средней Азии. Между последними возникли разногласия, поэтому по окончании данной военной кампании Чагатай и Угедей отправились в лагерь своего отца, а Джучи ушел к себе в кочевье. Персидский историк XIV в. Рашид ад-Дин писал: «Что касается Джочи, то он отправился из Хорезма на Иртыш, где было у него тяжелое снаряжение, и он добрался до своей орды. Еще раньше Чингиз-хан приказал Джочи идти для завоевания таких северных стран, как Булар, Башгирд, Урус, Черкес и Дешт-и Кыпчака…» [3. P. 118]. Очевидно, что подобный список стран Восточной Европы, которая для монголов еще являлась *terra incognita*, не мог содержаться в приказе Чингиз-хана. Как известно, Джучи как старший сын должен был наследовать правое западное крыло Великого монгольского улуса. Следовательно, перед ним изначально могла быть поставлена лишь одна задача – преследовать кыпчаков, чтобы завоевать земли своего будущего удела. Данный поход мыслился как продолжение кампании по разгрому хорезмийских войск. Шихаб ад-Дин ан-Насави, личный историограф последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, писал: «…Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [4. С. 213].

Полководцы Субедей-багатур и Джебе, посланные в погоню за хорезмшахом ʻАла ад-Дином Мухаммедом II на территории Ирана, в связи со смертью последнего в начале 1221 г. получили новый приказ – обогнуть Каспийское море с юга и выйти в тыл кыпчакам на Северном Кавказе. Джучи должен был двигаться вдоль северного берега Каспия, но проигнорировал приказ своего отца, чем вызвал его гнев и едва не был казнен. В конечном итоге в Восточную Европу отправился лишь 30-тысячный экспедиционный корпус Субедей-багатура и Джебе. Поэтому в «Тайной истории монголов», составленной в 1240 г., фабула событий была искажена. Автор монгольской хроники адресует повеление Чингиз-хана о завоевании «северных стран» уже не Джучи, а Субедею: «Он (Чингиз-хан. – *С.Х.*) Субеетей-баатура отправил на север, чтобы напасть на следующие одиннадцать стран и народов: Канглин (канглы. – *С.Х.*), Кибчаут (кыпчаки. – *С.Х.*), Баджигит (башкиры. – *С.Х.*), Оросут (русские. – *С.Х.*), Маджарат (мадьяры. – *С.Х.*), Асут (асы. – *С.Х.*), Сасут (саксины. – *С.Х.*), Серкесут (черкесы. – *С.Х.*), Кешимир, Болар (Волжская Болгария. – *С.Х.*), Рарал, перейти через многоводные реки Идил (Волга. – *С.Х.*) и Джаяк (Яик. – *С.Х.*), а также дойти до города Кива (Киев. – *С.Х.*)…» [5. P. 253]. Как можно видеть, данный рассказ был составлен с учетом расширившихся географических знаний монголов к моменту окончания западного похода 1236–1242 гг. и абсолютно не соответствовал степени их осведомленности о странах Восточной Европы в 1221 г. Этот и схожие списки стран и народов Восточной Европы затем неоднократно повторяются в «Тайной истории монголов» и «Джами‘ ат-таварих» Рашид-ад-Дина. В действительности основной целью похода было лишь уничтожение кыпчаков, которых монголы считали своими личными врагами. Собственно перенос театра военных действий в Восточную и Центральную Европу был изначально мотивирован именно этой задачей. Завоевание других перечисленных

в списке народов первоначально не входило в планы монголов.

Миновав Дербентский проход, корпус Субедея вышел в степи Предкавказья, где был встречен объединенным войском алан и кыпчаков. Сумев внести раскол в стан противника, монголы разгромили бывших союзников поодиночке, а затем, пустившись в погоню за кыпчаками, приблизились к пределам Руси. Там они потребовали выдачи «холопов и конюхов своих» половцев (кыпчаков), но русские князья не только отвергли их притязания, но и убили монгольских послов. Несмотря на численное превосходство, 31 мая 1223 г. в битве на реке Калка русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение. Затем Субедей-багатур и Джебе-нойон двинулись к пределам Волжской Болгарии. Ибн ал-Асир сообщает: «Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и, опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года (1223 г. н.э. – *С.Х.*). Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек» [6. С. 27–28].

По мнению ряда исследователей, участниками данного сражения, в котором монгольский корпус потерпел единственное на протяжении всего рейда поражение, помимо волжских булгар были так называемые «восточные венгры» [7. P. 199], отождествляемые с башкирами [8. P. 166; 9. С. 463]. Данное положение основано на записке брата Рихарда «О существовании Великой Венгрии», адресованной папе римскому Григорию IX. В ней описывается первое путешествие доминиканского монаха Юлиана Венгерского в Среднее Поволжье в поисках прародины венгров Ungaria Major («Старшей Венгрии»), состоявшееся в 1234–1235 гг. [10. С. 75–78][2]. Своих сородичей последний нашел в двух днях пути от «большого города той области», вероятно, Биляра (Булара), и в результате общения с ними выяснил следующее: «…язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери … Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры (т.е. европейские венгры. – *С.Х.*) произошли от них, но не знали, где они… Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими» [11. С. 81]. Эта победоносная битва, по всей видимости, соответствует сражению с корпусом Субедея и Джебе в 1223 г.

Территорию расселения «венгров» Приуралья, получившую с легкой руки Юлиана в средневековой европейской литературе условное название *Magna Hungaria* («Великая Венгрия»), современные археологи локализуют в пределах распространения чияликской археологической культуры, существовавшей с конца IX по XIV в. на территории восточных районов современного Татарстана, юго-восточных районов Удмуртии, северо-западных и северо-восточных районов Башкортостана, а также ряда районов Свердловской, Челябинской и Курганской областей [12]. К чияликским племенам исследователи обычно относят предков башкир таких родовых подразделений, как буляр, байлар, еней, гайна, юрми, юрматы [13. С. 322]. Судя по европейским источникам, в XIII в. «восточные венгры» окончательно не слились с тюркоязычными башкирами, но тем не менее составляли с ними общее политическое объединение. Так, легат папы Иннокентия IV ко двору великого хана Гуюка Плано Карпини, совершивший путешествие в 1245–1247 гг., ставил между ними знак равенства: «Баскарт, т.е. Великая Венгрия» (“Bascart id est Hungaria magna”) [14. P. 60]; спутник последнего Бенедикт Поляк писал в том же духе: «Баскарт, т.е. Великая Венгрия» (“Bascart id est magna Ungaria”) [15. С. 89, 114]; другой посланец папы Иннокентия IV Асцелин Кремонский, посетивший в 1247 г. лагерь монголов Ирана, также заключал: “Bastarcos id est magnam Hungariam” [8. P. 165]; посол Франции Вильгельм де Рубрук, который в 1253–1254 гг., подобно Плано Карпини, лично проезжал по степям Дешт-и Кыпчака по пути в Каракорум и обратно, писал: «Паскатир, т.е. Великая Венгрия» (“Pascatir quae est maior Hungaria”) [14. P. 153].

Сведения параллельных письменных традиций также говорят в пользу политического единства «великих венгров» и башкир. «Тайная история монголов» упоминает в Урало-Поволжье только Болар (Волжская Булгария) и Баджигит и совершенно не знает «Великую Венгрию» как отдельный этногеографический объект. Арабоязычные авторы X–XII вв. Ибн Фадлан, Истахри, Ибн Хаукаль, Бируни, ал-Идриси также упоминают только две страны данного региона – Булгар и Башгурд / Басджурт («билад Башгурд»). Таким образом, для европейцев понятия «великие венгры» и «башкиры» были равнозначными, а у арабо-мусульманских авторов этноним (политоним) *basjirt* (**بسجرت**), *bāšgurd* (**باشغرد**), *bāšqurd* (**باشقرد**) покрывал все предполагаемые внутренние этнографические деления. Неслучайно Питер Голден пишет о многокомпонентности башкирской общности X–XI вв.: «Башгирт, соседи волжских булгар и огузов, имеют сложную этническую историю, которая включала смешение огуроязычных, общетюркоязычных и угорских племен, процесс, который, по всей вероятности, все еще продолжался во времена Кашгари»[3] [16. P. 535].

Арабский историк XIII в. Ибн ал-Асир писал, что после поражения, понесенного монголами у границ Волжской Болгарии в 1223 г., «отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков» [6. С. 27–28]. В «Истории тартар» брата Ц. де Бридиа, написанной на основе донесения брата Бенедикта Поляка, спутника Плано Карпини в его путешествии к монголам, говорится, что на обратном пути после битвы на реке Калке монголы «захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию (Bastarchos, id est Maiorem Hungariam)» [15. P. 84, 109]. Очевидно, в данном месте компилятор допустил ошибку,

так как по пути домой завоеватели, наоборот, были разгромлены в степях Заволжья. Однако само по себе упоминание здесь башкир усиливает тезис об их участии в сражении с корпусом Субедея. Так или иначе, поход монголов не достиг своих целей, и западная часть Дешт-и Кыпчака на время стала свободной. Занятые войной в Иране, Северном Китае и Корее, они не имели достаточных сил для покорения кыпчаков и прочих народов Восточной Европы, с которыми они столкнулись в ходе данного рейда.

Тем временем Субедей-багатур в восточной части Дешт-и Кыпчака соединился с Джучи. Собрав все имеющиеся силы (оставшиеся 4 тысячи экспедиционного корпуса, а также 4 тысячи воинов улуса Джучи), они привели к покорности степи между Аральским морем и Яиком, населенные кыпчаками, канглы и меркитами. Как пишет Р. П. Храпачевский, «кипчаки и прочие туркестанцы из бывших армий хорезмшаха», оставшиеся «бесхозными», стали добровольно переходить на службу к монголам [17. С. 182]. В хронике «Юань ши» (XIV в.) сообщается, что в год гу-вэй (02.02.1223–21.01.1224) Субедей подал Чингиз-хану рапорт о том, «чтобы “тысячи” из меркитов, найманов, кирей, кангар-канглов и кипчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию» [18. С. 228]. Канглы, как известно, обитали в яицких степях. Меркиты, разбитые еще в 1219–1220 гг. Субедей-багатуром на реке Чам (Эмбе?), укрылись у кыпчаков [18. С. 227]. Но в конечном итоге они также признали власть Чингиз-хана.

Несмотря на размолвку с Джучи, Чингиз-хан в 1224 г. распорядился закрепить за ним все приобретенные к тому времени западные земли в качестве удела [19. С. 117]. Он также повелел завершить покорение кыпчаков. Рашид ад-Дин писал: «Чингиз-хан доверил Джучи земли и улус, которые находились в области Иртыша и Алтайских гор… Он также издал ярлык, что тот должен взять во владение Дешт-и Кыпчака и страны, которые были завоеваны в этом направлении. Его юрт располагался на Иртыше…» [3. P. 117]. Схожую информацию приводил египетский энциклопедист XIV в. ан-Нувайри: «Чингиз-хан… назначил ему в качестве земель и вод для зимовок и летовок пределы Каялыка и Хорезма и далее в сторону Саксина и Булгара – куда достигнут в завоеваниях копыта их лошадей» [20. P. 230]. Однако в 1227 г. Джучи умер, так и не завершив завоевание всей территории Дешт-и Кыпчака. Хивинский историк XVII в. Абу-л-Гази сообщил, что по окончании траура Чингиз-хан сказал своему младшему брату Тэмуге-отчигину: «Отправься в Дешт-Кипчак и второго Джучи-ханова сына, Бату-Саин-хана, как его прозвали, возведи на отцовский престол» [21. С. 149].

Угедей, ставший в 1229 г. великим каганом, повелел Бату завершить начатое его отцом. Рашид ад-Дин писал: «Ранее ярлыком Чингиз-хана было предписано, что Джочи должен отправиться с армией, чтобы захватить и взять во владение все северные страны, такие как Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и Кыпчак, а также земли Башгирд, Рус и Черкес вплоть до Дербента Каспийского, который монголы называют Темур-Кахалка. Джочи пренебрег этим поручением, и когда Угедей-хан вступил на ханство, он приказал Бату исполнить данное обязательство…» [3. P. 107]. Об этом же повествует «Тайная история монголов»: Угедей, став каганом, отправил в поход Бату, Бури, Гуюка, Мунке и других царевичей на помощь Субедею, так как последний испытывал трудности с завоеванием народов «Канглин, Кибчаут, Баджигит, Орусут, Асут, Сесут, Маджар, Кешимир, Сергесут, Букар (т.е. Булар. – *С.Х.*) и Керел…» [5. С. 263].

Как видим, в качестве целей новой экспедиции автор монгольской хроники опять привел поздний список народов Восточной и Центральной Европы (канглы, кыпчаки, асы, саксины, русские, башкиры, булгары, черкесы, венгры), хотя на самом деле речь шла в первую очередь о завоевании кыпчаков, часть которых вместе с канглами к этому времени уже была покорена, и, возможно, о наказании булгар и «венгров» (башкир) за их нападение на корпус Субедея в 1223 г. Рашид ад-Дин писал, что в 1229 г. Угедей отправил 30 тысяч воинов во главе с Субедеем и Кокошаем «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» [22. С. 21]. Однако, согласно «Юань ши», Субедей-багатур в это время участвовал в военной кампании против империи Цзинь [18. С. 229–230]. Поэтому командовать корпусом остался Кокошай (Кукдай), который действовал совместно с джучидскими войсками во главе с Бату. Согласно Рашид ад-Дину, Джучи получил от отца улус в 4 тысячи воинов с их семьями [23. С. 274]. «Тайная история монголов» приводит цифру – 9 тысяч юрт [5. С. 225]. Следовательно, численность монгольских войск, отправившихся в поход к Нижнему Поволжью, составляла 34–39 тысяч человек. Большую часть этих сил составляли тумены, набранные в 1223–1224 гг. из числа кыпчаков и канглов [17. С. 339].

Рассмотрим этнополитическую ситуацию в Дешт-и-Кыпчаке накануне монгольского завоевания. Персидский историк XIII в. Джузджани писал: «Он (хорезмшах Текеш. – *С.Х.*) вошел в союз с ханом кыпчаков, которого звали Акран, и женился на дочери этого правителя» [24. Vol. I. P. 240–241]. Она стала матерью следующего хорезмшаха Мухаммеда, при котором усилилось влияние родственников матери. Рашид ад-Дин дал ясную племенную атрибуцию этим кыпчакам: «Группа тюрков из родственников его матери, называемых уранийцами…» [23. С. 209–210]. Другой персидский историограф XIII в. Джувейни сообщал, что в хорезмийской армии служило «некоторое число [людей племени] Уран (اورانيان), которые использовались в качестве ‘аджами[4] для службы при султане» [25. P. 305; 26. С. 35]. Наместник Отрара Кайыр-хан Иналчук, который своим убийством в 1218 г. членов монгольского каравана дал Чингиз-хану формальный повод начать войну с Хорезмийским султанатом, был родственником Теркен-хатун [23. С. 188], т.е. кыпчаком-уранцем. Поэтому в ходе завоевания Средней Азии монголы беспощадно расправлялись с ними. Кыпчаки племени уран укрылись в Башкирии, образовав отдельный клан (иль), известный по русским документам XVI–XIX вв. как Уранская волость [9. С. 352–354]. Таким образом, в XII–XIII вв. на территории восточной части Дешт-и-Кыпчака существовало ханство кыпчаков племени уран со столицей в Сыгнаке.

В центральной части Дешта обитало тюркское племя ильбари. Джузджани упоминает «знаменитых ханов династии Ильбари» [24. Vol. II. P. 799–800], которая отождествляется с кыпчакским племенем албурлы (олбурлик, ольбер), упоминаемым в различных списках кыпчакских племен [27. P. 804]. Их ханство, по всей видимости, охватывало территорию от Приаралья до Волги. Из этого племени происходил Бачман, впоследствии организовавший сопротивление монголам. Ильхан Хулагу в письме королю Франции Людовику IX упоминал *reges uilperitorum*, т.е. «королей» уйлперов / ольберов [28. С. 35]. Против кыпчаков-ильбари был направлен главный удар войск Кукдай-нойона и Бату. Под 1229 г. в Лаврентьевской летописи сообщается: «Того же лета Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары; и сторожеве Болгарскыи прибегоша, бьени от Татар близ рекы, ей же имя Яик». Это полностью согласуется с тем, что писал мамлюкский историк XIII в. Ибн Васил: «В 627 (1229–1230) году вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» [6. С. 73]. Как следует из русской летописи, в нижнем течении Яика находились заставы булгар, вероятно, являвшихся союзниками кыпчаков-ильбари. Следовательно, граница между ханством последних и владениями улуса Джучи накануне похода 1229 г. проходила по р. Яик. В ходе данной военной кампании войска кыпчаков-ильбари, булгар и саксинов были разгромлены. Земли кыпчаков-ильбари были заняты монголами, а сами они подчинены власти монгольского кагана. Под 1232 г. Лаврентьевская летопись сообщает: «Того же лета придоша Татарове, и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьского» [29. С. 430, 437]. Следовательно, к указанному году кыпчакские степи вплоть до границ Волжской Болгарии уже были в руках Джучидов. К 1234 г. монгольские отряды проникли на левобережье Волги, о чем сообщается в записке Рихарда: миновав Аланию, братья-проповедники во главе с Юлианом не могли найти себе проводников «из-за боязни татар, которые по слухам были близко» [11. С. 79].

Далее Рихард писал, что монголы «избрали их (восточных венгров. – *С.Х.*) себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств» [11. С. 81]. Юлиан в своем «Письме о монгольской войне», написанном в 1237 г., сообщил, что монголы сражались с «венграми» на протяжении четырнадцати лет и лишь на пятнадцатый «завладели ими». Получается, что отсчет войны между ними Юлиан вел с памятного 1223 г., когда Субедей-багатур потерпел поражение в заволжских степях. Однако в описании второго путешествия Юлиана умалчивается о союзе монголов и «венгров», поэтому некоторые исследователи сделали вывод о том, что записка Рихарда является вымыслом [30]. Данному мнению противоречат приведенные там подробности, которые невозможно было придумать: Юлиан, находясь в 1235 г. в «Великой Венгрии», т.е. за год до начала нашествия монголов, встретил там «татар и посла татарского вождя», а само «татарское» войско находилось в «пяти дневках оттуда» и «предполагает выйти из своей страны», чтобы сразиться со всеми теми, кто захочет им противостать, и чтобы опустошить все царства, какие будут в силах покорить» [11. С. 81–82]. Очевидно, Юлиан узнал от монголов о решении курултая 1235 г. отправить все силы в западный поход, а монгольское посольство выполняло дипломатическую миссию по привлечению «венгров» на свою сторону. Есть и другие аргументы, опровергающие доводы скептиков относительно аутентичности известий Рихарда и Юлиана [10. С. 79–81].

Относительно даты заключения предполагаемого союза нет единого мнения. Л.Н. Гумилев указывает 1234 г. [31. С. 413]. Иштван Зимони полагает, что после набега на Волжскую Болгарию в 1232 г. «монголы предложили венграм альянс для того, чтобы ослабить волжских булгар, что было типичной номадической политикой» [7. P. 199]. Указанная дата, вероятно, основана на сообщении русских летописей о зимовке монголов в указанный год недалеко от «Великого города Болгарского», т.е. города Биляр (Булар), который находился всего в нескольких десятках километров от зоны расселения чияликских племен. Следовательно, в 1232 г. монгольское войско зазимовало у самых границ «Великой Венгрии» либо на ее территории. Этим объясняется то загадочное обстоятельство, что булгары не предпринимали никаких враждебных действий против монголов, находившихся поблизости. Но если они находились у их восточных соседей на правах гостей, тогда недоумение устраняется. Сам факт присутствия монгольских послов на территории «Великой Венгрии» в 1235 г. маркирует время заключения соглашения между сторонами.

Относительно характера башкирско-монгольских отношений бытуют две противоположные точки зрения. Одна группа исследователей разделяет идею предполагаемого союза, заключенного между недавними противниками. Другие отвергают саму возможность подобного альянса или просто обходят молчанием данный вопрос, лишь констатируя неоспоримый факт последующего завоевания «великих венгров» монголами в 1236 г. Первая точка зрения наиболее ярко была выражена Л.Н. Гумилевым: «Война монголов с куманами затянулась надолго потому, что между ними существовал этнический барьер – Великая Венгрия, ныне именуемая Башкирией… Монголо-башкирская война тянулась 14 лет, т.е. значительно дольше, чем война с Хорезмийским султанатом и Великий западный поход… Башкиры неоднократно выигрывали сражения и, наконец, заключили договор о дружбе и союзе, после чего монголы объединились с башкирами для дальнейших завоеваний». По мнению ученого, союзное войско покорило «“пять стран”: Сасцию (Саксин), Фулгарию (Камскую Болгарию), Меровию (страна севернее Волги, между Ветлугой и Унжей), Ведин (севернее Меровии до р. Сухоны), Пойдовию (?) и “царство морданов”» [31. С. 413–414]. Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович также писали об «установлении союзно-дипломатических отношений башкир с монголами» [32. С. 173].

Другая группа авторов (Л.П. Черепнин [33. С. 191], М.Г. Сафаргалиев [34. С. 21, 29], Б. Шпулер [35. С. 29], Р.П. Храпачевский [17. С. 351] и др.), придерживалась мнения о военном покорении башкир, не принимая

в расчет известие Рихарда о союзе между «венграми» и монголами. Действительно, «Тайная история монголов», написанная в 1240 г. по итогам монгольского завоевания стран Восточной Европы, не дает оснований для вывода о каких-либо соглашениях с башкирами. Автор лишь констатирует, что в числе завоеванных стран была страна Баджигид. В унисон «Тайной истории монголов» звучит «Письмо» Юлиана, в котором также говорится о силовом подчинении «Великой Венгрии»: «…подступив к стране куманов, он (монгольский хан – *С.Х.*) одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши предки, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщили словесно сами язычники-венгры. Завладев ими, и обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими странами», а именно Сасцией, Фулгарией, Меровией, Пойдовией, «царством морданов». Во время второго путешествия в «Великую Венгрию» (1237) Юлиан не смог добраться до места назначения, так как, по его словам, дойдя «до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлено татарами» [11. С. 83, 85]. Таким образом, большинство письменных источников (Юлиан, Плано Карпини, Рубрук, «Тайная история монголов», Рашид ад-Дин и др.) говорит в пользу военного завоевания Башкирии.

Пытаясь устранить противоречие между запиской Рихарда, в которой утверждается о союзе между монголами и «венграми», и остальными источниками, говорящими о военном завоевании Башкирии (Башгурд, Баджигид, «Великой Венгрии»), И.В. Антонов выдвигает компромиссную точку зрения о том, что в них «имеются в виду не один, а два разных народа: первый подчинился монголам добровольно, а второй был ими разгромлен» [36. С. 88]. Этими двумя народами, по мнению автора, были соответственно башкиры и «великие венгры» (чияликцы). Однако, как было сказано выше, все источники, за исключением «Письма» Юлиана[5], говорят если не о тождестве обеих этнических групп, то по крайней мере о их политическом единстве. Следовательно, данное решение проблемы вряд ли может быть принято. Схожее с И.В. Антоновым мнение высказал Г.Н. Гарустович. Он попытался преодолеть противоречие источников тем же самым способом, однако разделил население Южного Урала не по этническому, а по территориальному признаку. По его мнению, зауральские башкиры покорились монголам добровольно, а приуральские были завоеваны силой оружия [37].

Итак, если записка Рихарда «О существовании Великой Венгрии» основана на рассказе самого Юлиана, то почему в «Письме» последнего ничего не сказано о заключении союза? Относительно этой загадки можно строить лишь предположения. Очевидно, в ситуации, когда соглашение между монголами и «венграми» дефакто было аннулировано монгольским нападением 1236 г., Юлиан не посчитал нужным упоминать о нем как об утратившим силу и всякое значение. Как бы то ни было, заключение союза и последующее военное вторжение не исключают друг друга. Если строго следовать данным источников и хронологии, то соглашение было заключено в 1235 г. (или в 1232 г., по мнению И. Зимони), однако на следующий год было сорвано по инициативе завоевателей. Отсюда разительный контраст между запиской Рихарда, описавшего первое путешествие Юлиана 1234–1235 гг., и «Письмом» самого Юлиана, отразившего ситуацию в Урало-Поволжье 1237–1238 гг. Следовательно, внимание исследователей должно быть сосредоточено не на бесплодном согласовании взаимоисключающих известий, а на объяснении причин нарушения договоренностей одной из сторон.

Действуя силой оружия и дипломатией, Бату и Кукдай в 1229–1232 гг. сумели подчинить кыпчаков-ильбари, а затем нейтрализовать башкир, земли которых теперь непосредственно примыкали к кочевьям улуса Джучи. Вероятно, именно разгром кыпчаков заставил башкир склониться в сторону компромисса с завоевателями, особенно если кыпчакам были предложены более или менее приемлемые условия монгольского подданства. На это указывают характеристики придворной историографии Хулагиудов, данные кыпчакскому предводителю Бачману, восставшему около 1235 г. Джувейни причислил его к «смутьянам» и «кыпчакским негодяям», а Рашид ад-Дин назвал «одним из бесстыднейших тамошних эмиров», словно Бачман проявил неблагодарность по отношению к своему благодетельному сюзерену. Претензии морального порядка вряд ли были уместны по отношению к суверенному правителю. Поэтому его действия описываются как вылазки шайки грабителей: «…притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался…» Мятеж, поднятый им, поначалу был незначительным, но «мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножились» [38. С. 23].

В 1234 г. пала империя Цзинь. Лишь после этого внимание центральных властей переключилось на Дешти-Кыпчак. В 1235 г. великий хан Угедей собрал курултай, на котором было принято решение бросить все силы на запад. Окончательное покорение кыпчаков было объявлено имперским мероприятием. В «Юань ши» говорится: «[В год] и-вэй (21.01.1235–08.02.1236) Тайцзун (т.е. Угедей. – *С.Х.*) отдал повеление чжувану Бату пойти на запад походом на Бачмана…» [18. С. 230]. Рашид ад-Дин также указывает, что целью нового похода было «завоевание Кыпчакской степи» [22. С. 37]. Мятеж Бачмана, являвшегося представителем низложенной династии ханов кыпчаков-ильбари (существует мнение, что прежде он был ханом [39. С. 207]), стал лишь casus belli для более масштабной задачи, которая была сформулирована в ходе курултая 1235 г. Джувейни писал: «Когда каган (т.е. Угедей. – *С.Х.*) собрал курултай во второй раз, они сообща обсудили вопрос об истреблении и покорении всех оставшихся *мятежников* (курсив наш. – *С.Х.*); и [также] было решено захватить земли булгар, асов и русов, которые граничили

с владениями Бату; они не были еще полностью покорены и льстились размерами своих территорий» [25. P. 268–269].

Кто же был отнесен к числу мятежников? Определенно, кыпчаки-ильбари и, вероятно, башкиры, поддержавшие Бачмана. Иначе чем объяснить неожиданное нападение на «Великую Венгрию», с которой монголы всего лишь год назад заключили союз? И.В. Антонов полагает, что причиной вооруженной акции монголов могло быть бегство в Башкирию какой-то части кыпчаков, после чего «эта страна стала рассматриваться в качестве очередного объекта завоевания» [36. С. 84]. Действительно, как говорилось выше, у башкир укрылись кыпчаки-уранцы, их примеру, вероятно, последовали также ольберы (ильбари). Известно, что представители рода Бачмана впоследствии образовали подразделение Бошман-Кыпчак родовой структуре башкир [9. С. 179]. Правда, когда состоялась миграция этих двух групп – до или после монгольского нашествия – неизвестно. Хронология событий показывает, что по крайней мере племя уран, разгромленное еще в ходе хорезмийской кампании монголов 1219–1221 гг., имело достаточно времени для обретения новой родины. Хивинский историк XVII в. Абу-л-Гази писал: «…Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешти-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам[6]. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [40. С. 44]. Следует помнить, что именно укрывательство беглых половцев русскими князьями стало причиной битвы на реке Калке. Впрочем, к нападению на башкир могло подтолкнуть также ощущение подавляющего военного превосходства, которого монголы не могли достичь в предыдущие годы, а потому были вынуждены идти с башкирами на компромиссы. Теперь они имели возможность изменить статус-кво в свою пользу, особенно если прежние соглашения они считали тактической уловкой.

Для похода в страны Восточной Европы было собрано 120–140 тысяч воинов, которых возглавили Джучиды Бату, Орда, Шибан, а также множество других Чингизидов [17. С. 351]. Но самое главное – в западную армию из Китая прибыл один из «четырех псов» Чингиз-хана – выдающийся полководец Субедей-багатур. Летом 1236 г. монголы первым делом обрушились на «великих венгров», ставших первой жертвой новой военной кампании. Затем, как писал Юлиан, они повернули на запад и разгромили Волжскую Болгарию, Саксин, «царство морданов» (Мордовию). Лаврентьевская летопись сохранила выразительное описание штурма Биляра: «Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великый город Болгарьскый, и избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша» [29. С. 437]. Что касается Бачмана, то против него было отряжено 20-тысячное войско во главе с Менгу (Мункэ), сыном Толуя. Разгром войск Бачмана, подробно описанный Рашид ад-Дином, Джувейни и составителями «Юань ши», завершился к 1238–1239 гг. [17. С. 354]. Значительный объем текста, посвященный названными авторами сюжету о Бачмане, на фоне лапидарных констатаций о завоевании булгар, русских, башкир, алан и других народов наглядно говорит о том значении, которое придавали монголы победе над кыпчаками.

В китайских источниках красочно рассказывается о последних минутах жизни знаменитого кыпчакского хана: «[Менгу] изрубил войско Бацимаково, и самого его взял в плен. Хан приказал ему стать на колени: но Бацимак сказал: “Я был *обладателем государства* (курсив наш. – *С.Х.*) и могу ли дорожить жизнью? Сверх сего я не верблюд: для чего мне становиться на колена?”» [41. С. 303–304]. В башкирском предании «Бошман-Кыпчак-батыр» рассказывается: «…[Бошман-батыр] не повиновался, не склонял головы перед ханом – подался на север, в горы, леса. Там он собрал войско и дал бой ханскому воинству. Говорят, он долго воевал. Однако из-за одного предателя его войско было окружено и уничтожено, а самого батыра хан приказал казнить. Перед казнью хан велел доставить Бошмана к себе. Он хотел все-таки перетянуть его на свою сторону, предложив стать военачальником. Но батыр не согласился. “Верблюд не сгибает колен, сокол не умирает, склоняя голову”, – сказал он» [42. С. 167]. Итоги всей широкомасштабной военной кампании 1236–1240 гг. автор «Тайной истории монголов» уложил в краткую констатацию: «Бату, Бури, Гуюк, Монке и много других принцев, сражавшихся в арьергарде Субеетей-баатура, подчинили народы Канглин, Кибчауд и Баджигид, затем пересекли реки Этиль и Джаяк, чтобы разрушить город Мегет[7], уничтожили народ Орусут. Они разорили людей Асут, Сесут, Болар, Ман-Керман, Кива и другие города, приведя их к покорности» [5. P. 267].

Теперь обратим внимание на описание монгольского завоевания Урало-Поволжья, составленное Плано Карпини. Из его текста вытекает, что монголы приступили к покорению мордвы, булгар и башкир лишь по окончании похода в Европу, т.е. в 1242 г.: «Возвратившись оттуда (из Венгрии. – *С.Х.*), они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Продвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их» [43. С. 47–48]. Может показаться, что Плано Карпини просто исказил хронологию событий, ошибочно поместив сюжет о завоевании Поволжско-Уральского региона (1236–1237) после монгольского похода в Венгрию (1242). Однако обращает на себя внимание то, что он с точностью до наоборот приводит последовательность действий монголов, ведь, на самом деле первыми были покорены башкиры, затем булгары и, наконец, мордва. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что Плано Карпини, возможно, зафиксировал реально имевшее место событие. Не исключено, что в его рассказе речь идет о карательном походе против волго-уральских народов, восставших против монголов в начале 40-х гг. XIII века. Данное предпо-

ложение в какой-то степени корреспондирует с очень туманным фрагментом сочинения Рашид ад-Дина, в котором смешались разновременные события: в повествование о завоевании в 1236 г. волжских булгар и южноуральских башкир автор по ошибочной ассоциации включил сюжет о покорении народов булар и башгирд (в данном случае поляков и венгров) [44. P. 44, 132][8]. Данный сюжет завершается словами о том, что Субедей из страны Башгирд, чьих государей называют келар (король), был послан «в пределы Булгара». Монголы нанесли поражение повстанцам, после чего «пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно, [но потом] опять возмутились. Вторично послали [туда] Субэдай-бахадура, пока он не захватил [их]. Затем царевичи, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути области» [22. С. 37–38]. После этой асинхронной интерполяции вновь продолжается рассказ о событиях 1237–1240 гг. (разгром Бачмана, покорение мордвы и русских).

Остается рассмотреть точку зрения А.-З. Валиди Тогана на вопрос вхождения башкир в состав Монгольской империи. В «Тайной истории монголов» сказано: «В год зайца (1207) [Чингиз-каган] повелел Джочи выступить с войсками правого крыла против лесных народов… Джочи заставил соседние лесные народы Шибир, Кесдиим, Байит, Тукас, Теленг, Тоелес, Тас и Баджигид перейти на нашу сторону» [3. P. 222]. Основываясь на этом сообщении, башкирско-турецкий историк предположил, что «уральские башкиры еще в начале завоеваний Чингиза в 1207 г. подчинились Джучи-хану» [45. S. 13]. Свой юрт на реке Иртыш Джучи приобрел именно в ходе данного похода. Он без боя привел к присяге племена Забайкалья – бурятов, ойратов, бархунов и др., затем тубасов и кыргызов, живших по течению Енисея. Далее он покорил «лесные племена» Алтайского региона (телесы, теленгиты и др.). Однако среди них также названо племя шибир, имеющее уверенную географическую привязку. Шибир – это страна Ибир-Сибир арабо-мусульманской традиции, территориально совпадающая с определенными районами Западной Сибири [46. С. 41; 47. S. 181–182]. Мог ли Джучи в ходе своей экспедиции 1207 г. достичь этой страны и тем более Башкирии (Баджигид)? Вряд ли. Границы башкирских вотчин на востоке еще в XVIII в. достигали рек Тобол и Ишим, притоков Иртыша. Вероятно, монголы, добравшиеся до Прииртышья, узнали о находившейся ниже по течению реки стране Шибир, а также обитающих по ее притокам башкирах. Поэтому автор «Тайной истории монголов» автоматически включил их в число покоренных ими «лесных народов». Впрочем, он не настаивает на завоевании, ограничиваясь неопределенным выражением о переходе их «на нашу сторону».

Как было показано выше, процесс вхождения башкир в состав Монгольской империи был длительным и постепенным. На последнем этапе он имел определенно завоевательный характер, что и было зафиксировано Юлианом, монгольской хроникой, Рашид ад-Дином, Плано Карпини, Рубруком и др. Дополнительным аргументом в пользу военного покорения может служить следующий факт, обычно упускаемый исследователями, а именно присутствие башкир в мамлюкском корпусе. Как известно, мамлюки-бахриты в основной массе состояли из кыпчаков, в юном возрасте взятых в плен монголами и доставленных на невольничьи рынки Крыма, Византии, Сирии и Египта. В 1250 г. они захватили власть в государстве Айюбидов и основали собственную династию султанов. Среди таких этнических нисб[9], как «ат-Туркмани» («туркмен»), «ат-Турки» («тюрок»), «ал-Азкиши» («азкиш»), «ал-Курди» («курд»), «ал-Курджи» («грузин») и др., встречается «ал-Башкурди» («башкир»). Кыпчакские эмиры в силу своего численного преобладания, как правило, их не имели. Зато представители других народностей, дабы подчеркнуть инаковость своего происхождения, охотно конструировали этот элемент своего титула. Наиболее известным носителем данной нисбы был мамлюкский эмир ʻАлам ад-Дин Санджар ал-Башкурди, который в 60–80-х гг. XIII в. был наместником в Хомсе и Алеппо [48. P. 260–261]. Известны и другие эмиры с нисбой «ал-Башкурди», что говорит о довольно значительном числе башкир в рядах мамлюков. А.-З. Валиди Тоган приводил имена Насир ад-Дина ан-Насири ал-Башкурди, Санджара ар-Рукни ал-Башкурди, ʻАла ад-Дина Башкурда ан-Насири, а также великого эмира султана Баркука (1382–1399) Сарын ад-Дина ал-Башкурди [45. S. 13–14].

Монголы не стали уничтожать правящую элиту русских, башкир, мордвы, булгар и др., как обычно они поступали со знатью покоренных кочевников (кыпчаков, канглы, кереитов, кара-китаев, найманов, меркитов и др.), которым было отказано в праве сохранить политическую и этническую субъектность. Последние были разверстаны по десятичной системе, включены в различные тумены и, таким образом, обрели статус *bogol* в составе державного народа *eke mongol ulus* («великий монгольский народ / государство»). Это маркировало переход из статуса «чужих» в «надплеменную» монгольскую общность нового уровня и последующую «монголизацию» [49. С. 310, 319, 325]. Все это не коснулось окраинных народов Монгольской империи, которые не соответствовали параметрам кочевнического культурно-хозяйственного типа и чей вмещающий ландшафт не был пригоден для таборного кочевания. Как отмечал М.Г. Сафаргалиев, исторические сведения «в достаточной мере подтверждают факты сохранения монголами представителей прежней династии у русских, черкесов, алан, мордвы, башкир в период образования Золотой Орды» [34. С. 38]. Это не было знаком особого отношения и тем более благоволения завоевателей к этим народам. Монгольские ханы исходили из сугубо прагматических соображений. Насильственная «монголизация» названных народностей могла вызвать их отчаянное сопротивление, поэтому им была предоставлена определенная автономия во внутренней жизни. Карлайл Макартни писал: «Поскольку монгольская политика ни в коем случае не заключалась в том, чтобы тратить время и кровь на покорение невыгодных уголков мира, которые никогда не могли снабжать их ничем, кроме наем-

ников, представляется более чем разумным предположить, что по крайней мере некоторые башкиры играли роль, подобную роли мордвы[10], более или менее охотно подчиняясь монголам и участвуя в их войске» [8. P. 166].

В XIV в. францисканские миссионеры отмечали наличие у башкир собственных правителей. В 1320 г. Иоганка Венгр писал о «государе всей Баскардии (principem tocius Ba[s]cardie)», которого нашел «совершенно зараженным сарацинским заблуждением» [11. С. 92–93, 110]. Брат Генрих Немецкий между 1314 и 1329 гг. зафиксировал «Эстокиса[11], владыку всей Баскардии» (Estokis dominus totius Baschardie) [50. P. 73]. Интересно, что названные францисканцы уже не обнаруживали на Южном Урале «венгров». На этом основании Р. Хаутала сделал вывод, что монголы «депортировали основную часть заволжских мадьяр из их области обитания в наказание за их длительное сопротивление (в течение 14 лет) и, что тоже вполне вероятно, способствовали притоку в регион нового населения мусульманской ориентации» [51. С. 350]. С мнением упомянутого исследователя трудно согласиться хотя бы на том основании, что в составе башкир до сих пор существуют группы населения, связывающие свое происхождение с родовыми подразделениями юрматы и еней, которые, в свою очередь, соотносятся с древневенгерскими племенами дьярмат / gyarmat и енё / jenő [52]. Скорее всего, за 80 лет, прошедших со времени Юлиана, «венгры» Приуралья окончательно тюркизировались и слились с «баскардами».

Таким образом, процесс вхождения Башкирии в состав Монгольской империи реконструируется следующим образом:

1. Во время похода 1207 г. по покорению «лесных народов» монголы узнали о существовании стран Шибир (Сибирь) и Баджигид (Башкирия), находившихся на севере.

2. Корпус Субедей-багатура и Джебе, совершивший кавалерийский рейд вокруг Каспийского моря, в 1223 г. был разгромлен отрядами булгар и башкир в степях Заволжья.

3. В 1229 г. Бату с приданным ему корпусом нойона Кукдая (Кокошая) приступил к покорению центральной части Дешт-и-Кыпчака в междуречье рек Урал (Яик) и Волга, в результате чего ханство кыпчаков-ильбари было разгромлено.

4. В 1232 или 1235 г. между башкирами и монголами было заключено соглашение, которое, согласно записке Рихарда, первые воспринимали как союз; вторые рассматривали его как тактическую уступку с целью нейтрализовать башкир накануне широкомасштабного вторжения;

5. Около 1235 г. представитель свергнутой династии ханов кыпчаков-ильбари Бачман поднял восстание против монголов, которое, вероятно, увлекло за собой значительную часть башкир.

6. Вслед за этим летом-осенью 1236 г. последовал карательный рейд монгольской армии в Башкирию как первая военная кампания начавшегося западного похода монголов по завоеванию стран Восточной и Центральной Европы (1236–1242).

В 40-х гг. XIII в., предположительно, состоялась еще одна карательная экспедиция монголов против восставших волго-уральских народностей (башкир, булгар, мордвы).

Примечания

[1] Истоки «башкиро-мадьярской проблемы» восходят к традиции арабо-мусульманских авторов X–XIV вв. (ал-Гарнати, Ибн Са‘ид, Закарийа Казвини, Рашид ад-Дин и др.) именовать венгров Центральной Европы башкирами (башкурд, башгурд). В то же время европейские путешественники XIII в. (Плано Карпини, Рубрук, Асцелин, Бенедикт Поляк) ставили знак равенства между башкирами Южного Урала (баскарты, бастарки, паскатиры) и «великими венграми» (Magna Hungaria).

[2] Согласно распространенной в отечественной историографии точке зрения, Юлиан прибыл в «Великую Венгрию» летом 1236 г. Однако более обоснованным является перенесение этого события на более ранний срок: весной 1234 г. он выступил из Венгрии в путь и достиг Приуралья в июне 1235 г.

[3] Махмуд Кашгари – тюркский филолог XI в., автор энциклопедического словаря «Диван лугат ат-турк» («Собрание тюркских наречий»), относивший башкирский язык к числу 20 основных тюркских наречий.

[4] ‘Аджам – араб. ‘иностранец’, ‘чужак’. Здесь данный термин обозначал наемные войска, составленные из кыпчаков.

[5] Считается, что Юлиан не упоминал башкир, а писал лишь о приуральских «венграх». Однако Генрих Дёрри, издавший один из вариантов его «Письма о монгольской войне», привел интересующее нас место в следующем виде: «…баскарды, а ведь именно так называются венгры-язычники (“Bascardi qui etiam Ungari pagani vocantur”)». Р. Хаутала замечает, что в данном случае издатель просто восстановил этноним «баскарды», исходя из того, что в «последующих латинских источниках “баскарды” неизменно отождествляются с мадьярами». По его мнению, средневековый переписчик оригинала письма Юлиана, не сумев прочитать непонятный ему этноним («баскарды», как полагал Г. Дёрри), вписал «имя “тартар”, несмотря на то, что упомянутая фраза при этом теряла всякий смысл» [51. С. 347]. Действительно, возникла бессмысленная фраза: «тартары, а ведь так называются венгры-язычники», которая и была отредактирована издателем. Таким образом, вопрос о башкирах в «Письме» Юлиана по-прежнему остается открытым.

[6] Иштяки (истяки) – экзоним башкир, использовавшийся другими тюркскими народами для их обозначения.

[7] Мегет – аланский город Магас.

[8] В ряде рукописей вместо ошибочного булар значится название «поло» (**پولو**), т.е. поляки, а также переходная к булар форма полар (**پلار**).

[9] Нисба (араб. «связь», «отношение») – часть имени, указывающая на происхождение его носителя.

[10] Мордва, по всей видимости, имела репутацию суровых воинов, которых, как писал Рубрук, монголы рекрутировали для участия в боевых действиях на территории Германии [43. С. 110].

[11] Эстокис – это, скорее всего, не личное имя башкирского правителя, а персонификация экзоэтнонима башкир истяк / иштяк.

Список источников

1. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа : РИО БашГУ, 2005. 230 с.
2. Данилевский И.Н. Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4, вып. 6 (22). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000609-8-1/
3. The Successors of Genghis Khan / translated from Rashīd al-Dīn by John Andrew Boyle. New York ; London : Columbia University Press, 1971. 372 p.

4. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М. : Вост. лит. РАН, 1996. 798 с.
5. The Secret History of Mongols. The life and times of Chinggis Khan / translated, annotated and with an introduction by Urgunge Onon. London–New York : Routledge Curzon Press, 2001. 300 p.
6. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. : изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. 563 с.
7. Zimonyi I. The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars // Altaistic Studies : Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala June 7–11 1982 / ed. G. Jarring, S. Rosén. Stockholm, 1985. P. 197–204.
8. Macartney C.A. The Magyars in the ninth century. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. 241 p.
9. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. : Наука, 1974. 570 с.
10. Хаутала Р. Ранние венгерские сведения о западном походе монголов (1235–1242) // Rossica Antiqua. СПб. : Ист. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. № 2/10. С. 71–101.
11. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. М. –Л., 1940. Т. III. 112 с.
12. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 181–198.
13. Антонов И.В. Вопрос об этнической принадлежности чияликской культуры в историографии // Научный диалог. 2017. № 11. С. 309–327.
14. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598, together with some shorter pieces / ed. by C. Raymond Beazley. London : Cambridge University Press, 1903. 345 p.
15. Христианский мир и «Великая Монгольская империя» : материалы францисканской миссии 1245 года / критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко. СПб. : Евразия, 2002. 478 с.
16. Golden P.B. The Turkic World in Mahmud al-Kashgari // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE / ed. J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn, 2015. Vol. 7. P. 503–555.
17. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ : ЛЮКС, 2005. 557 с.
18. Золотая Орда в источниках / пер. с кит. яз., сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М. : Наука, 2009. Т. 3: Китайские и монгольские источники. 336 с.
19. Жамцарано Ц.Ж. Монгольские летописи XVII в. // Труды института востоковедения. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1936. Т. XVI. 122 с.
20. Šihāb al-Dīn Aḥmad bin ‘Abd al-Wahhāb al-Nuwayrī. Nihāyat al-Ārab fī Funūn al-Ādab. Beirut : Dār al-kutud al-‘ilmiyya, 2004. Vol. 27. 303 p.
21. Родословное древо тюрков / соч. Абуль-Гази, хивинского хана; пер. и предисл. Г.С. Саблукова; послесл. и примеч. Н.Ф. Катанова. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. 336 с.
22. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю.П. Верховенского. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. 253 с.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О.И. Смирновой. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. 2. 315 с.
24. Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H. 194 [810 A.D.], to A.H. 658 [1260 A.D.], and the irruption of the infidel Mughals into Islam by the Maulana, Minhaj-ud-din, Abu-‘Umar-i-‘Usman / trans. from original Persian manuscripts by major H.G. Raverty. London : Gilbert & Rivington, 1881. Vol. I, II. 1296 p.
25. The History of World-Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini / trans. by J.A. Boyle. Cambridge : Harvard University Press, 1958. Vol. I. 361 p.
26. Tarīkh-i Jahan-guša Juwaynī / ed. Muhammad ‘Abd al-Wahhab Qazwini. Tehran : Dunya-i kotob, 2003. Vol. 2. 367 p.
27. Ibn Khaldun. Kitāb al-‘Ibar wa Dīwān al-Mubtada’ wa-l-Khabar fī Ayyam al-‘Arab wa-l-‘Ajam wa-l-Barbar wa man ‘Āṣarahum min Ḏawī as-Sulṭan al-Akbār. Al-Qāhira-Beirut : Dār al-kitāb al-Miṣrī; Dār al- kitāb al-Lubnānī, 1999. Vol. X. P. 721–1341.
28. Голден П.Б. К вопросу о происхождении племенных названий кипчаков // Кипчаки Евразии: история, язык и письменные источники. Астана, 2013. С. 27–45.
29. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1872. Т. 1. 512 с.
30. Sinor D. Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1952. Vol. 14, iss. 3. P. 589–602.
31. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. СПб. : Кристалл, 2001. 767 с.
32. Мажитов Н.А., Гарустович Г.Н. Башкортостан в составе Золотой Орды // История башкирского народа : в 7 т. Уфа : Гилем, 2012. Т. 2. С. 171–194.
33. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе : сб. ст. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1977. С. 186–209.
34. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. Саранск, 1960. Вып. XI. 275 с.
35. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. С.Ю. Чупрова. М. : Центрполиграф, 2017. 415 с.
36. Антонов И.В. Средневековые башкиры. Уфа : Китап, 2013. 192 с.
37. Гарустович Г.Н. Завоевание Южного Урала монголами в XIII веке // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2012. Т. 17, № 1. С. 39–46.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. 308 с.
39. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М. : АСТ : АСТ Москва, 2006. 445 с.
40. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 286 с.
41. История первых четырех ханов дома Чингисова / пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829. 440 с.
42. Башкирское народное творчество / сост. Ф.А. Надршина. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1987. Т. 2. 576 с.
43. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст., примеч. Н.П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.
44. Djami el-Tévarikh. Histoire générale du monde par Fadl Allah Rsahid ed-Din. Tarikh-i Moubarek-i Ghazan. Histoire des Mongols. Éditée par E.Blochet. Leyden : E.J. Brill, Imprimerie Orientalt ; london : Lucaz & Co, 1911. T. II: Contenant l’histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khagan. 718 p.
45. Togan Zeki Velidi. Başkurtların Tarihi // Türksoy Yayınları. Ankara, 2003. № 18. S. 1–176.
46. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 150 с.
47. Golden P., Serkan A. Sibir // Journal of Turkish World Studies. 2011. XI/1. S. 181–184.
48. Badr al-Dīn Maḥmūd al-‘Aynī. ‘Iqd al-Jumān fī Tārīkh Āhli al-Zamān. ‘Aṣr salāṭīn al-mamālīk. Cairo : Maṭba‘a dār al-kutub wa-l-waṯā’iq al-qawmīya bi-l-Qāhira, 2010. Vol. 2. 521 p.
49. Скрынникова Т.Д. Богол в социальной стратификации монгольского общества периода империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : БНЦ СЛ РАН, 2004. С. 287–333.
50. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell’Oriente francescano. Quaracchi ; Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1913. T. II. 641 p.
51. Хаутала Р. Открытие «Великой (Старшей) Венгрии» и судьба восточных венгров после татарского завоевания 1236 года // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 340–357.
52. Neméth J. Ungarische stammesnamen bei den baschkiren // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1966. T. XVI, fasc. 1-2. P. 1–22.

References

1. Aznabaev, B.A. (2005) *Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.)* [The integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 18th centuries)]. Ufa: BashSU.
2. Danilevsky, I.N. (2013) Istoricheskaya rekonstruktsiya: mezhdu tekstom i real'nost'yu [Historical reconstruction: Between text and reality]. *Istoriya*. 4(6(22)). [Online] Available from: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000609-8-1/.
3. Rashīd al-Dīn. (1971) *The Successors of Genghis Khan*. Translated by J.A. Boyle. New York; London: Columbia University Press.
4. Shihab al-Din Muhammad ibn Ahmad al-Nasawi. (1996) *Sirat al-sultan Jalal-al-Din Mankburny* [The life story of sultan Jalal-al-Din Mankburny]. Translated from Arabic by Z.M. Buniyatov. Moscow: Vostochnaya litertura.
5. Urgunge Onon. (2001) *The Secret History of Mongols. The Life and Times of Chinggis Khan*. Translated from Mongolian by Urgunge Onon. London; New York: Routledge Curzon Press.
6. Tizengauzen, V. (1884) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials on the History of the Golden Horde]. Vol. 1. St. Petersburg: at expense of S.G. Stroganov.
7. Zimonyi, I. (1985) The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars. In: Jarring, G. & Rosén, S. (eds) *Altaistic Studies. Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala June 7–11 1982*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
8. Macartney, C.A. (1968) *The Magyars in the Ninth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Kuzeev, R.G. (1974) *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda* [The Origin of the Bashkir People]. Moscow: Nauka.
10. Hautala, R. (2014) Rannie vengerskie svedeniya o zapadnom pokhode mongolov (1235-1242) [Early Hungarian information about the Western campaign of the Mongols (1235–1242)]. *Rossica Antiqua*. 2/10. p. 71–101.
11. Anninsky, S.A. (1940) Izvestiya vengerskikh missionerov XIII – XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope [Information of Hungarian missionaries of the 13th – 14th centuries about Tatars and Eastern Europe]. In: *Istorichesky arkhiv* [Historical Archive]. Vol. III. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Garustovich, G.N. (2015) Chiyalikskaya arkheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [Medieval Chiyalik archaeological culture in the Southern Urals]. *Ufimsky arkheologichesky vestnik – Ufa Archaeological Herald*. 15. pp. 181–198.
13. Antonov, I.V. (2017) Vopros ob etnicheskoy prinadlezhnosti chiyalikskoy kul'tury v istoriografii [The issue of ethnicity of the Chiyalik culture in historiography]. *Nauchnyy dialog*. 11. pp. 309–327.
14. Beazley, R.C. (ed.) (1903) *The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598, together with some shorter pieces*. London: Cambridge University Press.
15. Aksenov, S.V. & Yurchenko, A.G. (eds) (2002) *Khristianskiy mir i "Velikaya Mongol'skaya imperiya." Materialy frantsyskanskoy missii 1244 goda* [The Christian world and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan mission of 1245]. Translated from Brother C. de Bridia's "History of Tartar" by S.V. Aksenov & A.G. Yurchenko. St. Petersburg: Evraziya.
16. Golden, P.B. (2015) The Turkic World in Mahmud al-Kashgari. İn: Bemmann, J. & Schmauder, M. (eds) *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE*. Vol. 7. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. pp.503–555.
17. Khrapachevsky, R.P. (2005) *Voennaya derzhava Chingiskhana* [Genghis Khan's Military Power]. Moscow: AST: LYUKS.
18. Khrapachevsky, R.P. (ed.) (2009) *Zolotaya Orda v istochnikakh* [The Golden Horde in the Sources]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
19. Zhamtsarano, Ts.Zh. (1936) *Mongol'skie letopisi XVII v.* [Mongolian Chronicles of the 17th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Šihāb al-Dīn Aḥmad bin 'Abd al-Wahhāb al-Nuwayrī. (2004) *Nihāyat al-Ārab fī Funūn al-Ādab*. Vol.27. Beirut: Dār al-kutud al-'ilmiyya.
21. Abul-Ghazi. (1906) *Rodoslovnoe drevo tyurkov* [Genealogy of the Turks]. Translated by G.S. Sablukov. Kazan: Imperial University.
22. Rashid ad-Din. (1960). *Sbornik letopisey* [Collected Chronicles]. Vol. II. Translated from Persian by Yu.P. Verkhovensky. Moscow; Leningrad: USSR AS.
23. Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collected Chronicles]. Vol. I(2). 2. Translated from Persian by O.I. Smirnova. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Minhaj Siraj Juzjani. (1881) *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H. 194 [810 A.D.], to A.H. 658 [1260 A.D.], and the irruption of the infidel Mughals into Islam by the Maulana, Minhaj-ud-din, Abu-'Umar-i-'Usman*. Translated from Persian by H.G. Raverty. London: Gilbert & Rivington.
25. Ala Ad Din Ata Malik Juvaini. (1958) *The History of World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Vol. 1. Translated by J.A. Boyle. Cambridge: Harvard University Press.
26. Muhammad 'Abd al-Wahhab Qazwini. (ed.) (2003) *Tarīkh-i Jahan-guša Juwaynī.* Vol. 2. Tehran: Dunya-i kotob.
27. Ibn Khaldun. (1999) *Kitāb al-'Ibar wa Dīwān al-Mubtada' wa-l-Khabar fī Ayyam al-'Arab wa-l-'Ajam wa-l-Barbar wa man 'Āṣarahum min Ḏawī as-Sulṭan al-Akbār.* Vol. X. Al-Qāhira-Beirut: Dār al-kitāb al-Miṣrī; Dār al- kitāb al-Lubnānī.
28. Golden, P.B. (2013) K voprosu o proiskhozhdenii plemennykh nazvaniy kipchakov [On the origin of Kipchak tribal names]. In: *Kipchaki Evrazii: istoriya, yazyk i pismennye istochniki* [The Kipchaks of Eurasia: History, Language, and Written Sources]. Astana: [s.n.]. pp. 27–45.
29. Anon. (1872) Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
30. Sinor, D. (1952) Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 14. pp. 589–602.
31. Gumilev, L.N. (2001) *Drevnayay Rus' i Velikaya Step'* [Old Rus' and the Great Steppe]. St. Peterburg: Kristall.
32. Mazhitov, N.A. & Garustovich, G.N. (2012) Bashkortostan v sostave Zolotoy Ordy [Bashkortostan as part of the Golden Horde]. In: Kulsharipov, M.M. (ed.) *Istoriya bashkirskogo Naroda* [History of the Bashkir People]. Vol. 2. Ufa: Gilem. pp. 171–194.
33. Cherepnin, L.V. (1977) Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) [Mongol-Tatars in Russia (13th century)]. In: Tikhvinskiy, S.L. (ed.) *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. 2nd ed. Moscow: Nauka. pp. 186–209.
34. Safargaliev, M.G. (1960) Raspad Zolotoy Ordy [The Collapse of The Golden Horde]. *Uchenye zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta.* XI.
35. Shpuler, B. (2017) *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502]. Translated from German by S.Yu. Chuprov. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
36. Antonov, I.V. (2013) *Srednevekovye bashkiry* [Medieval Bashkirs]. Ufa: Kitap.
37. Garustovich, G.N. (2012) Zavoevanie Yuzhnogo Urala mongolami v XIII veke [The Mongol conquest of the Southern Urals in the 13th century]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan.* 17(1). pp. 39–46.
38. . Tizengauzen, V.G. (1941) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected materials on the history of the Golden Horde]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
39. Sultanov, T.I. (2006) *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and the Genghisids. The Fate and Power]. Moscow: AST: AST Moskva.
40. Kononov, A.N. (1958) *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, khana khivinskogo* [The genealogy of the Turkmens. An essay by Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
41. Bichurin, N.Ya. (Iakinf) (1829) *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the first four khans of the house of Genghis]. Translated from Chinese by N.Ya. Bichurin. St. Petersburg: Karl Kray.

42. Nadrshina, F.A. (ed.) (1987) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 2. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
43. Shastina, N.P. (ed.) (1957) *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury.
44. Djami el-Tévarikh. (1911) *Histoire générale du monde par Fadl Allah Rsahid ed-Din. Tarikh-i Moubarek-i Ghazan. Histoire des Mongols*. Vol. 2. Leyden: E.J. Brill, Imprimerie Orientalt; London: Lucaz & Co.
45. Togan Zeki Velidi. (2003) Başkurtların Tarihi [The history of Bashkirs]. *Türksoy Yayınları.* Vol. 18. pp. 1–176.
46. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii* [The population of Western Siberia until the beginning of Russian colonization]. Tomsk: Tomsk State University.
47. Golden, P. & Serkan, A. (2011) Sibir. *Journal of Turkish World Studies.* XI/1. pp. 181–184.
48. Badr al-Dīn Maḥmūd al-'Aynī. (2010) *'Iqd al-Jumān fī Tārīkh Āhli al-Zamān. 'Aṣr salāṭīn al-mamālīk.* Vol. 2. Cairo: Maṭba'a dār al-kutub wa-l-waṯā'iq al-qawmīya bi-l-Qāhira.
49. Skrynnikova, T.D. (2004) Bogol v sotsial'noy stratifikatsii mongol'skogo obshchestva perioda imperii [Bogol in the social stratification of the Mongol society of the Empire period]. In: Bazarov, B.V., Kradin, N.N. & Skrynnikova, T.D. (eds) *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude: RAS. pp. 287–333.
50. Golubovich, G. (1913) *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano.* Vol. 2. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura.
51. Hautala, R. (2017) Otkrytie "Velikoy (Starshey) Vengrii" i sud'ba vostochnykh vengrov posle tatarskogo zavoevaniya 1236 goda [The Discovery of the "Great (Senior) Hungary" and the fate of the Eastern Hungarians after the Tatar conquest in 1236]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya – Golden Horde Civilization.* 10. pp. 340–357.
52. Neméth, J. (1966) Ungarische stammesnamen bei den baschkiren. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. XVI. Fasc. 1–2. pp. 1–22.

***Сведения об авторе*:**
Хамидуллин Салават Ишмухаметович – кандидат исторических наук, ведущий специалист Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия). E-mail: hamidullah@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khamidullin Salavat I. – Candidate of Historical Sciences, Leading Specialist of Institute of History and State Administration of Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation). E-mail: hamidullah@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 15.12.2020; accepted for publication 15.05.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/19988613/89/11

Дипломатическое наследие А.А. Громыко

Алена Викторовна Абрамова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, alyona24101997@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению и анализу дипломатического наследия А.А. Громыко, а именно его деятельности на посту министра иностранных дел СССР. Оно касается основ современного миропорядка и призвано обратить внимание на цикличность исторических процессов и необходимость учитывать опыт прошлого во избежание ошибок в настоящем. Практическое значение итогов работы состоит в возможности применения результатов проведенного исследования в процессе формулирования внешнеполитической линии современной России.
Ключевые слова: А.А. Громыко, внешняя политика, дипломатия, Россия, современный миропорядок

Для цитирования: Абрамова А.В. Дипломатическое наследие А.А. Громыко // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 95–101. doi: 10.17223/19988613/89/11

Original article

Diplomatic heritage of A.A. Gromyko

Alena V. Abramova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, alyona24101997@yandex.ru

Abstract. The research examines and analyses the diplomatic heritage of A.A. Gromyko for the modern foreign policy of the Russian Federation. The study aimed to determine the impact of A.A. Gromyko`s work on the contemporary position of Russia in the world. It was also to identify appropriate strategies and ways of responding to different challenges of the international environment. The study applies empirical and experimental-theoretical methods. Among the sources utilized in the research, we can identify biographical data about the life and work of A.A. Gromyko, memoirs of his contemporaries and colleagues, including G. Kissinger, K. Kudryashov, Y. Dubinin. Besides, the list of references includes analytical articles by Russian and foreign experts in the field of international relations and current Russian diplomats. We also used mass media materials to illustrate the current state of affairs in Russian foreign policy and on the world stage. The study describes and analyzes the most meaningful diplomatic achievements of A.A. Gromyko as the Soviet Union Minister of Foreign Affairs. The process of strengthening the position and influence of the USSR in the international stage after the end of the Second World War occupied the central place in Gromyko's work. This purpose was revealed in the tough position of the Soviet Union Foreign Minister while improving mechanisms for the UN work and preserving the USSR role in this institute. The study also emphasizes the principal stages of the post-war world-building, in which A.A. Gromyko participated directly. Among his outstanding achievements, we can also name the international system of agreements on nuclear weapons and the creation of the Conference on Security and Cooperation in Europe in 1973-1975. The study concludes that A.A. Gromyko played a pivotal role in designing the current system of international relations, created the world security system, defined the directions of Russian foreign policy and made a significant contribution to the development of the national diplomatic service. Using the analyzed data, the author develops recommendations on the disposal of this heritage today. The study is characterized as comprehensive and versatile and discusses the basis of the contemporary world order and attempts to draw attention to the cyclical nature of history. It outlines the necessity to consider the past to avoid mistakes in the present. The results of the research can also be used in practice while formulating the Russian international policy course.
Keywords: Gromyko, foreign politics, diplomacy, Russia, modern world order

For citation: Abramova, A.V. (2024) Diplomatic heritage of A.A. Gromyko. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 95–101. doi: 10.17223/19988613/89/11

© А.В. Абрамова, 2024

На современном этапе международные отношения характеризуются снижением глобальной управляемости и растущей нестабильностью мировой политики, что в целом не ново и на протяжении многих лет отражает природу событий, происходящих на глобальной арене. Ситуация, которую можно наблюдать в настоящий момент, складывалась постепенно и уходит корнями в послевоенный период, когда формировался новый мировой порядок, наследниками которого мы являемся. Ключевую роль в этом процессе сыграли страны-победительницы Второй мировой войны, точнее, их представители на высшем уровне, руками которых создавались современная система глобального межгосударственного взаимодействия. В этом контексте особенного внимания заслуживает вопрос значения личности в истории, роли отдельного человека в судьбе всего мира. Таким человеком, несомненно, был Андрей Андреевич Громыко, стоявший у истоков нынешней системы международных отношений, которая в определенной степени представляет собой его дипломатическое наследие.

Цель исследования – определить значимость результатов дипломатической деятельности А.А. Громыко для современной России и мирового сообщества в целом, а также выявить актуальные на сегодняшний день способы реагирования на возникающие проблемы. Актуальность работы определяется тем, что Россия является одним из крупнейших акторов на международной цене, правила игры для которой создавал А.А. Громыко, поэтому изучение его дипломатического наследия является важным условием понимания современной международной политики и умения адаптироваться под изменяющиеся обстоятельства. Новизна обусловлена тем, что в исследовании деятельность А.А. Громыко рассматривается через призму современности, что позволяет провести ряд важных исторических параллелей, представляющих ценность для процесса разработки современной внешней политики России.

Жизнь и деятельность А.А. Громыко являются неотъемлемой частью политического и дипломатического наследия России. Его манера общения и умение добиваться поставленных целей получили широкую известность и стали основой достижений, которые коренным образом изменили архитектуру системы международных отношений. Среди многочисленных дипломатических заслуг Громыко особого места заслуживает то, что ему удалось последовательно, шаг за шагом, укрепить авторитет и влияние Советского Союза, лавируя и избегая ненужной конфронтации, применяя творческий подход и нестандартные решения [1. С. 51]. Как отмечает кандидат исторических наук американист Т. Нелин, А.А. Громыко довелось работать в самый тяжелый период холодной войны, и то, что он мог успешно отстаивать интересы Советского Союза, избегая конфликтности, есть его большая заслуга [2]. По мнению К. Кудряшова, Громыко вполне можно назвать «Советским катехоном», потому что именно его усилиями был создан и долгое время поддерживался сравнительно безопасный и прочный мир, разрушение которого справедливо называют «величайшей геополитической катастрофой XX в.» [3].

Одним из главных достижений дипломатии Громыко по праву считается участие в процессе создания Организации Объединенных Наций. Он был главой делегации СССР на переговорах по разработке Устава организации и поставил свою подпись под главным документом ООН, которая стала первым в мировой истории универсальным механизмом международно-правового урегулирования и впоследствии превратилась в несущую конструкцию всей системы международных отношений [4. С. 109]. Важно отметить, что именно Громыко настоял на закреплении права вето за постоянными членами Совета Безопасности ООН, что гарантировало выполнение главной цели организации, заключающейся в сохранении международного мира и безопасности [1. С. 52]. За свою настойчивость и непреклонность он впоследствии получил знаменитое прозвище «Мистер Нет», характеризовавшее его как немногословного, неуступчивого и жесткого переговорщика [2]. Тем не менее именно эти качества способствовали включению в Устав ООН одного из основополагающих принципов международного права о неприменении силы или угрозы силой в международных отношениях. Тот факт, что штаб-квартира ООН находится именно в Нью-Йорке, также является заслугой Громыко. Изначально предполагалось, что центральный аппарат ООН будет располагаться в Женеве, где в свое время проходили собрания Лиги Наций. Советская делегация опасалась, что США, которые в 1919 г. выступили инициаторами создания Лиги Наций, но впоследствии отказались присоединиться, снова предпримут нечто подобное. В связи с этим важно было настоять на том, чтобы цитадель мировой безопасности и правопорядка находилась именно на территории США, дабы максимально затруднить их выход из состава организации [5].

ООН и сегодня остается единственной международной организацией подобного масштаба, что в современных условиях дает основания говорить о ее наднациональном характере. Сегодня она представляет собой мощную разветвленную систему, отвечающую практически за все сферы жизнедеятельности мирового сообщества, и является удобной площадкой для обсуждения любых вопросов мировой политики. Со временем деятельность организации начала подвергается критике, периодически возникают вопросы относительно ее эффективности, вносятся предложения о реорганизации и т.д., что естественно, поскольку за последние 70 лет мировая расстановка сил несколько изменилась. В этом контексте огромное значение имеет тот факт, что у России в ООН есть преимущество – право вето, которое она унаследовала от СССР. Право вето является гарантией защиты национальных интересов страны и возможностью непосредственно влиять на международную политику, чем не может похвастаться большинство других государств [6]. Это, несомненно, является заслугой А.А. Громыко, значение которой сегодня невозможно переоценить.

Основная дипломатическая деятельность Громыко была направлена на поддержание сбалансированных отношений с США в условиях биполярной системы. Тем не менее к началу 1960-х гг. главными чертами

взаимодействия двух государств стали постоянно возрастающая напряженность и угроза эскалации конфликта. В результате, в 1962 г. весь мир стал свидетелем разразившегося Карибского кризиса, который, в свою очередь, послужил сигналом к действию и «подтолкнул» две державы к подписанию в 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, который явился прологом к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, заключенному 1996 г. [2]. А.А. Громыко удалось настоять на подписании договора в условиях, когда, несмотря на похвальбу и угрозы Хрущёва, ядерный потенциал СССР значительно отставал от американского, а система ракетно-ядерной обороны была далека от совершенства. Договор значительно ограничил возможности США по испытаниям и совершенствованию ядерного оружия, тем самым позволив СССР со временем сравнять военные потенциалы [3]. В этом контексте нельзя не упомянуть Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), заключенный в 1968 г., который стал важнейшим достижением в области разоружения и ограничения вооружений и до сих пор остается основополагающим документом, регулирующим сферу военного применения атома [1. С. 52]. Следует отметить роль Громыко и в переговорах по сокращению стратегических вооружений, которые способствовали улучшению советско-американских отношений в начале 1970-х гг. и на некоторое время стали залогом стабильности даже после угасания потенциала политики разрядки [7]. С подачи главы советского МИД в 1972 г. между СССР и США были заключены Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-I), дополненный в 1979 г. Договором ОСВ-II, на основе которых в дальнейшем были подписаны договоры о сокращении наступательных вооружений СНВ-I (1991), СНВ-II (1993) и СНВ-III (2010) [2].

Важно отметить, что с появлением и совершенствованием ядерного потенциала тема разоружения всегда была центральной в советско-американском диалоге, характер которого в широком смысле определял ход мировой политики. В настоящий момент система соглашений и договоренностей, основу которым заложил именно А.А. Громыко, продолжает действовать и является гарантом международной системы безопасности и мирного сосуществования государств в условиях наличия у них ядерного оружия. Тем не менее сегодня наблюдается некоторое обострение ситуации ввиду недавнего выхода США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. под предлогом нарушения условий соглашения российской стороной. По мнению эксперта ПИР-Центра А. Баклицкого, «инструменты сохранения договора в существующем виде были исчерпаны, а для ратификации нового соглашения потребуется одобрение конгресса США, что маловероятно, учитывая критическое отношение законодателей к России». Схожее мнение высказала и О. Оликер, директор программы России и Центральной Азии в Международной группе по предотвращению кризисов, отмечая, что момент обновления договора был упущен, а в нынешнем виде он уже неактуален [8]. В данный момент перспективы заключения нового договора довольно туманны, особенно учитывая возможность привлечения к участию в переговорах других государств. В результате в системе международной безопасности, долгие годы выстраиваемой под руководством А.А. Громыко, появились пробелы, требующие пристального внимания и решительных действий по их устранению.

Вкупе с усилиями по поддержанию сбалансированных отношении с США, А.А. Громыко вложил немало сил в процесс разрядки международной напряженности, вершиной которой стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписанный в итоге в 1975 г. Хельсинкский Заключительный акт стал новаторским документом, намного опередившим время и создавшим предпосылки для преодоления холодной войны [4. С. 109]. С другой стороны, юридический характер Хельсинкского Заключительного акта с начала его разработки был неоднозначно оценен специалистами в области международного права, а также представителями государств-участников. Мнения юристов и политологов разделились, поскольку некоторые ученые и исследователи полагают, что в документе содержатся не юридические обязательства, а политические договоренности; по мнению других, он представляет собой договор особого рода; третьи полагают, что документ содержит как политические договоренности, так юридические обязательства [9]. Тем не менее важно помнить, что Хельсинкский Заключительный акт лег в основу работы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и на долгое время закрепил ключевые принципы мировой безопасности [2]. Однако после заключения договора многое изменилось, в связи с чем в настоящий момент многие страны призывают к пересмотру документа ввиду того, что без реформирования организация не сможет противостоять современным вызовам.

Возвращаясь к заслугам Громыко, следует подчеркнуть, что самым большим личным успехом и одним из основных результатов своей работы он считал договорное закрепление послевоенных границ в Европе. Как отмечает Ю. Фокин, «по сумме результатов деятельности на посту министра иностранных дел Громыко удалось добиться того, что границы СССР были отрегулированы и на них никто не покушался» [10]. Сам Громыко предупреждал, что «если европейские страны откажутся от этих договоренностей, станут их нарушать, ну что же... В Европу снова придет война» [3]. Пророчество не заставило себя ждать. По мнению К. Кудряшова, новая война в Европе началась именно потому, что удерживать мир после отставки Громыко больше было некому. Уступки, на которые пошло советское руководство и которых не допускал Громыко, привели к бомбардировкам Югославии и затяжному конфликту в регионе [3].

Особого внимания заслуживает деятельность Громыко в становлении и развитии системы отечественной дипломатической службы. Сам министр отличался внимательностью и скрупулезностью, к любой встрече он тщательно готовился, педантично изучая материалы

о предмете дискуссии и аналитические справки, подготовленные сотрудниками МИД, что обеспечивало ему интеллектуальное и психологическое превосходство во время переговорного процесса [2]. Это подтверждают и воспоминания одного из известнейших дипломатов XX в. Г. Киссинджера: «Громыко вел переговоры с честью. Он никогда не удивлял оппонентов и не ставил их в крайне неловкое положение, но всегда владел полной информацией и был готов к любым вопросам» [11]. Как отмечает С.В. Лавров, А.А. Громыко заложил основы дипломатии, отличающейся высоким профессионализмом, свободным владением иностранными языками, тщательной работой с документами, серьезной подготовкой к встречам и переговорам [1. С. 54]. Специалист по российско-американским отношениям В. Олевич полагает, что стиль Громыко оказал огромное влияние на развитие отечественной дипломатической школы. По его мнению, МИД РФ перенял концепцию легендарного министра, которая основана на защите национальных интересов и одновременном укреплении международной безопасности [2].

Несмотря на то, что А.А. Громыко, несомненно, внес огромный вклад в становление стройной и последовательной внешней политики Советского Союза, что впоследствии стало фундаментом внешнеполитического курса России, значение некоторых его инициатив сложно оценивать однозначно. Так, решение о введении войск в Афганистан, принимавшееся при непосредственном участии А.А. Громыко [12] в тот момент, когда период потепления в советско-американских отношениях сменился нарастающим напряжением, до сих пор является объектом дискуссий. Министр поддержал начало военной операции, полагая, вероятно, что таким образом удастся обезопасить южные границы СССР и защитить национальные интересы страны. В результате все усилия по достижению мира в холодной войне пошли насмарку [13]. По мнению ряда аналитиков, именно афганская кампания стала одной из составляющих того комплекса проблем и противоречий, который стал причиной распада СССР, а безуспешные действия на территории чужого государства привели к потере морального духа армии и ее престижа в народе [14]. С другой стороны, сегодня российские парламентарии предлагают «признать не соответствующим принципам исторической справедливости моральное и политическое осуждение решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.». Это, в свою очередь, выглядит как попытка объяснить и оправдать начатую в 2015 г. Россией военную кампанию в Сирии, что подтверждается заявлением первого зампреда комитета Госдумы по обороне А. Шерина, по мнению которого «условия введения советских войск в Афганистан были такими же, как условия введения российской армии на территорию Сирии. И на таких же условиях по приглашению афганской стороны туда были введены советские войска» [15].

Другим решением А.А. Громыко, ставшим впоследствии роковым для судьбы Советского Союза, стало выдвижение М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря партии в связи со смертью К.У. Черненко в 1985 г. [16]. Примечателен тот факт, что и Сталин, и Хрущев, и Брежнев, несмотря на серьезные разногласия, признавали незаменимость Громыко и его авторитет в решении международных вопросов. Горбачев, в свою очередь, увидел в Громыко препятствие на пути осуществления своей программы радикальных перемен, которая касалась и внешней политики страны, и завершил 28-летнее пребывание Громыко на посту главы советского МИД перемещением на церемониальную должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР [7]. Попытка реформирования политической системы во время перестройки (1985–1991), инициированной М.С. Горбачевым, привела к обострению всех имевшихся в стране противоречий, что вкупе с рядом других внутренних и внешних факторов привело к исчезновению с карты мира огромного мощного государства.

Очевидно, что А.А. Громыко был крупнейшей исторической фигурой и первоклассным специалистом, благодаря которому Советский Союз мог проводить независимую, последовательную внешнюю политику и успешно справляться с возникающими проблемами. По мнению кандидата исторических наук В. Соловьёва, Громыко стал не просто символом интеллектуальной мощи советской и современной дипломатии, он внес колоссальный практический вклад, который продолжает оказывать влияние на ситуацию в мире. А его наследство – это важнейшие международные соглашения, создавшие правовую базу для российско-американских отношений» [2]. Схожего мнения придерживается и Ю. Фокин, отмечая, что «служба А. Громыко в разных качествах и особенно в качестве министра иностранных дел выдвигает его в ряд крупнейших дипломатов не только XX в., но и всей мировой истории [10]. Западные эксперты соглашаются, добавляя, что Громыко «со вкусом и достоинством справлялся с трудной задачей представлять Советский Союз во враждебном мире, превратившись не просто в блистательного дипломата, но в международный институт. Несмотря на жестокий политический климат, те, кто имел с ним дело, никогда не теряли своего уважения и даже привязанности к нему» [5]. Сегодня, несмотря на то что после эпохи Громыко прошло много лет, его дипломатическое наследие дает о себе знать и проявляется, прежде всего, в отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, которые вновь переживают период конфронтации [2]. Заветы Громыко находят отражение в стойком намерении не позволить США навязать всему миру свою точку зрения, стремлении помешать им действовать, не считаясь с нормами международного права и интересами других стран, не позволить им создавать и разрушать государства по собственному усмотрению, а тем более ставить себя во главу всего свободного мира [17].

В последние годы политики, ученые, журналисты все чаще указывают на снижение глобальной управляемости и растущую нестабильность мировой политики. По прогнозам специалистов, в перспективе международные отношения будут характеризоваться дальнейшим снижением стабильности мировой системы [18].

В этом контексте изучение дипломатического наследия Громыко особенно важно, поскольку именно этот человек стоял у истоков современного миропорядка. Его заслугой является то, что сегодня Россия продолжает сохранять за собой статус ведущей мировой державы и имеет возможность проводить независимый внешнеполитический курс. Это проявляется, во-первых, в том, что Российская Федерация, в качестве преемницы Советского Союза сохранила за собой место в Совете Безопасности ООН и имеет возможность защищать свои национальные интересы наложением вето на резолюции, представляющие угрозу ее приоритетам. Во-вторых, благодаря деятельности Громыко появился и эволюционировал механизм регулирования сферы ядерных разработок и вооружений, который является гарантией безопасности для всего мира. В-третьих, дипломатическое наследие А.А. Громыко проявляется в сохранении стабильной ситуации в Европе, что стало возможным благодаря договорному закреплению послевоенных границ и созданию ОБСЕ, призванной контролировать соблюдение Хельсинского Заключительного акта. Следует также отметить роль Громыко в становлении системы дипломатической службы России, которая является прямым наследием его деятельности. При этом важно помнить, что основные задачи дипломатии со временем не меняются и заключаются в том, чтобы обеспечивать условия для сохранения и развития государства, общества и свойственной им культуры [19].

Наследие Громыко представляет собой ценный багаж опыта и знаний, на который следует ориентироваться при формировании современного курса внешней политики, дабы перенять положительные практики, избежав при этом ошибок прошлого. Однако стоит учитывать, что если во времена Громыко речь шла о мирном сосуществовании двух военно-политических блоков, то сегодня необходимо достижение многостороннего консенсуса, который немыслим без диалога всех культур и религиозных традиций, без признания множественности моделей развития и равных прав за различными системами ценностей [1. С. 55]. С другой стороны, ряд экспертов полагают, что именно 2020 год ознаменует начало перехода от распада пост-постбиполярности к поиску нового формата, релевантного вызовам нового времени. Отмечается, что характерной чертой этого периода станет движение в сторону новой биполярности, теперь уже между США и Китаем [20. С. 99]. Похожего мнения придерживается и А. Кортунов, отмечающий, что сегодня мы наблюдаем смещение в направлении новой биполярности, пусть она и отличается от советско-американского противостояния второй половины XX в. Разница в том, что теперь ведущие роли отводятся Пекину и Вашингтону. Как отмечает эксперт, в настоящий момент именно Китай рассматривается США как основной стратегический конкурент, тогда как России отводится роль «глобального хулигана», который в силу отсутствия ресурсов и возможностей на равных конкурировать с Соединенными Штатами не хочет упускать случая «навредить американским интересам везде, где это только возможно» [21]. В случае развития именно такого сценария Москве, вероятно, следует избрать для себя новую роль, которая бы позволила ей эффективно участвовать в международной политике, не подвергая опасности национальные интересы в борьбе за призрачное лидерство, которое, как видится, осталось в прошлом. В этом контексте большое значение имеет отработка новых принципов, моделей и механизмов международного сотрудничества, и если сегодня еще рано приступать к строительству здания нового мирового порядка, то подбирать отдельные «кирпичики» и даже целые строительные блоки для этого будущего здания можно и нужно сейчас [18]. Дипломатическое наследие А.А. Громыко в этом смысле представляет собой прочный фундамент, на который следует опереться, поскольку опыт человека, 28 лет контролировавшего равновесие в противостоянии двух мощнейших военно-политических блоков и управлявшего внешнеполитическим курсом крупнейшего в мире государства, не может не стать путеводным для современных творцов международной политики России.

Список источников

1. Лавров С.В. К нему заходили со своим мнением, а выходили – с его // Политический класс. 2009. № 7. С. 51–55.
2. Заквасин А., Хлусова К. Угрюмый Гром: как великий советский дипломат крушил лед в отношениях Москвы и Вашингтона // RT. 2017. 15 февр. URL: https://russian.rt.com/russia/article/359531-diplomat-sovetskii-otnosheniya-moskva-vashington
3. Кудряшов К. Мистер Нет. Как Андрей Громыко держал на плечах равновесие Мира // Аргументы и факты. 2019. 3 июля. № 27. URL: https://aif.ru/society/history/mister_net_kak_andrey_gromyko_derzhal_na_plechah_ravnovesie_mira
4. Дубинин Ю.В. А.А. Громыко и отечественная школа дипломатии // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 109–123.
5. Urquhart B. Character sketches: Andrey Gromyko. // UN News. 2009. URL: https://news.un.org/en/spotlight/character-sketches-andrei-gromyko-brian-urquhart
6. Орджоникидзе С. Какой смысл в существовании ООН? // Аргументы и факты. 2018. № 16. URL: https://aif.ru/politics/opinion/kakoy_smysl_v_sushchestvovanii_oon
7. Whitney C.R. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy // The New York Times. 1989. 04 July. URL: https://www.nytimes.com/1989/07/04/obituaries/andrei-a-gromyko-flinty-face-of-postwar-soviet-diplomacy.html
8. Пудовкин Е. Ключевой договор о ядерном оружии между США и Россией утратил силу // РБК. Политика. 2019. 2 авг. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d4302139a79479b88df8d31
9. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // РИА Новости. 2020. 2 марта. URL: https://ria.ru/20150801/1154102696.html
10. Фокин Ю. Воспоминания об Андрее Громыко дипломата, бывшего посла России в Великобритании, ректора Дипломатической академии МИД РФ Юрия Фокина // Неделя. 2009. 24 июля. URL: http://chelny-week.ru/2009/07/fenomen-gromyko-kto-on-mister-net/
11. Kissinger H. Henry Kissinger speaks about Andrei Gromyko // Russia Beyond. 2009. 16 Dec. URL: https://www.rbth.com/articles/2009/12/16/121609kissinger.html

12. Липский А. Кто начал войну в Афганистане // Новая газета. 2019. 25 дек. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83281-kto-nachal-voynu-v-afganistane
13. Комревцев Я. Андрей Громыко: на страже интересов СССР // Дилетант. 2019. 22 июля. URL: https://diletant.media/articles/45261537/
14. Баранец В. Последняя война Советского Союза: Почему огромный СССР не смог победить в маленьком Афганистане // Комсомольская правда. 2019. 24 дек. URL: https://www.kazan.kp.ru/daily/27072/4142318/
15. В Госдуме назвали ввод советских войск в Афганистан законным // РИА Новости. 2019. 15 февр. URL: https://ria.ru/20190215/1550930109.html
16. Bonet P. Ha muerto Andrei Gromiko el legendario ministro soviético de Asuntos Exteriores // El país. 1989. 4 Dec. URL: https://elpais.com/diario/1989/07/04/internacional/615506401_850215.html
17. Colás X. Nos gusta 'Mister Niet'. Putinistán // El Mundo. 2014. 6 Oct. URL: https://www.elmundo.es/blogs/elmundo/putinistan/2014/10/06/nos-gusta-mister-niet.html
18. Иванов И. Российская внешняя политика на пороге 2020 года // Российская газета – федеральный выпуск. 2019. 25 нояб. № 266 (8024). URL: https://rg.ru/2019/11/25/rossijskaia-vneshniaia-politika-na-poroge-2020-goda.html
19. Синдеев А. Искусство дипломатии: А.А. Громыко на посту первого заместителя министра иностранных дел СССР, 1949–1952 гг. : к 110-летию со дня рождения // Международная жизнь. 2019. 3 июня. URL: https://interaffairs.ru/news/show/22777
20. Россия и мир 2020: экономика и внешняя политика : ежегодный прогноз / рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М. : ИМЭМО РАН, 2019. 172 с.
21. Кортунов А. О мудрой обезьяне, спускающейся с горы // РСМД. 2020. 4 мая. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-mudroy-obezyane-spuskayushcheysya-s-gory/

References

1. Lavrov, S.V. (2009) K nemu zakhodili so svoim mneniem, a vykhodili – s ego [They came to him with their opinion, and left with his]. *Politicheskiy klass*. 7. pp. 51–55.
2. Zakvasin, A. & Khlusova, K. (2017) Ugryumyy Grom: kak velikiy sovetskiy diplomat krushil led v otnosheniyakh Moskvy i Vashingtona [The Gloomy Thunder: How the Great Soviet Diplomat Broke the Ice in Relations between Moscow and Washington]. *RT*. 15th February. [Online] Available from: https://russian.rt.com/russia/article/359531-diplomat-sovetskii-otnosheniya-moskva-vashington
3. Kudryashov, K. (2019) Mister Net. Kak Andrey Gromyko derzhal na plechakh ravnovesie Mira [Mister No. How Andrei Gromyko Kept the Balance of the World on His Shoulders]. *Argumenty i fakty*. 3rd July. [Online] Available from: https://aif.ru/society/history/mister_net_kak_andrey_gromyko_derzhal_na_plechah_ravnovesie_mira
4. Dubinin, Yu.V. (2009) A.A. Gromyko i otechestvennaya shkola diplomatii [Andrey Gromyko and the Russian school of diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 7. pp. 109–123.
5. Urquhart, B. (2009) *Character sketches: Andrey Gromyko*. [Online] Available from: https://news.un.org/en/spotlight/character-sketches-andrei-gromyko-brian-urquhart
6. Ordzhonikidze, S. (2018) Kakoy smysl v sushchestvovanii OON? [What is the point of the UN?]. *Argumenty i fakty*. 16. [Online] Available from: https://aif.ru/politics/opinion/kakoy_ smysl_v_sushchestvovanii_oon
7. Whitney, C.R. (1989) Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy. *The New York Times*. 4th July. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/ 1989/07/04/obituaries/andrei-a-gromyko-flinty-face-of-postwar-soviet-diplomacy.html
8. Pudovkin, E. (2019) Klyuchevoy dogovor o yadernom oruzhii mezhdu SShA i Rossiey utratil silu [The key nuclear weapons treaty between the US and Russia has expired]. *RBK. Politika*. 2nd August. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d4302139a79479b88df8d31
9. *RIA Novosti*. (2020) Zaklyuchitel'nyy akt Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope [The Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe]. 2nd March. [Online] Available from: https://ria.ru/ 20150801/1154102696.html
10. Fokin, Yu. (2009) Vospominaniya ob Andree Gromyko diplomata, byvshego posla Rossii v Velikobritanii, rektora Diplomaticheskoy akademii MID RF Yuriya Fokina [Memories of Andrey Gromyko by diplomat, former Russian ambassador to the UK, Rector of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry Yuri Fokin]. *Nedelya*. 24th July. [Online] Available from: http://chelny-week.ru/2009/07/fenomen-gromyko-kto-on-mister-net/
11. Kissinger, H. (2009) Henry Kissinger speaks about Andrei Gromyko. *Russia Beyond*. 16th December. [Online] Available from: https://www.rbth.com/articles/2009/ 12/16/121609kissinger.html
12. Lipskiy, A. (2019) Kto nachal voynu v Afganistane [Who started the war in Afghanistan]. *Novaya gazeta*. 25th December. [Online] Available from: https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83281-kto-nachal-voynu-v-afganistane
13. Komrevtsev, Ya. (2019) Andrey Gromyko: na strazhe interesov SSSR [Andrey Gromyko: Guarding the interests of the USSR]. *Diletant*. 22nd July. [Online] Available from: https://diletant.media/articles/45261537/
14. Baranets, V. (2019) Poslednyaya voyna Sovetskogo Soyuza: Pochemu ogromnyy SSSR ne smog pobedit' v malen'kom Afganistane [The last war of the Soviet Union: Why the huge USSR could not win in small Afghanistan]. *Komsomol'skaya pravda*. 24th December. [Online] Available from: https://www.kazan.kp.ru/daily/27072/4142318/
15. *RIA Novosti*. (2019) V Gosdume nazvali vvod sovetskikh voysk v Afganistan zakonnym [The State Duma called the introduction of Soviet troops into Afghanistan legal]. 15th February. [Online] Available from: https://ria.ru/20190215/ 1550930109.html
16. Bonet, P. (1989) Ha muerto Andrei Gromiko el legendario ministro soviético de Asuntos Exteriores. *El país*. 4th December. [Online] Available from: https://elpais.com/ diario/1989/07/04/internacional/615506401_850215.html
17. Colás, X. (2014) Nos gusta 'Mister Niet'. Putinistán. *El Mundo*. 6th October. [Online] Available from: https://www.elmundo.es/blogs/elmundo/putinistan/2014/10/06/nos-gusta-mister-niet.html
18. Ivanov, I. (2019) Rossiyskaya vneshnyaya politika na poroge 2020 goda [Russian Foreign Policy on the Threshold of 2020]. *Rossiyskaya gazeta – federal'nyy vypusk*. 25th November. [Online] Available from: https://rg.ru/2019/11/25/rossijskaia-vneshniaia-politika-na-poroge-2020-goda.html
19. Sindeev, A. (2019) Iskusstvo diplomatii: A.A. Gromyko na postu pervogo zamestitelya ministra inostrannykh del SSSR, 1949–1952 gg.: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya [The art of diplomacy: A.A. Gromyko as first Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR, 1949–1952: On the 110th anniversary of his birth]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 3rd June. [Online] Available from: https://interaffairs.ru/news/show/22777
20. Dynkin, A.A. & Baranovskiy, V.G. (2019) *Rossiya i mir 2020: ekonomika i vneshnyaya politika: ezhegodnyy prognoz* [Russia and the World 2020: Economy and Foreign Policy: Annual Forecast]. Moscow: IMEMO RAS.
21. Kortunov, A. (2020) O mudroy obez'yane, spuskayushcheysya s gory [About the Wise Monkey Descending from the Mountain]. *RSMD*. 4th May. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-mudroy-obezyane-spuskayushcheysya-s-gory/

***Сведения об авторе*:**
Абрамова Алена Викторовна – магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alyona24101997@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Abramova Alena V. – master's student at the Faculty of International Relations of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alyona24101997@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 23.09.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(73)
doi: 10.17223/19988613/89/12

Статуя Свободы как символ в американском обществе (1886–2022 гг.)

Влада Евгеньевна Дергачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, derga4eva.vlada@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выявление характерных особенностей символического смысла одного из самых значимых монументальных объектов США – Статуи Свободы. Дается характеристика основным элементам рассматриваемого монумента и их модификациям под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Рассматривается место Статуи Свободы в процессах конструирования основных нарративов американской истории и американского нациестроительства. Анализируется корреляция между основными символическими значениями Статуи Свободы и событиями американской и всеобщей истории.
Ключевые слова: США, Статуя Свободы, «монументальная» политика, политика памяти, франко-американские отношения

Для цитирования: Дергачева В.Е. Статуя Свободы как символ в американском обществе (1886–2022 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 102–107. doi: 10.17223/19988613/89/12

Original article

The Statue of Liberty as a Symbol in American Society (1886–2022)

Vlada E. Dergacheva

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, derga4eva.vlada@yandex.ru

Abstract. The recently unfolded "war of monuments" regarding the "monumental" legacy of the Civil War in the United States indicates that at the present stage, "monumental" politics plays an important role both in American nation-building and in the architecture of American identity. In this context, the topic of the evolution of perception by American society of one of the main symbols of the United States, which embodies a set of key values of the American nation, is relevant.
The purpose of this article is to identify the key components of the symbolism of the Statue, both unchanged over the centuries and transformed under the influence of significant events in the domestic and foreign policy of the United States. The study also focuses on the analysis of the place of this monumental object in the collective memory of American society, American nation-building and the "monumental" policy of the United States.
All objects of the Statue of Liberty National Monument, both collectively and individually, are filled with a variety of symbols and interpretations of these symbols, modified under the influence of ideological and value attitudes, features of development and rethinking of key events of the American historical narrative.
We can distinguish the following symbolic meanings of the Statue, intersecting and coexisting, but each of them is more or less noticeable in different historical epochs: monument to political cooperation between France and the USA; monument to the end of slavery in USA; monument to national unity; monument to immigration and economic opportunity.
Both the Statue of Liberty and the surrounding infrastructure have undergone numerous modifications throughout its century-old history, which is also reflected in the symbolic message of the monumental object. In American society, not only the perception of the Statue of Liberty as a whole has changed, but also the perception of its individual elements: crown, torch, shackles, etc. All these transformations took place under the influence of changes in both domestic and foreign policy of the United States.
Keywords: USA, The Statue of Liberty, memory politics, “monumental” politics, Franco-American relations

For citation: Dergacheva, V.E. (2024) The Statue of Liberty as a Symbol in American Society (1886–2022). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 102–107. doi: 10.17223/19988613/89/12

Память о событиях и людях в американской «монументальной» традиции увековечивается разными способами: мемориалы, монументы, мемориальные доски и надгробия, «живые мемориалы» (объекты городской среды и инфраструктуры, названные в честь определенных событий или людей). На современную американскую «монументальную» политику и культуру возведения мемориалов оказала влияние европейская традиция, приобщение к которой происходило, в частности, в жанре портретного бюста. Именно француз-

© В.Е. Дергачева, 2024

ский скульптор Жан-Антуан Гудон в 1796 г. создал мраморную статую для памятника Джорджу Вашингтону в Ричмонде по проекту французского архитектора Шарля-Луи Клериссо [1. С. 169].

Гражданская война в США является самым кровопролитным конфликтом за всю историю американской нации. Когда в 1865 г. народ США приветствовал 13-ю поправку к Конституции [2], на другом континенте, во Франции, возникла идея монументального проекта, итогом которого стал один из самых известных и значимых американских национальных монументов, символ свободы не только для американской нации, но и для всех иммигрантов, прибывших в США за «американской мечтой». Речь идет о главном маскоте США – Статуе Свободы.

Сегодня в США происходит множество дебатов вокруг прошлого. Эта борьба за интерпретацию и репрезентацию тех или иных событий ведется в США практически на протяжении всей истории независимого существования данной страны. Развернувшаяся относительно недавно «война памятников» в США по поводу «монументального» наследия Гражданской войны свидетельствует о том, что «монументальная» политика играет в современных реалиях не последнюю роль как в американском нациестроительстве, так и в архитектуре американской идентичности. В данном контексте довольно актуальной является тема эволюции восприятия американским обществом одного из главных символов США, который олицетворяет собой набор ключевых ценностей американской нации.

Цель данной статьи – выявление ключевых составляющих символического смысла Статуи, как неизменных на протяжении веков, так и трансформирующихся под влиянием значимых событий во внутренней и внешней политике США. Также в исследовании уделяется внимание анализу места данного монументального объекта в коллективной памяти американского общества, американском нациестроительстве и «монументальной» политике США.

Можно выделить два глобальных направления исследований в отношении Статуи Свободы. В рамках первого рассматривается история создания и модификаций Статуи и других объектов инфраструктуры Национального памятника Статуи Свободы, а также ее существование в исторической ретроспективе [3–5].

В рамках второго направления рассматриваются символизм Статуи Свободы, его политические вариации и эволюция под влиянием исторических, политических и идеологических факторов, а также место Статуи в процессе формирования американской национальной идентичности [6–10].

«Свобода, озаряющая мир» (Liberty Enlightening the World) – это полное название одного из самых узнаваемых символов Америки. Есть несколько вариаций наименования Статуи, в том числе и на французском. Чаще всего используется более короткое официальное название – Статуя Свободы (The Statue of Liberty) [11]. Она является подарком от правительства Франции правительству США. Стоит подробнее разобрать причины, побудившие Францию преподнести такой щедрый подарок другой стране.

По одной из официальных версий, идея символического подарка от народа Франции народу США возникла в разговоре между французским ученым, политическим деятелем и аболиционистом Эдуардом Рене де Лабуле и скульптором Фредериком Огюстом Бартольди в 1865 г., в год окончания Гражданской войны в США [7]. На эту идею французского политического деятеля вдохновили конкретные меры американского правительства, направленные на отмену рабства на территории США и закрепленные в 13-й поправке [2].

Переходя непосредственно к реализации совместного монументального проекта США и Франции, следует отметить, что открытие Статуи Свободы планировалось приурочить к 100-летию независимости США в 1876 г. Однако в данный срок уложиться не удалось. Во-первых, проект был технологически сложен как в контексте конструирования основания и каркаса Статуи, так и по причине трудностей при транспортировке отдельных ее частей из Франции в США. Во-вторых, сбор средств в обеих странах на начальном этапе реализации шел довольно медленно. По этим объективным причинам французский подарок опоздал на 10 лет. Торжественное открытие Статуи Свободы состоялось 28 октября 1886 г. на Острове Свободы (тогда он носил название Остров Бедлоу) в присутствии нескольких тысяч зрителей.

Говоря о реализации данного монументального проекта, следует рассмотреть совместную работу над ним адресата и адресанта подарка. Французская сторона брала на себя сооружение самой Статуи и ее транспортировку до места установки, американская сторона занималась строительством пьедестала. Для сбора средств во Франции использовались государственные сборы, различные формы развлечений и лотереи. В США для финансирования пьедестала проводились благотворительные театральные мероприятия, художественные выставки, аукционы и призовые бои. Однако сбор средств шел довольно медленно, что грозило затяжным характером реализуемого проекта.

Чтобы спровоцировать общественные действия, в 1885 г. Джозеф Пулитцер разместил в своей газете New York World объявление, в котором призывал американскую общественность делать пожертвования. Взамен Пулитцер напечатал в газете имя каждого филантропа. После выхода данной статьи 120 000 человек пожертвовали более 100 000 долларов и обеспечили оставшиеся средства, необходимые для пьедестала Статуи [11]. Можно сделать вывод, что успешная реализация данного проекта во многом удалась благодаря частной инициативе, что характеризует Статую Свободы как результат плодотворного сотрудничества гражданского общества и правительства.

Мы видим, что уже на начальном этапе реализации совместного проекта Статуя начинает приобретать некий символический смысл, не только характеризующий вектор политического сотрудничества США и Франции, но и демонстрирующий сплочение двух наций для создания символа свободы. Однако при детальном изучении французской инициативы все становится не так однозначно. Следует обратить внимание на отношения двух стран и обстановку внутри

каждой из них на момент инициирования монументального проекта.

Возникает закономерный вопрос – насколько обычным делом было для стран в конце XIX в. дарить друг другу подарки и гигантские статуи? Профессор Дэвид Глассберг в своем исследовании указывает на несколько возможных политических причин и значений такого подарка [8. P. 2].

Анализируя все аргументированные и поддерживаемые исследователями причины такого шага французского правительства, следует вспомнить особенности франко-американских отношений в 1880-х гг. Если рассматривать данный подарок как дань политическому сотрудничеству между Францией и США, стоит учитывать, что в этот период франко-американские культурные, дипломатические и торговые отношения имели специфический характер. США в 1880-х гг. были формирующейся глобальной экономической державой, в то время как французское экономическое влияние в Америке шло на убыль. А в то время, когда Статуя пересекала Атлантику, американское и французское правительства не смогли договориться об общем торговом соглашении между двумя странами. Между 1881 и 1891 гг. Франция и Соединенные Штаты находились в разгаре тарифной войны.

Следующее символическое значение Статуи, которое следует рассмотреть, – памятный подарок по случаю отмены рабства в Америке. Это значение можно подкрепить фактами из биографии Эдуарда Рене де Лабуле, которого называют «идеологическим отцом статуи» [9. P. 57]. В 1860–1870-х гг. во Франции Лабуле и его окружение боролись за создание либерально-демократической республики против абсолютистского правления Наполеона III. Степенный облик Статуи Свободы контрастирует с более революционными изображениями свободы, распространенными ранее во Франции [12. P. 90]. С этой умеренной политикой связаны усилия французских сторонников Статуи, предпринятые с целью актуализировать более общие философские концепции эпохи Просвещения, отраженные в официальном названии статуи: «Свобода, озаряющая мир» [8]. К тому же, как было упомянуто раннее, Лабуле был убежденным сторонником профсоюзного движения и главой французского аболиционистского общества.

Так как рассматриваемый подарок планировалось приурочить к 100-летию независимости США, здесь можно увидеть еще одно политическое значение Статуи – символ американского национального единства.

Следует сказать, что в разные исторические эпохи менялись интерпретации символического значения Статуи Свободы в зависимости как от внутренней и внешней политики США, так и от характера франко-американских отношений. В определенные исторические периоды более выгодная трактовка становилась преобладающей, иногда трактовки пересекались и сосуществовали.

Сейчас в состав Национального памятника Статуи Свободы входят следующие объекты: Статуя Свободы, Остров Свободы, Остров Эллис [13]. Но так было не всегда. Остров Свободы до 1956 г. носил другое название, а Остров Эллис до 1965 г. не входил в состав рассматриваемого памятника, а около полувека выполнял функции главной иммиграционной станции США [14]. Чем же продиктовано решение включить в состав рассматриваемого национального памятника бывшую иммиграционную базу? Размышления над этим вопросом приводят нас к очередному символическому значению Статуи, которое было доминирующим в американской политической риторике в 1930–1940-е гг.: Статуя Свободы как маяк для иммигрантов, ищущих свободы и экономические возможности [7]. Первое, что видели миллионы иммигрантов, прибывающие на остров Эллис, – это факел Леди Либерти. К тому же в 1903 г. на пьедестале Статуи появилась мемориальная табличка с текстом стихотворения Эммы Лазарь «*Новый колосс*». Стихотворение, в частности, гласит: «Пошли ко мне этих бездомных, буревестников, я поднимаю свою лампу у золотой двери» [11]. Включение Острова Эллис в состав Национального памятника Статуи Свободы может быть продиктовано и целью создания комплексного символизма, что обусловливает еще одно символическое значение Статуи Свободы как маяка и «факела надежды» для иммигрантов. Однако данное символическое значение Статуи, актуализируемое в 1930–1940-е гг., иллюстрирует, как часто американцы субъективно интерпретируют историю иммиграционной политики США, историю постоянно расширяющихся ограничений и депортаций. Хотя в стране и не было никаких федеральных иммиграционных ограничений, многие штаты устанавливали свои собственные, и их было немало.

В состав Национального памятника Статуи Свободы входит и Остров Свободы (Liberty Island), на котором она установлена. До 1956 г. данный остров носил название Бедлоу и на протяжении долгого времени являлся предметом территориального спора между двумя штатами США. С 1811 г. на этом острове находилась американская военная база с фортом в форме звезды, который носил название Форт Вуд (Fort Wood) и затем был использован для строительства пьедестала Статуи. Военная база была полностью демонтирована только в 1944 г. [9]. Получается, что основанием для монументального символа свободы «по-американски» является бывшая военная база.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что все объекты Национального памятника Статуи Свободы как в совокупности, так и по отдельности наполнены множеством символов и интерпретаций этих символов, модифицирующихся под воздействием идеологических и ценностных установок, а также особенностей развития и переосмысления ключевых событий американского исторического нарратива. Следует учитывать тот факт, что на протяжении своей вековой истории как Статуя, так и окружающая ее инфраструктура подвергались многочисленным модификациям, которые также отражались и на символическом посыле монументального объекта. Для подробного анализа символического пространства Статуи Свободы следует рассмотреть изначально заложенные в нее центральные символы.

Существует немало версий того, чем или кем вдохновлялся французский скульптор Фредерик Огюст

Бартольди, создавая фигуру и образ Статуи. Многие исследователи, например, указывают на сходство Статуи с римской богиней свободы Либертас [11]. В начале 1860-х гг. Бартольди работал над дизайном «монументального» проекта «Египет, несущий свет в Азию» (“Egypt Carrying the Light to Asia”) [15. P. 51], который так и не был реализован. Основные идеи этого проекта были взяты за основу при создании образа Леди Либерти. Скульптура «Египет, несущий свет в Азию» планировалась как гигантская статуя женщины-феллаха с факелом в руке. По плану она должна была располагаться в Египте, у входа в Суэцкий канал [15. P. 51]. На создание такой крупномасштабной скульптуры его вдохновили египетские стражи, расположенные у нубийских гробниц [15. P. 52]. Однако данный проект был отвергнут хедивом Египта из-за его дороговизны [16. P. 243]. Кто знает, как бы выглядел «монументальный» символ Америки, если бы Бартольди удалось реализовать проект статуи для Египта.

Статуя Свободы покрыта очень тонким слоем меди толщиной примерно в два пенни, спрессованных вместе. При установке и на протяжении 35 лет она была коричневого цвета. Однако в 1920 г. «медная кожа» начала окисляться и приобрела цвет морской волны [11]. Некоторые исследователи указывают на то, что в создании Статуи Свободы принимали участие и уральские промышленники. Для изготовления медных листов, необходимых для «медной кожи» Статуи, французское правительство выбрало знаменитую на тот момент демидовскую медь, которая занимала призовые места на всемирных выставках. Из этого следует, что родиной «медной кожи» главного символа Америки с большой вероятностью может являться Россия [17].

Придерживаясь идей Лабуле, Бартольди создал дизайн, заключающий в себе множество центральных символов. Так, по информации Фонда Статуи Свободы, лучеобразная корона, а точнее, ее семь шипов-лучей имеют несколько символических значений. Общий вид короны символизирует свет, распространяющийся на весь мир, а семь лучей обозначают семь морей и семь континентов. Америка объединяет людей со всех континентов, и им приходится пересекать все океаны в погоне за лучшей жизнью [11]. Если версия про континенты кажется вполне убедительной, то с морями возникают вопросы. Однако здесь, вероятно, имеется в виду идиоматическое выражение «семь морей», с давних времен означающее Мировой океан в целом.

Эбигейл Ван Бюрен в своей статье от 1986 г., ссылаясь и на другие экспертные мнения, приводит еще одно символическое значение короны, которое имеет право на жизнь не менее ранее упомянутых. Семь шипов – это семь свобод: гражданская, моральная, национальная, естественная, личная, политическая, религиозная [6]. В данном случае есть пространство для дискуссий, как аргументировать именно этот набор свобод, так как количество свобод все же может варьировать в зависимости от трактовки их смыслового содержания. Все же более жизнеспособной выглядит трактовка про семь континентов, поскольку именно она исходила от скульптора Бартольди.

По задумке скульптора, пламя факела Статуи Свободы должно было быть сделано из позолоченного медного листа, чтобы ярко сиять при дневном свете. Факел, «освещающий путь к свободе» [18], подвергался техническим модификациям более 6 раз. В 1980-х гг., когда Фонд реставрировал статую к празднованию ее столетия, группа экспертов определила, что оригинальный факел восстановлению не подлежит. Он был удален 4 июля 1984 г. и заменен копией, созданной по проекту Бартольди. Сегодня оригинальный факел выставлен в Музее Статуи Свободы [11].

Так как Статуя Свободы является подарком к 100-летию независимости США, это не осталось без внимания при создании дизайна. В левой руке Леди Либерти держит табличку с датой принятия Декларации независимости США – 4 июля 1776 г.

Дискуссии в американском обществе при открытии рассматриваемого монументального объекта вызвало символическое значение, заложенное в такую деталь скульптуры, как сломанные кандалы у ног. Так как инициатор проекта Лабуле был ярым аболиционистом, сломанные кандалы были задуманы как символ разорванных цепей рабства [19]. Несмотря на то, что это довольно мощный образ, смысл, стоящий за ним, еще не был реальностью для афроамериканцев в 1886 г. После открытия Статуи положение афроамериканцев стало причиной развенчивания утопических и идеализированных представлений о Статуе Свободы и американской истории, так как расизм и дискриминация афроамериканцев в их крайних формах не прекращались после Гражданской войны еще более полувека.

При анализе символического посыла, заложенного в дизайн Статуи, стоит обратить внимание также на ее расположение и позу. Статуя расположена таким образом, чтобы выполнять роль гостеприимного символа для всех кораблей, заходящих в гавань. Правая нога Статуи сконструирована таким образом, будто она в движении, что символизирует развитие и дальнейшее продвижение свободы [19].

В 1986 г. в газете Los Angeles Times были опубликованы результаты опроса Roper Organization. Американской общественности предлагалось выбрать самый важный национальный символ США. Статую Свободы выбрали 57% опрошенных. Также в топ-3 вошли такие символы, как флаг (46%) и Колокол Свободы (20%) [20].

Так как Статуя Свободы является одним из главных символов Америки и примером комплексного символизма, включающего в себя немало скреп американской национальной идентичности, на протяжении своей долгой истории она не раз становилась местом митингов и протестов «несогласных». Например, в начале 1970-х гг. участники самой известной организация ветеранов Вьетнама Vietnam Veterans Against the War, инициировавшие различные протестные митинги и принимавшие участие в расследовании военных преступлений США на территории Юго-Восточной Азии, два раза с разницей в несколько лет баррикадировали Статую Свободы, чтобы привлечь внимание к своему делу [21. P. 50].

Можно привести более современный пример, когда в День независимости США в 2018 г. группа демонстрантов пробралась на Остров Свободы. Участники протестной акции развернули полотнище с требованием упразднить иммиграционную службу, а правозащитница Тереза Окоумоу забралась на Статую и находилась на высоте 45 м около 4 часов. Акция проводилась против политики «нулевой терпимости», из-за которой разлучаются семьи иммигрантов [22].

После теракта 11 сентября 2001 г. концепция свободы подверглась переосмыслению среди американской общественности, что оказало влияние и на восприятие главного «монументального» символа США. В общественных дебатах возникла рефлексия на тему: угрожают ли американские представления о демократии и свободе, а также новые правительственные меры безопасности традиционным свободам американцев дома? Пока люди стоят в очереди, чтобы пройти через контрольно-пропускные пункты, Служба национальных парков организовала для них интерактивные выставки, которые предлагают задуматься об изменении значения свободы и безопасности после 11 сентября [8. P. 10]. Теракт 11 сентября также выдвинул на первый план еще одно символическое значение Статуи Свободы – как символа стойкости США и американского общества перед лицом разрушений.

Скульптор Фредерик Огюст Бартольди лицензировал изображение Статуи для использования в рекламе как в Европе, так и в США. Будучи одним из самых узнаваемых символов Америки, Статуя Свободы занимает важное место и в американской популярной культуре. В данном контексте можно выделить такие ее значения, как основной элемент рекламного и коммерческого искусства, популярная туристическая достопримечательность, объект подражания в искусстве, драматических реконструкциях, сувенирах и т.д.

Иногда использование образа Статуи в популярной культуре имело и политический подтекст. Например, певец Майкл Джексон танцевал вокруг нее в своем клипе “Black or White” 1992 г., символически демонстрируя состояние современных американских расовых отношений [23].

Статуя Свободы занимает важное место в американской «монументальной» политике, процессах нациестроительства и популярной культуре, являясь символической скрепой американской национальной идентичности и воплощая в себе декларируемые политические идеалы Америки: свободу, общественный порядок, эмансипацию и национальное единство. Также Статуя Свободы на протяжении своей долгой истории не раз становилась местом политических протестов несогласных групп. Кроме того, изменения в американской политике отражались на восприятии символического посыла Статуи внутри и вне страны, ставя под вопрос изначально заложенные в ней идеалы свободы. За 136 лет существования рассматриваемого монументального объекта интерпретации его политических и символических значений колебались от позитивных до негативных в зависимости от правительственных установок и действий правящих кругов. В данном исследовании были рассмотрены следующие символические значения Статуи Свободы, превалирующие в определенные периоды американской истории или сосуществующие вместе: символ франко-американского политического сотрудничества; памятник окончанию рабства в Америке; памятник национальному единству; символ иммиграции и экономических возможностей; символ стойкости США и американского общества перед лицом разрушений.

Однако в американском обществе менялось не только восприятие Статуи Свободы в целом, но и восприятие ее отдельных элементов: короны, факела, кандалов и др. Все эти трансформации происходили под влиянием изменений как во внутренней, так и во внешней политике США.

Концепция свободы «по-американски» крепко связана с главным американским «монументальным» символом. По этой причине любые угрозы какой-либо из американских свобод, исходящие от правительства или внешних сил, отражаются и на имидже Статуи, и на интерпретации ее символических значений. США используют символ Статуи Свободы и на «экспорт», пытаясь унифицировать свободу «по-американски» для всего мира.

Список источников

1. Гуркина Н.С. Гудон и Канова у истоков монументальной скульптуры США // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 3 (40). С. 168–172.
2. U.S. Constitution. 13th Amendment // LII. Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiii (accessed: 22.11.2022).
3. Bell J.B., Abrams R.L. In Search of Liberty: The Story of the Statue of Liberty and Ellis Island. New York : Doubleday, 1984. 127 p.
4. Hayden R.S., Despont T.W. Restoring the Statue of Liberty. New York : McGraw-Hill, 1986. 156 p.
5. Harris J. A Statue for America: The First 100 Years of the Statue of Liberty. New York : Four Winds Press, 1985. 225 p.
6. Buren A. Explanation of Crown Takes a Few Liberties // Chicago Tribune. 1986. 14 Aug. URL: https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1986-08-14-8602280882-story.html (accessed: 26.11.2022).
7. Jones R. How the Statue of Liberty Became a Symbol for a National Myth // University of Hawaii System. 2021. 29 Oct. URL: https://www.hawaii.edu/news/2021/10/29/statue-of-liberty-symbol-for-a-national-myth/ (accessed: 20.11.2022).
8. Glassberg D. Rethinking the Statue of Liberty: Old Meanings, New Contexts. // ResearchGate. 2003 URL: https://www.researchgate.net/profile/David-Glassberg (accessed: 04.12.2022).
9. Moreno B. The Statue of Liberty Encyclopedia. New York : Simon & Schuster, 2000. 249 p.
10. Pauli H., Ashton E.B. I Lift My Lamp: The Way of a Symbol. New York : Appleton-Century-Crofts, 1948. 368 p.
11. The Statue of Liberty // Statue of Liberty. URL: https://www.statueofliberty.org/statue-of-liberty/overview-history/ (accessed: 22.11.2022).
12. Boime A. The Unveiling of National Icons. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 447 p.
13. Liberty Enlightening the World // National Park Service. URL: https://www.nps.gov/stli/index.htm (accessed: 24.11.2022).
14. Overview. History. Ellis Island // Statue of Liberty. URL: https://www.statueofliberty.org/ellis-island/overview-history/ (accessed: 20.11.2022).
15. Khan Y.S. Enlightening the World: The Creation of the Statue of Liberty. New York : Cornell University Press, 2010. 240 p.

16. Karabell Z. Parting the Desert: The Creation of the Suez Canal. New York : A.A. Knopf, 2003. 310 p.
17. Золотухин М. Наша частичка в их свободе // Тагилка. 2008. 1 авг. № 18 (43). URL: http://historyntagil.ru/history/2_19_51.htm (дата обращения: 22.11.2022).
18. Get the Facts // National Park Service. URL: https://www.nps.gov/stli/planyourvisit/get-the-facts.htm (accessed: 24.11.2022).
19. Abolition // National Park Service. URL: https://www.nps.gov/stli/learn/historyculture/abolition.htm (accessed: 24.11.2022).
20. Statue Named Best U.S. Symbol in Poll // Los Angeles Times. 1986. 29 June. URL: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1986-06-29-mn-426-story.html (accessed: 27.11.2022).
21. Hagopian P. The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing. Cambridge : University of Massachusetts Press, 2009. 553 p.
22. 44-Year-Old NYC Woman Whose Statue of Liberty Protest Climb Shut Down the Island Pleads Not Guilty // NBC New York. 2018. 6 June. URL: https://www.nbcnewyork.com/news/local/statue-of-liberty-climber-ice-protests-nyc-fourth-of-july/518738/ (accessed: 27.11.2022).
23. Lott E. The Aesthetic Ante: Pleasure, Pop Culture, and the Middle Passage // Callaloo. 1994. Vol. 17 (2). P. 554–555.

References

1. Gurkina, N.S. (2019) Gudon i Kanova u istokov monumental'noy skul'ptury SShA [Houdon and Canova at the Origins of Monumental Sculpture in the USA]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3(40). pp. 168–172.
2. USA. (n.d.) *U.S. Constitution. 13th Amendment. LII. Legal Information Institute*. [Online] Available from: https://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiii (Accessed: 22nd November 2022).
3. Bell, J.B. & Abrams, R.L. (1984) *In Search of Liberty: The Story of the Statue of Liberty and Ellis Island*. New York: Doubleday.
4. Hayden, R.S. & Despont, T.W. (1986) *Restoring the Statue of Liberty*. New York: McGraw-Hill.
5. Harris, J. (1985) *A Statue for America: The First 100 Years of the Statue of Liberty*. New York: Four Winds Press.
6. Buren, A. (1986) Explanation of Crown Takes a Few Liberties. *Chicago Tribune*. 14th August. [Online] Available from: https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1986-08-14-8602280882-story.html (Accessed: 26th November 2022).
7. Jones, R. (2021) How the Statue of Liberty Became a Symbol for a National Myth. *University of Hawaii System.* 29th October. [Online] Available from: https://www.hawaii.edu/news/2021/10/29/statue-of-liberty-symbol-for-a-national-myth/ (Accessed: 20th November 2022).
8. Glassberg, D. (2003) *Rethinking the Statue of Liberty: Old Meanings, New Contexts*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/David-Glassberg (Accessed: 4th December 2022).
9. Moreno, B. (2000) *The Statue of Liberty Encyclopedia*. New York: Simon & Schuster.
10. Pauli, H. & Ashton, E.B. (1948) *I Lift My Lamp: The Way of a Symbol*. New York: Appleton-Century-Crofts.
11. USA. (n.d.) *The Statue of Liberty*. [Online] Available from: https://www.statueofliberty.org/statue-of-liberty/overview-history/ (Accessed: 22nd November 2022).
12. Boime, A. (1998) *The Unveiling of National Icons*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. US National Park Service. (n.d.) *Liberty Enlightening the World*. [Online] Available from: https://www.nps.gov/stli/index.htm (Accessed: 24th November 2022).
14. USA. (n.d.) *Overview. History. Ellis Island*. [Online] Available from: https://www.statueofliberty.org/ellis-island/overview-history/ (Accessed: 20th November 2022).
15. Khan, Y.S. (2010) *Enlightening the World: The Creation of the Statue of Liberty*. New York: Cornell University Press.
16. Karabell, Z. (2003) *Parting the Desert: The Creation of the Suez Canal*. New York: A.A. Knopf.
17. Zolotukhin, M. (2008) Nasha chastichka v ikh svobode [Our Part in Their Freedom]. *Tagilka*. 1st August. [Online] Available from: http://historyntagil.ru/history/2_19_51.htm (Accessed: 22nd November 2022).
18. US National Park Service. (n.d.) *Get the Facts*. [Online] Available from: https://www.nps.gov/stli/planyourvisit/get-the-facts.htm (Accessed: 24th November 2022).
19. US National Park Service. (n.d.) *Abolition*. [Online] Available from: https://www.nps.gov/stli/learn/historyculture/abolition.htm (Accessed: 24th November 2022).
20. *Los Angeles Times*. (1986) Statue Named Best U.S. Symbol in Poll. 29th June. [Online] Available from: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1986-06-29-mn-426-story.html (Accessed: 27th November 2022).
21. Hagopian, P. (2009) *The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*. Cambridge: University of Massachusetts Press.
22. *NBC New York*. (2018) 44-Year-Old NYC Woman Whose Statue of Liberty Protest Climb Shut Down the Island Pleads Not Guilty. 6th June. [Online] Available from: https://www.nbcnewyork.com/news/local/statue-of-liberty-climber-ice-protests-nyc-fourth-of-july/518738/ (Accessed: 27th November 2022).
23. Lott, E. (1994) The Aesthetic Ante: Pleasure, Pop Culture, and the Middle Passage. *Callaloo*. 17(2). pp. 554–555.

Сведения об авторе:
Дергачева Влада Евгеньевна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: derga4eva.vlada@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dergacheva Vlada E. – Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: derga4eva.vlada@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 24.01.2023; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94:323(620)”1991/2014”
doi: 10.17223/19988613/89/13

Вопрос трансформации модернизационного процесса Египта в 1991–2014 годах

Павел Алексеевич Домбровский

Томский государственный университет, Томск, Россия, pavel_dombr97@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование фокусируется на проблематике возможности перехода процесса модернизации Египта к национальному типу на основе последствий модернизационного срыва. Фундамент работы базируется на положениях мир-системного анализа, теории модернизации, концепции «ориентализма» и сущностных рамках феномена контркультуры. Формирование контркультуры, проблемы двойственностей национального самоопределения и политических изменений определяются как факторы, потенциально способствующие переходу египетского общества к национальному типу модернизации.
Ключевые слова: Египет, модернизация, модернизационный срыв, «арабская весна», Хосни Мубарак

Для цитирования: Домбровский П.А. Вопрос трансформации модернизационного процесса Египта в 1991–2014 годах // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 108–115. doi: 10.17223/19988613/89/13

Original article

The process of modernization in Egypt during 1991–2014 years: to the question of its transformation

Pavel A. Dombrovskiy

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, pavel_dombr97@mail.ru

Abstract. The 1990s is the neoliberal period of the H. Mubarak’s presidential term in Egypt. It was the time of the economic miracle, when the GDP growth, decrease of the inflation rate, commercial relations development and the rise of tourism could be seen.

However, this trend came to an end in the early 2000s. The 11th of September 2001 was a bifurcation point. After that day members of NATO began the anti-terrorist campaign. This was accompanied by military invasions in several Middle Eastern states and the attempts by the US to influence their governments to accelerate the democratization process. The result of such events is the deterioration of relations between Arab peoples and the West. Because of that Egypt came to the period of self- preservation, which is connected with the growth of social, economic and political problems leading to the disruption of its modernization.

Another reason of such deceleration is named as conceptual crisis of the west-focused modernization type, which remained in the development basis of Arab Republic of Egypt (ARE) during 1991-2000 years. It’s impossible to readopt a model of the western democracies’ life in the Egyptian society because of the resistance of its historical and sociocultural foundation. At the same time the disruption of modernization, mentioned earlier, was making major changes in Egypt.

In this regard, the current article focuses on the question of the possibility of changing modernization - from its western type to national type, which means that local cultural aspects and their synthesis with the world’s modern technologies have remained the basis of development. Methodology of the study is based on the modernization theory (from S.N. Eisenstadt and A. Tourain’s works), world-system analysis (by I. Wallerstein), E. Said’s conception of “Orientalism” and counterculture characteristics from T. Roszak’s vision. Sources for current research are from periodical press, statistical data (Egyptian and international) and also from documents of African Commission on Human and Peoples’ Rights which belong to the period of 1991-2014s. Historical-genetic methods, historical comparative analysis, and systems analysis are among the tools used to study them.
Keywords: Egypt, modernization, disruption of modernization, Arab Spring, Hosni Mubarak

For citation: Dombrovskiy, P.A. (2024) The process of modernization in Egypt during 1991-2014 years: to the question of its transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 108–115. doi: 10.17223/19988613/89/13

© П.А. Домбровский, 2024

Введение

Практически в каждой эпохе Египет рассматривался западными цивилизациями через призму его «культурного укрощения» в виде замены местных норм и традиций своими [1. P. 73–92]. Особенно это проявилось в колониальное время, когда такие попытки трансформации становятся основой для дальнейших процессов модернизации [2]. Однако все они сталкивались со срывами классического варианта модернизации.

В свою очередь, история уже постколониального Египта демонстрирует его как активного геополитического игрока в ближневосточном регионе, быстро набирающего очки влияния не только здесь, но и во всем мусульманском мире. Такая ситуация, как видится, стала следствием и активизировавшегося модернизационного процесса, который приобрел более независимую, исходящую теперь от самого государства (а не от метрополии), сущность.

Каждый новый президентский срок в Египте становился очередным витком модернизации, которая, как минимум на основании влияния колониального европейского наследия, шла по западно-ориентированному типу. Это должно было привести к построению системы на основе демократических и рыночных принципов для уменьшения отставания от развитых держав. В целом это касается и иных стран Африки ввиду одинакового нахождения их в состоянии поиска новых моделей своей жизнедеятельности после деколонизации [3].

Однако при наличии слабых государственных и общественных институтов, а также системных взаимосвязей между ними, неизбежно происходит формирование авторитарных моделей устройства государства, что не стало исключением и для Египта. При этом западными теоретиками допускается приход к построению общества западного типа через авторитарные механизмы. У них есть необходимые рычаги влияния на целостную систему страны для кардинальных преобразований ее элементов через императивную позицию правящих акторов [4]. При этом и в Египте для каждого президента характерен приход к авторитаризму, отчего нельзя говорить о полном завершении модернизации по западному образцу. Иными словами, происходил ее срыв [5].

Хронологический период 1991–2014-х гг. рассматривается в настоящем исследовании как очередной виток западно-ориентированной модернизации, закончившийся отклонением от западной модели. При этом на протяжении указанных 23 лет он не проходил бесследно для общества, порождая в нем элементы, необходимые для системных изменений, а также социально-политическую рефлексию о собственном пути развития. Ввиду этого в настоящем исследовании ставится ***вопрос о возможности перехода модернизации на основе таких факторов изменений из западно-ориентированного типа в национальный***, предусматривающий технологическое и социально-экономическое развитие египетского социума в сочетании с местными традиционными особенностями устройства жизни.

Объектом исследования выступает процесс модернизации Египта в обозначенных хронологических рамках. В свою очередь, предмет исследования – факторы, способствующие переходу страны на национальный тип модернизации.

В теоретико-методологическом ключе для изучения данной проблематики происходит обращение к основам концепции «ориентализма» Э. Саида [1], современной теории модернизации, представленной в работах А. Турена [6] и Ш. Эйзенштадта [5, 7], мир-системного анализа, опирающегося на труды И. Валлерстайна в целом [8, 9] и А.И. Неклессы по отношению к Африке [10], а также к понятийно-терминологическим рамкам феномена контркультуры как необходимого элемента модернизационного процесса, отраженным в фундаментальной работе Т. Рошака [11]. Предполагается посмотреть на египетское общество (и на его развитие в указанный хронологический период) как на систему и через призму череды потрясений, с которыми оно столкнулось. Этим обосновывается выбор в качестве основных «инструментов» системного, историко-генетического и историко-сравнительного методов.

Нижней хронологической границей служит 1991 год – точка бифуркации, когда после распада социалистической системы и, по сути, биполярных международных отношений Египет столкнулся с необходимостью поиска новых путей собственной модернизации для потенциального включения в состав развитых держав. Верхняя граница, 2014 г., связана с завершением событий «арабской весны» в виде победы контрреволюционных сил и избранием в качестве президента Абдул-Фаттах Халила Ас-Сиси.

Десятилетие роста 1990-х гг. и черты потенциала

В течение всей второй половины XX столетия египетские президенты «маневрировали» в своих внешнеполитических интересах между условными капиталистическим и социалистическим блоками. Так, Гамаль Абдель Насер (1956–1970) проводил более просоветскую политику. Анвар Садат (1970–1981), напротив, стремился искать геополитических партнеров среди держав Запада, сблизившись с США и начав процесс либерализации экономики, а также расширив торговые отношения и открыв государство для западных технологий с целью модернизации [12. P. 8–11]. Однако это стало одним из факторов, приведших к покушению на него фундаменталистов [13. С. 106–136]. Принявший после него бразды правления Хосни Мубарак (1981–2011) вновь стал сближаться с СССР, одновременно стараясь продолжать поддерживать начатую его предшественником «политику открытых дверей» в сфере торговли. При этом можно указать на его ориентацию, скорее, на принципы руководства Насера, но без возвращения к социалистическим аспектам устройства экономики [12. P. 8–11].

Первое десятилетие президентского срока Х. Мубарака можно охарактеризовать относительной стабильностью в развитии египетского общества, несмотря на резкий экономический спад в начале этого периода и высокий уровень инфляции все его время. Запущенные А. Садатом экономические механизмы, указанные ранее, продолжали поддерживаться правительством,

что в целом способствовало росту макроэкономических показателей страны, о чем свидетельствуют и данные Международного валютного фонда [14]. Однако при этом нельзя сказать, что в данном контексте проводились системные реформы для модернизации экономической и, что самое главное, политической сфер жизни общества [12. P. 5–19].

Как ранее уже упоминалось, несмотря на данные контексты, Египет приходит к последнему десятилетию XX в. как сильная региональная держава. Страна играет важную геополитическую роль в ближневосточном регионе, что обеспечивают ей, прежде всего, географическое место и активная внешняя политика. Большое значение для государства имеет контроль над Суэцким каналом, являющимся одним из наиболее значительных источников пополнения бюджета за счет торговли [12].

Кроме того, наличие весомого количества природных ресурсов позволяет Египту сделать упор на их экспорт в своей экономике. В особенности это касается нефти и нефтепродуктов, а также некоторых сельскохозяйственных культур. Можно обозначить, что такие аспекты торгового потенциала страны сформировались на основе «политики открытых дверей», начатой А. Садатом и поддерживаемой Х. Мубараком, особенно на протяжении 1990-х гг. [12, 15].

Еще одним крайне важным элементом экономического развития Египта является туризм. Он выступает одним из наиболее значительных источников пополнения государственного бюджета, что оказывает весомое влияние на показатели ВВП. Особенно актуально это стало в 1990-х гг., когда окончательно завершилась холодная война и распалась биполярная система международных отношений: для египетского туристического сектора открылся постсоветский рынок.

В комплексе аспектов, способствовавших на начало последнего десятилетия XX в. формированию потенциала египетского развития, нельзя не отметить и достаточно большое количество населения. По данным Всемирного банка, к 1991 г. его суммарные показатели достигали практически 57,5 млн человек. Наибольшая его часть относилась к работоспособному возрасту (с 83 до 70% на протяжении данного десятилетия), а также к сельскому населению. Однако нельзя сказать, что между ним и городской частью наблюдалась критическая разница [16]. При этом значительное количество населения было в достаточной мере образованным и задействованным во внутренних торговых отношениях страны. Особенно это касалось молодежи, которой с каждым годом становится все больше [16].

Однако само начало обозначенного десятилетия не стало для Египта экономически успешным. Изменения в системе международных отношений, а также война в Персидском заливе (1990–1991) негативным образом сказались на экономической сфере страны [12. P. 4]: наблюдалось резкое падение уровня ВВП вкупе с повышением показателей инфляции. Но продлилось это недолго, до 1992 г. На протяжении всего дальнейшего периода 1990-х гг. происходило постепенное восстановление экономики, в том числе с увеличением показателя роста ВВП [17]. С 1997 г. его значение вовсе превосходит уровень инфляции, что продолжается примерно до 2002 г. [14].

Основой для такого кратковременного «экономического чуда» являются аспекты уже обозначенного выше контекста. Фундамент, как видится, был заложен непосредственно упомянутой «политикой открытых дверей», что выражалось в широких экспорте и импорте (это касается и товаров, и услуг вместе взятых), развитии промышленности, широкой включенности местного населения в экономическую активность и усилении роли туристического сектора в 1990-х гг. [12], что также связывается с неолиберальным периодом президентского срока Х. Мубарака [15].

Обозначенные аспекты становятся основой для развития египетского общества в течение последнего десятилетия XX в. В свою очередь, после распада СССР и всего социалистического блока в мире актуализируется дискурс о путях модернизационного процесса. Руководство Египта оказывается перед необходимостью поиска новых внешнеполитических партнеров, начиная переориентацию в сторону сотрудничества с Западом, чему также способствует указанный выше контекст «политики открытых дверей», начатой А. Садатом.

В связи с данным аспектами в 1990-х гг. формируется потенциал для новой египетской модернизации. Рассматривая Египет как систему, можно обозначить следующее. В качестве его внутренней среды, влияющей на необходимость и возможность модернизационного процесса, выступают непосредственно представленные экономические элементы, способствующие формированию его материального базиса, а также активное участие страны во внешнеполитических делах в африканском регионе (например, участие в войне в Персидском заливе на стороне международной коалиции [3. С. 563–585], а также включение Египта в работу сессий Африканской комиссии по правам человека и народов [18, 19]). Внешняя среда связана с необходимостью встать на модернизационный путь ввиду глобальных и системных изменений в господствующей мир-системе после завершения холодной войны и, как уже упоминалось, возможностью ослабления отставания от развитого центра [8].

При этом важно отметить, что развитым центром мира становятся именно западные страны, возглавляемые США, как победители в холодной войне, что в целом принимается и рядом развивающихся арабских государств, в числе которых и Египет в 1990-е гг. [3. С. 563–585]. Ввиду такой переориентации на лидера однополярной системы международных отношений сам египетский модернизационный процесс, способный начаться на фундаменте развития за представленное десятилетие, видится именно *западно-ориентированного типа*. В таком русле под модернизацией понимается не только совершенствование технологий и рыночных механизмов (даже при том, что, исходя из сказанного в первом разделе исследования, влияние научно-технического прогресса на мировую экономику все больше обеспечивает переход мир-системы в постиндустриальное русло), но и, прежде всего, развитие гражданских прав и свобод, электоральных аспектов,

независимости судопроизводства, формирование системы сдержек и противовесов, борьба с коррупцией – иными словами, кардинальная трансформация политической системы с уклоном к демократическим институтам [4].

Таким образом, стоит подвести некоторую итоговую черту. Основа модернизационного процесса Египта рассматривается именно как реформирование (модернизация) его политической сферы. В том числе – для выхода из постоянного цикла прихода к авторитарному режиму [4, 6]. Также предполагается, что сама такая трансформация способна не только обеспечить поддержание социально-экономических достижений египетского общества за 1990-е гг., но выстроить соответствующий алгоритм управления страной, обеспечивающий их приумножение в будущем непосредственно за счет формирования вышеуказанных политических аспектов.

Такой тезис усиливается и с иной стороны. В течение последнего десятилетия XX в. наблюдается, напротив, обострение проблем режима ввиду отсутствия реформ и развития коррупционных составляющих, что не влечет за собой совершенствования экономической и социальной систем [12].

Период срыва 2000–2014-х гг.

К началу XXI в. наблюдается усиление прозападных позиций Х. Мубарака. Этому способствовало продолжение американской политики демократизации и антиисламизации ближневосточного региона в период и после холодной войны [20, 21]. В свою очередь, такой аспект влияния (включая и финансирование) со стороны Запада на правящую верхушку Египта также рассматривается как один из компонентов, способных привести к постепенной демократизации местного социума и, соответственно, к его западно-ориентированной модернизации.

Однако переход в новое столетие не был ознаменован воцарением западного варианта модернизационного процесса в Египте. Напротив, можно наблюдать, что страна вновь столкнулась с постепенным экономическим спадом. Но на этот раз он стал более затяжным, как показывают данные Всемирного банка [17] и Международного валютного фонда [14]. Примерно в 2001–2002 гг. происходит серьезное падение показателя роста ВВП и в конечном итоге все больше начинает возрастать уровень инфляции в стране.

В экономическом анализе египетского общества этих лет данную проблематику связывают в некоторой степени с Мальтузианской ловушкой [12. P. 5–8]. Кроме того, важное место среди причин такого спада занимает и ловушка среднего дохода, при которой к новому столетию Египет достигает пика роста своей экономики и «застревает» на нем без системных реформ [12. P. 5–34]. Также серьезным ударом для экономического благосостояния страны в 1997–1999 гг. становятся террористические акты, из-за чего наблюдается туристический спад, и уменьшение стоимости нефти [12. P. 26–27].

Для поддержания социально-экономического развития Египта в течение первого десятилетия XXI в. требовалось системное реформирование его политической сферы. Однако еще с конца 1990-х гг. стали наблюдаться постепенные усиления коррупционной составляющей, наступления на оппозицию и демократические свободы граждан [21, 22].

Однако именно 2001 год, как видится, стал важнейшей точкой бифуркации – как для мусульманского социума, так и для западного. Следствием антитеррористической кампании, начатой странами НАТО (в частности, США) в ближневосточном регионе, стало сильное похолодание в арабо-американских отношениях [21]. Это также было связано и с параллельным использованием США данной ситуации для влияния на политические режимы арабского мира с целью их демократизации (как один из механизмов нивелирования исламизма) [3. С. 681–697].

Такие процессы коснулись и Египта, руководство которого также присоединилось к условной антизападной риторике. Можно сказать, что в данных обстоятельствах происходит окончательное сворачивание траектории (и даже возможности) на демократизацию египетского общества [21, 23]. В течение первого десятилетия XX в. наблюдается его резкая консервация, что влечет за собой следующие последствия:

– усиление и масштабирование административно-бюрократического аппарата [24];

– усиление коррупционных и клановых составляющих [20, 21];

– усиление влияния высших армейских эшелонов на принятие политических решений в Египте [20];

– увеличение торгового дисбаланса, о чем свидетельствуют и официальные статистические данные [25];

– рост безработицы (особенно среди образованной молодежи) и бедности в стране [15, 17, 22];

– вновь происходит популяризация идей фундаментализма среди общественных масс под эгидой «собственного пути развития» вместо западно-ориентированного [26];

– попытки ограничить импорт западных технологий, а также доступ к европейским и американским интернет-ресурсам [27].

В совокупности все это приводит Египет к очередному авторитарному витку в его новейшей истории, а также влечет репрессии по отношению к политической оппозиции [23]. Как результат, на протяжении 2001–2010 гг. происходит резкое снижение популярности личности президента, растут недовольство и политизация местного населения.

При этом важно обозначить, что фундаменталистские движения в данный период тоже становятся частью оппозиционных масс. Это является следствием двух факторов: сохранения в их среде недовольства изначальным прозападным курсом Х. Мубарака [13. С. 106–136], что в целом временно нивелируется после усиления антизападной риторики президента, а также, как обозначается в историографии, ставки самих США на исламскую оппозицию в арабских странах, отвернувшихся от внешнеполитического партнерства с ними после 2001 г. [26].

В течение обозначенного хронологического периода Х. Мубарак также оказал поддержку и высшим эшело-

нам вооруженных сил, которые на протяжении практически всей истории современного Египта являлись важнейшей опоротой политического режима. В свою очередь, данная сторона выступает как «антагонист» по отношению к фундаменталистам, что усиливается к 2010-м гг. И при этом для нее важна поддержка народа по отношению к персоне президента, за счет чего обеспечиваются статус-кво в политической сфере и отсутствие революционных тенденций, способных при негативном стечении событий привести к свержению военного руководства [3. С. 620–724].

Апогеем происходивших процессов становится революция «арабской весны» – свержение Х. Мубарака в начале 2011 г. с последующими его арестом и судом. Большое значение имела именно армия, высшие эшелоны которой поспособствовали уходу президента. Однако на его место приходит Мухаммед Мурси, представитель «Братьев-мусульман» (запрещенная в РФ организация). Ключевая причина возвышения фундаменталистов в политической системе видится именно в слабости как сторонников статус-кво, так и оппозиционных сил, выступавших за либеральные преобразования. Основная масса населения делает свой электоральный выбор в пользу исламистов, так как в период нестабильности и продолжающегося поиска собственной национальной идентичности в XXI столетии [28] именно их идеи о возврате к основам ислама выглядели понятными и желанными ввиду очередного краха западно-ориентированного пути [29. С. 32–84].

Однако после избрания на должность президента М. Мурси авторитаризм усугубился резко начавшейся исламизацией общества со стороны правящей верхушки, что вызвало очередную волну протестов [30], закончившихся летом 2013 г. военным переворотом. Через год новым президентом становится Абдул-Фаттах Ас-Сиси, бывший до этого министром обороны Египта. Таким образом, можно сказать, что «арабская весна» потерпела поражение именно в Египте, исходя из того, что к власти вернулись лица из среды Х. Мубарака, а также из возрастания роли генералитета в поддержании статус-кво в египетской административной системе [31].

Заключение: изменение общества и факторы смены модернизационного типа

Представленный выше обзор событий 2000-х – 2014 г. демонстрирует, какие потрясения привели Египет к модернизационному срыву – как внешнего, так и внутреннего характера. Сам же срыв подтверждают не только аспекты ухода с траектории демократизации страны после 2001 г., но и две революции, произошедшие в течение 2011–2013 гг.

Однако на основании изучения результатов срыва и предопределивших его причин на протяжении 23 лет можно выделить два глобальных тезиса, обобщающих вывод настоящего исследования. ***Во-первых***, западно-ориентированный тип модернизации в Египте оказывается в положении кризиса на концептуальном уровне – требуется выработка новых подходов для ее свершения. ***Во-вторых***, обозначенная ранее череда потрясений вовсе не оставляет египетский социум без изменений. Второй тезис, несмотря на свою простоту, является ключевым и основообразующим для понимания первого. Он напрямую связан с конкретными факторами, которые можно выделить как способствующие смене типа западной модернизации в Египте на национальную (с опорой на положения, выдвигаемые А. Туреном [6] и Ш. Эйзенштадтом [7] относительно такой трансформации). Среди них можно выделить следующие аспекты, исходящие из представленного срыва.

В течение рассматриваемого хронологического периода в египетском обществе формируется определенная двойственность, как минимум связанная с постоянными переориентациями с СССР на США, с США на внутренний фундаментализм и отчасти национализм. *С одной стороны*, в Египте крепкие позиции сохраняет ориентация непосредственно на внутренние культурные и социальные особенности, которые в своей совокупности предусматривают, скорее, антизападные настроения. Это также исходит не только от событий антитеррористической кампании НАТО, но и от исторических предпосылок, касающихся времен колониализма [3]. *С другой стороны*, отмечается и стремление быть открытыми для западных научно-технических инноваций, обеспечивающих связку местного общества с развитым центром мир-системы и способствующих аккумулированию стремлений (особенно среди молодежи) налаживать контакты с западными странами с целью формирования фундамента для местной технической модернизации [28].

Фокусировка внимания на свержении конкретных политических лидеров – Х. Мубарака (2011) и М. Мурси (2013) – среди оппозиционных сил в конечном итоге не способствовала смене самой системы. События «арабской весны» продемонстрировали, что даже для республики президентского типа, коей является Египет, фигура президента не является основным рычагом для провоцирования кардинальных изменений. Ключевым механизмом поддержания авторитарного режима выступил именно генералитет, действия которого и привели в итоге к контрреволюции и возвращению к власти, по сути, изначальных приверженцев Х. Мубарака (до революции), только теперь в лице Абдул-Фаттаха Ас-Сиси.

При этом по итогам событий «арабской весны» огромный урон понесли фундаменталисты. Именно они представляли силу, которая еще с XX в. оказывала значительное влияние на устройство политической системы страны и выступала одним из ключевых элементов, в ответ на действия которых власть трансформировалась в авторитарную форму [4, 13]. Начатая Абдул-Фаттахом Ас-Сиси и военным руководством интенсивная борьба с фундаментализмом на территории Египта, хоть и носила крайне жесткий характер [32], но сильно ослабило исламистов, вынудив их бежать в соседние страны или уйти в подполье. Однако даже за счет такой репрессивной кампании власть нового президента, напротив, увеличилась вместе с его популярностью в обществе, что сложно рассматривать как базу для потенциальной демократизации [4, 5].

Формирование контркультуры видится наиболее значимым для всего рассматриваемого процесса в настоящем исследовании. Обращаясь к фундаментальным положениям по данному феномену Т. Рошака [11], а также к более поздним отечественным исследованиям [33, 34], можно указать, что наличие контркультуры в обществе предполагает слом принятой и, возможно, даже неактуальной для современных реалий функционирования мира социально-культурной парадигмы. Происходит это за счет масштабного протеста в совершенно разных областях общества, что способно не только менять его нормы и уклады, но и – на основании этого – трансформировать политическое самосознание поколения, что затем выливается в требования закрепить эту трансформацию уже в реальной политической сфере.

В свою очередь, в Египте также можно наблюдать за формированием контркультуры среди населения. Данный феномен понимается глубже и шире, так как затрагивает и форматы мышления, и самопрезентации целых социальных групп, и полное неприятие существующих культурных рамок в их изначальном виде [13]. Для египтян XXI в. (а также в целом для всех народов – участников «арабской весны»), равно как и для западной контркультуры 1960–1970-х гг., характерно ее проявление прежде всего в творчестве: музыке [35], изобразительном искусстве [36], литературе [37] и др.

При этом контркультура формируется на фоне сильной политизации общества, нерешенности множества социально-экономических вопросов в первое десятилетие XXI в. и проблемы национального самоопределения. Исходя из положений А. Турена [7], непосредственно такая ситуация становится фундаментом для революции в обществе, способствующей определению траектории процесса модернизации, предполагающего не ориентацию исключительно на опыт других держав, а вкупе с ним опору на национальные силы и ресурсы.

Итак, процесс вестернизации Египта сталкивается со срывом в течение 2001–2014 гг. Однако это не означает прекращения процесса модернизации. Египетскому обществу не удалось произвести его по западно-ориентированному типу ввиду отсутствия реформ в политической системе. При этом данный процесс сохраняет в обществе ряд факторов, которые в своей совокупности, как видится, способны привести страну к смене западного модернизационного типа на национальный, предусматривающий опору не только на внешние инновации, нормы и методы, но и на местные традиционные культурные элементы для политического и экономического развития.

Список источников

1. Said E.W. Orientalism. New-York : Vintage Books, A Division of Random House, 1979. 378 p.
2. Никитин М.Д. «Ориентализм» Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы // Новая и новейшая история. 2003. Вып. 21. С. 32–42.
3. Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2022. 769 с.
4. Авторитаризм и модернизация в странах Азии и Африки : реф. сб. / отв. ред. С.И. Кузнецова. М. : ИНИОН РАН, 1994. 123 с.
5. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации / пер. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html (дата обращения: 01.03.2022).
6. Touraine A. The Idea of Revolution // Theory, Culture & Society. 1990. Vol. 7 (2). P. 121–141.
7. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129 (1). P. 1–29.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
9. Wallerstein I. World-System Analysis. An Introduction. Durham : Duke University Press, 2004. 128 p.
10. Неклесса А.И. Перспективы глобального развития и место Африки в новом мире. М. : Ин-т Африки РАН, 1995. 47 с.
11. Рошак Т. Истоки контркультуры / пер. с англ. О.А. Мышаковой. М. : АСТ, 2014. 384 с.
12. Belbawi Hazem El. Economic Growth in Egypt: Impediments and Constraints (1974–2004). Washington : The World Bank, 2008. 52 p.
13. Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М. : URSS, 2013. 214 с.
14. Arab Republic of Egypt: Country Data // International Monetary Fund. [S. l.], 2022. URL: https://www.imf.org/en/Countries/EGY (accessed: 03.15.2022).
15. Amin G. Egypt in the Era of Hosni Mubarak 1981–2011. Cairo : American University in Cairo Press, 2011. 173 p.
16. Data Bank: Population estimates and projections // The World Bank. [S. l], 2022. URL: https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections/Type/TABLE/preview/on# (accessed: 03.15.2022).
17. Data Bank: World Development Indicators // The World Bank. [S. l.], 2022. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=EGY# (accessed: 03.15.2022).
18. Final Communique of the 11th Ordinary Session of the African Commission on Human and Peoples' Rights (2–9 March 1992) // ACHPR. [Tunis], 1992. URL: https://www.achpr.org/sessions/info?id=20 (accessed: 03.17.2022).
19. Arab Republic of Egypt: 1st Periodic Report, 1986-1992 // Archive Password Recovery (ACHPR). [Tunis], 1992. URL: https://www.achpr.org/states/statereport?id=3 (accessed: 03.17.2022).
20. Пирогов А.И., Бирюков Д.А. Особенности функционирования политических режимов в арабском мире // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 123–131.
21. Курбанов М.А. Арабская весна: возращение к истокам? // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ). 2013. № 4. С. 300–309.
22. Кива А.В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.
23. Ghabra S. The Egyptian Revolution: Causes and Dynamics // Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization / ed. L. Sadiki. New-York : Routledge, 2015. P. 199–214.
24. Халед Р.К.Б. Проблема реформирования административного аппарата в Египте // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 32–36.
25. Trade balance for A.R.E. in million $ // Central Agency for Public Mobilization And Statistics. [S. l.], 2022. URL: https://www.capmas.gov.eg/Pages/IndicatorsPage.aspx?page_id=6128&ind_id=2129 (accessed: 03.18.2022).
26. Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Ближний Восток в фокусе политической аналитики : сб. науч. тр. к 15-летию Центра ближневосточных исследований. М. : МГИМО-Университет, 2019. С. 82–100.
27. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет и «арабская весна» // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 85–95.

28. Кодис О.С. Кризис идентичности в зеркале «арабской весны» // Труд и социальные отношения. 2013. № 5. С. 110–121.
29. Сапронова М.А. Электоральный процесс после «арабской весны»: модификация государственных институтов в арабских странах на примере Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Сирии. М. : ИБВ, 2015. 195 с.
30. Hosni Mubarak celebrates his acquittal while others face repression in Egypt // The Washington. Post. Washington DC, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/hosni-mubarak-celebrates-his-acquittal-while-others-face-repression-in-egypt/2014/12/05/164bd02c-7a5f-11e4-9a27-6fdbc612bff8_story.html (accessed: 02.02.2022).
31. The Arab spring: made in Tunisia, broken in Egypt // The Guardian. London, 2014. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/16/leader-2-arab-spring-tunisia-egypt (accessed: 02.02.2022).
32. Egypt's Rabaa massacre: one year on // The Guardian. London, 2014. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/aug/16/rabaa-massacre-egypt-human-rights-watch (accessed: 02.02.2022).
33. Чепланова Д.Д. Теория социальных протестов: эффекты модернизации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2011. № 4. С. 271–277.
34. Бондаренко А.И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ : дис. … канд. филос. наук. Уфа, 2011. 159 с.
35. LeVine M. The Revolution Never Ends: Music, Protest and Rebirth in the Arab World // Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization / ed. L. Sadiki. New-York : Routledge, 2015. P. 354–365.
36. Schriwer C. Graffiti Arts and the Arab Spring // Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization / ed. L. Sadiki. New-York : Routledge, 2015. P. 376–391.
37. Alshaer A. Poetry and the Arab Spring: A Historical Perspective // Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization / ed. L. Sadiki. New-York : Routledge, 2015. P. 392–407.

References

1. Said, E.W. (1979) *Orientalism.* New York: Vintage Books.
2. Nikitin, M.D. (2003) E. Said's "Orientalism", the colonial discourse theory and the interaction between East and West: To the formation of new vision for that problem. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 21. pp. 32–42. (In Russian).
3. Rogan, E. (2019) *Araby. Istoriya. XVI–XXI vv*. [Arabs. History. 16th–21st centuries]. Translated from English by V.A. Krasilshchikov. Moscow: Al'pina non-fikshn.
4. Kuznetsova, S.I. (1994) *Avtoritarizm i modernizatsia v stranakh Azii i Afriki* [Authoritarianism and Modernization in Asian and African Countries]. Moscow: INION RAS.
5. Eisenstadt, S. (2010) Sryvy modernizatsii [Modernization Disruptions]. Translated from English by A. Zakharov. *Neprikosnovennyy zapas*. 6. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html (Accessed: 1st March 2022).
6. Touraine, A. (1990) The Idea of Revolution. *Theory, Culture & Society.* 7(2). pp. 121–141.
7. Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. 129(1). pp. 1–29.
8. Wallerstien, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [World System Analysis and the Situation in the Modern World]. Translated from English by P.M. Kudukin. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
9. Wallerstein, I. (2004) *World-System Analysis. An Introduction*. Durham: Duke University Press.
10. Neklessa, A.I. (1995) *Perspektivy global'nogo razvitiya i mesto Afriki v novom mire* [Prospects for Global Development and Africa's Place in the New World]. Moscow: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences.
11. Roszak, T. (2014) *The Making of a Counter Culture*. Translated from English by O.A. Myshakova. Moscow: AST.
12. Belbawi Hazem, El. (2008) *Economic Growth in Egypt: Impediments and Constraints (1974–2004)*. Washington: The World Bank.
13. Karpachova, O.V. (2013) *Istoriya islamskoy oppozitsii v Egipte* [The History of Islamic Opposition in Egypt]. Moscow: URSS.
14. International Monetary Fund. (2022) *Arab Republic of Egypt: Country Data.* [Online] Available from: https://www.imf.org/en/Countries/EGY (Accessed: 15th March 2022).
15. Amin, G. (2011) *Egypt in the Era of Hosni Mubarak 1981–2011*. Cairo: American University in Cairo Press.
16. The World Bank. (2022a) *Data Bank: Population estimates and projections.* [Online] Available from: https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections/Type/TABLE/preview/on# (Accessed: 15th March 2022).
17. The World Bank. (2022b) *Data Bank: World Development Indicators.* [Online] Available from: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=EGY# (Accessed: 15th March 2022).
18. African Commission on Human and Peoples' Rights. (1992) *Final Communique of the 11th Ordinary Session of the African Commission on Human and Peoples' Rights.* [Online] Available from: https://www.achpr.org/sessions/info?id=20 (Accessed: 17th March 2022).
19. African Commission on Human and Peoples' Rights. (1992) *Arab Republic of Egypt: 1st Periodic Report, 1986–1992.* [Online] Available from: https://www.achpr.org/states/statereport?id=3 (Accessed: 17th March 2022).
20. Pirogov, A.I. & Biryukov, D.A. (2015) Osobennosti funktsionirovaniya politicheskikh rezhimov v arabskom mire [Functioning of political regimes in the Arab world]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 3(7). pp. 123–131.
21. Kurbanov, M.A. (2013) Arabskaya vesna: vozrashchenie k istokam? [The Arab Spring: a return to origins?]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya (NGUEU)*. 4. pp. 300–309.
22. Kiva, A.V. (2012) "Arabskaya vesna": prichiny i veroyatnye posledstviya [The Arab Spring: Causes and probable consequences]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 121–130.
23. Ghabra, S. (2015) The Egyptian Revolution: Causes and Dynamics. In: Sadiki, L. (ed.) *Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization*. New York: Routledge. pp. 199–2014.
24. Khaled, R.K.B. (2020) Problema reformirovaniya administrativnogo apparata v Egipte [The problem of reforming of the administrative facilities]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 9. 1(30). pp. 32–36.
25. The Central Agency for Public Mobilization and Statistics. (2022) *Trade balance for A.R.E. in million $.* [Online] Available from: https://www.capmas.gov.eg/Pages/IndicatorsPage.aspx?page_id=6128&ind_id=2129 (Accessed: 18th March 2022).
26. Krylov, A.V. (2019) Rol' religioznogo faktora v "arabskoy vesne" [The religious factor in the "Arab Spring"]. In: Fedorchenko, A.V. & Krylova, A.V. (eds) *Blizhniy Vostok v fokuse politicheskoy analitiki* [The Middle East in the Focus of Political Analytics]. Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 82–100.
27. Zheltov, V.V. & Zheltov, M.V. (2012) Internet i "arabskaya vesna" [Internet and the Arab Spring]. *Sotsiogumanitarnyy vestnik*. 2. pp. 85–95.
28. Kodis, O.S. (2013) Krisis identichnosti v zerkale "arabskoy vesny" [The identity crisis during the Arab Spring]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 5. pp. 110–121.
29. Sapronova, M.A. (2015) *Elektoral'nyy protsess posle "arabskoy vesny": modifikatsiya gosudarstvennykh institutov v arabskikh stranakh na primere Alzhira, Egipta, Livii, Marokko, Sirii* [The electoral process after Arab Spring: The modification of state institutes in Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Syria, and Tunisia]. Moscow: IBV.
30. *The Washington Post*. (2014) Hosni Mubarak celebrates his acquittal while others face repression in Egypt. 12th May. [Online] Available from: https://www.washingtonpost.com/opinions/hosni-mubarak-celebrates-his-acquittal-while-others-face-repression-in-egypt/2014/12/05/164bd02c-7a5f-11e4-9a27-6fdbc612bff8_story.html (Accessed: 2nd February 2022).

31. *The Guardian*. (2014) The Arab spring: made in Tunisia, broken in Egypt. 16th January. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/16/leader-2-arab-spring-tunisia-egypt (Accessed: 2nd February 2022).
32. *The Guardian*. (2014) Egypt's Rabaa massacre: one year on. 16th August. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2014/aug/16/rabaa-massacre-egypt-human-rights-watch (Accessed: 2nd February 2022).
33. Cheplanova, D.D. (2011) Teoriya sotsial'nykh protestov: effekty modernizatsii [The social protests theory: Effects of modernization]. *Vestnik URGTU*. 4. pp. 271–277.
34. Bondarenko, A.I. (2011) *Kontrkul'tura v sotsial'nom razvitii: filosofskiy analiz* [The counter culture in the social development: A philosophical analysis]. Philosophy Cand. Diss. Ufa.
35. LeVine, M. (2015) The Revolution Never Ends: Music, Protest and Rebirth in the Arab World. In: Sadiki, L. (ed.) *Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization*. New York: Routledge. pp. 354–365.
36. Schriwer, C. (2015) Graffiti Arts and the Arab Spring. In: Sadiki, L. (ed.) *Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization*. New York: Routledge. pp. 376–391.
37. Alshaer, A. (2015) Poetry and the Arab Spring: A Historical Perspective. In: Sadiki, L. (ed.) *Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization*. New York: Routledge. pp. 392–407.

***Сведения об авторе*:**
Домбровский Павел Алексеевич – аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pavel_dombr97@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dombrovsky Pavel A. – Postgraduate Student of the Department of Oriental Studies at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavel_dombr97@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 01.06.2022; accepted for publication 15.05.2024

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; принята к публикации 15.05.2024

Научная статья
УДК 94+327
doi: 10.17223/19988613/89/14

Влияние израильского лобби в американском Конгрессе на политику США и ввод Многонациональных сил в Ливан в августе 1982 г.

Семен Константинович Ильин

Томский государственный университет, Томск, Россия
Кемеровский государственный медицинский университет Минздрава России, Кемерово, Россия, sem-ilin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность израильского лобби в американском Конгрессе по вопросу поддержки Израиля в период операции «Мир Галилее» до ввода Многонациональных сил в Ливан. Проанализированы обсуждения данной проблемы в ходе заседаний Конгресса, материалы СМИ, данные статистики. Сделан вывод, что израильское лобби использовало различные аргументы для продвижения поддержки Израиля с целью не допустить ослабления его военно-политического положения.
Ключевые слова: Ливан, Многонациональные силы, внешняя политика США, Р. Рейган, Ближний Восток, Первая ливанская война, Израиль

Для цитирования: Ильин С.К. Влияние израильского лобби в американском Конгрессе на политику США и ввод Многонациональных сил в Ливан в августе 1982 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 116–122. doi: 10.17223/19988613/89/14

Original article

The influence of the Israeli lobby in the American Congress on US policy and the entry of the Multinational Force into Lebanon in August 1982

Semen K. Ilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Kemerovo State Medical University, Ministry of Health of Russia, Kemerovo, Russian Federation, sem-ilin@mail.ru

Abstract. The article aims to monitor the Israeli lobby actions in the US Congress on the issue of the supporting Israel during the operation «Peace to Galilee» before the introduction of the Multinational Force in Lebanon (MNF). The main sources for this study were transcripts of the Senate and House of Representatives meetings and hearings in congressional committees (the Committee on Foreign Relations and the Committee on Finance). Other sources included the publications in American newspapers and economic statistics. The article begins with a definition of lobbying and its varieties. A brief background to the conflict between Israel, Lebanon and the Palestine Liberation Organization (PLO) is also given. The main reasons for the IDF military operation were the desire to weaken the PLO in southern Lebanon and the Syrian forces in northern Lebanon, which provided support to the Palestinians through the deployment of Soviet air defense systems. The main part of the article is devoted to the discussion by congressmen of the need to support Israel in the Lebanese mission. Based on the analysis of the Congressional hearings, 7 arguments of different themes and persuasiveness were identified. The efforts of the Israeli lobby were aimed at preventing the cessation of political and military support for Israel in the context of a large-scale military operation. Special attention in the discussions of the Congress was paid to the role of the United States as a rival of the USSR in the region. The last part of the article briefly describes the results of lobbying for Israel's interests in Congress. Lobbyists managed not only to maintain US military support, but also to support the positions of President R. Reagan after his announcement of aid to Israel using Section 4.2 of the War Powers Act. US financial assistance to Israel increased in 1983, which again demonstrates the influence of the Israeli lobby on decisions made. The tense and substantive debate in Congress once again demonstrated the ability of the legislature to influence the decisions of the US president.
Keywords: Lebanon, Multinational Force, USA foreign policy, R. Reagan, Middle East, First Lebanon war, Israel

For citation: Ilin, S.K. (2024) The influence of the Israeli lobby in the American Congress on US policy and the entry of the Multinational Force into Lebanon in August 1982. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 116–122. doi: 10.17223/19988613/89/14

© С.К. Ильин, 2024

Лоббизм как фактор влияния на внешнюю политику США исследуется с разных сторон многие годы. Понимание устройства института лоббирования и его механизмов дает возможность ученым и политикам прогнозировать принятие тех или иных решений представительными органами власти (главным образом Конгрессом США). В рамках этой статьи собраны и обобщены примеры формального и неформального израильского лоббизма, который в конечном счете привел к вводу американских войск в Ливан 25 августа 1982 г. С одной стороны, лоббизм позволил обеспечить вывод сил Организации освобождения Палестины (ООП) в Иорданию, с другой – еще больше дестабилизировал ситуацию в регионе, спровоцировав новые всплески насилия и дискуссии об американской экспансии. Цель работы – определить степень влияния формального и неформального израильского лобби на политику США в период проведения израильской операции «Мир Галилее» до ввода Многонациональных сил (МНС) в Ливан. Обращение к теме влияния израильского лобби на политику США представляется вдвойне актуальным на фоне очередного обострения палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г., в ходе которого Израиль так же, как 40 лет назад, увяз в боевых действиях, что потребовало активизации всесторонней поддержки со стороны главного союзника в лице Вашингтона.

Феномен израильского лоббизма изучен достаточно подробно. Одной из самых известных зарубежных работ по этой проблематике является монография Джона Маршаймера и Стефана Уолта, в которой дан системный взгляд на материальные и дипломатические инструменты поддержки США Израиля. Авторы также утверждают, что израильское лобби нередко наносит вред американским интересам, в том числе на Ближнем Востоке [1]. В этой связи стоит упомянуть и М. Барда, директора Еврейской виртуальной библиотеки, который издал работу «Арабское лобби: невидимый альянс, подрывающий интересы Америки на Ближнем Востоке» в ответ на публикацию Дж. Маршаймера. Также в рамках данного исследования стоит упомянуть монографию М. Барда «У кромки воды и за ее пределами: определение рамок внутреннего влияния на политику США на Ближнем Востоке», в которой он ставит под сомнение влиятельность израильского лобби, описывая его возможности как «ограниченные рядом переменных» [2]. В отечественной историографии израильский лоббизм, а также разные аспекты влияния еврейской общины в США на внешнюю политику изучались большим количеством авторов, среди которых стоит отметить Д.А. Дегтярёва и Е.А. Стёпкина [3], И.А. Истомина [4], С.С. Костяева [5], В.П. Румянцева [6], Л.Р. Хлебникову [7, 8], А.И. Шумилина [9]. Однако почти не уделяется внимания роли лоббизма в принятии отдельных решений, которые оказали существенное влияние на процесс ближневосточного урегулирования. Данная статья призвана заполнить существующую нишу в рамках обозначенного вопроса.

Прежде всего необходимо ввести термин «лоббизм» и разобраться с его разновидностями. Д.Б. Графов в статье «Анализ и сравнение эффективности лоббирования в США израильских и китайских групп интересов» предлагает определение израильского лоббизма «как системы взаимоотношений различных групп и отдельных лиц (не всегда с еврейскими корнями) между собой и с государственными и общественными институтами США с целью оказать влияние на американскую политику в интересах Израиля» [10. С. 85]. Это определение является одним из наиболее точных благодаря тому, что содержит указание на «внутреннее происхождение» этого лобби, которое отличает его от иных. Американский исследователь М. Бард указывает на формальные и неформальные компоненты израильского лобби. Формальным лобби здесь будут являться зарегистрированные лоббистские и общественные организации, экспертные группы, религиозные структуры, прямо продвигающие произраильскую повестку в обществе и органах власти. В деятельности Конгресса США формальный лоббизм является официальной процедурой, которая в 1982 г. регламентировалась Законом о лоббировании 1946 г. (Federal Regulation of Lobbying Act) [11. С. 162] Неформальными проявлениями тогда стоит считать действия отдельных индивидов или групп, прямо не аффилированных с какой-либо из наиболее известных произраильских организаций, но проводящих единую произраильскую политическую линию. Таким образом, по мнению М. Барда, формальный и неформальный компоненты израильского лоббизма пересекаются на разных уровнях взаимодействия [2. P. 23]. Биография самого М. Барда является ярким подтверждением его же слов о том, что «точно отделить одну часть от другой не всегда можно, они пересекаются во многих точках». Достаточным будет назвать его должности исполнительного директора «Американо-Израильской совместной инициативы» (AICE), директора «Еврейской виртуальной библиотеки», сотрудника Американо-израильского комитета по общественным связям (AIPAC / АИПАК) – одной из самых влиятельных произраильских организаций в США [12]. Также важно учитывать, что израильское лобби, как любая институция, формируется постепенно. В.П. Румянцев справедливо замечал, что в период Суэцкого кризиса 1956–1957 гг. в США отсутствовала организованная структура, способная отстаивать интересы Израиля [6. С. 19]. Однако к событиям 1982 г. таковая структура уже фиксировалась, необходимо лишь определить ее возможности.

Характеризуя положение США на Ближнем Востоке в период, предшествовавший описываемым событиям, нелишним будет напомнить об одном из самых значимых достижений американской дипломатии второй половины XX в. – Кэмп-Дэвидских соглашениях 1978 г. Этот договор не только зафиксировал окончание конфликта между Израилем и Египтом и признание Египтом Израиля как государства, но и урегулировал взаимные территориальные претензии на Синайском полуострове. Также в документе содержатся гарантии палестинцам на выбор формы управления, что традиционно трактуется как признание Израилем права палестинцем на суверенное государство. Подпись президента США Дж. Картера как гаранта положенных на бумагу условий закрепила роль США как прямого по-

средника. Для США это соглашение стало дополнительным подтверждением статуса мировой державы, которая способна влиять на процессы в разных регионах мира.

Обострение 1982 г. стало логичным продолжением событий 1981 г., когда в ответ на обстрелы ООП ЦАХАЛ (Силы самообороны Израиля) предприняли 10-дневные бомбардировки юга Ливана и Бейрута с целью нанести поражение военной инфраструктуре палестинцев [13. С. 226]. Гибель гражданского населения в ходе бомбардировок израильтян заставила США включиться в процесс урегулирования, для чего Р. Рейган назначил бывшего дипломата, ливанца по происхождению Ф. Хабиба своим специальным представителем. Ему удалось привести стороны конфликта к договору о прекращении огня, но ООП раз за разом его нарушала, что, по существу, и стало одной из реальных причин планировавшейся Израилем военной операции. И.Д. Звягельская отмечает, что в мае 1982 г. министр обороны Израиля А. Шарон прибыл в США и в ходе бесед с госсекретарем А. Хейгом сообщил ему о двух сценариях действий ЦАХАЛ в Ливане. Первый вариант предполагал «умиротворение» на территории Южного Ливана в ответ на обстрелы палестинцев. Второй сценарий содержал в себе предложение по кардинальному изменению ситуации в пользу Израиля вплоть до смены власти в Ливане на христиан-фалангистов. А. Хейг отнесся к последнему варианту холодно и, как отмечается, указал на необходимость применения силы соразмерно угрозе. Другой значимой целью израильтян был разгром сирийских сил в долине Бекаа на севере Ливана. Несмотря на то, что они не создавали прямой угрозы Израилю, через контролируемые КПП на границе Сирии и Ливана в последний беспрепятственно попадало вооружение для ООП. Также расположенные в долине Бекаа после событий 1981 г. советские зенитно-ракетные комплексы в руках сирийцев создавали дополнительную угрозу для ВВС Израиля в случае масштабного наступления на Бейрут и потому являлись целью [14. С. 222–223]. Военная операция «Мир Галилее» началась 6 июня 1982 г. и затронула первоначально юг Ливана. Подавляющее военное преимущество ЦАХАЛ в небе и на земле в первые сутки боев против палестинских подразделений позволило не только нанести серьезный ущерб инфраструктуре ООП, но и попытаться реализовать более масштабную задумку – сменить власть в Ливане. Кадры бомбежек Бейрута и других городов, сообщения в СМИ о сотнях погибших и раненых гражданских лицах были обратной стороной успеха военных «на земле». Теперь Израилю требовалась не только военная, но и политическая поддержка от своего главного союзника. Потеря поддержки Конгресса могла привести к перебоям в военных поставках, а это ставило бы под угрозу перспективы операции.

Слушания в американском Конгрессе до сих пор остаются одним из наиболее ценных исторических источников, который содержит большое количество информации о происходивших событиях. Благодаря тому что конгрессмены имеют возможность не только выступать от своего имени, но и подкреплять выступления различными газетными статьями, обращениями, прокламациями под авторством отдельных лиц, малых групп и общественных организаций, исследователю представляется широкий простор для анализа имеющегося массива эмпирических данных. Еще одним аргументом в пользу подробного изучения этого источника является то, что другой ценный источник по внешней политике США – архив Государственного департамента США (The Foreign Relations of the United States, FRUS) – все еще не предоставил в открытый доступ дипломатические материалы периода президентства Р. Рейгана по тематике палестино-израильского конфликта и отдельно по ливанской проблематике (два тома материалов по Ливану).

Дискуссии в Конгрессе в период с 6 июня 1982 г. (покушение на израильского посла в Лондоне Шломо Аргова, которое послужило поводом для вторжения Израиля в Ливан) до 25 августа (день ввода американского контингента в Ливан) в действительности происходили с 8 июня (первый день слушаний в Конгрессе после начала военной операции Израиля) по 20 августа (последний день слушаний перед вводом войск в Ливан). «Принципиальное согласие» президента США на ввод войск было дано 5 июля без обсуждения с законодательной властью на основании раздела 4.2 Закона о военных полномочиях, дающего право на использование вооруженных сил без согласования с Конгрессом, за что конгрессмены открыто критиковали президента по широкому кругу вопросов о перспективах этой миротворческой кампании [15. P. 16061].

Первые произраильские заявления были сделаны уже на второй день дискуссий, 9 июня, сенатором Д. ДеКончини от Аризоны, выступление которого среди многих похожих выделяет следующий тезис: «Смешно предполагать, что Израиль нападает на суверенное государство. Ливан как политическое образование трудно представить» [15. P. 13198]. Такой подход к оправданию действий Израиля выглядит абсолютно некорректным. Учитывая, что в последующие недели подобные высказывания повторялись, это можно рассматривать и в плоскости нарушения суверенитета и территориальной целостности Ливана – признанного государства-члена ООН. 14 июня Т. Лантос в Палате представителей в похожем тоне заявлял о том, что «наплыв сирийских солдат и террористов ООП» разрушил страну и ее суверенное правление [15. P. 13306]. Однако он не упомянул обстоятельство, при котором ООП распространила свою деятельность в Ливане, а именно захват Израилем палестинских земель в предыдущие годы и, как следствие, бесконтрольный поток беженцев не только в Ливан, но также в Иорданию и Сирию. Сотни тысяч палестинцев в лагерях беженцев стали социальным фундаментом палестинских группировок. Т. Лантос обошел стороной это важное обстоятельство, намеренно искажая факты.

Другое важное замечание из содержания выступления Д. ДеКончини – впервые заявляется необходимость запретить эмбарго на продажу оружия Израилю на время проведения военной операции. «Действительно, я был бы готов принять закон, предотвращающий такое эмбарго, и я уверен, что большинство моих

коллег сделали бы то же самое», – говорил сенатор. Такой вектор дискуссии позволяет сделать вывод, что военная операция изначально рассматривалась как длительная, и, следовательно, для ее успешного проведения потребуется большое количество боеприпасов и вооружений, которое поставлялось Израилю из США (на возмездной или безвозмездной основе). В этот же день в «Вашингтон Пост» была опубликована статья Р. Эванса и Р. Новака «Сдержит ли Рейган Израиль?», в которой авторы обращали внимание на важный правовой аспект американской поддержки Израиля: предоставляемое оружие может быть использовано только для самообороны согласно Закону о контроле над экспортом оружия. В качестве примера использования этой нормы права приводилось израильское вторжение в Ливан в 1978 г. и обращение президента США Дж. Картера к премьер-министру Израиля М. Бегину [1. P. 39; 16]. Результатом стал вывод значительной части израильских сил из Ливана. Это направление дискуссии представляется особенно значимым, потому что в случае определения действий Израиля как акта агрессии президент Р. Рейган был обязан ввести санкции против Израиля, что, в свою очередь, подрывало бы обороноспособность страны и ставило под угрозу проводимую против ООП операцию. Дальнейшие усилия произраильски настроенных конгрессменов были направлены в том числе на оправдание «самообороны». Примером такого выступления может служить речь члена Палаты представителей от Нью-Йорка Ч. Шумера 9 июня, в которой он предложил «поаплодировать смелости» Израиля в попытке защитить население севера Израиля от ракетных обстрелов со стороны ООП. В дальнейшем именно этот нарратив будет одним из основных в произраильских заявлениях, а сюжет о «гибели» посла Шломо Аргова практически исчезнет из упоминания – с одной стороны, из-за отсутствия прямых доказательств о связи террориста с ООП (в дальнейшем будет установлено, что он не имел связей с ООП), с другой стороны, заявления о «гибели» посла оказались преждевременными. Шломо Аргов в результате покушения выжил, но оказался до конца жизни прикован к постели и умер в 2003 г.

Последний заслуживающий внимания элемент, оправдывающий действия Израиля, содержится в финале речи Д. Де Кончини. «Американская политика должна быть ясной: изгнать Сирию и ООП из Ливана. Если это потребует применения силы со стороны Израиля, мы должны поддержать действия Израиля и не погружаться в лицемерную риторику», – этими словами ЦАХАЛ представляются как опосредованный инструмент внешней политики США в регионе, с помощью которого Соединенные Штаты противостояли Сирии и ООП, а фактически СССР [15. P. 13198].

С первых дней основным аргументом в поддержку действий Израиля становится лозунг «вернуть ливанцам Ливан». Наиболее удачно, по нашему мнению, в этом виде его формулирует сенатор У. Коэн, будущий министр обороны США в период президентства Б. Клинтона, в своем выступлении 16 июня [15. P. 13817]. Таким образом, Израиль теперь не просто не выступал агрессором или хотя бы обороняющейся от действий «террористов ООП» стороной, а вовсе стал освободителем угнетенного ливанского народа.

Наравне с этим У. Коэн формулирует следующий аргумент, не только легитимизирующий действия Израиля, но и повышающий его значимость до миротворца регионального статуса: «Более того, ослабление ООП и сирийцев, оплота радикальных сил-отверженцев, уменьшит радикальное давление на короля Иордании Хусейна. Это облегчит ему присоединение к Кэмп-Дэвиду и, таким образом, повысит вероятность урегулирования конфликта на Западном берегу путем переговоров», – цитирует он статью «Наши цели и цели Израиля» Н. Подгореца, редактора журнала «Комментари», почетного доктора Университета Ешива в Нью-Йорке и Еврейской теологической семинарии. В этой статье автор еще подробнее раскрывает свою мысль следующим образом: «В 1973 г. война в Йом-Киппур предоставила Соединенным Штатам возможность поддержать мирное урегулирование между Египтом и Израилем. Сегодня война в Ливане дает нам возможность сделать нечто подобное на другом фронте арабо-израильского конфликта. Таким образом, действия Израиля не только не уничтожат Кэмп-Дэвид, но и могут вдохнуть новую жизнь в мирный процесс» [17].

Развитие «ближневосточного» вектора продолжалось и в последующие дни дискуссий. В связи с этим любопытным выглядит вывод, сделанный Дж. Крафтом в статье от 8 июня «Открытие на Ближнем Востоке» в «Вашингтон Пост». «В целом нападение Израиля на Ливан открывает целый ряд дипломатических возможностей при незначительном серьезном риске более широкой войны. Соединенные Штаты могут использовать эту возможность для укрепления стабильности в регионе, не уступая при этом локального преимущества Советскому Союзу», – заключает он свое рассуждение о возможных перспективах урегулирования сразу нескольких конфликтов в регионе, имея в виду ирано-иракский конфликт, ливано-израильский, «оккупацию ООП и сирийцами территории Ливана», а также последствия конфликтов Ирака с Кувейтом и Саудовской Аравией [18]. Примечательно, что Дж. Крафт использовал термин «нападение» для характеристики действий Израиля, учитывая, что в его публикациях не наблюдалось проарабского прочтения ситуации. В целом превращение ливано-израильского сценария из отдельной трагедии в частицу большого плана урегулирования должно было сбить эмоциональный фон вокруг трагических последствий боевых действий (сенатор П. Цонгас от Массачусетса 17 июня заявлял о 600 тысячах пострадавших ливанцах [15. P. 14243]) и, возможно, привести читателей к мысли о неизбежности этой цепочки событий.

Впервые заявление о возможном вводе «многосторонних миротворческих сил» в Ливан для нормализации ситуации прозвучало 10 июня от Дж.Ф. Кэмпа, члена Палаты представителей от Нью-Йорка [15. P. 13471]. Однако это предложение было озвучено в контексте обеспечения безопасности для севера Израиля через ликвидацию «угрозы от ООП и сирийских сил», и только после этого вскользь была заявлена важность

этой процедуры для восстановления суверенитета и независимости Ливана.

Еще одним вектором оправдания израильских действий в Ливане стала тема стабильности мирового рынка углеводородов. «Независимый Ливан является вопросом жизненно важного интереса для международного сообщества… Это обеспечивает нефтяным государствам лучший доступ к внешнему миру», – так описал перспективы успешных действий ЦАХАЛ обозреватель Дж. Крафт в статье «Новый Ближний Восток?» для «Вашингтон Пост», которую довел до сведения коллег член Палаты представителей Б. Бингэм от Нью-Йорка [15. P. 13759; 19]. Фундаментом этого аргумента выступали события 1979–1980 гг., когда исламская революция в Иране привела к перебоям в поставках нефти на мировой рынок и, как следствие, двум волнам рецессии в экономиках многих развитых стран, включая США. К концу 1981 г., несмотря на некоторое восстановление, средний уровень безработицы все еще достигал 7,5%, а к концу 1982 г. добрался до отметки 10,8%, что было максимумом со времен Великой депрессии [20]. На этом фоне рост военных расходов на поддержку союзника требовал не только идеологической подпитки, но и прямого финансового оправдания. Таким образом, менее чем за две недели слушаний в Конгрессе оформилось несколько разных по тематике, но единых по замыслу векторов поддержки Израиля: от полного оправдания его действий до потенциально возможного будущего международного варианта выхода из сложившейся ситуации.

Как уже было отмечено ранее, Р. Рейган дал «принципиальное согласие» на участие американских военных в составе Многонациональных сил в Ливане 5 июля. Впервые Конгресс собрался после 11-дневного перерыва только 12 июля. В период с 13 по 16 июля в обеих палатах парламента ожидаемо развернулись жаркие дискуссии о необходимости пребывания американских войск в Ливане, о перспективах этой миссии (особенно стоит отметить параллели с Вьетнамской кампанией, которую вновь вспоминали после взрыва казарм американских морпехов в октябре 1983 г.). Анализ содержания дискуссий в Конгрессе предоставляет возможность проследить последовательную линию теперь уже формального лоббирования в интересах Израиля. 14 июля в материалы Конгресса были внесены обращения Т. Дайна, исполнительного директора AIPAC, и Д. Блумфилда, законодательного директора AIPAC. Оба обращения схожи по содержанию и направлены на оправдание прямого участия американских сил в операции в Ливане. Учитывая тот факт, что AIPAC является наиболее влиятельной произраильской организацией, такая представительная лоббистская канонада была призвана поддержать позиции президента Р. Рейгана, оказавшегося под критикой из-за фактического нарушения Закона о военных полномочиях. Также 14 июля в поддержку израильских действий в Конгрессе было рассмотрено заявление «выдающейся группы американцев из воскресного выпуска «Нью-Йорк Таймс» о кризисе в Ливане [21]. Это обращение, опубликованное 11 июля, не содержит новых идей, а лишь повторяет ранее озвученные: вывод всех войск из Ливана, восстановление центрального правительства Ливана в его полномочиях по всей территории страны, гарантии безопасности северной границы Израиля.

Большой интерес для анализа представляет список подписантов, на который стоит обратить внимание отдельно. Под «выдающейся группой американцев» член Палаты представителей Т. Лантос называет перечень из чуть более 130 лиц, не менее 54 из которых прямо указывают о своей аффилиации с различными еврейскими организациями (в том числе 15 раввинов). К таковым можно отнести Женскую лигу консерваторов-иудеев, Конференцию президентов крупнейших американских еврейских организаций, Объединенный еврейский колледж, Раввинскую ассамблею и т.д. Такие данные не только лишают это обращение статуса хоть сколько-то репрезентативного документа, позволяющего оценить мнение широких слоев американского общества по обсуждаемой проблеме, но и позволяют отнести газетную публикацию к примерам формального лоббизма. Всего же за период до 20 августа было обнаружено 13 примеров, которые можно отнести к проявлениям формального лоббизма. Среди них представители Сионистской организации Америки, Объединенной еврейской апелляционной федерации, Центра Симона Везенталя и т.д. Для сравнения, в период с 6 июня по 12 июля среди слушаний Конгресса выделяется всего два примера формального лоббизма: 16 июня письмо Р. Рейгану от Совета еврейской общины Бостона и 24 июня заявление Сионистской организации Америки, регион Вестчестер. Это дополнительно подтверждает сделанный ранее вывод о том, что использование формального лоббизма было предпринято в значительной степени для поддержки позиций президента США на фоне возникшего конфликта с Конгрессом. Также необходимо учитывать внутриполитический фактор: в ноябре в США должны были пройти выборы в Сенат и Палату представителей. Вкупе с последствиями рецессии в экономике, вызванными политикой президента, втягивание США в военную кампанию с неясными перспективами было риском. Как отмечает Л.Р. Хлебникова, несмотря на вторжение израильской армии в Ливан в 1982 г. финансовая помощь со стороны США выросла на 510 млн долл. и в 1983 г. общий объем военной помощи превысил 2,5 млрд долл. [8. С. 130]. Это дополнительно подчеркивает успехи и влияние израильского лобби на принятые Конгрессом США решения в период проведения операции «Мир Галилее».

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что в рамках дискуссий Конгресса США в рассматриваемый период лоббирование интересов Израиля носило системный и многогранный характер. С одной стороны, после начала масштабной военной операции «Мир Галилее» ЦАХАЛ нельзя было лишаться военной, финансовой и репутационной поддержки со стороны своего союзника. С другой стороны, на фоне предстоящих выборов в США необходимо было поддерживать положение и правящей партии. Для этого, как удалось выяснить, использовалось семь различных по содержанию, но единых по задумке

направлений обсуждения. Какие-то использовались на протяжении всего периода дискуссий, а какие-то, например о преждевременной «гибели» Ш. Аргова, практически выводились из оборота. Основными же стали «израильтяне вернут Ливан ливанцам» и «Соединенные Штаты могут использовать эту возможность для укрепления стабильности в регионе». После неудачной для США вьетнамской кампании и потери Ирана как союзника в ходе исламской революции 1979 г. президенту Р. Рейгану было важно сыграть ключевую роль в процессе урегулирования в одном из самых конфликтных регионов мира. Формальное лоббирование, как удалось определить, использовалось как дополнительная мера поддержки усилий отдельных конгрессменов в наиболее кризисные дни на фоне новостей о решении президента США ввести войска в Ливан в составе Многонациональных сил без согласования с Конгрессом. Тем не менее ошибкой будет считать, что решение о вводе американских войск в Ливан в августе 1982 г. было принято Р. Рейганом из-за решающего влияния израильского лобби. Как было отмечено, одной из главных проблем для США президент видел угрозу со стороны СССР, и в этой связи ввод войск под флагом миротворческих Многонациональных сил стоит рассматривать в первую очередь как борьбу великих держав за сферы влияния.

Список источников

1. Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel lobby and U.S. foreign policy. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2007. 484 p.
2. Bard M. The Water’s Edge And Beyond: Defining the Limits to Domestic Influence on the U.S. Middle East Policy. Transaction Publishers, 1991. 323 p.
3. Дегтерев Д.А., Степкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 92–99.
4. Истомин И.А. Влияние религиозных групп на международную деятельность государства // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1 (34). С. 184–191.
5. Костяев С.С. Израильское лобби в бюджетном процессе США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 11 (491). С. 106–115.
6. Румянцев В.П. Еврейская община США и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг. // Уральское востоковедение. 2021. № 11. С. 6–22.
7. Хлебникова Л.Р. Израильский лоббизм: голос без права вето // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6, № 2. С. 128–141.
8. Хлебникова Л.Р. Инструменты внешней помощи в контексте американо-израильского взаимодействия (1948–2014) // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. Вып. 3. С. 115–149.
9. Шумилин А.И. Роль израильского фактора в ближневосточной политике Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 2 (542). С. 32–47.
10. Графов Д.Б. Анализ и сравнение эффективности лоббирования в США израильских и китайских групп интересов // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 84–98.
11. Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 161–168.
12. Mitchell Bard's web site. URL: https://mitchellbard.com (accessed: 29.11.2023).
13. Iron Fist on the West Bank // Journal of Palestine Studies. 1981. Vol. 11 (1): 10th Anniversary Issue: Palestinians under Occupation. P. 225–227.
14. Звягельская И.Д. История государства Израиль. М. : Аспект-Пресс, 2012. 357 с.
15. Congressional Record (CR). Washington DC, 1982. Vol. 128: Proceedings and Debates of the 97th Congress. Second Session. 33632 p.
16. The Washington Post. 1982. June 9.
17. Commentary. 1982. June 15.
18. The Washington Post. 1982. June 8.
19. The Washington Post. 1982. June 15.
20. Monetary Policy Report to the Congress. U.S. Federal Reserve Board, 2007. Feb. 14. Table 34.
21. The New York Times. 1982. July 11.

References

1. Mearsheimer, J.J. & Walt, S.M. (2007) *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
2. Bard, M. (1991) *The Water’s Edge And Beyond: Defining the Limits to Domestic Influence on the U.S. Middle East Policy*. Routledge.
3. Degtyarev, D.A. & Stepkin, E.A. (2013) Amerikanskaya pomoshch' Izrailyu: istoki, struktura, dinamika [American aid to Israel: Sources, structure, dynamics]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 3(30). pp. 92–99.
4. Istomin, I.A. (2014) Vliyanie religioznykh grupp na mezhdunarodnuyu deyatel'nost' gosudarstva [The influence of religious groups on the international activities of the state]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 1(34). pp. 184–191.
5. Kostyaev, S.S. (2010) Izrail'skoe lobbi v byudzhetnom protsesse SShA [The Israeli lobby in the US budget process]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 11(491). pp. 106–115.
6. Rumyantsev, V.P. (2021) Evreyskaya obshchina SShA i Suetskiy krizis, 1956–1957 gg. [The Jewish community of the USA and the Suez crisis, 1956–1957]. *Ural'skoe vostokovedenie*. 11. pp. 6–22.
7. Khlebnikova, L.R. (2013) Izrail'skiy lobbizm: golos bez prava veto [Israeli lobbying: a voice without veto]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 6(2). pp. 128–141.
8. Khlebnikova, L.R. (2014) Instrumenty vneshney pomoshchi v kontekste amerikano-izrail'skogo vzaimodeystviya (1948–2014) [Instruments of foreign aid in the context of US-Israeli interaction (1948–2014)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 3. pp. 115–149.
9. Shumilin, A.I. (2015) Rol' izrail'skogo faktora v blizhnevostochnoy politike Vashingtona [The Role of the Israeli Factor in Washington’s Middle East Policy]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2(542). pp. 32–47.
10. Grafov, D.B. (2015) Analiz i sravnenie effektivnosti lobbirovaniya v SShA izrail'skikh i kitayskikh grupp interesov [The Analysis and Comparison of the Efficiency of Lobbying in the USA by Israeli and Chinese Interest Groups]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 5(44). pp. 84–98.
11. Kremyanskaya, E.A. (2014) Pravovye aspekty regulirovaniya lobbizma v Soedinennykh Shtatakh Ameriki i Kanade [Legal Aspects of Lobbying Regulation in the United States of America and Canada]. *Vestnik MGIMO Universiteta.* 2(35). pp. 161–168.
12. *Mitchell Bard's web site*. [Online] Available from: https://mitchellbard.com (Accessed: 29th November 2023).
13. Anon. (1981) Iron Fist on the West Bank. *Journal of Palestine Studies*. 11(1). pp. 225–227.
14. Zvyagelskaya, I.D. (2012) *Istoriya gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt-Press.
15. USA. (1982) *Congressional Record (CR)*. Vol. 128. Washington DC.

16. *The Washington Post*. (1982a) 9th June.
17. *Commentary*. (1982) 15th June.
18. *The Washington Post*. (1982b) 8th June.
19. *The Washington Post*. (1982c). 15th June.
20. USA. (2007) *Monetary Policy Report to the Congress*. U.S. Federal Reserve Board, 2007. Feb. 14. Table 34.
21. *The New York Times*. (1982) 11th July.

***Сведения об авторе*:**
Ильин Семен Константинович – аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета Минздрава России (Кемерово, Россия). E-mail: sem-ilin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ilin Semen K. – Postgraduate Student of the Department of Oriental Studies, Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russia); Lecturer, Department of History, Kemerovo State Medical University, Ministry of Health of Russia (Kemerovo, Russia). E-mail: sem-ilin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 19.12.2023; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 94(510)
doi: 10.17223/19988613/89/15

Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия

Сюй Цзюнь

Томский государственный университет, Томск, Россия, xujun@mail.ru

Аннотация. Рассматривается опыт взаимодействия между государствами Центральной Азии и внешними акторами – США, Россией, КНР, Европейским Союзом, Японией, Республикой Корея – в рамках формата «5+1». Поднимается вопрос о том, каким образом в рамках одного формата ставятся цели, формируются механизмы сотрудничества, реализуются долгосрочные задачи стран-участниц. Анализируется представленный формат сотрудничества, выявляются ключевые интересы стран-участниц, определяются дальнейшие направления развития отношений между указанными странами и регионами.
Ключевые слова: Центральная Азия, многостороннее сотрудничество, формат «5+1»

Для цитирования: Сюй Цзюнь. Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 123–132. doi: 10.17223/19988613/89/15

Original article

C5+1 cooperation format: main participants, goals and mechanisms of interaction

Xu Jun

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, xujun@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the experience of interaction between the Central Asian countries and external actors – USA, Russia, China, the European Union, Japan, and the Republic of Korea within the framework of the “C5+1” format.

The objectives of the article are:

1) to identify the features of the C5+1 cooperation format;

2) to identify the key interests and problems of interaction between the participants of the C5+1 format;

3) to determine the directions for further development of the C5+1 format.

Research methodology: the organizational theory of Daft R., the analysis of C5+1 cooperation format of Alekseenkova E.A., Nelson H., Tolipov F., works devoted to the study of the Central Asian countries and cooperation with them of Burke J., Otorbaev D. and others.

The relevance of study lies in the fact that at the moment new mechanisms of cooperation are being created in the world in the format of “Central Asian states + external actor”.

The “C5+1” format is a diplomatic initiative involving five Central Asian countries and one external partner country. The existing formats of cooperation differ in structure, content, effectiveness and satisfaction of participants with the results obtained.

The five Central Asian countries are seeking to expand economic and investment cooperation with the US. Russia and China primarily seek to strengthen their cooperation with the countries of Central Asia through various international organizations and initiatives such as the EAEU, the Belt and Road Initiative, the SCO and the CSTO. The European Union remains one of the least influential participants in Central Asia today. Japan does not associate its projects and programs with any political conditions, it has significant financial resources, which makes it a more attractive partner for the countries of Central Asia. Korea's main economic interest in Central Asia is access to resources and reduction of dependence on energy supplies from the Middle East.

The Central Asian countries are striving to establish partnerships and diversify their international relations. However, they will not be able to achieve this goal without resolving their own regional problems and economic difficulties. The C5+1 format will continue to work in the future, and also makes it possible to clarify and coordinate the interests of the states of the region, as well as those of “external” powers.
Keywords: Central Asia, multilateral cooperation, “5+1” format

For citation: Xu Jun (2024) C5+1 cooperation format: main participants, goals and mechanisms of interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 123–132. doi: 10.17223/19988613/89/15

© Сюй Цзюнь, 2024

Введение

Центральная Азия обладает обширными запасами природных ресурсов, значительным демографическим потенциалом и имеет транзитные возможности в центре Евразии. Однако эти потенциальные преимущества соседствуют с недостаточно развитыми политическими институтами, высокой конфликтогенностью, слабодиверсифицированной экономикой, разнообразными внешними и внутренними вызовами в области безопасности. Помимо региональных преимуществ, внешние акторы более склонны использовать ресурсы и дополнительные рынки, предлагаемые регионом, для продвижения своих экономических интересов.

В настоящее время страны Центральной Азии проявляют большее единство, чем когда-либо ранее. Регулярные консультации и укрепление внутрирегиональных связей свидетельствуют о росте региональной солидарности. За последние пять лет объем внутрирегиональной торговли вырос вдвое, а торговля стран друг с другом в Центральной Азии демонстрирует постоянный рост, однако внешняя торговля (за пределами региона) оказывается важнее в силу существенной ориентации на Китай и Россию. Так, рост товарооборота КНР с центральноазиатскими государствами за первую половину 2023 г. демонстрировал рост на 26,8% с Казахстаном, 26,8% с Узбекистаном, 27,6% с Кыргызстаном, 84,7% с Таджикистаном, а также 12,3% с Туркменистаном [1]. Еще большую роль регион начинает играть после начала Специальной военной операции. Используя институциональные рамки Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружества Независимых Государств (СНГ), а также высокую интеграцию стран, Россия значительно снизила угрозы национальной безопасности и смогла справиться с санкционным давлением.

С другой стороны, давление на Россию оказывало негативное воздействие и на деятельность данных организаций, а национальных рамок для купирования ситуации оказывалось недостаточно. В связи с этим потребовалась как самоорганизация государств Центральной Азии, так и политическая воля для создания новых механизмов, несмотря на определенные проблемы и разногласия между участниками такого рода объединений.

С точки зрения теории при рассмотрении данной тематики можно воспользоваться терминологией и логикой так называемой организационной теории и институционального анализа, представленных в рамках подходов Ричарда Дафта [2]. В данном случае новая система взаимодействия региона как организационного целого, в котором определены институциональные рамки, с некоторым количеством внешних акторов только создается, а ее основными составляющими являются связность (наличие формальных и неформальных элементов, связей и системы взаимодействия между самими странами) и структурная эквивалентность (сходство в позициях и месте в организационной структуре). Частью такой системы стал даже Туркменистан, хотя ранее государство заявляло о постоянном нейтралитете.

Государства Центральной Азии с момента создания и обособления в рамках региона стали частыми площадками для проведения важных политических диалогов. Например, платформу для переговоров предоставил Саммит ШОС 2022 г., который прошел в Самарканде. В сентябре 2022 г. на Генеральной Ассамблее ООН состоялась министерская встреча в формате С5+1, на которой была объявлена новая Инициатива экономической устойчивости в Центральной Азии с фондом в 25 млн долл., нацеленная на поддержку устойчивого развития региона [3]. Председатель КНР Си Цзиньпин выбрал Астану и Ташкент в качестве своих первых зарубежных поездок после пандемии [4]. Собственно, в данном исследовании речь пойдет о создании новых механизмов сотрудничества в формате «государства Центральной Азии + внешний актор», которые отражены в формуле С5+1. Стоит отметить, что в таком формате отдельные государства сохраняют субъектность и максимально используют имеющиеся возможности для смягчения возникающих рисков. Государства Центральной Азии в рамках такого формата привлекают внимание большого количества государств, включая США, КНР, Южную Корею, Японию, Индию, Турцию, Иран и др. При этом каждая страна-участница этого типа взаимодействия имеет свои личные интересы в центральноазиатском регионе.

Формат сотрудничества С5+1 – это дипломатическая инициатива, состоящая из пяти центральноазиатских государств («5») и одной внешней страны-партнера («1»). Он функционирует как площадка для диалога, проводимого до 2023 г. на уровне министров иностранных дел, а также через регулярно созываемые форумы экспертного уровня. Различные аспекты модели сотрудничества 5+1 различаются по своей структуре, содержанию, эффективности и удовлетворенности участников достигнутыми результатами.

Взаимодействие государств Центральной Азии с США

Формат сотрудничества С5+1 является для США способом институционализации отношений с центральноазиатскими республиками, что было вызвано нарастающей геополитической напряженностью, возникшей после событий «крымской весны» в 2014 г., а также одним из элементов санкций в отношении России. Западные страны стремились привлечь потенциальных союзников РФ в новые форматы взаимодействия для геополитического противостояния. В свою очередь, государства Центральной Азии снижали риски от вторичных санкций, а также растущей конкуренции в сфере транспортно-логистических коридоров в Евразии. Транзитная инфраструктура в Центральной Азии стала ключевым фактором в свете сокращения торгово-экономического сотрудничества России со странами Запада. Это стимулировало пересмотр прежних маршрутов доставки товаров на континенте и подтолкнуло ведущих игроков к поиску альтернативных торговых маршрутов.

26 сентября 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН в Нью-Йорке приняла решение, устанавливающее новые

рамки для взаимных переговоров между странами Центральной Азии и Соединенными Штатами в качестве средства содействия дальнейшему диалогу [5]. Госсекретарь США Джон Керри организовал встречу министров иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, приведшую к созданию инициативы многостороннего диалога, известной как Инициатива С5+1, в результате которой был подготовлен новый доклад о ее будущем [5]. Эта инициатива была направлена на укрепление взаимопонимания между Соединенными Штатами и странами Центральной Азии, а также на изучение совместных проектов, которые требуют сотрудничества между регионами.

Следует также учитывать присутствие Соединенных Штатов в регионе и значительное влияние USAID (United States Agency for International Development) на гражданское общество и общественную среду в некоторых странах Центральноазиатского региона. Например, USAID оказывает финансовую помощь министерствам и учреждениям Кыргызской Республики через проектные исследования по евразийской экономической интеграции.

Очевидно, что пять государств Центральной Азии стремятся расширить экономическое и инвестиционное сотрудничество с США в регионе. С другой стороны, США имеют интерес в создании нового консультативного механизма, который, хотя и в ограниченной степени, может противостоять интеграционным инициативам в регионе, возглавляемым Россией и Китаем. Ключевой целью визита Джона Керри было продемонстрировать решительное намерение администрации США сохранить значительное присутствие в Центральной Азии. Это остается актуальным, даже несмотря на вывод американских вооруженных сил из региона и отказ от программ американской помощи в области экономики и безопасности. США стремятся продолжать участвовать в формировании региональной повестки и обеспечивать свои интересы в Центральной Азии.

В ноябре 2015 г. министры иностранных дел пяти центральноазиатских государств и госсекретарь США совместно выступили с Самаркандской декларацией о партнерстве и сотрудничестве. Этот документ утвердил формат С5+1 для усиления сотрудничества в регионе. Данный формат включает в себя создание тематических рабочих групп по вопросам региональной экономики и торговли, охраны окружающей среды и использования возобновляемых источников энергии, а также управления угрозами региональной безопасности. Рабочие группы создают стратегии и проекты, которые работают в направлении улучшения сотрудничества, при этом делая упор на конкретные инициативы [6].

Самаркандская декларация, принятая на первой встрече в рамках формата С5+1, определила следующие области для углубления шестистороннего экономического и политического сотрудничества:

а) взаимовыгодное сотрудничество в региональной торговле, транспорте и связи, энергетических связях и транзитных возможностях;

б) создание благоприятного делового климата в регионе;

в) решение проблем экологической устойчивости и влияния экологических изменений на регион;

г) сотрудничество в области «зеленых» технологий и энергетики;

д) вопросы безопасности и развития центральноазиатского региона, а также вопросы развития Афганистана;

е) международные и национальные инициативы по прекращению распространения ядерного оружия;

ж) развитие прав человека, создание демократических институтов.

Эти области стали основой для сотрудничества и дальнейшего развития С5+1 и были призваны способствовать укреплению отношений между США и странами Центральной Азии в различных сферах.

Важно отметить, что перечень важных аспектов международных отношений не включал сотрудничество в области предотвращения терроризма, контроля над оборотом оружия и наркотиков, поддержку развития Афганистана, признание его влияния на стабильность в регионе, создание зоны, свободной от ядерного оружия, и гуманитарное сотрудничество [7]. Это подчеркивает отсутствие на тот момент готовности Вашингтона к значительным инвестициям в решение региональных проблем.

Одним из возможных объяснений отсутствия амбициозных инициатив США, таких как «Экономический пояс Шелкового пути» в Китае, может быть предпочтение Конгрессом США формировать государственный бюджет в соответствии с указаниями администрации Трампа, которые сформировались после президентских выборов в США. Документ не привнес каких-либо примечательных нововведений, и его уникальной особенностью является лишь сам формат сотрудничества. Во время президентства Дональда Трампа интерес США к Центральной Азии был менее выраженным. Хотя саммиты в формате С5+1 проводились регулярно, американское представительство на них было снижено с уровня госсекретарей до помощников региональных координаторов. Однако с возвращением в Белый дом демократов под руководством Джо Байдена и началом новой администрации США вновь проявляют интерес к региону и его экономическим и транспортно-логистическим возможностям.

Ключевую роль в обеспечении базы для расширения американского экономического влияния в регионе играет Казахстан. Эта страна является лидером в привлечении прямых иностранных инвестиций из США в Центральную Азию [8]. Основные секторы, в которые инвестируют, включают горнодобывающую и обрабатывающую промышленность, а также торговлю. Следует отметить, что статистика за 2022 г ($28 млрд) отражает значительное увеличение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в нефтегазовый сектор по сравнению с 2021 г. ($23,8 млрд.) [3]. В этом процессе, помимо США, активно участвуют транснациональные компании, зарегистрированные в Нидерландах.

Несмотря на объявление американской администрации в 2022 г. о возможных вторичных санкциях в отношении определенных стран постсоветского пространства, в основном в Центральной Азии, через тер-

риторию которых могла бы проходить незаконная продукция, был учрежден Секретариат С5+1. Его задачей стала поддержка процессов определения и продвижения общих приоритетов, координация коммуникаций между участвующими правительствами, а также планирование министерских встреч высокого уровня и других мероприятий. Аналогичным образом Американское агентство по оказанию помощи в целях развития (USAID) также участвует в развитии стран Центральной Азии.

В начале 2023 г. госсекретарь США Энтони Блинкен совершил турне по Центральной Азии, посетив Казахстан и Узбекистан и приняв участие в состоявшейся в Астане встрече министров иностранных дел в формате С5+1. На пресс-конференции после встречи вице-премьер-министр Казахстана, министр иностранных дел Треуберди сообщил, что стороны обсудили такие вопросы, как борьба с терроризмом, продовольственная безопасность, энергетика и защита окружающей среды [9]. В августе 2023 г. на 78-й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке состоялась историческая встреча лидеров группы С5+1 с президентом Дж. Байденом. На ней обсуждались вопросы стратегического сотрудничества между США и странами Центральной Азии. Речь шла о развитии партнерских отношений для решения вопросов торговли, экономических возможностей, политического диалога, инвестиций США, устойчивого развития, региональной безопасности, борьбы с трансграничной преступностью и гуманитарных вопросов [10]. Президент Дж. Байден также выразил готовность в скором времени провести встречу с лидерами С5+1 на их территории, что является историческим событием, поскольку ни один президент США ранее не посещал Центральную Азию во время своего пребывания в должности.

В октябре 2023 г. прошел первый саммит на высшем уровне в формате «Центральная Азия + США». Предыдущие встречи в этом формате ограничивались уровнем министров и ниже. Саммит в Нью-Йорке был ориентирован на демонстрацию основательности нового американского подхода к региону. Ранее такие встречи, как правило, имели символический характер и не всегда приводили к конкретным решениям в области многостороннего сотрудничества. На встрече подчеркнули необходимость учреждения деловой платформы в рамках формата С5+1, и в качестве движущей силы и потенциального главного спонсора этой инициативы может выступить USAID, которое известно своими проектами в области «мягкой силы» и «зеленой энергетики» в странах постсоветского пространства. Первая встреча лидеров в формате С5+1 заложила основу для развития многостороннего сотрудничества и определила широкий спектр общих региональных вопросов, которые могут стать предметом многостороннего диалога.

Сами лидеры Центральной Азии проявляют интерес к продолжению диалога с США в формате С5+1 по двум основным причинам. Во-первых, они стремятся сохранить баланс в своих внешних отношениях, учитывая актуальность политики многовекторности в регионе. В свете растущего влияния крупных мировых держав и общей актуализации интересов Глобального Юга страны Центральной Азии находят путь к достижению своих собственных целей в области экономики, внутренней политики и безопасности, удерживая баланс между основными мировыми игроками. Во-вторых, сотрудничество с США в экономических проектах представляет для них возможность привлечения дополнительных инвестиций в свою экономику.

Некоторые эксперты отмечают, что одним из неожиданных аспектов обсуждения стало предложение о начале диалога в формате С5+1 по вопросам, касающимся редких минералов, таких как хром, медь и литий. Эти минералы имеют важное значение для производства экологически чистых технологий в сфере энергетики [11]. Страны Центральной Азии, особенно Казахстан и Узбекистан, имеют значительный потенциал для стратегического использования своих месторождений минеральных ресурсов в геополитических интересах. Это особенно актуально, учитывая стремление Соединенных Штатов уменьшить свою зависимость от поставок важных полезных ископаемых из Китая. В настоящее время Китай является доминирующим игроком на мировом рынке важных минералов и крупнейшим поставщиком 26 ключевых минералов в США [5].

Понимание американским правительством того, что Центральная Азия приобретает стратегическое значение, включая транзитные маршруты, городские центры и международные партнерства, отражает три существенных глобальных изменения[12].

Во-первых, Соединенным Штатам следует расширить свои геополитические партнерства за пределы традиционных связей с Европой и Восточной Азией. На протяжении длительного времени Центральная Азия оставалась вне фокуса внимания не только США, но также ведущих европейских наций. Это внимание к региону в значительной степени расширяет сферу влияния не только России, но также других государств, таких как Китай, Индия, Иран и Турция, которые активно развивают свои партнерские отношения в экономической, промышленной и туристической сферах. Кроме того, путем углубления экономического сотрудничества с регионом Вашингтон также выигрывает от многовекторной дипломатии [13], предлагаемой президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым, который активно продвигает Казахстан как международный центр для бизнеса, торговли и инноваций.

Во-вторых, в условиях формирующейся многополярности мира подъем менее развитых стран свидетельствует, что средние державы будут все более самостоятельно разрабатывать свои собственные стратегии и принимать решения независимо от западных инициатив. С развитием международного бизнеса и экономической открытости Казахстана и других стран Центральной Азии Соединенные Штаты больше не могут позволить себе игнорировать этот регион.

В-третьих, США имеют потенциал для установления доверительных отношений и сотрудничества с молодым поколением Центральной Азии, которое стремится к близким связям с Соединенными Штатами. Возмож-

но, приход США в регион произошел позже по сравнению с Китаем и Россией, однако мягкая сила Соединенных Штатов, проявляющаяся в потребительской культуре и популярной молодежной культуре, остается привлекательной для молодого поколения, которое, скорее всего, будет искать возможности в США, а не в Москве или Пекине.

Несмотря на эти положительные инициативы, последние события указывают на то, что влияние Соединенных Штатов в регионе Центральной Азии, по всей видимости, уменьшается и становится менее значительным по сравнению с влиянием Китая и, в определенной степени, России. Растущее экономическое сотрудничество между Китаем и его ближайшими соседями в Центральной Азии создает новую динамику для этого региона, что, в свою очередь, требует от Соединенных Штатов разработки новых стратегий в отношении данного региона.

Кстати, стоит отметить, что в гонку за развитием «институтов» включились и другие участники. В 2022 г. прошел первый саммит Россия – Центральная Азия, на котором присутствовали лидеры государств. В мае 2023 г. аналогичное мероприятие организовали с участием руководителя Китая. А в сентябре 2023 г. немецкие высшие должностные лица встретились с центральноазиатскими лидерами в рамках двустороннего саммита. Также было объявлено о намерении Японии провести встречу на самом высоком уровне [14].

Россия и Китай

Традиционные участники, особенно Россия и Китай, в основном сосредоточились на укреплении своих отношений со странами Центральной Азии через ряд международных организаций и инициатив, таких как ЕАЭС, инициатива «Пояс и путь», ШОС и ОДКБ. В отличие от других внешних участников, эти страны не начинали с формирования формальных структур сотрудничества вроде С5+1. Китай для развития выбрал двусторонние связи со странами региона и расширил инвестиционную, инфраструктурную и транспортную помощь региону для улучшения транзита и участия в мировых торговых маршрутах.

Несмотря на распространенные предположения о позиции России и Китая в отношении программы С5+1, они уделяют приоритетное внимание региону, прилагая усилия по активизации и укреплению связей со странами Центральной Азии. Низкий уровень интеграции и сотрудничества между малым и средним бизнесом и гражданским обществом в рамках взаимоотношений между Россией, Центральной Азией и Китаем (ЕАЭС и инициатива «Пояс и путь») был определен как важный вопрос, который необходимо решить.

Последующие встречи в формате С5+1 ознаменовались принятием министрами иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации Совместного заявления по стратегическим направлениям сотрудничества [15]. Этот документ можно рассматривать как программное заявление, в котором Россия выразила свой пересмотренный подход к региону [16]. Если сопоставить российский вариант формата С5+1 с ее стратегией в отношении Центральной Азии за последние 30 лет независимости, можно заметить, что идеи и ценности демократии в этом документе не находят своего отражения, что существенно отличает его от американской и европейской стратегий.

В настоящее время ЕАЭС начинает представлять собой не столько выгодную организацию для всех своих членов, сколько геополитическую цель России. США известны своим критическим отношением к ЕАЭС и даже выразили сомнения относительно вступления Узбекистана в этот союз. Вместе с тем все пять стран Центральной Азии возобновили свой пятисторонний региональный формат сотрудничества, известный как «Консультативные встречи». В этой ситуации странам региона приходится постоянно адаптироваться или более четко определять свои общие позиции. Можно сделать вывод, что российский формат С5+1 скорее ориентирован на Россию, чем на региональные интересы [17].

Что касается китайской стратегии, то Си Цзиньпин совершил свой первый визит в регион еще в 2013 г., находясь на посту президента Китая, и за последние 10 лет побывал в странах Центральной Азии семь раз. Китай, несмотря на задержку в создании формата С5+1, имеет давнее и значительное экономическое присутствие в регионе. В торговле Китай является либо наиболее значительным, либо вторым по значимости партнером. Китай также активно инвестирует в физическую и цифровую инфраструктуру в регионе. Тем не менее Пекин в течение долгого времени отдавал приоритет двусторонним отношениям с этим регионом. Региональные встречи не являются новым явлением, так как страны периодически собираются в рамках Инициативы «Пояс и путь» и ШОС, но эти встречи не ограничиваются исключительно пятью странами Центральной Азии и Китаем. В июле 2020 г. Китай организовал первую встречу министров иностранных дел всех пяти стран Центральной Азии в формате С5+1 [18]. Это событие было инициировано Китаем и фокусировалось на совместном сотрудничестве в решении проблем, связанных с пандемией и восстановлением экономики в регионе. Пекин, вероятно, видел подходящий момент для усиления своего влияния в Центральной Азии, учитывая перегруженность здравоохранительных систем стран региона и напряженную экономическую обстановку. В ходе этой виртуальной встречи Китай выразил готовность предоставить «зеленый коридор» для своих продуктов в Центральную Азию и увеличить закупки сельскохозяйственной продукции из этого региона [19].

12 мая 2021 г. в Китае (Сиань) состоялась вторая встреча министров иностранных дел в формате Центральная Азия – Китай. Министры обсудили такие вопросы, как укрепление взаимовыгодного сотрудничества, расширение транспортных связей, обеспечение непрерывности торговли, углубление экономических связей для обеспечения региональной безопасности, а также коллективное противодействие вызовам и угрозам. Анализ ситуации в Афганистане и восстановление его социально-экономической инфраструктуры также были основными направлениями для обсуждений [20].

В 2022 г., во время празднования 30-летия отношений между Си Цзиньпином и президентами стран Центральной Азии, было объявлено о создании «Китайско-Центральноазиатского сообщества с общим будущим». В своей ключевой речи на саммите Си Цзиньпин сформулировал четыре фундаментальных принципа усилий в данном направлении [21]. Главные принципы этой инициативы включают в себя:

1. Диалог и сотрудничество: содействие диалогу и сотрудничеству между Китаем и странами Центральной Азии с целью решения совместных вызовов и достижения общих целей.

2. Взаимовыгодное партнерство: развитие партнерских отношений, которые приносят взаимную выгоду и способствуют развитию обеих сторон.

3. Совместное строительство инициативы «Пояс и Путь»: совместные усилия в строительстве инфраструктуры и развитии торговых и экономических связей в рамках инициативы «Пояс и Путь» для улучшения региональной интеграции и сотрудничества.

4. Совместное развитие и благосостояние: поощрение развития и благосостояния всех стран-участниц, а также укрепление связей и сотрудничества для достижения общих целей и процветания региона.

Руководители Китая и стран Центральной Азии утвердили формат своих регулярных саммитов, которые будут проводиться раз в два года поочередно в Китае и государствах Центральной Азии. Следующее собрание запланировано на 2025 г. и состоится в Казахстане [18].

Европейский Союз (ЕС)

Европейский Союз также осознает важность государств Центральной Азии, особенно в свете санкций против России. Несмотря на потенциальный риск того, что поддержка стран Центральной Азии может способствовать попыткам России обойти санкции, ЕС понимает, что любые ограничения, примененные в отношении стран Центральной Азии, могут повысить вероятность их приближения к России и Китаю. Кроме того, для европейских компаний, стремящихся выйти из России, Центральная Азия стала ключевым направлением.

Стратегия для развития Центральной Азии, впервые представленная в 2007 г., была пересмотрена Европейским союзом в 2015 г. с целью улучшения результатов в Центральной Азии. Несмотря на это, Генеральный директорат по внешним связям Европейского парламента подчеркнул, что ЕС по-прежнему является одним из самых слабых участников в Центральной Азии.

Отсутствие стабильных торговых отношений между Европейским союзом и Центральной Азией привело к заметному разрыву в региональной торговле, в то время как демократические ценности, согласованные с ЕС, воспринимаются региональными лидерами как потенциальная угроза их выживанию. Экономическому развитию в регионе по-прежнему препятствует коррупция, которая также ослабляет силу международной экономической помощи в регионе, и положение в области прав человека не улучшается. «Семинары гражданского общества» и Европейский инструмент в области демократии и прав человека (European Instrument for Democracy and Human Rights; EIDHR) являются одними из инструментов, которые ЕС использует для укрепления отношений с другими странами. Также наращивает свою работу в регионе Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy).

В последние годы ЕС стремился развивать двусторонние отношения с государствами Центральной Азии вместо использования многосторонних форматов, подобных Китаю. Поэтому сегодня нельзя говорить о существовании формата С5+1 между ЕС и Центральной Азией. Однако ЕС признает необходимость встраивания в текущую ситуацию и попыток воздействия на развитие региона изнутри.

27 октября 2022 г. в Астане состоялся исторический региональный саммит между лидерами стран Центральной Азии и Европейским Союзом. Президент Европейского Совета Шарль Мишель также присутствовал на мероприятии. В свете сложного времени для Европы и региона в целом участники обсудили перспективные и многогранные возможности сотрудничества. Особое внимание уделялось значению Центральной Азии как связующего звена между Европой и Азией. Была высказана идея согласования транспортных маршрутов Центральной Азии и ЕС, включая систему Трансъевропейской транспортной сети (TEN-T) [22].

Участники саммита также обсуждали в рамках встречи энергетическое сотрудничество. Учитывая текущую геополитическую обстановку и энергетический кризис в Европе, ЕС выразил интерес к разнообразным источникам энергии. Казахстан и Туркменистан представляют хорошие альтернативы в этом контексте. Партнеры также выразили интерес к улучшению транспортной инфраструктуры для перевозки энергоресурсов, особенно с учетом текущих обстоятельств с каспийскими трубопроводами. В рамках обсуждения «зеленой» энергии стороны проявили интерес к усилению устойчивых и экологически чистых аспектов сотрудничества.

Также были обсуждены проекты, которые государства Центральной Азии внедряют для укрепления потенциала афганского народа. В частности, участники оценили промежуточные результаты пилотного проекта, направленного на обучение афганских женщин в казахских и узбекских университетах, а также специальных образовательных программ в кыргызских, таджикских и туркменских учебных заведениях.

Проведенный политический диалог подтверждает, что ЕС намерен следовать своим политическим целям, описанным в его стратегии по Центральной Азии 2019 г. С учетом нынешних геополитических и энергетических вызовов в Европе ЕС стремится сохранить свои присутствие и интересы в Центральной Азии, одновременно обеспечивая поставки энергоресурсов из этого региона, о чем, в частности, свидетельствуют визиты глав государств ЕС в страны Центральной Азии в 2023 г. В ноябре 2023 г с официальным визитом Казахстан и Узбекистан посетил Э. Макрон. Развитие эффективных транспортных маршрутов и установление новых связей стоят в центре сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии.

Устойчивое развитие выступает основной ценностью Европейского союза, также ЕС уделяет большое внимания долгосрочному развитию, а не краткосрочным целям. Он признает, что конкуренция с Россией и Китаем в регионе не всегда может быть правильным выбором, и рекомендует сосредоточиться на конкретных экономических проектах и сотрудничестве в области безопасности. ЕС будет продолжать укреплять свою политическую и финансовую помощь в области образования, улучшения прав человека и гражданского общества, которые являются одними из наиболее важных областей.

Япония

Япония была первой страной, которая инициировала формат сотрудничества между Центральной Азией и Японией на уровне министров в 2004 г. За ней в 2007 г. последовала и Южная Корея. На протяжении 2017 г. многосторонняя инициатива С5+1 привлекала больше внимания к региону Центральной Азии со стороны других международных участников. Следует отметить, что Япония внесла значительный вклад в сотрудничество с Центральной Азией, предлагая формат С5+1 для этого региона еще в 2004 г. Данный формат продолжает быть актуальным, и в декабре 2022 г. министры иностранных дел пяти стран Центральной Азии встретились в Токио вместе со своими японскими коллегами.

В настоящее время Япония предлагает официальную поддержку для содействия развитию граждан региона путем оказания помощи. Партнерство с ней предполагает работу с такими глобальными учреждениями, как UNDP и UNODC, в различных областях. Япония в партнерстве с Европейским Союзом является активным участником конференций по управлению безопасностью границ (CABSI). Программы стажировок в Институте Азии и Дальнего Востока (UNAFEI) также доступны для решения проблем предупреждения преступности и борьбы с правонарушителями.

В 2015 г., развивая свои партнерские отношения с государствами Центральной Азии, Япония впервые в истории организовала визит главы своего государства в страны этого региона. Результатом визита с договоренностями на общую сумму 27 млрд долл. США, стало утверждение основного направления совместной работы на ближайшие несколько десятилетий. Цель состояла в том, чтобы стимулировать развитие сельского хозяйства в Центральной Азии на основе интеграции японских технологий и опыта в сельскохозяйственном секторе. В ходе визита также был упомянут всеобъемлющий доклад о работе, проделанной в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков, укрепления контроля над государственными границами для устойчивого развития, включая предотвращение стихийных бедствий и улучшение положения женщин в регионе.

Помимо поддержки региональных социально-экономических проектов, Япония также готова оказывать поддержку в области технологий и развивать финансовый сектор. Подход Японии к региону отличается тем, что она не согласовывает какие-либо проекты или программы с определенной политической повесткой дня, она обладает значительными финансовыми ресурсами, что делает ее более привлекательным союзником для стран Центральной Азии, особенно во времена экономических спадов.

Кроме того, взаимодействие Японии с регионом, похоже, не обусловлено какими-либо конкретными геополитическими или другими проблемами. Ожидается, что экономическое доминирование Японии в регионе возрастет в ближайшие годы.

Республика Корея

Основанный в 2007 г. Форум сотрудничества Корея – Центральная Азия направлен на решение сложных многосторонних и двусторонних вопросов. Политические, социально-экономические и культурные аспекты сотрудничества отражены в переговорах между странами и включают сотрудничество в области энергетики, природных ресурсов, инфраструктуры, информационных технологий, сельского хозяйства, науки и техники, медицины и здравоохранения, финансов, легкой промышленности и образования. Южная Корея может служить образцом для стран Центральной Азии. Поскольку Южная Корея в настоящее время формирует экономическое партнерство с центральноазиатскими странами, она инвестирует в ключевые отрасли, такие как добыча урана, нефти, газа и других природных ресурсов, а также в инфраструктуру, транспорт и др. Основной задачей Кореи в Центральной Азии является доступ к ресурсам и снижение ее зависимости от поставок энергии с Ближнего Востока, поскольку 97% энергии, которую использует страна, импортируется.

Зависимость Кореи от ядерной энергетики связана с ростом импорта урана, что приводит к увеличению инвестиций в уранодобывающую промышленность. Государства Центральной Азии в настоящее время изучают преимущества и недостатки инвестиций в корейские технологии, и именно это побудило страны Центральной Азии уделять первоочередное внимание укреплению своих связей с Кореей. В целом сотрудничество между Кореей и странами Центральной Азии охватывает несколько форматов, но в основном фокусируется на взаимных экономических интересах и подкрепляется историческими и культурными связями [7].

Заключение

В качестве выводов можно отметить следующее: инициатива С5+1 была определена как средство укрепления сотрудничества между странами Центральной Азии и их международными союзниками путем содействия периодическим обменам мнениями, которые классифицируются как новый многосторонний формат. Это поддерживает региональную стабильность, которая способствует экономическому росту, включающему максимальную численность населения. Геополитическое и экономическое значение Центральной Азии повышается появлением новых каналов и платформ для диалога между региональными и международными участниками.

Последние три десятилетия независимости подтвердили, что страны Центральной Азии являются не просто бывшими республиками СССР, которые поставляли продовольствие, энергию и металлы в европейские части бывшего Советского Союза. Для стран Центральной Азии процесс перехода от роли поставщика сырья для советской системы к действительно независимой экономике оказался намного сложнее, чем ожидалось в начале 1990-х гг. В то же время они осознали, что для достижения новых уровней процветания необходимо участвовать в мировом сотрудничестве и партнерстве с другими странами, а также быть готовыми к внесению необходимых изменений.

Украинский кризис будет способствовать изменению внешнеполитического курса крупных государств, в частности России. Государства Центральной Азии не только укрепят свои связи с Индией, Китаем и Ираном, но и продолжат расширять сотрудничество с Соединенными Штатами, Японией и Республикой Корея. Расширение взаимодействия между странами Центральной Азии и их соседями приведет к ослаблению существующего регионального порядка и будет способствовать формированию более гибкой структуры в регионе. Государства Центральной Азии при отсутствии серьезных внутренних противоречий будут укреплять форматы взаимодействия в рамках собственного региона, а также на этой основе выстраивать отношения с «внешними» государствами. Они будут стремиться к развитию, охватывая более широкий контекст Азии, вместо ограничения себя ролью в рамках Евразии. По мере нарастания напряженности между Россией и Европейским Союзом Россия также будет активно ориентироваться на Азию, следуя своей стратегии «Поворот на Восток» [23].

Китаю, свою очередь, открываются как перспективы, так и трудности в Центральной Азии. С одной стороны, страны в этом регионе готовы углублять сотрудничество с Китаем. С другой стороны, увеличивающаяся фрагментация и сложность могут оказать влияние на стабильность в регионе. В ответ на текущую ситуацию Китай может продолжать поддерживать стратегическое сотрудничество с Россией и оставаться ведущей силой в содействии региональной стабильности. Тенденция к фрагментации в Евразии подразумевает, что Китай может пересмотреть свой подход к взаимодействию с регионом в целом и адаптировать свою дипломатическую стратегию, учитывая особенности и изменения в различных субрегионах. Недавний саммит Китай – Центральная Азия, проведенный в мае 2023 г. в Сиане, служит хорошим примером конкретных корректировок, внесенных Китаем, чтобы лучше соответствовать потребностям данного субрегиона [23]. При этом необходимо учитывать, что Китай будет оставаться важнейшим элементом поддержания стабильности в регионе: он не только обладает ресурсами для такого рода политики, но и готов оказывать влияние на ситуацию в Центральной Азии. В частности, он может повлиять на Афганистан, который в ускоренном темпе строит канал Куштепа для отвода воды из Амударьи, что негативно скажется на государствах ЦА, расположенных ниже над уровнем моря [24].

Различия в институциональной структуре, содержании, эффективности и уровне удовлетворенности среди участников моделей сотрудничества С5+1 коренятся в различных факторах. Все вышеуказанные внешние участники хотят остаться в регионе и продолжать расширять свое влияние. Очевидно, что страны Центральной Азии стремятся к установлению партнерских отношений и диверсификации международных связей. Однако они не смогут достичь этой цели без разрешения своих собственных региональных проблем и экономических трудностей. Отсутствие компетентности и недостаточное качество человеческого капитала для совершенствования экономики – ключевые проблемы, с которыми сталкиваются государства Центральной Азии в настоящее время. Способность государств этого региона обучать квалифицированных специалистов с необходимым уровнем компетенции играет важную роль. Сама платформа С5+1 будет работать и в дальнейшем, она позволит уточнить и согласовать интересы государств региона, в том числе по отношению к «внешним» державам.

Список источников

1. Burke J. Central Asia: Trade with China registers strong growth during first half of 2023 // Eurasianet. 2023. July 26, URL: https://eurasianet.org/central-asia-trade-with-china-registers-strong-growth-during-first-half-of-2023 (accessed: 13.10.2023).
2. Daft R. Organization Theory and Design. 9th ed. London : Thomson Learning Inc., South-Western, 2007.
3. Putz C. US focuses attention on Central Asia with new economic initiative // The Diplomat. 2022. URL: https://thediplomat.com/2022/11/us-focuses-attention-on-central-asia-with-new-economic-initiative/ (accessed: 13.10.2023).
4. Chinese President Xi Jinping's First International Visit Since Start of COVID-19 Pandemic to Take Place on September 14, Kazakhstan Confirms // The Astana Times. 2022. Sept. 12. URL: https://astanatimes.com/2022/09/chinese-president-xi-jinpings-first-international-visit-since-start-of-covid-19-pandemic-to-take-place-on-september-14-kazakhstan-confirms/ (accessed: 13.10.2023).
5. Parkhomchik L. New Format of Dialogue between the U.S. and Central Asian States: C5+1 Initiative // Eurasian Research Institute. 2022. URL: https://www.eurasian-research.org/publication/new-format-of-dialogue-between-the-u-s-and-central-asian-states-c51-initiative/ (accessed: 15.10.2023).
6. ТИФА и С5+1: процветание через партнерство // Посольство США в Киргизской Республике. 2016. URL: https://kg.usembassy.gov/ru/%D1%8151-prosperity-partnership-ru/ (дата обращения: 13.10.2023).
7. Алексеенкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41. // Russia and the Moslem World. 2018. № 3 (301). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2018-03-008-elena-alekseenkova-comparative-analysis-of-the-activities-of-5-1-formats-created-in-central-asia-with-the-u-s-korea-japan-and-the-eu (дата обращения: 23.10.2023).
8. Казахстан привлек рекордный объем прямых иностранных инвестиций // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. 2023. URL: https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-privlek-rekordnyy-obem-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-23663 (дата обращения: 23.10.2023).
9. 中亚五国和美国“C5+1”模式部长级会议在哈萨克斯坦举行 // 人民网, 2023. URL: http://usa.people.com.cn/n1/2023/0301/c241376-32633557.html (дата обращения: 06.12.2023)

10. Nelson H. First-Ever C5+1 Presidential Gathering: An “Historic Moment” for the United States and Central Asia // Caspian Policy Center. 2023. URL: https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/first-ever-c51-presidential-gathering-an-historic-moment-for-the-united-states-and-central-asia (accessed: 23.10.2023).
11. Wood C. What Happened at the First-Ever Central Asia-US Leaders’ Summit? // The Diplomat. 2023 URL: https://thediplomat.com/2023/09/what-happened-at-the-first-ever-central-asia-us-leaders-summit/ (accessed: 23.10.2023).
12. Rossi M. C5+1: US’ Enhanced Engagement with Central Asia // The Astana Times. 2023 URL: https://astanatimes.com/2023/10/c51-us-enhanced-engagement-with-central-asia/ (accessed: 23.10.2023).
13. Zhussupova A. Peace Through Engagement: The Multi-Vector Direction of Kazakhstan’s Foreign Policy // The Astana Times. 2021. URL: https://astanatimes.com/2021/03/peace-through-engagement-the-multi-vector-direction-of-kazakhstans-foreign-policy/ (accessed: 23.10.2023).
14. Махмутова Е. США возвращаются в Центральную Азию, но есть нюансы // Российский совет по международным делам. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/?sphrase_id=115156393 (дата обращения: 23.10.2023).
15. Statement by foreign ministers of the Central Asian states and the Russian Federation on strategic areas of cooperation // The Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. 2020. Oct. 15. URL: https://archive.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390973 (accessed: 23.10.2023).
16. Otorbaev D. Do Russia and China Have Coordinated Strategies Towards Central Asia? // Valdai Discussion Club. 2021. Jan. 12. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/do-russia-and-china-have-coordinated-strategies/ (accessed: 23.10.2023).
17. Толипов Ф. Геополитическая арифметика «5+1» в Центральной Азии // CABAR. 2020. URL: https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii (дата обращения: 23.10.2023).
18. 首场主场外交大戏，受邀的为何是中亚五国？// 新华网, 2023. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1765467041807452274&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 06.12.2023).
19. Hashimova U. China Launches 5+1 Format Meetings With Central Asia // The Diplomat. 2020. URL: https://thediplomat.com/2020/07/china-launches-51-format-meetings-with-central-asia/ (дата обращения: 23.10.2023).
20. Abdulaziz Kamilov takes part in second China – Central Asia Ministerial Meeting // KUN.UZ. 2021. May 12. URL: https://kun.uz/en/news/2021/05/12/abdulaziz-kamilov-takes-part-in-second-china-central-asia-ministerial-meeting (accessed: 23.10.2023).
21. Forging Ahead on the New Journey toward a Community with a Shared Future for Mankind // Ministry of Foreign Affairs of The Peoples Republic of China. 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202303/t20230329_11051025.html (accessed: 23.10.2023).
22. Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council // European Council. 2022. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/27/joint-press-communique-heads-of-state-of-central-asia-and-the-president-of-the-european-council/ (accessed: 13.10.2023).
23. Gu Wei. Fragmentation and complexity // China Daily. 2023. June 01. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/01/WS6477db33a3107584c3ac33f2.html (accessed: 13.10.2023).
24. Ахроров П.Д. Не было печали: станет ли строительство канала Куштепа катастрофой для Узбекистана? // KUN.UZ. 2023. URL: https://kun.uz/ru/news/2023/06/10/ne-bylo-pechali-stanet-li-stroitelstvo-kanala-kushtepa-katastrofoy-dlya-uzbekistana#:%7E (дата обращения: 06.12.2023).

References

1. Burke, J. (2023) Central Asia: Trade with China registers strong growth during first half of 2023. *Eurasianet*. 26th July. [Online] Available from: https://eurasianet.org/central-asia-trade-with-china-registers-strong-growth-during-first-half-of-2023 (Accessed: 13th October 2023).
2. Daft, R. (2007) *Organization Theory and Design*. 9th ed. London: Thomson Learning Inc., South-Western.
3. Putz, C. (2022) *US focuses attention on Central Asia with new economic initiative.* [Online] Available from: https://thediplomat.com/2022/11/us-focuses-attention-on-central-asia-with-new-economic-initiative/ (Accessed: 13th October 2023).
4. *The Astana Times*. (2022) Chinese President Xi Jinping's First International Visit Since Start of COVID-19 Pandemic to Take Place on September 14, Kazakhstan Confirms. 12th September. [Online] Available from: https://astanatimes.com/2022/09/chinese-president-xi-jinpings-first-international-visit-since-start-of-covid-19-pandemic-to-take-place-on-september-14-kazakhstan-confirms/ (Accessed: 13th October 2023).
5. Parkhomchik, L. (2022) *New Format of Dialogue between the U.S. and Central Asian States: C5+1 Initiative*. [Online] Available from: https://www.eurasian-research.org/publication/new-format-of-dialogue-between-the-u-s-and-central-asian-states-c51-initiative/ (Accessed: 15th October 2023).
6. US Embassy in the Kyrgyz Republic Republic. (2016) *TIFA i S5+1: protsvetanie cherez partnerstvo* [TIFA and C5+1: Prosperity through Partnership]. [Online] Available from: https://kg.usembassy.gov/ru/% D1%8151-prosperity-partnership-ru/ (Accessed: 13th October 2023).
7. Alekseenkova, E.S. (2017) Sravnitel'nyy analiz deyatel'nosti sozdannykh v Tsentral'noy Azii formatov “5+1” (s uchastiem SShA, Yuzhnoy Korei, Yaponii i ES) [A comparative analysis of the activities of the “5+1” formats in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan, and the EU)]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 1(19). pp. 29–41. // Russia and the Moslem World. 2018. № 3 (301). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/2018-03-008-elena-alekseenkova-comparative-analysis-of-the-activities-of-5-1-formats-created-in-central-asia-with-the-u-s-korea-japan-and-the-eu (Accessed: 23rd October 2023).
8. The Republic of Kazakhstan. (2023) *Kazakhstan privlek rekordnyy ob"em pryamykh inostrannykh investitsiy* [Kazakhstan attracted a record volume of foreign direct investment]. [Online] Available from: https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-privlek-rekordnyy-obem-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-23663 (Accessed: 23rd October 2023).
9. China. (2023) *中亚五国和美国“C5+1”模式部长级会议在哈萨克斯坦举行*. [Online] Available from: http://usa.people.com.cn/n1/2023/0301/c241376-32633557.html (Accessed: 6th December 2023).
10. Nelson, H. (2023) *First-Ever C5+1 Presidential Gathering: An “Historic Moment” for the United States and Central Asia*. [Online] Available from: https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/first-ever-c51-presidential-gathering-an-historic-moment-for-the-united-states-and-central-asia (Accessed: 23rd October 2023).
11. Wood, C. (2023) *What Happened at the First-Ever Central Asia-US Leaders’ Summit?* [Online] Available from: https://thediplomat.com/2023/09/what-happened-at-the-first-ever-central-asia-us-leaders-summit/ (Accessed: 23rd October 2023).
12. Rossi, M. (2023) *C5+1: US’ Enhanced Engagement with Central Asia*. [Online] Available from: https://astanatimes.com/2023/10/c51-us-enhanced-engagement-with-central-asia/ (Accessed: 23rd October 2023).
13. Zhussupova, A. (2021) *Peace Through Engagement: The Multi-Vector Direction of Kazakhstan’s Foreign Policy*. [Online] Available from: https://astanatimes.com/2021/03/peace-through-engagement-the-multi-vector-direction-of-kazakhstans-foreign-policy/ (Accessed: 23rd October 2023).
14. Makhmutova, E. (2023) *SShA vozvrashchayutsya v Tsentral'nuyu Aziyu, no est' nyuansy* [The United States is returning to Central Asia, but there are nuances]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/?sphrase_id=115156393 (Accessed: 23rd October 2023).
15. The Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. (2020) *Statement by foreign ministers of the Central Asian states and the Russian Federation on strategic areas of cooperation*. 15th October. [Online] Available from: https://archive.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/ 4390973 (Accessed: 23rd October 2023).

16. Otorbaev, D. (2021) Do Russia and China Have Coordinated Strategies Towards Central Asia? *Valdai Discussion Club*. 12th January. [Online] Available from: https://valdaiclub.com/a/highlights/do-russia-and-china-have-coordinated-strategies/ (Accessed: 23rd October 2023).
17. Tolipov, F. (2020) *Geopoliticheskaya arifmetika "5+1" v Tsentral'noy Azii* [Geopolitical arithmetic "5 + 1" in Central Asia]. [Online] Available from: https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii (Accessed: 23rd October 2023).
18. 新华网. (2023) *首场主场外交大戏，受邀的为何是中亚五国？* [Online] Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1765467041807452274&wfr=spider&for= pc (Accessed: 6th December 2023).
19. Hashimova, U. (2020) *China Launches 5+1 Format Meetings with Central Asia*. [Online] Available from: https://thediplomat.com/2020/07/china-launches-51-format-meetings-with-central-asia/ (Accessed: 23rd October 2023).
20. *KUN.UZ*. (2021) Abdulaziz Kamilov takes part in second China – Central Asia Ministerial Meeting. 12th May. [Online] Available from: https://kun.uz/en/ news/2021/05/12/abdulaziz-kamilov-takes-part-in-second-china-central-asia-ministerial-meeting (Accessed: 23rd October 2023).
21. Ministry of Foreign Affairs of The Peoples Republic of China. (2023) *Forging Ahead on the New Journey toward a Community with a Shared Future for Mankind*. [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202303/t20230329_11051025.html (Accessed: 23rd October 2023).
22. European Council. (2022) *Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council*. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/27/joint-press-communique-heads-of-state-of-central-asia-and-the-president-of-the-european-council/ (Accessed: 13th October 2023).
23. Gu Wei. (2023) Fragmentation and complexity. *China Daily*. 1st June. [Online] Available from: https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/01/WS6477db33a3107584c 3ac33f2.html (Accessed: 13th October 2023).
24. Akhrorov, P.D. (2023) *Ne bylo pechali: stanet li stroitel'stvo kanala Kushtepa katastrofoy dlya Uzbekistana?* [There was no sorrows: will the construction of the Kushtepa canal become a disaster for Uzbekistan?]. [Online] Available from: https://kun.uz/ru/news/2023/06/10/ne-bylo-pechali-stanet-li-stroitelstvo-kanala-kushtepa-katastrofoy-dlya-uzbekistana#:%7E (Accessed: 6th December 2023).

***Сведения об авторе*:**
Сюй Цзюнь – аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук, преподаватель Института Конфуция Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: xujun@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Xu Jun – Graduate Student of the Department of Oriental Studies at the Faculty of Historical and Political Sciences, a lecturer at the Confucius Institute of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: xujun@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 11.12.2023; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 314.74
doi: 10.17223/19988613/89/16

Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг.

Сергей Миронович Юн[1], Анастасия Михайловна Погорельская[2], Владимир Алексеевич Трофимов[3], Жанара Таалайбек кызы[4]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[3, 4] Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
[1] sergey.yun@mail.tsu.ru
[2] pogorelskaya@mail.tsu.ru
[3] sakh-trade@mail.ru
[4] zhanar.taalai@gmail.com

Аннотация. Резкое ухудшение международной обстановки в 2022–2023 гг. привело к сокращению потоков трудовой и образовательной миграции из Кыргызстана в Россию, но в меньшей степени, чем из других стран Центральной Азии. Новым явлением стал резкий рост выезда россиян в Кыргызстан в 2022 г., обусловивший и соответствующее движение капитала, которые затем стабилизировались. В целом устойчивые черты национальных рынков труда и систем высшего образования способствуют поддержанию традиционного направления миграции из Кыргызстана в Россию в Евразийской миграционной системе.
Ключевые слова: Россия, Кыргызстан, международная миграция, труд, высшее образование, денежные переводы

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, https://rscf.ru/project/23-78-10036/

Для цитирования: Юн С.М., Погорельская А.М., Трофимов В.А., Таалайбек кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 133–142. doi: 10.17223/19988613/89/16

Original article

Labour and educational migration from Kyrgyzstan to Russia under international crisis 2022–2023

Sergey M. Yun[1], Olim T. Turdikulov[2], V.A. Trofimov[3], Zhanara Taalaibek kyzy[4]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[3, 4] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
[1] sergey.yun@mail.tsu.ru
[2] pogorelskaya@mail.tsu.ru
[3] sakh-trade@mail.ru
[4] zhanar.taalai@gmail.com

Abstract. International political crisis of 2022-2023 has changed the environment of interaction between Russia and Kyrgyzstan. The research questions of this article are the following: to what extent did this international crisis affect labor and educational migration between Russia and Kyrgyzstan? Did any new aspects emerge in this area as a result of the crisis, and to what extent might they become the mid- or long-term trends?
Literature analysis covered the studies of leading Russian and foreign specialists. Since migration between Russia and Kyrgyzstan in 2022-2023 has not been covered in research literature yet, authors also relied on statistical data from national departments and international organizations including UNESCO, World Bank and IOM.
Labor migration between Kyrgyzstan and Russia is traditionally encouraged by differences in population growth rates, wages and living standards. International crisis 2022-2023 reduced the interest of Kazakhstani and Kyrgyzstani citizens in Russian labor market, although to a lesser extent than other Central Asian states. Labor migration from Kyrgyzstan to Russia continued as remittances support many households in Kyrgyzstan. In addition, many Kyrgyz migrants settle in Russia due to personal connections; thus, it is difficult for them to redirect to other markets. The anti-immigrant rhetoric, which intensified in Russia in 2023, and the weakening of rouble may have unfavorable impact, but the potential for labor migration from Kyrgyzstan to Russia remains. A new phenomenon in 2022 was an increase of arrivals from Russia to Kyrgyzstan, but this is unlikely to be a long-term trend.

© С.М. Юн, А.М. Погорельская, В.А. Трофимов, Ж. Таалайбек кызы, 2024

Educational migration from Kyrgyzstan to Russia is supported by difference in higher education quality and the opportunity for Kyrgyz citizens to study for free. Enrollment to Russian universities from Kyrgyzstan increased in 2022, but fell in 2023, although to a lesser extent than from other Central Asian countries.
In general, labor and educational migration from Kyrgyzstan to Russia in 2022-2023 remained an important part of the Eurasian migration system. They also continued to be influenced by previously established push and pull factors, as well as facilitated by numerous interstate and interpersonal connections, and the action of numerous interested intermediaries.
Keywords: Russia, Kyrgyzstan, international migration, labour, higher education, remittances

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project № 23-78-10036, https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/

For citation: Yun, S.M., Pogorelskaya, A.M., Trofimov, V.A., Taalaibek kyzy, Zh. (2024) Labour and educational migration from Kyrgyzstan to Russia under international crisis 2022-2023. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 133–142. doi: 10.17223/19988613/89/16

Введение

Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию – традиционно значимая сфера двусторонних отношений. Для России Кыргызстан является источником пополнения дефицитных трудовых ресурсов в ряде отраслей, привлечения русскоязычной молодежи в российские вузы на бюджетные и платные места с перспективой их последующего трудоустройства в России. Для Кыргызстана миграция в Россию смягчает проблемы избыточности трудовых ресурсов и общего слабого качества высшего образования, является источником крупных трансферов доходов трудовых мигрантов в экономику страны. Такая взаимная заинтересованность и взаимозависимость обеспечивают постоянный интенсивный людской поток между двумя странами, способствуя развитию связей в других областях, лучшему знанию друг друга народами двух стран, их социокультурному сближению.

Международный политический кризис 2022–2023 гг. и связанные с ним негативный информационный фон, волатильность рубля, санкционное давление на Россию и страны-партнеры, сложности в международных расчетах и переводах, выход России из Болонской системы и план перехода российского высшего образования на новую модель резко изменили среду двустороннего взаимодействия России с зарубежными странами, включая Кыргызстан, в различных областях. В какой степени международный кризис 2022–2023 гг. затронул сферы трудовой и образовательной миграции в отношениях России и Кыргызстана? Сохранилась ли роль России в качестве основного направления данных типов миграции граждан Кыргызстана? Появились ли в результате кризиса новые аспекты в этой сфере и в какой степени они имеют шанс стать трендами среднесрочного или долгосрочного характера? Эти исследовательские вопросы лежат в основе данного исследования. Соответственно, задачами исследования, определившими структуру работы, являются, во-первых, обзор основных теоретических подходов к интерпретации закономерностей трудовой и образовательной миграции, во-вторых, анализ влияния кризиса 2022–2023 гг. отдельно на трудовую и на образовательную миграцию в российско-кыргызстанских отношениях.

Основу источниковой базы исследования составляют данные государственной статистики Национального статистического комитета и Национального банка Кыргызской Республики, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также статистические данные Евразийской экономической комиссии, Международной организации по миграции, Института статистики Специализированного агентства ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирного банка. Что касается литературы, то для проведения исследования были привлечены, во-первых, теоретическо-методологические исследования ведущих российских и зарубежных специалистов, во-вторых, работы специалистов по миграции в Россию, посвященные периоду до 2022 г. Так как изучение последних двух лет миграционных связей России и Кыргызстана не получило развития в литературе, авторы данной работы в их анализе опирались главным образом на доступные статистические данные.

Теоретико-методологические рамки исследования

Начиная со сформулированных в конце XIX в. немецким географом Э.Г. Равенштейном законов миграции [1], предпринимались попытки обосновать направления миграции действием факторов выталкивания и притяжения, что затем получило развитие в неоклассической теории международной миграции. В отношении трудовой миграции эта теория полагала, что движение идет из государств, с излишком обеспеченных трудовыми ресурсами и потому характеризующихся низким уровнем заработной платы, в государства, испытывающие нехватку трудовых ресурсов, где им готовы платить более высокое вознаграждение. Однако такой подход предполагает в долгосрочной перспективе выравнивание уровня зарплат и исчезновение предпосылок для трудовой миграции [2. P. 4–5].

Новая экономическая теория миграции основывалась на предположении, что решение о миграции является долгосрочной стратегией домохозяйства, а не одномоментным выбором рационального индивида. В этой связи оно зависит от поведения и стремлений целых социальных групп. Тем не менее обе указанные теории анализировали трудовую миграцию со стороны предложения на рынке труда [3. P. 24–25].

Напротив, теория сегментированного рынка труда М. Пиоре опиралась на анализ спроса на трудовые ресурсы, включая неквалифицированных и незаконных иммигрантов, со стороны бизнеса принимающей страны [4]. На рубеже 1970–1980-х гг. популярными

стали объяснения международной миграции в русле марксизма, включая теорию зависимости и мир-системную теорию, предполагавшие эксплуатацию «ядром», или развитыми странами Запада, трудовых ресурсов «периферии» – остального мира [5].

Последующие теории, включая теорию миграционных систем и теорию транснационализма, претендовали на междисциплинарность и комплексный характер. Первая предполагает наличие множества связей между государствами – донорами и реципиентами мигрантов – на разных уровнях: межгосударственном, уровне индивидов, а также сети институтов-посредников миграции – от рекрутинговых агентств до контрабандистов, заинтересованных в ее поддержании. Складывание этих связей обусловлено историей взаимодействия и потому стимулирует международную миграцию между государствами в миграционной системе [6]. Согласно теории транснационализма международная миграция становится самоподдерживающимся процессом, который опирается на множество социальных связей, которые продолжаются через время и расстояние благодаря развитию средств коммуникации [7].

На протяжении последних трех десятилетий международная миграция приобретала все более глобальный характер, ее темпы увеличивались благодаря развитию транспорта и расширению доступа к информации через Интернет. Развитие новых форм взаимодействия, в том числе простимулированных пандемией: удаленной занятости, онлайн-обучения и т.д., – приводит сегодня к усложнению схем перемещения человека по миру. В результате для многих государств миграционная политика оказалась очень актуальной. Миграционный кризис в Европейском союзе 2015–2016 гг. и незаконные пересечения американо-мексиканской границы, повлекшие обещания Д. Трампа выстроить на ней стену с 2016 г., не только стали результатом расширения международной миграции, но и доказали, что государства не всегда способны ее регулировать в соответствии с желаемым сценарием [8].

Количество международных трудовых мигрантов достигло к 2019 г. 169 млн человек, т.е. они представляли собой почти две трети международных мигрантов. Именно трудовых мигрантов пандемия негативно затронула в первую очередь. Тесно связанными с международной трудовой миграцией являются денежные переводы мигрантов, которые оставались масштабными, даже несмотря на пандемию. Если в 2000 г. объемы переводов составляли 128 млрд долл., то в 2022 г. они достигли уже 702 млрд долл. по всему миру, увеличившись почти в 5,5 раз за 20 лет [9. P. 39]. Вклад денежных переводов мигрантов особенно заметен в ВВП малых стран. Например, в 2022 г. их доля составила 51% ВВП Таджикистана (5,3 млрд долл. США) и 31% ВВП Кыргызстана (3,1 млрд. долл. США) [10]. Таким образом, эти страны оказываются зависимыми от трудовой миграции своих граждан и заинтересованы в том, чтобы им был обеспечен доступ к зарубежным рынкам труда.

Международная образовательная миграция предполагает перемещение людей через государственные границы с целью обучения. Лидерами по количеству приезжающих на обучение людей являются развитые страны, особенно англоязычные. Россия также находится в числе лидеров по количеству приезжающих студентов: в 2023 г. их прибыло более 355 тыс. человек [11]. Ключевыми донорами образовательных мигрантов в мире являются Китай, Индия, Вьетнам, Узбекистан, Сирия, Казахстан, а также некоторые развитые страны [12]. На мировом рынке образовательных услуг расширяется конкуренция за абитуриентов среди как стран, так и учебных заведений. На направления международной образовательной миграции влияет политика не только государств, но и их объединений в сфере высшего образования, например Европейского пространства высшего образования. Тенденцией последних лет, влияющей на направления и объемы международной образовательной миграции, стало усиление роли международных рейтингов, на которые ориентируются абитуриенты при выборе вуза [13. С. 237].

Миграционные потоки на постсоветском пространстве устоялись к концу 1990-х гг., когда произошло перераспределение населения из-за возникновения новых государственных границ. Россия стала центром притяжения как трудовой, так и образовательной миграции в Евразийской миграционной системе ввиду разницы в обеспеченности человеческими ресурсами, уровне заработной платы и уровне жизни и исторически создавшихся предпосылок: относительно широкого распространения русского языка в регионе, формирования этнических общин и т.п. [14. С. 191–192] Российские исследователи выделяют в рамках указанной миграционной системы Евроазиатский миграционный коридор, связывающий страны Центральной Азии и Россию. По нему в сторону России двигались потоки трудовых и образовательных мигрантов, а в обратную – денежные переводы мигрантов [15].

Трудовая миграция между Кыргызстаном и Россией до и после 2022 года

Трудовые мигранты из Кыргызстана перемещаются в основном в пределах СНГ, что обусловлено географической близостью, владением русским языком, наличием этнических общин, поддерживающих связи с родиной. Россия принимает основное количество иммигрантов из Кыргызстана, переселяющихся на постоянное место жительства за рубеж [16]. На фоне положительных темпов прироста населения Кыргызстана ясно прослеживается тенденция естественной убыли численности населения России. В этой связи трудовая миграция между Кыргызстаном и Россией традиционно обусловлена разницей в темпах роста населения и уровне жизни (рис. 1) [17]. Последний показатель важен ввиду того, что Кыргызстан традиционно полагается на денежные переводы трудовых мигрантов из-за рубежа: начиная с 2007 г. они стабильно превышают 20% ВВП страны [18].

Количество граждан Кыргызстана, въезжающих в Россию для трудовой деятельности, высоко и несравнимо ни с одной из других принимающих кыргызстанских трудовых мигрантов стран. Традиционно трудовые мигранты из Кыргызстана заняты в сфере услуг, гости-

ничном сервисе и общепите, а также торговле [19. С. 25]. Эти сферы в меньшей степени, чем другие, требуют специальных технических навыков, но в большей – хорошего знания русского языка, что работодатели в России в свое время отмечали как слабое место трудовых мигрантов из Кыргызстана [20. С. 10].

Несмотря на текущую международную обстановку, въезд трудовых мигрантов из Центральной Азии, в частности из Кыргызстана, в Россию продолжился, тем более что потребность в рабочих руках выросла на фоне отъезда части трудоспособного населения из России и мобилизации в рамках СВО. По сообщениям СМИ, после рекордного притока трудовых мигрантов в Россию в 2022 г., ожидался спад количества работающих в стране иностранцев из-за ослабления курса рубля [21].

Рис. 1. Уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, 1991–2022 гг. (межд. долл.)

Таблица 1

Количество граждан стран Центральной Азии, въехавших в Россию с целью визита «работа», по данным МВД России, 2021–2023 гг.

Годы	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан	
	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году
2021	163 938		884 133		2 439 198		7 880		4 519 618	
2022	162 735	99,3	978 216	110,6	3 528 319	144,7	8 344	105,9	5 837 363	129,2
Январь–июнь 2022	72 372		438 158		1 774 034		3 984		2 915 398	
Январь–июнь 2023	65 379	90,3	392 528	89,6	963 490	54,3	2 929	73,5	1 671 576	57,3

Данные МВД, которые учитывают количество иностранных граждан, въехавших с целью работы и зарегистрированных по месту пребывания, пока доступны только за первую половину 2023 г. Тем не менее они косвенно подтверждают прогнозы по снижению притока трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в первой половине 2023 г. Наиболее заметное сокращение коснулось количества въезжающих для работы граждан Таджикистана и Узбекистана (табл. 1) [22].

Несколько иная картина складывается на основе данных ФСБ России. С 2019 г. в них включается число въездов в Россию с целью работы, однако они учитывают в том числе многократные пересечения границы одним и тем же иностранным гражданином. На показатели 2020 г. повлияла пандемия, но уже с 2021 г. началось резкое восстановление передвижения в Россию из трех ключевых стран-источников миграции в Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. В 2022–2023 гг. рост продолжился: применительно к Кыргызстану уже в 2022 г. показатель достиг уровня доковидного 2019 г., а по данным 2023 г. превысил его на 29% (табл. 2) [23].

Таким образом, долгосрочные факторы, определяющие трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию, продолжили действовать в 2022–2023 гг., но неблагоприятная международная ситуация, насколько позволяют судить имеющиеся статистические данные МВД России, снизила заинтересованность граждан стран Центральной Азии в российском рынке труда, хотя Кыргызстана и Казахстана это коснулось в меньшей степени.

Трудовую миграцию из стран Центральной Азии в Россию в значительной мере упрощает имеющаяся правовая база СНГ, включая Соглашение о безвизовом режиме между государствами СНГ 1992 г. и Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов в странах СНГ 1994 г. Трудовой миграции из Казахстана и Кыргызстана дополнительно способствуют положения Договора о Евразийском экономическом союзе 2015 г. и последовавшего в 2019 г. Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся в ЕАЭС, которые предоставили таким трудящимся права на трудоустройство и социальное обеспечение в России наравне с местными работниками.

Таблица 2

Количество въездов граждан стран Центральной Азии в Россию с целью визита «работа», по данным ФСБ России, 2019–2023 гг.

Годы	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан	
	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году
2019	199 439		557 930		875 145		1 232		1 474 250	
2020	52 423	26,3	158 228	28,4	237 185	27,1	388	31,5	412 859	28,0
2021	52 429	100,0	477 942	302,1	650 012	274,1	17	4,4	1 074 669	260,3
2022	114 476	218,3	562 573	117,7	986 717	151,8	1 660	9 764,7	1 452 396	135,2
2023	143 580	125,4	718 414	127,7	1 195 954	121,2	2 770	166,9	1 994 182	137,3

Однако непоследовательность российской миграционной политики, неравномерное распределение ответственности за трудовую миграцию на пространстве ЕАЭС между государствами-членами, а также политизация миграционного вопроса в России и остающиеся сильными позиции теневой экономики и общин в регулировании рынка труда в России вместо официальных структур [24] оставляют пространство как для многочисленных нарушений, так и для нарастания сложностей в обеспечении взаимовыгодного перераспределения трудовых ресурсов между Россией и Кыргызстаном.

Трудовая миграция из Кыргызстана в Россию в текущей международной обстановке продолжилась по нескольким причинам. Трудящиеся из Кыргызстана традиционно содержат свои семьи на родине за счет заработков за рубежом, и основной приток таких средств на протяжении последних двух десятилетий обеспечивается за счет переводов из России [25]. Вдобавок трудовые мигранты из Кыргызстана, как и в целом из Центральной Азии, зачастую трудоустраиваются в России незаконно, в теневой экономике, «по знакомству» [19. С. 33–34]. Прервать эту цепочку и переориентироваться на новые рынки трудовым мигрантам может быть сложно, и потому такая миграция продолжается. Кроме того, в Кыргызстане пока количество владеющих русским языком относительно выше, чем в других странах Центральной Азии [26. С. 52], и потому таким мигрантам проще заниматься трудовой деятельностью, легальной или нет, на российском рынке труда.

Негативно могут сказаться на трудовой миграции из Кыргызстана в Россию периодически усиливающийся в России антииммигрантский дискурс, который в 2023 г. получил новый импульс [24]. Кроме того, заинтересованность трудовых мигрантов и членов их семей в денежных переводах приводит к тому, что им важен сильный курс рубля, иначе их заработки могут обесцениться. Международная обстановка заставляет Кыргызстан диверсифицировать направления трудовой миграции, попытавшись сократить зависимость от состояния российского рынка труда, хотя масштабы трудовой миграции по другим направлениям пока несравнимы. Анализ благоприятных для трудоустройства стран, опубликованный на сайте кыргызского Центра трудоустройства граждан за рубежом при поддержке Агентства США по международному развитию, не включал Россию, однако содержал рекомендации по активизации сотрудничества страны по вопросам трудовой миграции с европейскими странами – Германией, Бельгией, Италией, Испанией, Францией и Великобританией, а также Турцией [27. С. 57].

В то же время российская экономика продолжает предъявлять спрос на представителей рабочих специальностей [28], куда обычно не стремятся российские выпускники с вузовскими дипломами и где традиционно заняты трудовые мигранты из стран Центральной Азии. Ситуация на рынке труда Кыргызстана вряд ли сможет кардинально измениться в течение ближайших лет. В этой связи потенциал для продолжения трудовой миграции из Кыргызстана в Россию сохраняется.

Новым явлением в 2022 г. стало увеличение количества прибывающих из России в Кыргызстан, что связано с релокацией бизнеса и отъездом российских трудящихся за границу после начала Специальной военной операции. В результате впервые за десятилетие миграционное сальдо с Россией для Кыргызстана стало положительным. Вдобавок 2022 год стал свидетелем резкого роста в объемах денежных переводов из Кыргызстана в Россию, однако за десять месяцев 2023 г. эти объемы вновь пришли в норму [25]. Аналогичная динамика роста миграции россиян в 2022 г. наблюдалась во всех странах Центральной Азии (табл. 3). В 2023 г. выезд из России в Кыргызстан чуть сократился по сравнению с годом ранее, в отличие от других стран региона [29].

Таблица 3

Динамика выезда граждан России в страны Центральной Азии, 2019–2023 гг.

Годы	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан	
	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году
2019	3 417 996		268 760		165 294		30 504		226 345	
2020	864 055	25,3	89 674	33,4	41 639	25,2	11 322	37,1	53 839	23,8
2021	805 689	93,2	278 849	311,0	98 282	236,0	6 096	53,8	203 443	377,9
2022	2 692 533	334,2	446 574	160,2	306 174	311,5	5 256	86,2	405 666	199,4
2023	2 942 277	109,3	444 531	99,5	313 941	102,5	10 782	205,1	456 671	112,6

В большинстве случаев россиянами декларировалась частная цель визита. Многие вынуждены были вернуться по разным причинам, в том числе ввиду сложной финансовой или бытовой ситуации [30. С. 4]. После того как в феврале–марте 2023 г. курс рубля вернулся примерно к тем же показателям, что наблюдались перед началом Специальной военной операции, а затем продолжил снижение [31], денежные переводы из России за рубеж подорожали, что также повлияло на планы переехавших ранее россиян. В этой связи можно предположить, что миграционные явления 2022–2023 гг. носили, скорее, краткосрочный характер и не станут определять основные направления трудовой миграции и денежных переводов между странами на годы вперед.

Образовательная миграция до и после 2022 г.

Высшее образование современного Кыргызстана сформировалось, с одной стороны, как система государственно-частная (большинство вузов и студентов – в государственном секторе, доля частного сектора – около 30% по количеству вузов и 14,1% по количеству студентов [32. С. 117]), активно внедряющая Болонские принципы, открытая для самых разных форм международного сотрудничества в сфере образования, включая создание филиалов, совместные программы, мобильность и т.д., привлекающая, по меркам страны, большое количество иностранных студентов [32. С. 119–120]. С другой стороны, из-за скудного финансирования и сравнительно низкого уровня доходов домохозяйств, оплачивающих платное образование, работа в системе высшего образования Кыргызстана стала непрестижной и плохо оплачиваемой, резко снизился уровень подготовки сотрудников (доля «защищенных» сотрудников составила только 35% в 2022 г.), разрослась коррупция, пришла в упадок материально-техническая база, а ведущие зарубежные вузы не проявили интереса к открытию своих филиалов в стране. Все это, безусловно, резко негативно сказалось на качестве высшего образования, а выпускники школ все чаще стали выбирать для обучения зарубежные вузы.

С 2006 г. постоянно росло количество граждан Кыргызстана, обучающихся за рубежом: если в 2005 г. их было 3 084 чел., то в 2006 г. – 3 650 чел., в 2010 г. – 4 952 чел., в 2015 г. – 9 454 чел., в 2019 г. – 13 027 чел., в 2021 г. – 13 757 чел. [12]. Ключевым направлением образовательной миграции граждан Кыргызстана всегда была Россия (например, 7 219 чел. в 2019 г., или 55%). Другие важные направления – Турция (1 937 чел. в 2019 г., или 15%), Казахстан (1 117 чел., или 8,6%), Германия (483 чел., или 3,7%). На рубеже 2010–2020-х гг. заметно вырос поток в Южную Корею (285 чел. в 2021 г.), Саудовскую Аравию (291 чел.), такие европейские страны, как Чехия (290 чел. в 2021 г.), Польша (260 чел.), Венгрия (193 чел.), Италия (154 чел.). Данные по США в базе Института статистики ЮНЕСКО доступны не за все годы; в 2021 г. поток составил 334 чел. К сожалению, в базе совсем отсутствуют данные по Китаю. Безусловно, ключевую роль в направлениях образовательной миграции граждан Кыргызстана играет возможность бесплатного обучения. В то же время заметно совпадение географических направлений образовательной и трудовой миграции: Россия и с большим отрывом от нее Казахстан и Турция традиционно являлись основными рынками экспорта трудовых ресурсов Кыргызстана.

В российские вузы граждане Кыргызстана могут поступать как на общих конкурсных основаниях наравне с гражданами России (в табл. 4, 5 – столбцы «бюджет» (вместе федеральный и региональный) и «платно»), так и по квоте правительства России (столбец «квота»). Как показывают данные Министерства науки и высшего образования России на начало 2021–2022 учебного года (см. табл. 5), граждане Кыргызстана учились в российских вузах главным образом за счет государственного финансирования России (бюджет и квота), особенно на уровне магистратуры, но с высокой долей платного обучения на программах бакалавриата и специалитета; преимущественно по очной форме и в то же время с заметной долей заочной формы на программах бакалавриата, главным образом в государственных вузах, и в то же время с существенной долей частных вузов на программах бакалавриата, где почти все обучение – платное.

Таблица 4

Контингент студентов из Кыргызстана в российских вузах на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры в разрезе источников и форм обучения, типов вузов на начало 2021–2022 учебного года, чел. [11]

Формы обучения	Всего	Бюджет	Платно	Квота
Бакалавриат, в том числе:	6 171	3 078	2 431	662
очная форма	4 517	2 932	924	661
очно-заочная форма	486	22	463	1
заочная форма	1 168	124	1 044	0
государственные вузы	5 010	3 077	1 271	662
частные вузы	1 161	1	1 160	0
Специалитет в в том числе:	1 315	508	654	153
очная форма	1 152	493	507	152
очно-заочная форма	10	2	8	0
заочная форма	153	13	139	1
государственные вузы	1 126	508	565	153
частные вузы	89	0	89	0
Магистратура, в том числе:	1 162	595	243	324
очная форма	997	547	127	323
очно-заочная форма	39	8	30	1
заочная форма	126	40	86	0

Окончание табл. 4

Формы обучения	Всего	Бюджет	Платно	Квота
государственные вузы	1 117	592	201	324
частные вузы	45	3	42	0
Всего, в том числе:	8 648	4 181	3 328	1 139
очная форма	6 666	3 972	1 558	1 136
очно-заочная форма	535	32	501	2
заочная форма	1 447	177	1 269	1
государственные вузы	7 353	4 177	2 037	1 139
частные вузы	1 295	4	1291	0

Таблица 5

Поступление в российские вузы на программы бакалавриата, специалитета и магистратуры граждан Кыргызстана в 2021–2023 гг., чел. [11]

Формы обучения	2023 г.				2022 г.				2021 г.			
	Всего	Бюджет	Платно	Квота	Всего	Бюджет	Платно	Квота	Всего	Бюджет	Платно	Квота
Бакалавриат	2 195	886	971	338	258	1 075	1 214	292	2 447	1 182	1 048	217
Специалитет	495	160	280	55	469	173	264	32	453	176	230	47
Магистратура	550	240	112	198	576	335	104	137	652	347	137	168
Всего	3 240	1 286	1 363	591	3 626	1 583	1 582	461	3 552	1 705	1 415	432

Набор в российские вузы из Кыргызстана составил в 2021 г. 3 552 чел., в том числе 2 447 чел. на программы бакалавриата, 453 чел. на программы специалитета, 652 чел. на программы магистратуры (табл. 5). Набор 2022 г. состоялся, скорее, по инерционному сценарию: общее количество поступивших из Кыргызстана увеличилось, но только на 2%; вырос прием на бакалавриат и специалитет, но упал набор в магистратуру; меньше поступило на бюджет, но больше – на платное обучение. Существенно же отличаются данные набора 2023 г., прошедшего для вузов России по «пессимистическому» сценарию. Общее количество поступивших из Кыргызстана упало по сравнению с 2022 г. на 12%, в том числе на программы бакалавриата на 26,5%. Примечательно, что общее количество поступивших на бюджет сократилось больше (на 23%), чем на платное обучение (16%), одновременно увеличилось количество поступивших по квоте (квота для граждан Кыргызстана была увеличена с 500 мест в 2022 г. до 700 мест в 2023 г.). Среди вузов сильнее всего сократился набор из Кыргызстана в частные университеты России – на 33,4% против сокращения в государственных вузах только на 6%. В разрезе форм обучения больше всего потеряла заочная форма – 30%, очная форма сократилась только на 7%, а вечерняя осталась на том же уровне.

В 2023 г. также произошло существенное сокращение набора в российские вузы из других стран Центральной Азии, кроме Туркменистана, при этом процент падения набора у Кыргызстана оказался наименьшим (табл. 6).

Таблица 6

Динамика набора в российские вузы из стран Центральной Азии в 2021–2023 гг., чел. [11]

Годы	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан	
	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году	Чел.	В % к предыдущему году
2021	22 249		3 552		8 629		4 386		20 806	
2022	19 912	89,5	3 626	102,1	11 869	137,5	10 200	232,6	19 953	95,9
2023	16 831	84,5	3 240	89,4	9 567	80,6	22 778	223,3	15 364	77,0

Только ли фактор международного кризиса имеет значение в случае с Кыргызстаном? Было бы логичным сравнить динамику поступления граждан Кыргызстана в вузы России с динамикой поступления в вузы других стран-конкурентов, однако статистика за 2023 г. все еще отсутствует в открытом доступе. Данные за более ранний период по Казахстану показывают, что в 2020, 2021 и 2022 гг. шло постепенное сокращение студентов из Кыргызстана в вузах страны: 1 067, 659 и 417 чел. соответственно [33. С. 4]. Данные по Турции свидетельствуют об отрицательной динамике после пика 2017 г. (2 032 чел.) на протяжении 2018–2021 гг. (в 2021 г. контингент студентов из Кыргызстана составил 1 649 чел.) и росте в 2022 г. (2 026 чел.) до уровня 2017 г. [12, 34].

В отношениях России и Кыргызстана есть еще один аспект взаимодействия в сфере высшего образования – обучение граждан России в вузах Кыргызстана. В 2020 г. таких студентов в вузах страны было 2 005 чел., в 2021 г. – 1 672 чел., в 2022 г. – 1 916 чел. [32. С. 119]. Однако этот показатель если и связан с образовательной миграцией, то в небольшой степени. Предположительно бóльшую часть этой статистики дают лица с российским гражданством (в том числе двойным), проживающие постоянно в Кыргызстане и поступающие в расположенный в Бишкеке Кыргызско-Российский Славянский университет на бюджетные места, выделяемые вузу российской стороной. Например, в 2023 г. вуз набирал на 300 мест по программам бакалавриата за счет бюджета России. Также российским гражданам может быть интересно платное заочное или дистанционное обучение в вузах Кыргызстана, так как стоимость обучения в местных вузах значительно меньше, чем в российских.

Заключение

Анализ имеющейся статистики за 2022–2023 гг. в сравнении с данными до 2022 г. показывает, что сложившийся канал трудовой и образовательной миграции между Россией и Кыргызстаном носит устойчивый характер, несмотря на резко ухудшившуюся среду взаимодействия в этой сфере. Трудовая миграция из Кыргызстана в Россию значительно выросла в 2022 г. по сравнению с 2021 г. и снизилась в первом полугодии 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г, однако в значительно меньшей степени, чем из большинства других стран Центральной Азии. Образовательная миграция из Кыргызстана в Россию даже немного выросла в 2022 г., заметно сократилась в 2023 г., однако темпы снижения – тоже ниже, чем в случае с большинством других стран Центральной Азии.

Значительный рост в 2022 г. количества граждан России, выехавших в Кыргызстан на фоне мобилизации, носил краткосрочный характер. В 2023 г. произошла стабилизация данного показателя на уровне 2022 г., поддерживаемая, скорее всего, интенсификацией деловых связей между Россией и Кыргызстаном, туристическими, частными и транзитными потоками из России.

В целом трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в 2022–2023 гг. осталась важной частью Евразийской миграционной системы. На нее продолжили воздействовать ранее сложившиеся факторы притяжения и выталкивания, а самоподдерживающемуся характеру миграции в этом направлении способствовали многочисленные межгосударственные и межличностные связи, как и действие многочисленных заинтересованных посредников.

Список источников

1. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. Vol. XLVIII, part II. P. 167–305.
2. De Haas H. Migration and development. A theoretical perspective : working paper. International Migration Institute, University of Oxford, 2008. № 9. 57 p.
3. Castles St., Miller M. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Palgrave Macmillan, 2009. 369 p.
4. Piore M. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge University Press, 1979. 229 p.
5. Wallerstein I. The Politics of World Economy: the States, the Movements, and the Civilizations. Cambridge University Press, 1984. 191 p.
6. Bakewell O. Re-launching migration systems : working paper. International Migration Institute, University of Oxford, 2012. № 60. 19 p.
7. Portes A. Conclusion: towards a new world: the origins and effects of transnational activities // Ethnic and Racial Studies. 1999. № 22 (2). P. 463–477.
8. Castles St. The Factors that Make and Unmake Migration Policies // The International Migration Review. 2004. Vol. 38 (3). P. 852–884.
9. World Migration Report 2022 // International Organization for Migration, 2022. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022
10. Remittances // Migration Data Portal. 2023. Aug. 02. URL: https://www.migrationdataportal.org/themes/remittances#:~:text=Globally%2C%20remittance%20flows%20are%20estimated,in%202023%20
11. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры : форма № ВПО-1 // Минобрнауки России. 2023. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/
12. Outbound internationally mobile students by host region // UNESCO UIS. 2021. URL: http://data.uis.unesco.org/
13. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования. М. : Изд. дом ВШЭ, 2018. 548 с.
14. Погорельская А.М. Трудовая миграция на евразийском пространстве в XX – начале XXI вв. // Современная Европа. 2020. № 2. С. 188–195.
15. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Воробьева О.Д. Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3-4. С. 5–18.
16. Миграционные процессы в 2021 году характеризовались значительным снижением оттока населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 2022. 14 июня. URL: https://stat.kg/ru/news/migracionnye-processy-v-2021-godu-harakterizovalis-znachitelnym-snizheniem-ottoka-naseleniya/
17. GDP per capita, PPP (current international $) // The World Bank. 2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart
18. Personal remittances, received (% of GDP) – Kyrgyz Republic // The World Bank. 2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT. GD.ZS?locations=KG
19. Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России во время пандемии COVID-19 // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11(5). С. 21–34.
20. Трудовая миграция и продуктивное использование человеческих ресурсов. Кыргызская Республика // Международная организация труда, 2009. 68 с.
21. Индия нам поможет: Компании ищут сотрудников в отдаленном зарубежье // Коммерсантъ. 2024. 1 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6480459
22. Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2023. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya
23. Въезд иностранных граждан // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). 2024. 1 февр. URL: https://fedstat.ru/indicator/38479
24. Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // Российский совет по международным делам. 2023. 17 нояб. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskikh/
25. Денежные переводы физических лиц, осуществленные через системы денежных переводов // Национальный банк Кыргызской Республики. 2023. URL: https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS
26. Индекс положения русского языка в мире. М. : Гос. ин-т рус. Яз. им. А.С. Пушкина, 2022. 59 с.
27. Оценка наиболее благоприятных стран для трудоустройства граждан Кыргызской Республики за рубежом // Центр трудоустройства граждан за рубежом. 2023. URL: https://migrant.kg/ru/useful/ocenka-naibolee-blagopriyatnyh-stran-dlya-trudoust/
28. Строителева М. Как же без рук: дефицит работников в 2023 году составил 4,8 млн // Известия. 2023. 24 дек. URL: https://iz.ru/1624816/mariia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-defitcit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln
29. Выезд граждан России // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). 2024. 1 февр. URL: https://fedstat.ru/indicator/38480
30. Мендкович Н.А. Релоканты-2022. Причины и политические последствия миграции из России в период Специальной военной операции в 2022 году // Telegram. 2023. 18 окт. URL: https://t.me/mendkovich/526
31. Динамика курса валюты Доллар США // Банк России. 2024. URL: https://clck.ru/38XySf

32. Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022 : ст. сб. Бишкек : Нац. стат. комитет Кыргызской Республики, 2023. 154 с. URL: https://www.stat.kg/media/publicationarchive/20f9c650-734c-4865-884b-c19000f82a87.pdf
33. Высшее образование в Республике Казахстан, 15.12.2022 // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан : релиз от 2024. 5 с. URL: https://stat.gov.kz/upload/iblock/14c/tspk74lbarbsxs3ok58rlki4su9agxce/Высшее% 20образование%20в%20РК%20(1).pdf
34. Turkey hosting 300,000 int'l students // The Pie News. 2023. Aug. 9. URL: https://thepienews.com/news/turkey-hosting-300000-international-students-in-202223/

References

1. Ravenstein, E.G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society*. XLVIII(2). pp. 167–305.
2. De Haas, H. (2008) *Migration and development. A theoretical perspective: working paper*. Vol. 9. International Migration Institute, University of Oxford.
3. Castles, St. & Miller, M. (2009) *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*. Palgrave Macmillan.
4. Piore, M. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge University Press.
5. Wallerstein, I. (1984) *The Politics of World Economy: The States, the Movements, and the Civilizations*. Cambridge University Press.
6. Bakewell, O. (2012) *Re-launching migration systems: working paper*. Vol. 60. International Migration Institute, University of Oxford.
7. Portes, A. (1999) Conclusion: towards a new world: the origins and effects of transnational activities. *Ethnic and Racial Studies*. 22(2). pp. 463–477.
8. Castles, St. (2004) The Factors that Make and Unmake Migration Policies. *The International Migration Review*. 38(3). pp. 852–884.
9. International Organization for Migration. (2022) *World Migration Report 2022*. [Online] Available from: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022
10. Migration Data Portal. (2023) *Remittances*. 2nd August. [Online] Available from: https://www.migrationdataportal.org/themes/remittances#:~:text= Globally%2C% 20remittance%20flows%20are%20estimated,in%202023%20
11. Ministry of Education and Science of Russia. (2023) *Svedeniya ob organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatel'nuyu deyatel'nost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury: forma № VPO-1* [Organization details, implementing educational activities in higher education programs – bachelor's degree programs, specialist degree programs, master's degree programs: Form No. VPO-1]. [Online] Available from: https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/
12. UNESCO UIS. (2021) *Outbound internationally mobile students by host region*. [Online] Available from: http://data.uis.unesco.org/
13. Altbakh, F. (2018) *Global'nye perspektivy vysshego obrazovaniya* [Global Perspectives on Higher Education]. Moscow: HSE.
14. Pogorelskaya, A.M. (2020) Trudovaya migratsiya na evraziyskom prostranstve v XX – nachale XXI vv. [Labor Migration in the Eurasian Space in the 20th – Early 21st Centuries]. *Sovremennaya Evropa*. 2. pp. 188–195.
15. Ryazantsev, S.V., Pismennaya, E.E. & Vorobieva, O.D. (2020) Evroaziatskiy migratsionnyy koridor: teoreticheskie aspekty, otsenki masshtabov i klyuchevye kharakteristiki [Eurasian migration corridor: Theoretical aspects, scale assessments and key characteristics]. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1. Ekonomika i pravo*. 3-4. pp. 5–18.
16. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. (2022) *Migratsionnye protsessy v 2021 godu kharakterizovalis' znachitel'nym snizheniem ottoka naseleniya* [Migration processes in 2021 were characterized by a significant decrease in population outflow]. 14th June. [Online] Available from: https://stat.kg/ru/news/migracionnye-processy-v-2021-godu-harakterizovalis-znachitelnym-snizheniem-ottoka-naseleniya/
17. The World Bank. (2022a) *GDP per capita, PPP (current international $).* [Online] Available from: https://data.worldbank.org/indicator/ NY.GDP.PCAP.PP.CD? view=chart
18. The World Bank. (2022b) *Personal remittances, received (% of GDP) – Kyrgyz Republic*. [Online] Available from: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF. PWKR.DT. GD.ZS?locations=KG
19. Poletaev, D.V. (2021) Zanyatost' trudyashchikhsya-migrantov iz Sredney Azii v Rossii vo vremya pandemii COVID-19 [The employment of migrant workers from Central Asia in Russia during the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 11(5). pp. 21–34.
20. International Labor Organization. (2009) *Trudovaya migratsiya i produktivnoe ispol'zovanie chelovecheskikh resursov. Kyrgyzskaya Respublika* [Labour Migration and Productive Utilisation of Human Resources]. Bishkek: [s.n.].
21. *Kommersant"*. (2024) Indiya nam pomozhet: Kompanii ishchut sotrudnikov v otdalennom zarubezh'e [India will help us: Companies are looking for employees in distant foreign countries]. 1st February. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/ doc/6480459
22. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2023) *Statisticheskie svedeniya po migratsionnoy situatsii* [Statistical information on the migration situation]. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya
23. Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS). (2024) *V"ezd inostrannykh grazhdan* [Entry of foreign citizens]. 1st February. [Online] Available from: https://fedstat.ru/indicator/38479
24. Ivakhnyuk, I. (2023) *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: vzglyad cherez prizmu politicheskikh, ekonomicheskikh i demograficheskikh tendentsiy* [Labor migration to Russia: A look through the prism of political, economic and demographic trends]. Russian International Affairs Council. 17th November. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskikh/
25. National Bank of the Kyrgyz Republic. (2023) *Denezhnye perevody fizicheskikh lits, osushchestvlennye cherez sistemy denezhnykh perevodov* [Money transfers of individuals persons, carried out through money transfer systems]. [Online] Available from: https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS
26. Rosskongress. (2022) *Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire* [Index of the position of the Russian language in the world]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute.
27. The Center for Employment of Citizens Abroad. (2023) *Otsenka naibolee blagopriyatnykh stran dlya trudoustroystva grazhdan Kyrgyzskoy Respubliki za rubezhom* [Assessment of the most favorable countries for employment of citizens of the Kyrgyz Republic abroad]. [Online] Available from: https://migrant.kg/ru/useful/ocenka-naibolee-blagopriyatnyh-stran-dlya-trudoust/
28. Stroiteleva, M. (2023) Kak zhe bez ruk: defitsit rabotnikov v 2023 godu sostavil 4,8 mln [How can it be without hands: The labor shortage in 2023 amounted to 4.8 million]. *Izvestiya*. 24th December. [Online] Available from: https://iz.ru/1624816/ mar-iia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-defitcit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln
29. Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS). (2024) *Vyezd grazhdan Rossii* [Departure of Russian citizens]. 1st February. [Online] Available from: https://fedstat.ru/indicator/38480
30. Mendkovich, N.A. (2023) Relokanty-2022. Prichiny i politicheskie posledstviya migratsii iz Rossii v period Spetsial'noy voennoy operatsii v 2022 godu [Relocators-2022. Reasons and political consequences of migration from Russia during the Special military operation in 2022]. *Telegram*. 18th October. [Online] Available from: https://t.me/mendkovich/526
31. Bank of Russia. (2024) *Dinamika kursa valyuty. Dollar SShA* [Dynamics of the US Dollar exchange rate]. [Online] Available from: https://clck.ru/38XySf
32. The Republic of Kyrgyzstan. (2023) *Obrazovanie i nauka v Kyrgyzskoy Respublike, 2018–2022* [Education and Science in the Kyrgyz Republic, 2018–2022]. Bishkek: National Statistics Committee of the Kyrgyz Republic. [Online] Available from: https://www.stat.kg/media/publicationarchive/20f9c650-734c-4865-884b-c19000f82a87.pdf
33. The Republic of Kazakhstan. (2022) *Vysshee obrazovanie v Respublike Kazakhstan, 15.12.2022* [Higher Education in the Republic of Kazakhstan, December 15, 2022]. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan: Release from 2024. [Online] Available from: https://stat.gov.kz/upload/iblock/14c/tspk74lbarbsxs3ok58rlki4su9agxce/Vysshee% 20obrazovanie%20v%20RK%20(1).pdf

34. *The Pie News*. (2023) Turkey hosting 300,000 int'l students. 9th August. [Online] Available from: https://thepienews.com/news/turkey-hosting-300000-international-students-in-202223/

***Сведения об авторах*:**
Юн Сергей Миронович – заведующий кафедрой мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru
Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru
Трофимов Владимир Алексеевич – PhD докторант кафедры мировой экономики и международного менеджмента Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: sakh-trade@mail.ru
Таалайбек кызы Жанара – PhD докторант кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: zhanar.taalai@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Yun Sergey M. – Head of the World Politics Department, School of History and Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru
Pogorelskaya Anastasia M. – PhD, Associate Professor of the World Politics Department, Senior Researcher of the Center for Eurasian Studies, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru
Trofimov Vladimir A. – PhD Student of the Department of World Economy and International Management, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: sakh-trade@mail.ru
Taalaibek kyzy Zhanara – PhD Student of the Department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: zhanar.taalai@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 10.02.2024; accepted for publication 15.05.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 94(47+57)"1917/1922"+316.74:001+94:159.953+316.346.36:159.953+811.161.1'272+791.43
doi: 10.17223/19988613/89/17

Гражданская война в политике памяти и исторической памяти советского общества в 1920-е гг.

Ольга Сергеевна Поршнева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация. Проанализированы характерные черты и механизмы реализации политики памяти в отношении Гражданской войны в Советской России / СССР в раннесоветский период. Показана роль эпохи Гражданской войны в формировании ценностных, идеологических и социально-психологических основ интерпретации и реинтерпретации ее опыта современниками. Проанализирован феномен «многовариантности» памяти о Гражданской войне, рассмотрены репрезентации «оппозиционной», травматической памяти в политической и социальной практике 1920-х гг.
Ключевые слова: Гражданская война, политика памяти, историческая память, раннесоветское общество

Для цитирования: Поршнева О.С. Гражданская война в политике памяти и исторической памяти советского общества в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 143–150. doi: 10.17223/19988613/89/17

Original article

The Civil War in the Politics of Memory and Historical Memory of Soviet Society in the 1920

Olga S. Porshneva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the conceptual foundations and mechanisms for the implementation of the memory politics in relation to the Civil War in the early Soviet period, representations of the memory of it in the political and social practices of that time. The study was based on normative, informational and analytical documents published and archived by the Communist Party and Soviet state bodies (RCP (b)/VKP (b), NKVD of the RSFSR, Red Army, OGPU), as well as on resolutions of workers and employees meetings, letters of Soviet citizens to the authorities and press, materials of the periodicals, poetry. The article discusses the role of the Civil War period in the formation of memory politics in relation to its events, the formation and development of memorial practices, motives and factors for the adoption of the official memorial discourse on the Civil War in early Soviet society. The author analyzes the role of the main actors and tools used in the politics of memory, proves that both the state and society actively participated in the formation of the Civil War image, and the memory itself was "multivariate".

The study concluded that the period of the Civil War played a fundamental role in the formation of the value, ideological and socio-psychological foundations of its perception in early Soviet society, in the formation of the basic mechanisms of the Bolshevik memory politics in relation to its events. The population needed to overcome traumatic memories of the practices of violence and survival, sought to adapt to the new reality, used reinterpretation of their own experience. Politically active, sincerely believing in the ideals of October, part of the population was involved in the politics of memory, not only responding to the calls of the communist party and the Soviet state, but also showing creative energy and initiative. The interpretative model of the history of the Revolution and Civil War, proposed by the authorities, explained the reasons for the birth of the Soviet state and it prospects, became "a foundation myth", the core of the new historical consciousness and identity of the Soviet people. At the same time, the memory of the Civil War was multivariate: on the one hand, idealized memory fueled protest moods and behavior, on the other, traumatic memories were preserved among peasants, workers, intellectuals, people who had moved into "internal", and sometimes open, opposition to the Bolsheviks.

© О.С. Поршнева, 2024

Keywords: Civil War, memory politics, historical memory, early Soviet society

For citation: Porshneva, O.S. (2024) The Civil War in the Politics of Memory and Historical Memory of Soviet Society in the 1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 143–150. doi: 10.17223/19988613/89/17

В постреволюционной России, как и в европейских странах в межвоенный период, широкое развитие получила политика памяти, служившая важным инструментом конструирования социальной идентичности и политической мобилизации сообществ. По сравнению с межвоенной Европой главным «мемориальным проектом» в России стала не Первая мировая война, а Революция и Гражданская война, что было закономерным и объяснялось целым рядом причин. Среди них – потребность большевиков в легитимации власти и ее удержании, разрыв с традициями дореволюционной России, большая численность жертв и трагичность Гражданской войны для страны.

Неразрывная связь Революции, Гражданской войны и Первой мировой обусловили выработку большевиками целостной интерпретационной модели, соединяющей память об этих событиях, дореволюционном и революционном прошлом. Ее основой стала теория справедливых и несправедливых войн, разработанная основоположниками марксизма и конкретизированная Лениным. Ленин писал: «Мы не пацифисты… мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма» [1. С. 91]. Если Первая мировая война представлялась большевиками как несправедливая, империалистическая, захватническая с обеих сторон, то Гражданская – как справедливая, революционная война, наиболее острая форма классовой борьбы [2. С. 215].

Современная историография проблемы формирования и эволюции политики памяти и исторической памяти о Гражданской войне в советском обществе весьма обширна и многообразна. Материалы и обобщения по этой теме присутствуют в целом ряде трудов, посвященных более широким, а также смежным сюжетам: политике советского государства, в том числе исторической, культуре советского общества (праздничной, культуре патриотизма, мемориальной культуре и т.д.) [3–10]. Значительное количество работ специально посвящено конкретным формам политики памяти и исторической памяти о Гражданской войне в советской России на разных этапах их становления и эволюции [11–15]. Анализ историографической ситуации свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии комплексного обобщающего исследования проблемы памяти о Гражданской войне в советском обществе и необходимости восполнения данного пробела. С другой стороны, показывает, что актуальной остается задача детального изучения механизмов, инструментария, специфики политики памяти в отношении Гражданской войны на разных этапах существования советского государства, культуры памяти об этой войне в советском обществе, форм ее репрезентации в массовом сознании, особенностей восприятия истории и опыта Гражданской войны отдельными социальными слоями и группами советского общества. Если в отношении 1920–1930-х гг. эта тема исследована более основательно, то применительно к послевоенному и позднесоветскому периодам – в значительно меньшей степени. Дальнейшее ее исследование может быть продуктивным в контексте разработки проблем аксиологии власти и насилия, эволюции оснований политической легитимности. В частности, предметом анализа может стать корреляция между концептуализацией Гражданской войны во властном и общественном дискурсах, трансформацией ценностей общества и отражением данных процессов в историческом сознании и культурно-исторической памяти.

В статье мы ставим задачи рассмотреть роль периода Гражданской войны в формировании ценностных, идеологических и социально-психологических основ ее восприятия в советском обществе, проанализировать мотивы принятия людьми официального дискурса памяти, показать становление базовых механизмов большевистской политики памяти в отношении Гражданской войны, вариантов памяти и их репрезентаций в политической и социальной практике раннесоветского периода. Источниковой основой исследования стали опубликованные и хранящиеся в архивах нормативные, информационно-отчетные и аналитические документы органов партийного, государственного управления и политического контроля (РКП(б) / ВКП(б), НКВД РСФСР, РККА, ОГПУ), постановления собраний и митингов рабочих и служащих, письма советских граждан в органы власти, управления и печати, материалы периодической печати, поэзия периода Гражданской войны.

Формирование образа Гражданской войны в сознании современников началось уже в ходе развертывания ее событий после Октября 1917 г. Элементами синхронного образа, характерными для всех противоборствующих сторон, были эсхатологические, манихейские, конспирологические представления о достижении в результате кровавой борьбы государственного / социального идеала, столкновении в ходе противостояния сил Добра / Света и Зла / Тьмы, заговорах враждебных сил [16].

Большевистский нарратив о Гражданской войне представлял ее как справедливое насилие, «священную борьбу» угнетенных с угнетателями, в результате которой старый, несправедливый мир погибнет и на его руинах возникнет новое, справедливое общество, откроется путь к светлому будущему. Эти черты образа Гражданской войны стали элементами мифа об основании советского государства, рожденного Революцией.

Широкое распространение в массах представлений о справедливости борьбы угнетенных с угнетателями произошло еще в период Революции, от Февраля к Октябрю 1917 г., когда складывались политические и идейно-психологические предпосылки развертыва-

ния Гражданской войны. Характерные черты ее образа как священной борьбы угнетенных против угнетателей предстают в так называемой «пролетарской» поэзии этого периода. Типичным по своему характеру можно назвать стихотворение В.Л. Соболя «Вперед», опубликованное в «Уральском рабочем» 12 декабря 1919 г., где воспевается грядущее царство справедливости:

«Мы силой крепки, духом юны // Мы светлой воли кузнецы. // Так станем членами коммуны, // Мы, пролетарские бойцы… // Мы дружно против капитала // Идем… Мы сбросим его гнет. // В нас силы, волюшки немало… // Все стойко к светлому! Вперед! // Рассеем тьму, разрушим своды, // Что нас давят и гнут… // Вставай, рабы, вставай, народы! // Нас зори светлые зовут!» [17. С. 142].

Ключевым элементом формирования образа противоборства в пропаганде периода Революции и Гражданской войны стало конструирование образа врага. В большевистском дискурсе образы конкретных врагов увязывались с явлениями, к которым эти враги в действительности не имели отношения, но которые могли вызвать резко отрицательные ассоциации: «колчаковские агенты» в отношении бастовавших рабочих, «кулаки» в отношении крестьян и рабочих, поднимавших восстания против большевиков, «бандиты», «банда» в отношении всех участников антибольшевистского движения. Широко использовалась лексика, представляющая врага в наиболее негативном свете («предатели революции», «прислужники Колчака» в отношении меньшевиков и эсеров и др.), конструировались новые лексемы («белобандит», «белопартизанское движение», «белочехи»). Уже в ходе Гражданской войны и по ее окончании Белое движение стало трактоваться большевиками предельно широко, как все антибольшевистские силы в 1917–1922 гг., союзниками которых являлись иностранные интервенты. Под этот пропагандистский термин, как отмечает Е.В. Волков, подпадали не только белые правительства и их армии, члены кадетской партии и монархисты, но и социалисты, сторонники так называемой «демократической контрреволюции», а также «зеленые» как одна из сил антисоветского повстанческого движения [11. С. 522]. Эта специфика конструирования образа врага в Гражданской войне стала характерной чертой политики памяти раннесоветского периода.

В большевистском нарративе периода Гражданской войны, несмотря на превалирование классовой риторики, активно использовался концепт защиты Отечества трудящихся. В связи с началом 18 февраля 1918 г. германского наступления 21 февраля СНК издал Декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором провозглашалась идея священного долга рабочих и крестьян России по защите Республики Советов от «полчищ буржуазно-империалистской Германии» [18]. Этот призыв вызвал движение по мобилизации сил и средств для защиты «социалистического Отечества», создавались военные комиссариаты, штабы по вербовке добровольцев и формированию боевых отрядов и дружин Красной Армии. Поддержка необходимости защиты социалистического Отечества выражалась в телеграммах с мест, направленных в адрес IV (Чрезвычайного) съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов [19. С. 103–133].

Мотив защиты Отечества трудящихся от внешнего врага присутствовал в постановлениях митингов и собраний, принимавших решения о вступлении в Красную Армию. Так, общее собрание рабочих и служащих Кыштымских каменноугольных копей 27 февраля 1918 г. приняло решение «во избежание полного порабощения германцами политической и экономической свободы трудящихся масс организоваться в дружины и выступить на фронт» [20. С. 396]. В решении общего собрания рабочих Аша-Балашовского завода необходимость организации Красной Армии мотивировалась «нападением международного капитала в лице немецких белогвардейцев на русскую революцию в критический для нее момент» [20. С. 397]. Решение красноармейцев Челябинской дружины сформировать отряды добровольцев мотивировалось тем, что «на добытую беднейшим трудовым народом свободу посягнули Германия вместе с Украинской буржуазной радой» [20. С. 399]. Несмотря на то, что формулировки постановлений были подготовлены в большинстве случаев самими большевиками и другими левыми социалистами, поддержка борьбы с интервентами имела разнообразные общественные проявления. Об этом свидетельствуют материалы отделения военной цензуры при Первой трудовой Армии, содержащие информацию о частных письмах и отрывки из перлюстрированной корреспонденции за период со второй половины апреля по вторую половину июня 1920 г. Они показывают, что большинство адресантов поддерживали Красную Армию в войне с Польшей [21. С. 326–329]. Представление Гражданской войны как борьбы прежде всего с внешними врагами – интервентами, союзниками которых были белогвардейцы, стало превалировать, по данным С.Б. Ульяновой, в советской политике памяти во второй половине 1930-х гг. в преддверии «новой империалистической войны» [15. С. 242], однако сам концепт борьбы с внешними врагами для защиты социалистического Отечества сформировался уже в 1918–1920- гг., став важным элементом образа Гражданской войны.

Период Гражданской войны был для большинства населения, активно не участвовавшего в боевых действиях, опытом выживания в условиях нужды и насилия, сопряженных с травмирующими воспоминаниями. Состояния, ставшие результатом материальных лишений, потери социального статуса, борьбы за выживание, способствовали не только распространению насилия в период самой войны, но и готовности многих по ее окончании принять оправдывавшие его идеологические формулы в качестве способа преодоления травмы и обретения прошлым смысла. На уровне социальной и индивидуальной памяти работали, как отмечает И.В. Нарский, стратегии ре-интерпретации и мифологизации прошлого, «перетолкования» сомнительных сторон повседневности военного времени и собственных неблаговидных поступков, «искренней фальсификации» личного прошлого [14. С. 407–410]. Можно согласиться с О.В. Головашиной, что источником солидаризации сообщества стала не травма Гражданской

войны, а идея «веков угнетения», закончившихся победой символических «наших», а героический дискурс первых лет после окончания Гражданской войны способствовал нивелированию посттравматического синдрома [12. С. 1905].

Гражданская война стала временем формирования в России на новой основе конформистских поведенческих практик как следствия масштабного насилия, политизации повседневной жизни и быта, индоктринации сознания людей. Мемориальные ритуалы, посвященные событиям Гражданской войны, складывались уже в ходе нее самой, способствуя усвоению населением «правильных» языковых клише, мыслительных и поведенческих стереотипов. Важную роль в приобщении масс к большевистским мемориальным ритуалам играли церемонии похорон большевиков – жертв гражданской войны, митинги в связи с разгромом антибольшевистских формирований, празднования годовщин Октябрьской революции и Гражданской войны. На церемониях звучали звуки Интернационала, участники пели «Вы жертвою пали…» и другие революционные песни, предпринимали ритуальные шествия с красными флагами по улицам городов и поселков, произносили речи, давали оружейные залпы [22. Д. 376. Л. 9 об; 23. Д. 282. Л. 180–180 об., 222; 24. № 96 (193), № 136 (233); 25. № 6 (368), № 9 (371)]. При этом элементы и атрибуты традиционного праздника (пихтовые ветви, шествия, песнопения), приобретая революционное содержание, сочетались с новыми, что выражало синкретический характер формирующейся культуры памяти, неразрывную связь новых ритуалов с религиозной традицией.

Активное использование инструментов политики памяти большевиками определялось тем, что они ставили задачу сформировать у советских людей новое видение мира, включающее новую картину прошлого. Эта задача реализовывалась в системе образования и политического просвещения, с помощью новых праздников и ритуалов, массовых пропагандистских, агитационных, «перформативных» (игровых, театрализованных) кампаний. Грандиозность замыслов по «переозначиванию» прошлого определялась не только масштабностью задач социального инжиниринга, но также тем, что носители коммуникативной памяти – участники недавних событий – были живы и могли представить конкурирующие нарративы. Прошлое, приобретавшее в официальном дискурсе новое значение, нередко расходилось с их недавним индивидуальным и групповым опытом. Целенаправленное внедрение в общественное сознание мифа о Революции сопровождалось забвением и «ре-интерпретацией» реального опыта участия в Первой мировой и Гражданской войне, вытеснением «неудобных» и «идеологически вредных» воспоминаний об их событиях.

Важную роль в концептуализации событий Революции и Гражданской войны сыграла созданная в 1920 г. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) – Истпарт. Истпарт вел работу по собиранию материалов, прежде всего по истории большевистской партии, революционного движения в целом, публиковал собранные документы официального и личного происхождения. Ведущим в деятельности Истпарта оказался подход, в соответствии с которым весь предшествующий период рассматривался как прелюдия к Октябрьской революции [26. С. 104].

Масштабным мемориальным проектом, осуществлявшимся в 1920-е гг. под эгидой Истпарта, стали сбор воспоминаний участников Революции и Гражданской войны, проведение «вечеров воспоминаний». Сбор воспоминаний бывших участников Гражданской войны происходил в рамках целого ряда политических кампаний, связанных с юбилеями и годовщинами Революции, Гражданской войны, Красной Армии, Антивоенным Днем 1 августа. Истпартом и другими научно-пропагандистскими и политико-идеологическими структурами задавался алгоритм воспоминаний, часто в виде перечня вопросов, помогающих связать описание событий 1914–1922 гг. в единый военно-революционный нарратив. Объединение памяти об империалистической и Гражданской войнах, ее «правильное» представление были условием проведения вечеров воспоминаний Обществами бывших участников империалистической войны, создававшимися в СССР в 1920-е гг. [27. Д. 83. Л. 4, 4 об.; Д. 281. Л. 125–125 об.; Д. 404. Л. 25]. Организованные «сверху» вечера воспоминаний стали одной из эффективных форм политического контроля над коммеморативными практиками ветеранов. Несмотря на присутствие в воспоминаниях в 1920-е гг. выходящих за предписанные рамки описаний событий [6. С. 97], в целом ветераны высказывались в публичном пространстве в русле официальных установок. Показателен следующий пример. К 5-летию создания Красной Армии в ноябре 1922 г. Политуправление РККА через прессу объявило о сборе воспоминаний для их дальнейшей публикации. В присланных текстах отчетливо проглядывала тенденция политизации памяти независимо от того, искренни ли были в своих мемуарных размышлениях авторы [28. Д. 98. Л. 9–26]. Так, проживавший в Башкирии В. Шлепенков, приславший воспоминания «Организация Красной гвардии на Урале», как бы отчитывался перед политическими наставниками о выученных уроках, когда писал:

«*Вопросы:*

За что страдали и кто страдал в империалистической бойне? Страдали рабочие и крестьяне, за обогащение тех же кровожадных капиталистов и помещиков, которые высасывали последние соки из трудящегося класса.

За что же боремся мы теперь в Красной Армии?

Мы боремся за укрепление Советской власти, за восстановление народного хозяйства страны, мы боремся за то, чтобы не допустить того рабского времени, которое мы терпели несколько тысячелетий до 1917 г., чтоб не допустить тех монархистов-эксплуататоров, которые варварски издевались над рабочим и крестьянином России» [28. Д. 98. Л. 11 об., 12].

Память о Гражданской войне форматировалась у современников не только посредством специальной идеологической обработки и контроля, но и, как уже отмечалось, с помощью приобщения к новым ритуалам и праздникам. Праздничные церемонии, посвященные годовщинам и юбилеям Революции и Гражданской

войны, стали важным механизмом формирования нового исторического сознания, утверждения взглядов на историю, которые еще только вырабатывались [29. С. 54]. Именно в первой половине 1920-х гг. подготовка к годовщинам и юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП(б), в которых определялись не только формы празднования, характер мероприятий, но и позиции и оценки, которые должны были стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных знаменательным датам. Однако в 1920-е гг. это еще не был полный контроль и диктат партии, навязываемый общественному мнению и историкам, как это стало в 1930-е гг. [29. С. 53–54], поощрялись разнообразные формы творческой инициативы, не противоречившие идеологическим установкам. Своеобразие культурного феномена советского праздника заключалось в том, что он использовался для «внутренней советизации» «жизненных миров» людей, поскольку стандарты советской культуры постепенно укоренялись в сфере их повседневной жизни и быта [3; 5; 8. С. 259–260].

Конструирование памяти о Гражданской войне происходило также с помощью преобразования и перекодирования пространства. Памятники и другие сооружения, воплощавшие в символической форме значимые события и ценности прошлого, уничтожались, воздвигались новые памятники героям Революции и Гражданской войны. Ленинский план монументальной пропаганды включал в себя размещение на стенах и цоколях зданий специальных барельефов с надписями, отвечающими задачам нового культурного строительства. Идеи Революции и Гражданской войны воплотились в многочисленных архитектурных и скульптурных образах, таких как памятник жертвам революции на Марсовом поле (1919; архитектор Л.В. Руднев), комплекс Мавзолея Ленина и Кремлевской стены (1928; архитектор Н.А. Ладовский) и др. Идея коллективной жертвы, считал Н.А. Ладовский, в интересах класса может быть материально выражена только в обобщающей форме памятника, не умаляющего и деятельность отдельных героев [3. С. 117–126]. Массовые переименования улиц, площадей и других объектов, создание и оборудование мест памяти, посвященных героям и событиям Гражданской войны, формировали новое символическое пространство, в котором протекала повседневная и праздничная жизнь советских граждан.

Одним из мощных средств формирования исторического сознания и идентичности советских людей стал кинематограф, создававший яркие художественные образы Гражданской войны [11]. Фильмом, оказавшим наибольшее влияние на массовые представления о Революции и Гражданской войне в рассматриваемый период, стал «Октябрь» С. Эйзенштейна, вышедший на экраны в 1927 г. Многие созданные С. Эйзенштейном образы и стереотипы, в том числе объединение всех врагов большевиков под вывеской контрреволюционеров, «белых», лики врагов советской власти, символы, воплощавшие новые ценности и отвергнутые старые, широко использовались и в других кинокартинах. Всего с 1919 по 1932 г., по данным Е.В. Волкова, на экраны страны вышло не менее 114 картин, в сюжетах которых действия разворачивались во время Гражданской войны [11. С. 525]. Помимо кинематографа, важную роль в формировании образа Гражданской войны средствами искусства играла художественная литература. В советской литературе уже к началу 1930-х гг. сложился костяк писателей, выбравших ее своей главной темой – Вс. Вишневский, Д. Фурманов, Б. Лавренев и др. [15. С. 241]. В ряде литературных произведений 1920-х гг. И. Бабеля, Б. Пильняка, М. Булгакова предлагался трагический нарратив, травматизации не противопоставлялась никакая альтернатива, а создание нового мира не изображалось как цель, достойная жертв [12. С. 1905–1906]. Это свидетельствовало о возможностях осмысления и описания опыта Гражданской войны, не укладывавшихся в прокрустово ложе доминирующего героического мемориального дискурса, о многовариантности памяти и творческой рефлексии по поводу ее событий в 1920-е гг.

Идеализированный образ Революции и Гражданской войны использовался в 1920-е гг. недовольными властью группами населения для обоснования протестных акций. Органы политического контроля регулярно выявляли настроения разочарования, представления о предательстве «идеалов Революции», «завоеваний Гражданской войны», «дела Ленина». Часть рабочих и городской молодежи, поверивших в «идеалы Октября», приходили к убеждению об утверждении новой несправедливости и эксплуатации, переживали комплекс «несбывшихся надежд». В Сводке ОГПУ от 21 июля 1924 г. о настроениях рабочих Пермского округа говорилось: «Рабочие везде открыто говорят, что “дело клонится к старому, власть взяли спецы… и снова надо революцию”» [30. Д. 61. Л. 162–163].

Апелляция к памяти о Гражданской войне ветеранов Красной Армии имела не только идеологическое, но и прагматическое, инструментальное значение, использовалась ими для продвижения по службе, получения льгот, пособий, снижения налогов. Жалоба-прошение, направленная в письме в «Крестьянскую газету» бывшим красноармейцем Я. Неволиным, у которого в счет уплаты сельхозналога произвели опись имущества, содержит указание и на бедняцкий статус, и на заслуги в защите советской власти в годы Гражданской войны: «Неужели соввласть на 11-м году существования стала такой суровой к нам, беднякам… Ведь я ходил, защищал революцию и ни перед чем не останавливался. И теперь по первому зову я тоже пойду вперед для защиты нашего Союза. И я просил бы дать мне льготы и не посылать меня по миру» [31. Д. 1357. Л. 24].

В преддверии массовой коллективизации, в период применения чрезвычайных мер хлебозаготовок зимой 1927–1928 гг., в памяти крестьян вновь возник образ Гражданской войны. В деревне распространялись слухи о возвращении времен военного коммунизма, «уничтожении зажиточных мужиков», «выгребании запасов из амбаров до зерна» и т.п. [32. Д. 70. Л. 54, 70, 116, 118]. Эти слухи предвосхищали реалии коллективизации и раскулачивания и свидетельствовали о сохранении живой памяти об эпохе военного коммунизма, Гражданской войны в сознании крестьян, воспоминаний об их

сопротивлении большевикам в эти годы. В 1928 г. в политсводке Уральского обкома ВКП(б) отмечалось, что среди крестьян «существуют такие разговоры, что советская власть не лучше помещиков. Такими способами действий (чрезвычайными хлебозаготовками. – *О.П.*) она расположит крестьянство к Н. Романову, крестьянству не дают дышать, крестьянство не выдержит нажима большевиков и по примеру 1921 года восстанет» [32. Д. 70. Л. 23]. По многочисленным свидетельствам с мест, крестьяне вспоминали в связи с чрезвычайными мерами конца 1920-х гг. о периоде военного коммунизма как о чем-то кошмарном [33. С. 201].

Недовольные рабочие в период «великого перелома» апеллировали к опыту Гражданской войны, неотъемлемым элементом которого в их памяти был голод: «Коммунисты своей болтовней закрывают нам глаза. Они вновь хотят заставить нас голодать. Хлеба нет потому, что соввласть его весь выгребла. Его отбирали насильно, крестьян разорили»; «Власть намеренно создает перебои, хотят уморить нас голодом» и т.п. [32. Д. 70. Л. 107, 116–120].

Элементы травматической памяти о Гражданской войне просматриваются в выступлениях интеллигенции на общегородской конференции секции научных работников г. Свердловска 11 ноября 1930 г. Говоря о проблемах, связанных с задержкой заработной платы научно-техническим работникам, профессор Маковецкий проводит аналогию с периодом Гражданской войны: «Лучше быть носильщиком, чем научным работником, там больше и вовремя платят. Пережили 1917, 1918 и 1921 гг., переживем и эти, но плохо то, что кобель возвращается к старой своей блевотине» [34. Д. 102. Л. 58].

Отношение к официальному мемориальному нарративу определялось в большой степени восприятием коммунистической власти и ее политики. Большевиков поддерживала часть старого рабочего класса, активно боровшаяся за установление советской власти, «новых рабочих», особенно включенных в советскую административную и профессиональную элиту, молодых крестьян, приобщившихся к политической жизни, вступивших в партию в период Революции и Гражданской войны, часть дореволюционной научной и творческой интеллигенции, сознательно пошедшей на сотрудничество с большевиками для продвижения целей «нового общества», создания развитой индустрии, обеспечения независимости страны. Дореволюционная и новая, рекрутированная и подготовленная из низов интеллигенция, лояльная к советской власти, приняла самое активное участие в концептуализации Гражданской войны и творческой репрезентации ее образа. Советское государство стремилось всеми средствами внедрить официальный нарратив памяти в общественное сознание, а политический контроль, индоктринация молодежи в процессе социализации повлияли на ослабление, а в ряде случаев и разрушение механизмов трансмиссии памяти между поколениями. Однако, несмотря на успехи в процессе переформатирования памяти, идущем как «сверху», так и «снизу», проблемы и противоречия в нем в полной мере проявились в раннесоветский период, получив в условиях репрессий 1930-х гг. яркое выражение в феномене «наказанной памяти» [35].

Таким образом, в раннесоветский период большевистское государство активно использовало инструменты политики памяти для создания образа Гражданской войны как справедливого насилия угнетенных против угнетателей, увенчавшегося эпохальной победой большевиков, ознаменовавшей начало строительства справедливого общества. Период Гражданской войны сыграл основополагающую роль в формировании ценностных, идеологических и социально-психологических основ интерпретации и ре-интерпретации ее опыта в раннесоветском обществе, становлении базовых механизмов большевистской политики памяти в отношении ее событий. Инструментами политики памяти были концептуализация, приобщение населения к новым ритуалам и праздникам, массовым политическим кампаниям, преобразование и перекодирование пространства, использование системы образования и просвещения, средств литературы, искусства, кинематографа для создания героического нарратива, идеологический контроль над коммеморативными практиками ветеранов. При этом как государство, так и общество активно участвовали в процессе конструирования образа прошлого. Население нуждалось в преодолении травмирующих воспоминаний о практиках насилия и выживания в годы Гражданской войны, стремилось адаптироваться к новой действительности, фильтруя, вытесняя и перетолковывая воспоминания о собственном опыте. Политически активная, искренне поверившая в идеалы Октября часть населения была вовлечена в политику памяти, не только откликаясь на призывы партии и советского государства, но и проявляя творческую энергию и инициативу. Интерпретационная модель истории Революции и Гражданской войны, предлагавшаяся властью, объясняла причины рождения и перспективы советского государства, становилась базовым мифом о его происхождении, стержнем нового исторического сознания и идентичности советских людей. В то же время память о Гражданской войне была многовариантной в советской России. С одной стороны, идеализированная память подпитывала протестные настроения тех, кто разочаровался в политике коммунистической власти, с другой – сохранялись травматичные и трагичные воспоминания у крестьян, части рабочих, интеллигенции, людей, перешедших во «внутреннюю», а иногда и открытую оппозицию по отношению к большевикам и их методам преобразований. В раннесоветский период в полной мере проявились возможности и пределы переформатирования исторической памяти людей о недавнем прошлом, событиях Гражданской войны.

Список источников

1. Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 31. С. 87–94.
2. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. С. 214–228.

3. Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М. : РГГУ, 2020. 192 с.
4. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М. : АИРО-XXI, 2010. 256 с.
5. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 399 с.
6. Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М. : Новый хронограф, 2010. 471 с.
7. Революция-100 : реконструкция юбилея / под ред. Г. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2017. 1088 с.
8. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М. : Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина : РОССПЭН, 2009. 438 с.
9. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с.
10. Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington : Indianapolis Indiana University Press, 2011. 385 p.
11. Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» в игровом кино // Падение империи, революция и гражданская война в России / сост. С.М. Исхаков. М. : Соц.-полит. мысль, 2010. С. 521–540.
12. Головашина О. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1899–1913.
13. Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск : Каменный пояс, 2004. С. 229–241.
14. Нарский И.В. Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск : Каменный пояс, 2004. С. 394–412.
15. Ульянова С.Б. Воспоминание о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 236–246.
16. Поршнева О.С. Образ гражданской войны в сознании ее участников и современников (по материалам стихотворных публикаций периодической печати Урала 1917–1919 гг.) // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 269–277.
17. Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. Кн. 1. 271 с.
18. Ленин В.И. Социалистическое Отечество в опасности! // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 35. С. 357–358.
19. IV (Чрезвычайный) съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов : стеногр. отчет. М. : Гос. изд-во, 1920. 160 с.
20. Борьба за Советскую власть на Южном Урале : сб. док. и материалов. Челябинск : Кн. изд-во, 1957. 484 с.
21. Яркова Е.И. 1920-й год глазами населения Урала. Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на Востоке России: Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Пермь : Перм. гос. архив новейшей истории, 2008. С. 326–329.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 3.
24. Уральский рабочий : орган Уральского областного комитета РКП(б). 1918.
25. Уральский рабочий : орган Уральского областного комитета РКП(б). 1919.
26. Шашкова О.А. Истпарт в системе советской исторической науки и пропаганды // Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции : материалы науч.-практ. конф. «Третьи Рязановские чтения» (19 февраля 2016) / ред. И.Ю. Новиченко, Е.Н. Струкова. М. : ГПИБ России, 2017. С. 101–114.
27. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30.
28. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 28361. Оп. 1.
29. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке : судьбы исторической науки. М. : Наука, 1996. С. 43–58.
30. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2.
31. ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1.
32. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6.
33. Голос народа : письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М. : РОССПЭН, 1997. 326 с.
34. ЦДООСО.Ф. 4. Оп. 8.
35. Быкова С.И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 38–54.

References

1. Lenin, V.I. (1969a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 31. pp. 87–94.
2. Lenin, V.I. (1969b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 34. pp. 214–228.
3. Barysheva, E.V. (2020) *"V veselom grokhote, v ognyakh i zvonakh": sovetskiy prazdnik v sotsial'nom konstruirovanii novogo obshchestva* ["In a merry roar, in lights and bells": A Soviet holiday in the social construction of a new society]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
4. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda: kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: A Cult of Anniversaries in the Space of Memory]. Moscow: AIRO-XXI.
5. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet Festive Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
6. Nikonova, O.Yu. (2010) *Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoy provintsii (1927–1941 gg.)* [Education of patriots: Osoaviakhim and military training of the population in the Ural province (1927–1941)]. Moscow: Novyy khronograf.
7. Bordyugov, G.A. (ed.) (2017) *Revolyutsiya-100 : rekonstruktsiya yubileya* [Revolution-100: The anniversary reconstruction]. Moscow: AIRO-XXI.
8. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow: ROSSPEN.
9. Tikhonov, V.V. (2014) *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, Ideology, and Power in Russia of the 20th century]. Moscow: RAS.
10. Petrone, K. (2011) *The Great War in Russian Memory*. Bloomington; Indianapolis Indiana University Press.
11. Volkov, E.V. (2010) Beloe dvizhenie v kul'turnoy pamyati sovetskogo obshchestva: evolyutsiya "obraza vraga" v igrovom kino [The White Movement in the Cultural Memory of Soviet Society: The Evolution of the "Enemy Image" in Feature Films]. In: Iskhakov, S.M. (ed.) *Padenie imperii, revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Rossii* [The Fall of the Empire, Revolution and Civil War in Russia]. Moscow: Sots.-polit. mysl'. pp. 521–540.
12. Golovashina, O. (2022) Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War. *Quaestio Rossica*. 10(5). pp. 1899–1913.
13. Nagornaya, O.S. (2004) "Vek katastrof" v kul'turnoy pamyati sovremennogo rossiyskogo obshchestva ["The Age of Catastrophes" in the Cultural Memory of Modern Russian Society]. In: Narskiy, I.V. (ed.) *Vek pamyati, pamyat' veka. Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii* [The Century of Memory, the Memory of the Century. Dealing with the Past in the 20th century]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. pp. 229–241.

14. Narskiy, I.V. (2004) Konstruirovanie mifa o Grazhdanskoy voyne i osobennosti kollektivnogo zabyvaniya na Urale v 1917–1922 gg. [The construction of the Civil War myth and the peculiarities of collective forgetting in the Urals in 1917–1922]. In: Narskiy, I.V. (ed.) *Vek pamyati, pamyat' veka. Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii* [The Century of Memory, the Memory of the Century. Dealing with the Past in the 20th century]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. pp. 394–412.
15. Ulyanova, S.B. (2021) Memories from the future: The historical experience of the First World War and the Civil War in Soviet propaganda of the 1920s and 1930s]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 20(2). pp. 236–246.
16. Porshneva, O.S. (2012) Obraz grazhdanskoy voyny v soznanii ee uchastnikov i sovremennikov (po materialam stikhotvornykh publikatsiy periodicheskoy pechati Urala 1917–1919 gg.) [The image of the Civil War in the minds of its participants and contemporaries (based on the materials of poetic publications of the periodical press of the Urals 1917–1919)]. *Izvestiya UrFU. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3(104). pp. 269–277.
17. Goldin, V.N. (2006) *Poeziya grazhdanskoy voyny v periodicheskikh izdaniyakh Urala: 1917–1919 gody* [Poetry of the Civil War in Periodicals of the Urals: 1917–1919]. Vol. 1. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
18. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 35. Moscow: Politizda. pp. 357–358.
19. Congress of Soviets of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies. (1920) *IV (Chrezvychaynyy) s"ezd Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov* [IV (Extraordinary) Congress of Soviets of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies]. Moscow: Gos. izd-vo.
20. Agaryshev, P.G. (ed.) (1957) *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' na Yuzhnom Urale* [The Struggle for Soviet Power in the Southern Urals]. Chelyabinsk: Kn. izd-vo.
21. Yarkova, E.I. (2008) 1920-y god glazami naseleniya Urala. Svodki voennoy tsenzury o pis'makh grazhdan ural'skikh guberniy [The 1920th year through the eyes of the population of the Urals. Summaries of military censorship about letters of citizens of the Ural provinces]. In: *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii: Ural, Povolzh'e, Sibir', Dal'niy Vostok* [The Civil War in the East of Russia: The Urals, Volga Region, Siberia, Far East]. Perm: Perm State Archive of Recent History. pp. 326–329.
22. The Russian State Archive of Social-Political History (RGASPI). Fund 71. List 34.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 3.
24. *Ural'skiy rabochiy*. (1918) Newspaper of the Ural regional committee of the RCP(b).
25. *Ural'skiy rabochiy*. (1919) Newspaper of the Ural regional committee of the RCP(b)..
26. Shashkova, O.A. (2017) Istpart v sisteme sovetskoy istoricheskoy nauki i propagandy [Istpart in the system of Soviet historical science and propaganda]. In: Novichenko, I.Yu. & Strukova, E.N. (eds) *Predvaryaya Revolyutsiyu: knizhnye, arkhivnye i muzeynye kollektsii* [Anticipating the Revolution: Book, Archive and Museum Collections]. Moscow: GPIB Rossii. pp. 101–114.
27. The Russian State Archive of Social-Political History (RGASPI). Fund 495. List 30.
28. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 28361. List 1.
29. Alekseeva, G.D. (1996) Istoricheskaya nauka v Rossii posle pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii [Historical science in Russia after the victory of the October Revolution]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Rossiya v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki* [Russia in the 20th Century: The Fates of Historical Science]. Moscow: Nauka. pp. 43–58.
30. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 2.
31. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 6. List 1.
32. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 6.
33. Sokolov, A.K. (1997) *Golos naroda: pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiyakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people. Letters and Responses of Ordinary Soviet Citizens about the Events of 1918–1932]. Moscow: ROSSPEN.
34. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 8.
35. Bykova, S.I. (2009) “Nakazannaya pamyat'”: svidetel'stva o proshlom v sledstvennykh materialakh NKVD [The “punished memory”: Evidence of the past in the investigative materials of the NKVD]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture.* 2(64). pp. 38–54.

***Сведения об авторе*:**
Поршнева Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Porshneva Olga S. – Dr. of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.04.2023; accepted for publication 15.05.2024

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; принята к публикации 15.05.2024

Научная статья
УДК 9.93.930
doi: 10.17223/19988613/89/18

Восстание Карасакала 1740 г. (по документам Г.Ф. Миллера)

Вячеслав Михайлович Свистунов

Южно-уральский государственный университет, Челябинск, Россия, wms_castl@mail.ru

Аннотация. Впервые изложен ход событий Башкирского восстания 1740 года. В отечественной историографии оно более известно как Восстание Карасакала. Хронология восстания прослежена по архивному делу, выявленному И.В. Дегтяревым в РГАДА. Краткая история этого архивного дела такова. По запросу Российской Императорской академии наук в 40-х гг. XVIII в. в полковой канцелярии Сибирского гарнизонного драгунского полка было составлено на основе рапортов и промеморий хронологическое описание событий, произошедших в Южном Зауралье в период Башкирского восстания 1735–1740 гг. В силу того, что инициатором академического запроса являлся профессор Г.Ф. Миллер, оно и сохранилось в его архиве. В связи с этим вполне оправдано для краткости именовать в дальнейшем материалы этого дела документами Миллера.
Ключевые слова: Восстание Карасакала 1740 г., хан Башкирии салтан-Гирей-Карасакал (Черная борода), полковник Арсеньев, воевода Исетской провинции подполковник Бахметьев, подполковник Павлуцкий

Для цитирования: Свистунов В.М. Восстание Карасакала 1740 г. (по документам Г.Ф. Миллера) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 151–160. doi: 10.17223/19988613/89/18

Original article

The uprising of Karasakal 1740 (according to the documents of G.F. Miller)

Vyacheslav M. Svistunov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, wms_castl@mail.ru

Abstract. The description of the 1740 Bashkir uprising is firstly stated in this article. Its chronology is traced in the archival case identified in the RGADA. The proclamation of Karasakal as his khan by the Bashkirs in January 1740, ended that all the promises he had previously made on behalf of the empress lost their strength and untied hands to her Cabinet to carry out fierce measures to suppress the uprising. The commanders of the tsarist troops ordered the start of military operations. The fiercest battles took place between the rebelled Bashkirs and the royal troops in the Urals. Determined actions of the detachment of Lieutenant Colonel Pavlutsky and his allies from the faithful Bashkirs and Meshcheryaks played a key role. It was their pursuit of the Karasakal detachment in the spring of 1740 that decapitated the uprising at the beginning. The summer final campaign for the capture of the khan began on May 24, 1740. The fight, which predetermined the subsequent course of events, took place on the night of 25 to 26 May, 1740 at the lake Chebarkul. Using field artillery, Pavlutsky's team managed to push the main forces of Karasakal into the Ural Mountains. The Bashkir rebels, with their families and cattle, convinced that their gathering place had been discovered, began a clandestine movement to the Yaik River to join Karasakal. The new khan himself and his encirclement went away to Yaik unencumbered, securing the freedom of maneuver. After the fight at the Yaik river crossing with the rearguard of Karasakal, Pavlutsky crossed to the left bank, continued to pursue the khan. But he moved very quickly, leaving the chase. He was assisted by Bashkir detachments, which imposed rearguard fights on the pursuers at crossings. When Pavlutsky's detachment approached Tobol, there was no khan on the left bank, as he crossed the river the day before Pavlutsky's arrival, that's how long Pavlutsky spent crossing the Yaik. Karasakal also left the persecution and went to the adjacent territory of the Kyrgyz-Kaisakov. Then Lieutenant Colonel Pavlutsky, having stopped the chase, returned to the Verkhneeyitskaya fortress, where Colonel Arsenyev was preparing the final stage of the military-punitive operation. Three punitive parties with a total number of 2888 people completely devastated and burned down the rebellious Bashkir volosts. When P.D. Aksakov took up the post of vice-governor of the Ufa province in October 1741, he was struck by the scale of the damage. Using the powers given to him, Aksakov investigated the most high-profile cases, trying to give them criminal nature. His activity caused an open confrontation by L.Ya. Soymonov and I.I. Neplyuev. According to R.G. Ignatiev, a new kind of Bashkir rebellion began, but this time "in paper". The final result of this skirmish was the victory of the point of view of Soymonov-Neplyuev on the Bashkir problem, which consisted in the implementation of a tough policy towards the Bashkirs, but with the solution of the land issue in their favor.
Keywords: The uprising of Karasakal in 1740, Khan of Bashkiria Saltan-Girey - Karasakal (Blackbeard), Colonel Arseniev, Governor of Iset Province lieutenant colonel Bakhmetiev, lieutenant colonel Pavlutsky

© В.М. Свистунов, 2024

For citation: Svistunov, V.M. (2024) The uprising of Karasakal 1740 (according to the documents of G.F. Miller). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 151–160. doi: 10.17223/19988613/89/18

Введение

Дореволюционные историки начиная с П.И. Рычкова не выделяли Восстание Карасакала 1740 г. в отдельную тему, а рассматривали его как составную заключительную часть Башкирского восстания 1735–1740 гг. Причем сам Рычков, будучи очевидцем событий, в силу удаленности Южного Зауралья от мест дислокации канцелярии Оренбургской экспедиции (комиссии) хорошо знал ход Башкирского восстания лишь в регионе Приуралья. В его «Истории Оренбургской» из трагических событий, произошедших в Южном Зауралье весной–летом 1740 г., подробно освещена только сцена публичной казни предводителей Башкирского восстания 1740 г. [1. С. 49–50]. О хане Гирее (Карасакале) П.И. Рычков не дает практически никаких достоверных сведений. Он для него по ряду политических причин – самозванец, причем простого, «подлого» происхождения [1. С. 44].

Эту точку зрения П.И. Рычкова отчасти поддержал Руф Гаврилович Игнатьев. И неудивительно, так как «материалами и источниками» для написания статьи «Каракасал[1] лже-хан Башкирии», помимо архивных дел Тургайского областного управления и Оренбургской экспедиции (комиссии), Игнатьев использовал рукописи самого П.И. Рычкова, которые более века хранились в библиотеке Оренбургского генерал-губернатора. Как видно из названия, высказывание Рычкова о самозванстве Карасакала Игнатьев даже вынес в заголовок статьи. Обращает на себя внимание и тот факт, что, по мнению Игнатьева, Карасакал, стремясь заслужить ханский титул, действовал со своим отрядом в Южном Зауралье (против Сибирского драгунского полка. – *В.С.*) автономно начиная с момента возникновения восстания, т.е. с 1735 г. Именно Карасакалу он приписывает ряд побед, одержанных в Южном Зауралье в 1735–1736 гг. над драгунами, казаками и солдатами. Из статьи Игнатьева следует, что нападение на продовольственные обозы в 1735 г., пресечение коммуникаций к Оренбургу, разорение ряда сибирских слобод – это дело рук Карасакала и его боевого отряда [2. С. 27, 29, 39]. При сопоставлении фактов, изложенных в статье, с выводом, сделанным в заключении, складывается твердое убеждение, что он допускал царственное происхождение Карасакала, но напрямую старался об этом не говорить. Вопреки категоричному высказыванию П.И. Рычкова, он так изложил свою точку зрения. «Через 15 лет после того, как пропал без вести Каракасал, опять были бунты… – писал в заключении по этому поводу Игнатьев. – Батырша Алеев первый выдумал бунт и стоял во главе восстания, манил обещанием помощи со стороны Турции, проповедовал о необходимости для башкир хана, но нигде и ничем не высказал желания быть им, да и никто ему того не предлагал, как предлагали некогда Каракасалу. Явно, что ни башкиры, ни мещеряки, ни другие иноверцы не желали себе хана из своих, каков бы он ни был умный и достойный человек, но не царственных кровей» [2. С. 49].

При этом В.Н. Витевский, фактически являясь оппонентом П.И. Рычкову, ухватившись за это осторожное высказывание Р.Г. Игнатьева, открыто заявил, что «по мнению некоторых, Каракасал мог происходить из киргиз и, может быть, из ханского рода» [3. С. 165]. Однако, ни слова не добавив в доказательство этого предположения, буквально слово в слово пересказал вышеуказанную статью Р.Г. Игнатьева, успев при этом попенять, что она составлена на основании сырых материалов, извлеченных из местных архивов [3. С. 164–174].

Начало систематическому изучению Башкирского восстания 1735–1740 гг. в советский период было положено изданием первого тома материалов по истории Башкирской АССР под редакцией А.П. Чулошникова, где он во вступительной статье на основе публикуемых им документов привел периодизацию Башкирского восстания 30-х гг. XVIII в.: 1) 1735–1736 гг.; 2) 1737–1738 гг.; 3) 1739–1740 гг. [4. С. 58–62]. В первый том вошли документы, освещающие события второго и третьего периодов, причем, по словам Н.Ф. Демидовой, ему удалось по Башкирскому восстанию 1740 г. собрать документы, рисующие его почти с исчерпывающей полнотой [5. С. 14]. В послевоенный период составители материалов по истории Башкирской АССР Н.В. Устюгов, Н.Ф. Демидова, как в своих комментариях к «Материалам…», так и в отдельных научных статьях уже более не касались темы 1740 г. Вероятнее всего, это было связано с тем, что они выявили в РГАДА минимальное количество документов по этой теме.

В постсоветский период наиболее полные сведения о Карасакале собрал и опубликовал С.У. Таймасов. В силу выбранной темы исследования – башкирско-казахские отношения в XVIII в. – он в большей степени освещает казахский период жизни султан-Гирея (Карасакала). О самом Башкирском восстании 1740 г. сказано очень кратко. Автор неоднократно подчеркивает, что «шайбаниды-кучумовичи, вплоть до последнего башкирского хана Карасакала, активно участвовали в политической жизни башкир». В заключение своего исследования он однозначно заявляет: «На последнем этапе борьбы башкир (Башкирского восстания 1740 г. – *В.С.*) возглавил потомок сибирского хана Кучума Карасакал» [6. С. 8, 285].

Первое специальное диссертационное исследование, посвященное Башкирскому восстанию 1739–1740 гг. появилось в 2012 г. Его автор И.Ф. Амантаев, введя в научный оборот новые архивные документы, изложил основные события, произошедшие в ходе восстания. Также им достаточно подробно изучены такие аспекты проблемы, как провозглашение Карасакала ханом Башкирии и его принадлежность к роду чингизидов. Однако из-за недостаточности первоисточников подробного описания хода восстания исследование не дает. По мнению автора, непосредственной причиной восстания послужило решение царского правительства

провести в 1739 г. перепись башкирского населения в крае [7. С. 17, 18]. Действительно, начавшаяся в январе 1739 г. перепись вызвала такую волну возмущения среди башкир, что правительство Анны Иоанновны секретным указом от 5 мая 1739 г. предписало Л.Я. Соймонову остановить ее под любым предлогом [5. С. 614]. Но это решение, принятое без должной огласки, не возымело положительного влияния на настроения башкирских вотчинников. Они всерьез продолжали опасаться, что их лишат вотчинного права владения землей и, переписав, положат в подушный оклад.

События ранней весны–лета 1740 г. на Южном Урале развивались стремительно и страшно. Провозглашение башкирами в январе 1740 г. своим ханом султан-Гирея, известного под именем Карасакала (Черная борода), не просто ставило всю военно-политическую ситуацию на Южном Урале с ног на голову. Провозглашение ханской власти в Башкирии подвергало сомнению легитимность самой российской императорской власти в регионе. В связи с этим все ранее данные обещания предводителям Башкирского войска от имени императрицы Анны Иоанновны теряли всякую силу, а новые сложившиеся военно-политические обстоятельства полностью развязывали руки ее Кабинету министров для проведения самых жестоких мер по подавлению башкирского восстания. И эти меры не заставили себя долго ждать.

Командиры царских войск как с Сибирской стороны Урала, так и Оренбургской и Башкирской комиссий, получив в марте известие от верных башкир о том, что по всем дорогам (волостям) Башкирии идет подготовка невиданного по масштабу восстания, незамедлительно отдали приказ о начале военных действий. На этот счет им заблаговременно были разосланы соответствующие циркуляры. Несмотря на то, что в Уральских горах еще лежал глубокий снег, а в предгорьях начиналась весенняя распутица, вглубь Башкирии, как в отдаленные степные места, так и в Уральские горы, вошли со всех сторон многочисленные военно-карательные команды. Наиболее ожесточенные бои происходили между восставшими башкирскими и царскими военными отрядами в отрогах Урал-Тау по рекам Сатка, Юрюзань, Ай, Мендяк, Белая и их притокам. Причем решительные действия подполковника Павлуцкого – командира сибирских военных команд – и его союзников-старшин из числа верных башкир и мещеряков сыграли решающую роль в подавлении башкирского восстания. Именно их рейды – погони за отрядом Карасакала в марте–апреле и мае 1740 г. – и обезглавили новое башкирское восстание в самом его начале, что привело в конечном итоге к окончательному подавлению Башкирского восстания 1735–1740 гг.

Приготовление и «Зимний поход» Павлуцкого 1740 г.

Полковник Арсеньев, командовавший в 1740 г. всеми войсками с Сибирской стороны Урала, подполковник Бахметьев – воевода Исетской провинции, получив в марте известие о начавшемся новом башкирском восстании, приняли весьма дальновидное совместное решение. Они командировали, в опережение российских команд, два отряда верных башкирских воинов и мещеряков на помощь другим верным башкирам, проживавшим в Куваканской волости и на реке Ай. В первой партии во главе со старшиной Кузямышем Бедкузиным, по их планам, должно было быть до 700 верных башкир и до 200 мещеряков и ясачных татар. Мещеряками тогда командовал старшина Муслюм, а ясачными – мулла Иштебан. Маршрут этого отряда лежал через Чебаркульскую крепость в Куваканскую волость. По факту же из-за спешности сбора к Чебаркульской крепости прибыли только 300 человек. «А верных башкирцов и мещеряков, хотя и наряжено было в первой команде со старшинами Козяшем, Муслюмом и Иштебаном до 900 человек, – говорится в полковом рапорте за март 1740 г., – токмо столько вскоре собраться они не могли, и было их токмо 300 человек, которые его Павлуцкого при Чебаркульской крепости и дождались» [8. Л. 227 об.]. Второй отряд во главе со старшиной Юсупом Карабашевым численностью до 600 верных башкирских воинов должен был и проследовал на реку Ай.

Подполковник Павлуцкий прибыл в Чебаркульскую крепость 22 марта, опережая откомандированные в его подчинение воинские части, как сказано в документах Миллера, «для скорейшего исправления… к походу нужд». Сами же российские команды подходили к Чебаркульской крепости 22, 23 и 24 марта 1740 г. Павлуцкий в это время пересматривал и при необходимости исправлял каждое ружье прибывающих драгун, солдат, служилых людей и казаков. Всего же при Чебаркульской крепости собралось командированных из Сибирского и Оренбургского драгунских полков 760 драгун, из крепостей солдат пехоты – 112. Служилых сибирских городов, из крестьян казаков – 153. Итого – 1 025. Этот боевой сводный отряд, включая команду дождавшихся верных башкир и мещеряков, Павлуцкий поделил на три части: две составляли конные военнослужащие (драгуны, казаки, башкиры, мещеряки), третью – пехота. Затем, сделав необходимые запасы продовольствия на всю команду до 16 апреля 1740 г., фуража – на 6–8 дней, 25 марта отправил на разведку боем первую легкую партию под командованием капитана Полозова. В ее составе находилось две роты драгун и около 300 человек нерегулярных иноверцев. Сам же подполковник Павлуцкий с основной командой и обозом выступил 26 марта и пошел вслед за капитаном Полозовым, маршрут которого был проложен через деревни восставших башкир. Причем Полозов действовал не только в окрестностях Чебаркульской крепости, но и в самих Уральских горах по рекам Большая и Малая Сатка, куда 29 марта 1740 г. подошла и главная команда во главе с Павлуцким. «Он же подполковник, идучи к капитану на сикурс легкой партией чинил над ворами поиски, – говорится в полковых рапортах от 28, 29, 30 марта, – четыре деревни выжег, побили воров 12, в полон мужского и женского полу взяли 21 человека. Прибыв, он подполковник на реку Сатку в воровскую Азнабаеву деревню, и оттуда посланными партиями побили воров 34 человека,

в полон взяли 35 человек. Командировал он подполковник две партии: первую с капитаном Томиловым вниз по реке Сатке, на кроющихся в горах воров, другую с верными старшинами Козяшем и Кузямышем и прочими верных башкирцев 650 человек по Булану и Ерезаню речкам, а он Павлуцкий пошел вниз по Сатким же и на Ай, а обоз оставлен… в деревне воровской Улюмякуловой с капитаном Седаковым в 420 человек» [8. Л. 229].

Его действия, как и всего «зимнего похода», в особенности на первых порах, носили ярко выраженный карательный характер. В этом походе Павлуцкий и его подчиненные, выполняя приказы генералитета, уже не вступали ни в какие переговоры. Они методично жгли деревни восставших башкир, захватывали их фураж, лошадей, домашний скот, стреляли и рубили башкирских воинов, нарушивших присягу, и брали в плен членов их семей, включая женщин и детей, которых под конвоем отправляли к Чебаркульской крепости. Захваченных лошадей и домашний скот раздавали верным башкирам и мещерякам, если они в этом захвате принимали участие, с таким расчетом, чтобы «…к службе более ревность имели и с верностью поступали…» [8. Л. 230 об.].

Расчет на верных старшин в опережение действия российских военных команд, сделанный полковником Арсеньевым и подполковником Бахметьевым, оказался оправданным. Помимо того что башкирские воины и мещеряки, входящие в их команды, не выступали на стороне восставших, они еще и оказали действенную помощь в захвате главных организаторов восстания. Так, посланная партия верных башкир во главе с Козяшем Рахмангуловым (?) и Юсупом Карабашевым на реку Ай, сумела захватить одного из предводителей нового невиданного башкирского восстания 1740 г. В полковом рапорте от 27 марта этого года говорится, что вышеуказанные старшины объявили Павлуцкому о захвате «главного вора и начителя бунта» Аласкянгула[2] [8. Л. 228 об.]. В аналогичных же рапортах от 7 и 8 апреля 1740 г. приводятся сообщения о том, что пять верных башкирских старшин, включая Козяша и Кузямыша, указали подполковнику Павлуцкому точное местоположение новоявленного хана Гирея (Карасакала) и его отряда. Сами старшины с их командами не то что взять в плен хана Гирея, – надежно блокировать его отряд не смогли. В силу того что содержание этих рапортов носит принципиальный характер, раскрывающий степень боевой готовности враждующих сторон, включая отряд и окружение хана Гирея, имеет смысл привести их текст дословно:

«Писали к нему Павлуцкому посланные от него в партию верные башкирские старшины Зар(л)мангул, Козяш, Кузямыш, Янсан (?) и… (?) тархан с товарищи, – говорится в документе, – что они главного воров возмутителя называющего ханом Султан Гирей (он же и Карасакал), да Мандара с сыном Мажлюмом (?) и их союзников з женами и з детьми атаковали на Ногайской дороге в Катайской волости в деревне Козяшевой и просят, чтоб им в помощь прислать драгун. Понеже они… за малостью у себя огненного ружья, взять тех… воров не могут. Воры между гор для защиты себя сделали крепостцу из досок стоялых… и з дву сторон обошла вода, и они верные хотели при той атаке сикурсу дождаться и не отступать. Оной Павлуцкой по тому известию сколь возможно с поспешением следовал к ним на сикурс сам, а на перед себя писал к ним, что он на сикурс следует, и они б воров не отпущали. Токмо того ж 7 числа повстречались с ним подполковником близь башкирской деревни Мажитовой, из тех верных старшин Янсан, Кузямыш и Анкуля (?) и прочие, которые держа воров в атаке и чинили с ними бои отступили с командами своими прочь, а Козяш де пошел другой дорогой в свои волости, и потому те старшины Янсан с товарищи объявили, что был у них с ворами великои бои по четыре дни, причем ворами в командах их ранено человек с 30, да убито 2 человека. При той атаке было их верных башкирцов команды пяти старшин с 800 человек, а воров в атаке… с 400, и к ним де в собрание воровское еще сообщились и приставали Ногайской дороги Тарянской(?) и Катайской волостей башкирцы. У воров… де имеетца довольно огненного ружья, а у верных почти у всех только сайдаки и копья и за тем взять их воров не могли. У верных же иноверцев и у драгун лошади весьма уж выбились, а кормов не имеетца, а из верных башкирцев с раненными и за худобою лошадей пошли многие в домы на разные тракты, а остались при нем Павлуцким башкирцев и мещеряков из степи, которые с ним шли с 400 человек» [8. Л. 231].

Прежде чем продолжить изложение полковых рапортов от 7–8 апреля 1740 г., крайне важно привести сведения, взятые как из письменных источников XVIII–XIX вв., так и у современных авторов, об огнестрельном оружии, которое находилось в тот период на вооружении башкирских воинов. Причем, если Вильгельм Де' Геннин сообщал по этому поводу, что «...оной (башкирский) народ военный, по их маниру, почитай, в каждом дворе есть панцирь, копье, лук и сабля, также и ружье, которое “турки”[3] зовут» [9. С. 486], то у современных авторов уже иное представление о вооруженности башкирских воинов. Так, И.И. Гималтдинова в своей статье 2015 г. отмечает, что «незначительное число (башкирских) воинов имело огнестрельное оружие – турки (в XVIII в. кремневые ружья на сошках)» [11. С. 352]. И продолжает: «…Ружье предполагало наличие шомпола, пороховницы из рога (котоҡса), кожаных мешочков для пуль (йәзрә һалгыс) и для пыжей, костяную или металлическую мерку для пороха (улсөу), пулелейку, запас свинца и пороха. Стрельба из турок (ружей) в бою была явлением редким, исключительным. Для этого было необходимо иметь достаточное количество пороха, чтобы научиться метко стрелять, но в первую очередь необходимо было приучить лошадь не бояться звука выстрела, на что тоже был нужен порох… Сабли, турки (ружья), доспехи в массе своей были либо привозными, приобретенными у купцов, либо трофейными, в основном иранскими, в меньшем количестве турецкими или европейскими. Башкиры ценили оружие и снаряжение, оно украшалось серебром, бережно хранилось и передавалось по наследству…» [11. С. 352]. Основные характеристики ружей иранского производства XVIII в.

пока выявить не удалось, но по турецкому стрелковому оружию указанного периода есть сведения. «Турецкие ружья отличаются массивностью стволов и составными граненными прикладами, – говорится по этому поводу в книге “Сокровища Тульского музея оружия”, – Есть ружья, которые весят 5 кг и даже 5,5 кг. Граненые нарезные стволы имеют утолщения в дульной и казенной части. В большинстве своем они украшены золотом, а приклады испещрены латунными шляпками многочисленных гвоздиков, образующих своеобразные узоры» [12. С. 40]. С учетом вышеизложенных сведений и возникает главный вопрос: кто и когда обеспечил Карасакала и его боевой отряд не только огнестрельным оружием, но и запасом пороха и свинца?

«(8 апреля 1740 г.) Пошел он Павлуцкий на Ногайскую дорогу в Кубеляцкую волость по речке Мендяку, – говорится далее в рапорте от 8 апреля, – а на перед послал верных башкирцев и мещеряков для разведывания о ворах, где они имеются. В то время при нем подполковнике имелось на лицо регулярных с 500 человек, ис коих командировал он Павлуцкий… в ближние крепости Верхнеяицкую и Уклы Карагайскую для провозу на лошадей овса, сена. Из тех же крепостей требовал потребное число солдат, також пороху и свинцу, а посланному в Чебаркульскую крепость с пленными капитану Седакову определил, взяв команды з 200 человек и пушку легкую (коя от него Павлуцкого тут была оставлена) и пороху, и свинцу. Следовать к нему подполковнику.

(8 апреля 1740 г.) В вечеру уведомил ево подполковника верный старшина Баир тархан, что главные воры с сообщниками своими живут еще в прежнем месте, где атакованы были… Уведомился он Павлуцкий, что… бунтовщик и возмутитель Карасакал и башкирские воровские старшины… по отступлении от них верных башкирцев из деревни Козяшевой… до прибытия ево … дни за три вышли совсем и пошли по Белой реке вниз в горы. За которыми он с командою следовал денно и ночно со всевозможным… поспешением, и тех воров… догнать не мог, ибо путь стал вешней и весьма труден, и в горах реки частые водой наполнились, что переправлялись с трудом немалым, где перемочено драгунами ружей и патронов немалое число. А 10 числа апреля в вечеру, пришед к реке Яик (при ней воры несколько дней стояли) и при переправе чрез оную несколько гренадер и драгун едва не потонуло, и всей команде чрез ту реку переправиться и за ворами идти никак было невозможно. Понеже и выше явленные гренадеры, и драгуны, кои были за рекой с ним подполковником, возвратились обратно… в крайней нужде. А на завтра 11 числа оная водою весьма разлилась широко и глубоко, и по общему ево со штаб-офицерами согласия определил за оной неспособностью. К тому ж за неимением у драгун и других чинов провианта и за великою худобою и за присталью многих казенных драгунских и у нерегулярных лошадей, и за несыском на корм их фуража, понеж на них не токмо воров догнать, но и до крепостей дошли с великим трудом. К тому ж и от… посланной от команды партии, известия он в то время не получил, и для того возвратился к крепостям Уклы Карагайской (14 апреля) и Чебаркульской (20 апреля 1740 г.) для взятия провианта и отдохновения лошадей.

По ордеру, присланному от полковника… Арсеньева помянутой подполковник Павлуцкий, бывшую с ним в зимней первой партии команду расположил для отдохновения и ради оправления в корму лошадей (понеже оные от бескормицы и от глубоких снегов весьма выбились) по крепостям, а верных иноверцев отпустил от Чебаркульской крепости в домы для перемены другими. А сам для обстоятельного от партий репортования и для лучшего со оным полковником и подполковником Бахметьевым… общего совету прибыл с малою частью гренадеров и со всем полоном в Теченскую слободу мая 5 дня» [8. Л. 231–233 об.].

Летний поход правительственных отрядов вглубь Башкирии 1740 г.

В силу того что основные военные события мая–июля 1740 г. вновь разворачивались в степях Южного Зауралья и отрогах Урал-Тау, главная роль в предотвращении разрастания нового башкирского восстания была отведена наиболее боеспособным воинским соединениям, во главе которых был поставлен подполковник Павлуцкий. Местом сбора командированных партий для летнего похода 1740 г. на этот раз стала Верхнеяицкая крепость, где заблаговременно были сделаны значительные запасы продовольствия, фуража, боеприпасов. Сюда 22 мая 1740 г. из Теченской слободы и пришел первым отряд драгун и казаков подполковника Павлуцкого численностью 830 человек. В этот же день к Верхнеяицкой крепости подошли команды подполковника князя Путятина из Красноуфимска, секунд майора Языкова из Уфы, переводчика Уразлина из Мензелинска. Их численность составила 1 607 человек. Таким образом, общее число участников похода было доведено до 2 437 человек. Это количество военнослужащих по штату 30-х гг. XVIII в. приравнивалось к двум полноценным драгунским полкам с той лишь разницей, что под выполнение специальных военных и карательных операций в сводную команду Павлуцкого, помимо драгун и казаков, были включены солдаты-пехотинцы – 170 человек и конный отряд иноверцев численностью до 150 человек. В течение двух дней после прибытия подполковник Павлуцкий на правах главного командира провел смотр у прибывшего личного состава лошадей и оружия. В результате им была сформирована подвижная кавалерийская команда в 1 252 человека. В их число вошли, помимо прибывших с ним регулярных и нерегулярных военнослужащих, вышеупомянутый отряд иноверцев и 300 человек из команды князя Путятина.

Летний поход «для поиску и искоренения вора Карасакала» начался 24 мая 1740 г. переправой основных сил на правый берег Яика. После чего Павлуцкий, оставив под началом князя Путятина часть конницы, пехоту и артиллерию, с подвижной кавалерийской командой ускоренным маршем пошел к Чебаркульской крепости. При нем из артиллерии было только две пушки и две мортиры. Команда Павлуцкого, переправившись через реку Кизил и другие каменистые речки,

шла без больших привалов весь день 24 и всю ночь на 25 мая. Такая поспешность была связана с полученным известием от верного старшины Баима тархана. Дело в том, что хан Гирей (Карасакал), уйдя от погони Павлуцкого у реки Яик в начале апреля 1740 г., перехитрив всех, вновь кочевал со своим ближайшим окружением около озера Чебаркуль. Причем не просто кочевал, а, разослав своих людей по башкирским волостям, собирал башкирское войско теперь уже под своим собственным началом. Забегая немного вперед, надо сказать, что к этому времени на его сторону перешли башкирские воины девяти волостей общей численностью более двух тысяч человек. По документам Миллера, в число восставших волостей вошли: Катайская, Терсятская, Куваканская, Телевская, Кубыляцкая, Айлинская, Каратавлинская (?), Тарнаклинская (?), Каратабынская [8, Л. 234 об.], и их число продолжало увеличиваться с каждым днем.

Решающий бой, предопределивший последующий ход событий, состоялся в ночь с 25 на 26 мая 1740 г. «(25 мая) Поймали вора башкирца, который показал, что вор Карасакал и с ним множество воров сообщников кошами стоят при озере Чебаркуле и близь вершин Кизильских, – говорится по этому поводу в документах Миллера, – и он Павлуцкий с командою легкой партией того ж числа за теми ворами следовал, как возможность допустила за скорейшим поспешением. А секунд майору Языкову в 300 человеках и с артиллерией наскоро приказал за собою идти. И на оных воров, кочующих между гор по разным местам немалым собранием, больше тысячи дворов нашли часа за два ночи. Тремя эскадронами и с теченскими и уфимскими казаками и верными башкирцами и мещеряками без пушек, прошед по правому берегу озера Чебаркуля, и побили мужского и женского полу с 400, в полон взяли девять человек. И воры по вступлению его Павлуцкого в крайние коши, не допустили их до дальних своих кошей (которые так же, и табуны лошадей отпустя вперед в горы к Яику и другому Нижнему Кизилу). Собравшись, например с 800 человек учинили с ними сильное сражение. При котором бою побито их воров немалое число, о чем показано выше, и он не прерывался далее полуночи. И их воров на тот бой более умножилось, чего ради принужден он подполковник в ночи обождать секунд майора Языкова, дабы воры какого вреда ему не учинили, которые и соединились в полночь. И по соединение, не только еще сражение имели, но по ворам из пушек и из мортир палили и их воров отбили и прогнали вдаль в горы. С нашу сторону ранено регулярных и нерегулярных 16, побито 3 человека. Верных иноверцев побито 5, ранено 11 человек. Лошадей казенных побито 5, ранено 11, да отбито при бою из под драгун 2 лошади. А идти за теми ворами вдаль за ночным временем до свету было не можно. К тому ж той ночью побитых похоронили, и для 8 раненых носилки делали» [8. Л. 234–234 об.].

После этого боя расположение воюющих сторон вновь изменилось. Восставшие башкирские воины со своими семьями, кибитками, скотом, убедившись, что их место сбора у озера Чебаркуль раскрыто, начали скрытное движение на реку Яик с целью соединения с ханом Гиреем (Карасакалом). Сам же хан Гирей со своим ближайшим окружением, заблаговременно уйдя от боестолкновения с отрядом Павлуцкого, ушел от озера Чебаркуль на реку Яик налегке, тем самым обеспечив себе и свободу маневра, и уход от погони.

Подполковник Павлуцкий, получив вышеуказанные сведения от пленного башкирского воина, вынужден был их проверять, теряя тем самым драгоценное время. Но иначе он поступить не мог. Дело в том, что хан Гирей и боеспособные башкирские отряды могли вновь уйти не на Яик, а в Уральские горы. Только после подтверждения сведений, что «…воры идут в степь (в сообщество к вору Карасакалу… к Яику) разными трактами для укрывательства от партей впереди расстоянием в одном дне», отряд Павлуцкого вновь пустился в погоню за ханом Гиреем (Карасакалом).

«И перешед другой Кызыл реку, – говорится по этому поводу в документах Миллера, – следовал он Павлуцкой по праву сторону вниз близ гор. (25 мая 1740 г.) От озера Чебаркуля следовал он Павлуцкой за вором Карасакалом и ево сообщники з скорейшим поспешением денно и ночно, и собрание воровское догнал мая 28 по утру на переправе реке Яику. Чрез коя и тот вор, и с ним, например, тысячи с полторы кибиток до прибытия его за день и в ночь на 28 число переправились. Токмо застали на нашей стороне кои еще не переправились, воров мужского и женского полу с 150 человек, которых и побили, да человек з 20 взяли в полон. Многие тут воры при сражении в реке Яике потонули, прочие ж воры, переправясь немалым собранием из-за реки коя известно широка, и с утра до полуночи держали против нашей партии бои… Токмо тех воров осилили и прогнали обратно за Яик… А лошади их… и верблюдов и скота довольное число, которых воры… за Яик переправить не успели, оных отбили. С нашу сторону при бою побито драгун один, ранено два, лошадей казенных ранено две» [8. Л. 235].

После этого боя отряд Павлуцкого, переправившись на левый берег Яика, продолжил преследование хана Гирея. Но тот шел очень быстро, каждый раз уходя от погони. В этом ему оказывали неоценимую помощь башкирские отряды численностью 150–200 человек, которые с завидным постоянством навязывали Павлуцкому арьергардные бои при переправах через водные преграды. Именно поэтому когда отряд Павлуцкого подошел к Тоболу, то хана Гирея на левом берегу он не застал: тот переправился за сутки до его прихода. Именно столько потеряли времени драгуны и казаки подполковника Павлуцкого при переправе через Яик. «Придя, он, подполковник на реку Тобол, оного вора Карасакала с его воровским собранием не застали, – говорится по этому поводу в документах Миллера, – ибо он переправился до прибытия ево, по показаниям пойманных воров и по тракту видно за сутки. И оттуда… Павлуцкий в вечер командировал легкую партию с капитаном Кублицким 100 человек» [8. Л. 236 об.]. Но, как говорится, к этому времени хана Гирея и след простыл. Ушел и в этот раз Карасакал от Павлуцкого, причем ушел на сопредельную территорию киргиз-кайсаков, где ловить новоявленного хана Башкирии было невозможно. Тогда подполковник,

прекратив преследование и разделив отряд на две партии, разными маршрутами вернулся к Верхнеяицкой крепости, где полковник Арсеньев, прибыв с резервным отрядом драгун 16 июня 1740 г., готовил заключительный этап военно-карательной операции.

На военном совете, состоявшемся в Верхнеяицкой крепости с 16 по 18 июня, был принят совместно с подполковником князем Путятиным план последующих венных действий. Согласно этому плану 19 июня 1740 г. полковник Арсеньев отправил в Уральские горы две военно-карательные партии под командованием князя Путятина и секунд майора Языкова общей численностью 1 736 человек. В это число вошли 691 регулярных, 268 нерегулярных военнослужащих, прибывших из Уфы и Красноуфимска, и 777 воинов из верных иноверцев. Им предписывалось: «…Следовать в горы Уральские по правую сторону к реке (неразборчиво) на Ногайскую дорогу в Катайскую и Тюрлинскую (?) волости…» [8. Л. 238 об.].

Третья же карательная партия под командованием подполковника Павлуцкого численностью в 1 152 человека (регулярных 742, нерегулярных 60, верных иноверцев 350) была отправлена в Уральские горы 22 июня 1740 г. Ей предписывалось действовать «…по левую сторону через Тамьянскую волость и Белую реку к рекам Уфе, Нязе, Юрезене (?) и по другим местам в помянутые волости и в Куваканскую и Айлинскую…» [8. Л. 238 об.]. Это, как оказалось в дальнейшем, был наиболее труднопроходимый маршрут по гористой и чрезвычайно каменисто-болотистой местности общей протяженностью до 700 верст. Причем следует особо отметить, что все карательные партии шли в Уральские горы в период разгара лета по самой крайней необходимости, когда из-за гнуса, комаров и других кровососущих там и людям, и домашним животным было невыносимо находиться. Но из-за того, что значительная часть башкирского населения мятежных волостей, несмотря на неурочное время (в мирное время все башкиры в этот период кочевали в яицких степях), укрылась в Уральских горах именно с той надеждой, что их не достанут ни драгуны, ни казаки, они, драгуны, казаки, туда и вошли.

Перед началом карательных действий старшинам мятежных волостей были разосланы от имени генералитета правительственные указы следующего содержания: *«...*естли они явятца к российским командам, то вины их прощены будут, естли же того не учинят, то до сущаго младенца огнем и мечем, погублены быть имеют…*»* [8. Л. 240]. В силу того что в две недели карательной операции к командам никто из восставших волостей не вышел, действия карательных партий в указанный период были наиболее жестокими. Порой за день тот или иной отряд драгун, казаков или верных иноверцев убивал от 150 до 200 человек из числа мятежников, причем совершенно не считаясь с тем, кто это был – мужчины или женщины. К примеру, в рапорте от 5 июля 1740 г. говорится: «Командой капитана Кублицкого в горах Уральских побито воров башкирцов мужского и женского полу с 150, да в полон, взято 20 человек». В рапорте от 6 июля 1740 г.: «Командою подполковника князя Путятина, секунд майором Языковым в горах Уральских побито воров с 200 человек, да несколько в полон взяли. При бою с ворами убит гренадер один, ранено драгун четыре, верных иноверцев два человека» [8. Л. 239 об.]. В полковом рапорте от 7 июля говорится по этому поводу, что «…всего особыми партиями, посылаемыми в 1740 г. с подполковником Павлуцким воров башкирцов мужского и женского полу сообщников возмутителя вора Карасакала, кроме других партий, побито 1 309, в полон взято 907, итого: 2 216 человек. Деревень пожгли воровских в первой и третьей партиях больше 100. Да сверх того в тех двух партиях из команды Павлуцкого… верными (иноверцами) пожжено воровских деревень не малое число, токмо. Сколько подлинно того считать было не можно» [8. Л. 242].

Люди умирали насильственной смертью с катастрофической быстротой, и командиры мятежных башкирских волостей не могли этого не видеть. Необходимо было принимать кардинальное решение и выходить к карательным командам с повинной, что, собственно говоря, и было сделано в первой половине июля 1740 г. «Первого и второго чисел июля явились к нему подполковнику от воровского собрания с повинною Е.И.В. мужского и женского полу 1 098 человек, – говорится в полковом рапорте от 3 июля 1740 г., – кои все и со скотом их приведены… к Верхнеяицкой крепости» [8. Л. 241 об.]. С 12 по 16 июля 1740 г. как к полковнику Арсеньеву, стоявшему с отрядом у Верхнеяицкой крепости, так и к подполковнику Павлуцкому, бывшему в горах, вышло с повинной 5 328 человек (мужчин 1 372, малолетних, младше 15 лет 1 262, женщин 2 694). Причем первоначально все пришедшие с повинной были разоружены и собраны вместе с их семьями и скотом у Верхнеяицкой крепости. В документах Миллера это событие нашло отражение в рапорте Сибирского полка от 12 июля 1740 г.

«По учиненному общему определению полковников Арсеньева и Пальчикова, подполковника Павлуцкого и прочих штаб офицеров, – говорится по этому поводу в вышеуказанном документе, – взято из выше писанных пришедших с повинною воров знатных людей под видом аманатов со всех (?) волостей человек с 50 и отданы под крепкий караул. А прочия все з женами и з детьми и со скотом отправлены от Верхояицкой (крепости) с показанным полковником господином Пальчиковым / :коей прислан был к Верхояицкой (крепости) того ж июля 11 дня от господина генерал-лейтенанта князя Урусова с ландмилицкими драгуны и с яицкими нерегулярными в 800 человек в помощь было к Сибирской команде, точию еще до прибытия ево Пальчикова, воры были уже разорены: / в Оренбург к его сиятельству… господину генерал-лейтенанту князю Урусову, окружа их командой, дабы разбежатца не могли. С ним же Пальчиковым отправлены под особливым караулом и означенные главные воры, кои были взяты якобы в аманаты. А в прибавок ево Пальчикова настоящей команды, послано от полковника Арсеньева яицких казаков / : кои взяты были из команды капитана Тарбеева. Стоящего с ними при озере втором Чебаркуле, для легких разъездов:/ сто человек, да верных иноверцев со старшинами 210 человек.

А ружье у оных посланных воров, кои с повинной явились, все отобрано» [8. Л. 242 об.–243].

Вышесказанное подтверждает и П.И. Рычков в своей «Истории Оренбургской», причем с добавлением подробностей не только следствия над зачинщиками Башкирского восстания 1735–1740 гг., но и их казни. По свидетельству П.И. Рычкова, всех сдавшихся на милость российской государыни (за исключением престарелых) привели к Оренбургу и поставили лагерем в 10 верстах от него, где и продержали до 25 августа 1740 г.[4] пока шло следствие.

«Производилось следствие… чтоб уведать кто и каким образом к бунту… причастен был, – говорится в "Истории Оренбургской", – но… розысками о том никоими образами допытаться было невозможно, того ради… собраны были сперва в верности пребывшие старшины, а именно – главный Сибирской дороги Каратабынской волости Таймас тархан Арык Исенбаев и Ланской (?) волости Кусямыж Беккутжин Асы Карабаев, Мекетинской (?) волости Янгильда Сюнигулов, Ногайской дороги Кубеляцкой волости Баим тархан Кадреев… да мещерякской волости Ермак Исетлеев. От коих от их присяжной… должности требовано известие, кто из того собрания главные воры и их последователи; почему они о многих объявили. А потом призваны были, взятые… в аманаты Юнус тархан с товарищи и таким же образом были спрашиваны… Почему они также о многих показали и во многом с показанием верных старшин согласно объявили. И тако следствие… началось, и потому 18 августа… был консилиум и о казни действительных воров учинилось определение… И тако по… определению 25 августа объявленным ворам башкирцам, в расстоянии от Оренбурга в 6 верстах на одной горе за Яиком (башкирской стороны при собрании много числа народа и всех верных башкирцев и мещеряков) учинено экзекуция, а именно: по прочтении указу о винах их, главные злодеи и сообщники… Карасакала – Кантул Максимов, Юнус Исмаилов, Джангул Усекеев, Карабаш Утеянов, Якуп Косишев посажены… на кол; оным же подобные 11 человек, в том числе семь есаулов… Карасакала, повешены за ребра; 85 человек повешены; 21 человеку отсечены головы и воткнуты на колья, в том числе и у самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзиангула, который Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого. Ибо он, будучи под караулом и везен в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил и не ел более 10 дней. А прочим оставшимся злодеям экзекуция была 17 сентября по прибытии его генерал-лейтенанта в Сакмарск. 120 человекам отсечены головы; 50 человек повешено; 301 человек штрафованы отрезанием носов и ушей» [1. С. 49–50]. После этой казни оставшиеся разрозненные отряды башкирских воинов вынуждены были прекратить боевые действия. Кто-то сумел скрыться в Уральских горах, кто-то бежал в степь. К осени 1740 г. все было кончено.

Последняя запись о поисках отдельных семей башкир, скрывающихся в Уральских горах, в документах Миллера датируется 16 сентября 1740 г. То, что это были небольшие разрозненные и деморализованные группы башкир, свидетельствует тот факт, что на их поиски отправлялись, к примеру, из Верхнеяицкой крепости карательные партии численностью в 36 человек [8. Л. 243 об.], тогда как в 1737 г. отряд драгун и казаков численностью более 300 человек, отправленный в погоню за башкирскими воинами в Уральские горы, дальше 40 верст от Чебаркульской крепости не уходил. Другими словами, документы Миллера, состоящие в большинстве своем из рапортов карательных партий, однозначно свидетельствуют об окончательном прекращении башкирского восстания 1740 г.

События, произошедшие на Южном Урале в 1740 г., стоят особняком. В уральской историографии до сих пор нет достоверных письменных сведений о том, кто вооружил огнестрельным оружием, обеспечил порохом и свинцом боевой и очень подвижный отряд Карасакала. Действительно ли он воевал против Сибирского драгунского полка в Южном Зауралье начиная с 1735 г.? Тот же очевидец вышеуказанных событий – П.И. Рычков, в своей «Истории Оренбургской», образно выражаясь, только разводит руками!

В результате летней военной кампании 1740 г. мятежные башкирские волости были полностью опустошены и выжжены, а наиболее активная и независимая часть населения истреблена или выслана из Башкирии вглубь России или на берега Балтики. Когда в октябре 1741 г. на пост вице-губернатора Уфимской провинции заступил П.Д. Аксаков, он был поражен масштабом нанесенного ущерба. Пользуясь данными ему полномочиями, Аксаков провел расследование наиболее громких и нашумевших дел, пытаясь придать им сугубо уголовный характер. Но работавшая с 1745 по 1748 г. следственная комиссия по башкирским делам пришла к выводу, что необходимое расследование на местах может вызвать волнение башкир, и признала требования Аксакова неосновательными. Деятельность Аксакова вызвала непонимание и открытое противостояние Л.Я. Соймонова и И.И. Неплюева. По выражению Р.Г. Игнатьева, начался новый в своем роде башкирский бунт, но только вместо пуль и стрел полетели просьбы, доносы и жалобы [4. С. 3–64]. Конечным итогом этой бумажной перепалки стала победа точки зрения на башкирскую проблему Соймонова–Неплюева, которая заключалась в осуществлении жесткой прокириловской политики по отношению к башкирскому населению, но с решением земельного вопроса в пользу башкир. За башкирским населением было сохранено вотчинное право владения землей. На совещании, состоявшемся в Бердске в 1742 г., было выработано совместное определение, известное как «Определение Неплюева–Аксакова 1742 г.» [13. С. 554–555], ставшее на продолжительное время основополагающим документом в регламентации земельных отводов под будущие металлургические заводы на территории Башкирии [14. Л. 30, 150].

Другими словами, правительство Анны Иоанновны, признав вотчинные права башкир на землю, пошло на принятие таких законов в горном деле, на которые не решался и главный реформатор России – Петр Великий! В данном случае речь идет о Берг-Регламенте 1739 г. [15. Т. 10. С. 734] и связанном с ним подзакон-

ном акте – сенатском указе от 16 апреля 1744 г. Именно он сумел переломить крайне взрывоопасную ситуацию в Башкирии. Вне всякого сомнения, ключевую роль в этом сыграла его восьмая статья**.** Именно она способствовала превращению башкирских вотчинников из ярых противников строительства на их землях военных крепостей и металлургических заводов, в его сторонников. В этой статье Сенат гарантировал башкирам, что «…за способные места и за надлежащий к заводскому строению лес и дрова имеет заводчик башкирцам платить по настоящей цене; также буде под завод понадобятся отхожие их башкирские угодья, яко лес и другое тому подобное… в том договариваться заводчикам с ними башкирцами, как то и по состоявшемуся в… 1739 г. 20 августа именному указу поступать с ними велено; и такие договоры и купчая писать поблизости, где пристойно, потом объявлять и записывать их в канцелярии Оренбургской комиссии (с 1744 по 1753 г. – в Оренбургской губернской канцелярии – *В.С.*) в чем они башкирцы, довольны оставшись взятьем 2%, никакой жалобы приносить, не могут» [15. Т. 12. С. 79, 83]. Подтверждением того, что башкирские вотчинники, помимо единовременных выплат «за надлежащий к заводскому строению лес и дрова» получали с 1744 по 1782 г. и двухпроцентные деньги (природную ренту), служат контракты и «указы с прочетом» на строительство металлургических заводов на Южном Урале. В качестве конкретного примера может служить архивное дело по строительству Каслинского завода, отложившееся в РГАДА [16. Л. 30 об., 32, 67–67об.]. Более подробно вопрос получения башкирами природной ренты рассмотрен в статье «Металлургическая промышленность Южного Урала в 1744–1782 годах» [17].

Следует особо отметить, что правительство императрицы Елизаветы Петровны, взошедшей на российский престол в 1741 г., также отказалось от строительства казенных заводов на Южном Урале [15. Т. 13. С. 907].

Примечания

[1] Так Р.Г. Игнатьев, следуя архивным источникам, называл Карасакала.

[2] Единственное, что вызывает сомнение при прочтении рапорта, – это имя и фамилия пленного. Имя читается как «Аласкянгула», а фамилия вообще не подается однозначному прочтению. Тем не менее имя Аласкянгул(а) созвучно Алазиангулу Кутлугузину, который действительно являлся одним из организаторов башкирского восстания 1740 г.

[3] Турка – ружье, короткий, широкодульный дробовик [10. С. 443]

[4] Точной даты организации лагеря сдавшихся башкирских воинов с их семьями Рычков не называет.

Список источников

1. Рычков П.И. История Оренбургская. 1730–1750. Оренбург : Тип. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.
2. Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2013. Т. VII: 1880–1881 годы. 407 с.
3. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань : Тип. В.М. Ключникова, 1889. Вып. 1, 2. 418 с.
4. Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII веков // Материалы по истории Башкирской АССР / отв. ред. А.П. Чулошников. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. Ч. 1. С. 3–65. (Труды Историко-археографического института).
5. Материалы по истории Башкортостана / сост. Н.Ф. Демидова. Уфа : Китап, 2002. Т. VI. 769 с.
6. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М. : Наука, 2009. 344 с.
7. Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739–1740 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2012. 24 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 189. Д. 481.
9. Материалы по истории Башкирской АССР / сост. Н.Ф. Демидова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. III. 692 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. М. : Рус. яз., 2002. Т. 4: P–V. 683 с.
11. Гималтдинова И.И. Вооружение. Снаряжение и военное искусство башкир в эпоху наполеоновских войн 1807–1815 гг. // Молодой ученый. 2015. № 16 (96). С. 351–354.
12. Чуднов Г.М.. Савенко О.Н. Сокровища Тульского музея оружия. Тула : Приок. кн. изд-во, 1979. 190 с.
13. Материалы по истории Башкирской АССР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. V. 783 с.
14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830.
16. РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 4.
17. Свистунов В.М. Металлургическая промышленность Южного Урала в 1744–1782 годах // Индустриальное достояние Южного Урала. Челябинск, 2011. С. 45–79.

References

1. Rychkov, P.I. (1896) *Istoriya Orenburgskaya. 1730–1750* [The History of Orenburg. 1730–1750]. Orenburg: Tip. I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo.
2. Ignatiev, R.G. (2013) *Sobranie sochineniy (ufimskiy i orenburgskiy period)* [Collected Works (Ufa and Orenburg Period)]. Vol. 7. Ufa: [s.n.].
3. Vitevskiy, V.N. (1889) *I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.* [I.I. Neplyuev and the Orenburg Region in its Former Composition before 1758]. Kazan: V.M. Klyuchnikov.
4. Chuloshnikov, A.P. (1936) Feodal'nye otnosheniya v Bashkirii i bashkirskie vosstaniya XVII i pervoy poloviny XVIII vekov [Feudal relations in Bashkiria and the Bashkir uprisings of the 17th and first half of the 18th centuries]. In: Chuloshnikov, A.P. (ed.) *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 3–65.
5. Demidova, N.F. (ed.) (2002) *Materialy po istorii Bashkortostana* [Materials on the History of Bashkortostan]. Vol. 6. Ufa: Kitap.
6. Taymasov, S.U. (2009) *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke* [Bashkir-Kazakh relations in the 18th century]. Moscow: Nauka.
7. Amantaev, I.F. (2012) *Bashkirskoe vosstanie 1739–1740 gg.* [The Bashkir uprising of 1739–1740]. Abstract of History Cand. Diss. Ufa.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 189. File 481.
9. Demidova, N.F. (ed.) (1949) *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.
10. Dal, V.I. (2002) *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

11. Gimaltdinova, I.I. (2015) Vooruzhenie. Snaryazhenie i voennoe iskusstvo bashkir v epokhu napoleonovskikh voyn 1807–1815 gg. [Armament. Equipment and military art of the Bashkirs during the Napoleonic Wars of 1807–1815]. *Molodoy uchenyy*. 16(96). pp. 351–354.
12. Chudnov, G.M. & Savenko, O.N. (1979) *Sokrovishcha Tul'skogo muzeya oruzhiya* [Treasures of the Tula Museum of Weapons]. Tula: Priok. kn. izd-vo.
13. Vasiliev, S.M. (ed.) (1960) *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Vol. 5. Moscow: USSR AS.
14. The United State Archives of the Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund I-172. List 1. File 7.
15. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ RI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery.
16. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 411. List 1. File 4.
17. Svistunov, V.M. (2011) Metallurgicheskaya promyshlennost' Yuzhnogo Urala v 1744–1782 godakh [Metallurgical industry of the Southern Urals in 1744–1782]. In: *Industrial'noe dostoyanie Yuzhnogo Urala* [Industrial Heritage of the Southern Urals]. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 45–79.

***Сведения об авторе*:**
Свистунов Вячеслав Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: wms_castl@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Svistunov Vyacheslav M. – Candidate of Historical Sciences, a researcher at the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies of South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: wms_castl@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 10.07.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/19988613/89/19

К вопросу о формировании научного литературного языка в «Истории русского народа» Н.А. Полевого

Николай Игоревич Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sochin3@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языка и структуры «Истории русского народа» Н.А. Полевого. Приведен анализ историографической и литературной деятельности автора. Рассматриваются особенности творчества историка, объясняются причины непопулярности его произведения у отечественного читателя. На основе анализа структуры текста делается вывод, что Н.А. Полевой, презентуя «Историю русского народа», намеренно порывает со старой литературной формой подачи исторического материала, пытаясь положить в основу своего труда научный дискурс, формируя как новый язык повествования, так и новую структуру исторического произведения.
Ключевые слова: историография, историческая информация, сентенция, исторический текст, структура исторического текста, история исторической науки в России

Для цитирования: Солнцев Н.И. К вопросу о формировании научного литературного языка в «Истории русского народа» Н.А. Полевого // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 161–167. doi: 10.17223/19988613/89/19

Original article

On the question of the formation of a scientific literary language in N.A. Polevoy's 'History of the Russian people'

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sochin3@yandex.ru

Abstract. In 1829 the publication of the 'History of the Russian People' by N.A. Polevoy began. In his work the author openly points out the shortcomings of the very popular 'History of the Russian State' by N.M. Karamzin. This causes an open scandal in the society and brings down a barrage of criticism on the work. The composition of N.A. Polevoy was declared groundless. This circumstance determined the extreme scarcity of the historiographical base of the study. In the 19th century Polevoy gained a reputation as a skeptical historian, and Soviet historiography speaks of the weakness of the author's philosophical and methodological base. However, one important detail escapes the attention of critics: the dryness and asceticism of the literary language of N. A. Polevoy. The claim is surprising, since the author enters the history of Russian literature of the 19th century as a talented prose writer and master of the historical novel. This circumstance allows us to assert that N.A. Polevoy deliberately departs from the literary standards inherent in the era of N.M. Karamzin and tries to create a work of a different conceptual orientation, with its inherent scientific and historical language. The author undertakes to implement his plans without paying attention to a number of aspects that reduce the cognitive perception of the text.

First, at the beginning of the 19th century, the literary and narrative aspect in the presentation of historical events becomes the main part of the work and reader's perception of the text depends on how carefully it is executed. By removing the narrative in his work, the author reduces the level of understanding of the information contained in it.

Secondly, the text as a communication between the author and the reader is determined by the level of artistry of the language. Artistic communication is better perceived by the reader, as it is consistent with his inner experiences. Non-artistic communications are focused on the addressee who is interested in obtaining specific information. Moving away from the artistry, N.A. Polevoy turns the dialogue with the reader into his own monologue, which was not perceived by an unprepared reader reasonably and adequately.

Thirdly, in search of objectivity, N.A. Polevoy rejects N.M. Karamzin's sentential conclusions, declaring them abstract reflections. This deprives the text of both edification and the conclusion that determines the significance of the historical moment, and excursions into European philosophical systems, complicates the reader's overall perception of the research idea. As a result, the reader did not accept the concept of the work and could not understand the author's intention. However, the 'History of the Russian People' created an alternative to the large-scale history of N.M. Karamzin. Russian history

© И.И. Солнцев, 2024

for the first time gets a variety in the ways of presenting historical material. N.A. Polevoy made the first attempt to free a scientific text from the stylistics of fiction.
Keywords: historiography, historical information, sententia, historical text, structure of historical text, history of historical science in Russia

For citation: Solntsev, N.I. (2024) On the question of the formation of a scientific literary language in N.A. Polevoy's 'History of the Russian people'. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 161–167. doi: 10.17223/19988613/89/19

В 1829 г. в Москве в типографии Августа Семена при Медико-хирургической академии выходит в свет первый том «Истории русского народа» за авторством русского писателя, драматурга, литературного критика и талантливого публициста Николая Алексеевича Полевого. Даровитый журналист и издатель, критический талант которого был неоднократно отмечен читающей публикой, бросил вызов самому Карамзину и его «Истории государства Российского», посмев упрекнуть почтенного историографа в несостоятельности идей, положенных в основу реконструкции русской истории. Сын курского купца [1. С. 161], представитель третьего сословия позволил себе усомниться в совершенстве произведения, открывшего русскому обществу уникальность собственного прошлого. Последствия не заставили себя ждать. О разрыве отношений с Полевым заявляют Пушкин, Вяземский, Жуковский, что стало серьезным ударом по издательской репутации автора и усугубило негативное отношение к нему со стороны современников, а последовавший за этим литературный скандал спровоцировал закрытие главного детища Полевого – журнала «Московский телеграф». «Игнорировать «Историю…» Полевого стало признаком хорошего тона среди тогдашнего поколения ученых» [2. С. 296], – констатирует в конце XIX столетия П.Н. Милюков. Все это привело к тому, что творчество автора было незаслуженно забыто, а его научное наследие стало восприниматься как неудачная попытка вписать себя в нарождающееся русское историописание. Сам же Н.А. Полевой был навеки вписан, по меткому определению С.А. Лурье, во «второй ряд» авторов «золотого века» русской литературы [3. С. 165], прослыв безнадежным скептиком во взглядах на славное прошлое России.

Все вышеизложенное в конечном итоге определило крайнюю скудость историографической базы исследования исторического творчества Н.А. Полевого. Современники «стыдливо» игнорировали «Историю русского народа» как несостоявшееся произведение: «"Историю русского народа" гораздо больше читали, чем цитировали» [2. С. 304].

Интерес к творческому наследию автора, ушедшего из жизни в 49 лет, просыпается только в последней трети XIX в. Первую попытку определить место произведения Полевого в русской историографии делает В.С. Иконников, причисляя автора «Истории…» к так называемому скептическому направлению русской историографии. Можно предположить, что подобное мнение вытекало из чисто внешних атрибутов исторического произведения, как то посвящение труда Б.Г. Нибуру, по мнению Полевого, первому историку XIX в., которого Иконников ассоциировал с критическим направлением историографии. «Критическое направление истории – явление сравнительно новое: в Германии начало его относят ко времени Шлецера или Нибура…» [4. С. 37]. Все это закрепило за Полевым репутацию историка-скептика, даже несмотря на то, что Иконников категорически не настаивал на своих выводах. «По своему направлению Полевой непосредственно примыкает к скептикам; но далек от их крайних выводов» [5. С. 90], – считал ученый.

Практически вторит Иконникову М.О. Коялович в своей работе «История русского самосознания» [6. С. 256–266]. Для него Н.А. Полевой – просто «самоучка, словесник, популярный в среде молодых людей журналист» [6. С. 256], демонстрация того, как «далеко может зайти русский человек, освободившийся от родных авторитетов» [6. С. 257]. По его мнению, на это способен только безнадежный скептик, не столько как исследователь, сколько как человек, презирающий все русское. Во многом эти взгляды на творчество автора «Истории русского народа» и определили дальнейшее направление дискуссии, посвященной его творчеству, в которой на первое место был поставлен вопрос о скептицизме Полевого.

Только П.Н. Милюков, заговоривший о сущности исторического видения Полевого, наотрез отказался принимать тезис о скептицизме историка. По его мнению, со «скептическою школой Полевой не имеет ничего общего. Он не только не идет так далеко, как ее представители, но даже не решается идти так далеко, как шел Шлецер» [2. С. 287]. Убедительность доказательств Милюкова, приведенных с «высот» начала XX в., практически закрывает тему скептицизма автора и переводит обсуждение его творчества в иное русло. Подводя итог деятельности Полевого как историка, Милюков порождает тезис о неспособности автора решить на должном уровне ту задачу, которую он себе поставил. «На главный вопрос, поставленный новою теорией, – в чем заключается всемирно-историческая роль русского народа, – Полевой был бессилен ответить» [2. С. 309]. Истоки «бессилия» Полевого получили свое объяснение в «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна, который указал на глубокую эклектичность взглядов автора «Истории русского народа» «за отсутствием теоретической базы и научной подготовленности» [7. С. 245]. «Он поставил перед собой широкую и новую задачу, но у него не хватило средств, конкретной научной подготовки для ее непосредственной практической реализации» [7. С. 249], – резюмирует Н.Л. Рубинштейн, подводя черту под анализом творчества Полевого.

Данный вывод в конечном итоге определил тенденции рассмотрения творчества Н.А. Полевого в советской историографии. Автор «Истории русского народа»

был обозначен в ней как начинатель «буржуазного» направления исторического познания, который оказался неспособен применить новые методологические принципы к конкретному историческому материалу [8. С. 106, 111]. Однако «это была первая, пусть не совсем удачная попытка раскрыть закономерность исторического развития России» [9. С. 362]. Этот общий вывод ложится в основу наиболее полного сочинения, посвященного творчеству Н.А. Полевого, вышедшему из-под пера А.Е. Шикло в 1981 г. [10. С. 17–19]. Мало что меняется и в дальнейшем: Полевого как историка рассматривают исключительно как исследователя, который «открыл возможности для широкого сравнительно исторического изучения», однако «удалось ему не все» [11. С. 240].

Подобная оценка объясняется прежде всего тем, что русская, а за ней и советская историография в оценке творчества автора обращала основное внимание прежде всего на концептуальные основы «Истории русского народа», и в этом плане трудно не согласиться с общим мнением, высказанным на страницах многочисленных исследований, составивших основу русской историографии. Однако тенденция рассматривать исторические произведения исключительно с позиций философско-методологических подходов автора упускала из виду еще одну, как кажется, не самую последнюю особенность историописания Н.А. Полевого, о которой следует сказать отдельно.

Дело в том, что главные претензии, предъявленные читающей публикой «Истории русского народа», касались не философских взглядов автора. В.С. Иконников, пожалуй, – единственный из исследователей, кто обратил внимание эту особенность критики Полевого, но не придал ей должного значения. Завершая свой экскурс в творчество историка, Иконников указывает на массу критических замечаний, высказанных современниками по поводу стиля изложения, присущего самому произведению, приводя в пример одну из многочисленных и обидных эпиграмм: «Увы! Российский наш Леклерк упал, смутился и померк за то, что посвятил Нибуру двенадцать книг, чего? – Сумбуру!» [5. С. 91].

Но дело не кончалось одними эпиграммами. «Г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого: стройное творение одного и хаотический недоносок другого!», – высказывается в письме князь П.А. Вяземский по поводу книги Н.Г. Устрялова «О системе прагматической истории» [12. С. 496]. «Слог есть самая слабая сторона “Истории русского народа”… искусство писать до такой степени чуждо ему (Полевому. – *Н.С.*), что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено» [13. С. 44], – отмечает А.С. Пушкин. «Вы его решительно не понимаете и никогда не будете в состоянии пересказать другому того, что услышали от него… когда он хотел показать, как должно писать историю, его собственная история оказалась недочитанною и недописанною» [14. С. 12], – резюмирует по поводу стиля изложения «Истории русского народа» В.Г. Белинский.

Подобное замечание слегка удивляет, так как первую часть рецензии критик начинается словами: «Г-н Полевой не поэт и не ученый, но писатель и литератор, и притом замечательный в полном значении этого слова» [15. С. 499]. Да и вообще отзывы Белинского на литературные произведения Полевого носят в большинстве своем положительный характер, а литература исторической тематики удостаивается только похвал. Критик отмечает «прекрасный слог» как явное достоинство сочинений автора [16. С. 158]. Н.К. Козмин характеризует литературный стиль Полевого как «легкий и довольно выдержанный» [17. С. 145], по его мнению, как литератор «он является художником» [17. С. 151]. Характерно, что за последние полтораста лет взгляды на творчество Полевого не изменились. О ярком следе, оставленном им в русской литературе, говорит О.Я. Гусакова [18. С. 123]. Успех исторической прозы Полевого у современников отмечает В.М. Шамахова [19. С. 14]. Талантливость изображения художественного мира в исторической прозе подчеркивают Н.М. Ильченко и Е.Г. Чернышова [20. С. 93–94]. О высоком уровне историографичности исторического романа Полевого рассуждает В.Д. Линьков [21. С. 328]. Другими словами, литературный талант и умение писать масштабные произведения не вызывали и не вызывают сомнения у исследователей творчества автора. Все сказанное выводит на первый план вопрос: куда же делся литературный дар Полевого, когда он берется за перо и начинает писать «Историю русского народа»?

О сути данного явления вскользь упоминает В.Д. Линьков: «когда создавался роман “Клятва…” («Клятва при гробе господнем». – *Н.С.*), Полевой уже позиционировал себя историографом эпохи 30-х гг., равнозначным Карамзину. Именно поэтому становится очевидным стремление автора разграничить понятия “быль” и “роман” и таким образом не только выявить жанровую природу художественного творения, но и определить свое место в развитии исторической прозы 20–30-х годов XIX века» [21. С. 328], – отмечает исследователь. Взяв за основу эту мысль, остается только констатировать, что, судя по всему, автор намеренно уходит от «высокого» литературного слога, начиная научно-историческую презентацию «Истории русского народа».

Уже на первых страницах своего сочинения Н.А. Полевой начинает рассуждение о призвании историка: «Историк, напитанный духом Философии, согретый огнем Поэзии… должен забыть и логические выводы первой, и цветистые краски второй» [22. С. XX]. Историческая истина, по мнению автора, не должна быть увлекаема «поэтическим огнем, преображающим в глазах наших предметы» [22. С. XX]. «Можем ли требовать от историка известных условий изящества и красноречия?», – вопрошает сочинитель и тут же констатирует: «Не думаю; пусть скажет, как он мыслил… если мысль верна и истинна, будет для нас драгоценна во всяких и в неискусных формах… никакое красноречие не сильно победить отвращение внушаемого софизмом и эгоизмом Историком» [22. С. XXII]. По сути своей, в этих фразах содержится программная установка, которую Полевой будет стараться пронести через все свое сочинение.

О полемике Н.А. Полевого и Н.М. Карамзина по поводу концепции русской истории писалось неоднократ-

но. Однако, как видно из сказанного выше, претензии автора «Истории русского народа» к великому историографу касались не только спора о том, что первично в истории России, народ или государство. Полевой не удовлетворен самой формой литературной презентации «Истории государства Российского». Тезис Карамзина о том, что «искусное повествование есть долг Бытописателя» [23. С. XIX], а «любовь к отечеству дает его кисти жар силу и прелесть» [23. С. XX], Полевой категорически отвергает: «Всякая История хороша, если она не красноречиво написана» [22. С. XXIV], – утверждает он и далее конкретизирует свои претензии: «Если поставить главным достоинством (как думал сам Карамзин) красоту и силу повествования, то История государства Российского станет на высокую чреду… Карамзин… почитавший доказательством любви к отечеству желание раскрасить, расцветить истину, часто жертвующий красоте повествования истиной и критикой материалов, может быть причислен к писателям, которые следовали неверному направлению Истории» [22. С. XXXVI]. «Для сего в грубой простоте являются у меня все слова, речи, дела героев Истории Русской. Нет ничего моего принесенного из наших времен» [22. С. XLIV]. Таким образом, можно говорить о первой попытке сформировать научный стиль изложения, предпринятый в русской историографии.

Однако реализация этого проекта на деле была значительно сложнее того, что, судя по всему, первоначально представлял себе автор. В реалиях начала XIX в., когда историческая аналитика еще не шла далее внешней критики исторического источника, повествовательный аспект в освещении исторических событий был неотъемлемой частью презентации событий, и от того, насколько он был тщательно выполнен, зависело восприятие текста читателем. Разберем это на ряде примеров:

Н.М. Карамзин «История государства Российского	Н.А. Полевой «История русского народа»
«Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своей отважностью, победами, благоразумием, любовью подданных» [23. С. 142]	«Рюрик оставил малолетнего сына Игоря и передал княжество Олегу, товарищу, может быть, родственнику своему» [22. С. 101]
«Владимир, может быть от горести, занемог тяжелую болезнию и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию… не имея сил предводительствовать войском, он поручил его любимому сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и через несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив Государство на волю рока…» [23. С. 267]	«В Берестове тяжкая болезнь постигла его. Слыша о набеге Печенегов, он отправил Бориса Ростовского против них, и скончался 15 июля» [22. С. 239]
«Александр… стал на Чудском озере. Еще зима продолжалась тогда в Апреле месяце, и войско стало безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятеля сбоку смешал их; сломал, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который надменности своей хотел пленить самого Александра; тела Чуди лежали на семи верстах… Скоро Послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили Псковских аманатов, отказались не только от Луги и Водской земли, но уступили Александру знатную часть Летгалии» [24. С. 31–32]	«Близ Чудского озера, когда воины его были в разъезде за припасами, рыцари напали на отдельные отряды новгородцев. Александр сомкнул дружины, сдвинулся на лед Чудского озера и приготовился к бою. Сначала, употребив необыкновенное устройство войска, Рыцари пробились сквозь новгородские ряды; но Александр успел оправится, смял рыцарей и на 7-ми верстах лежали трупы эстонцев, битых в бегстве; 400 рыцарей пало в битве, 50 взято в полон. Немедленно прислал ливонский магистр просить мира, отступаясь от владения Водью, притязаний на Псков, и отдавая пленников. Заключили мир» [25. С. 126–127]

Список примеров в сопоставлении текстов можно продолжить, но характерные особенности подачи материала видны, уже исходя из данных отрывков. В повествовательной части текстов «Историй…» авторы излагают последовательность событий практически одинаково, однако в дискурсивной части подходы к презентации исторических событий принципиально расходятся. Исходя из понимания сути исторического дискурса, которое можно определить как коммуникативную связь [26. С. 100] между адресантом – создателем текста, и адресатом – читателем [27. С. 237], формирующую общение через текст [28. С. 276–277], можно говорить о принципиальной разнице между двумя произведениями.

Прежде всего следует отметить, что любая коммуникативная связь, возникающая между автором и читателем, определяется уровнем художественности языка, создающего текст. Нехудожественные коммуникации весьма избирательны и ориентированы на единичного адресата, заинтересованного в получении конкретной информации, заключенной в тексте. Художественные же коммуникации, напротив, весьма диалогичны, так как связаны с общим культурным контекстом эпохи и несут в себе высокий эмоциональный заряд. Это, в свою очередь, активизирует сознание адресата, через его причастность, включенность в акт коммуникации, через возникающие эмоции. Другими словами, художественный текст раскрывает читателю его собственный внутренний мир, позволяет личности сформулировать ответы на давно поставленные вопросы, которые не могли быть разрешены через нехудожественные способы коммуникации. Последнее и делает художественный текст уникальным, как отмечал Ю.М. Лотман, «позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной, собственно языковой структуры» [29. С. 23].

Стоит ли напоминать, что именно художественность стиля Н.М. Карамзина всегда отражала как сильные, так и слабые стороны его произведения? Отметим, каждый из приведенных выше отрывков представляет собой законченное микроповествование, позволяющее придать любому историческому эпизоду характер законченного рассказа и тем самым подчеркнуть его значимость для общего контекста рассуждений, снабдив его как вводной («Владимир… занемог тяжелую болезнию»), так и заключительной обобщающей частью («…оставив Государство на волю рока…»). По-

добная нарративная структура позволяет читателю самому оценить масштаб события, интерпретировать его согласно собственному разумению и тут же проникнуться истинностью описанного, так как она основана на его собственной реконструкции. Эта ситуация освобождала автора от доказательств правдивости его взгляда на историческое событие, перекладывая эту задачу на плечи читателя, у которого после прочтения текста оставалось осознанное чувство того, как «правильно» историк подметил суть судьбоносного момента. Эта особенность и формирует сущность исторического дискурса Н.М. Карамзина, выраженного через постоянный художественный диалог с читателем, основанный на яркой чувственности переживания, эмоциональности в оценке исторического события. Читающая публика, воспитанная на литературных примерах эпохи классицизма, ждала именно такого повествования, и Карамзин удовлетворил это ее желание, соединив в своем повествовании основные художественные принципы данного направления.

Н.А. Полевой намеренно порывает с подобной литературной традицией. Его язык сух и аскетичен, он оставляет читателя с минимумом исторической информации, практически даже не пытаясь сообщать читателю степень ее достоверности и исторической значимости, объяснить ему смысл получаемого знания о событии. Данную особенность литературной презентации можно рассмотреть на том же примере, повествующем о смерти князя Владимира. Ключевыми словами, определяющими смысловую значимость текста и в том и в другом случае, становятся выражения «тяжелую болезнию» (Карамзин), «тяжкая болезнь» (Полевой). Именно эти выражения семантически организуют все остальное повествование, разъясняя и организуя сюжетную микротему, которая, в свою очередь, определяет авторскую оценку и осмысление, замысел и композицию, что наполняет текст содержательной целостностью и структурной связанностью. Как утверждает Н.С. Валгина, именно наличие двух этих признаков и делает текст состоявшимся [30. С. 29].

Текст Карамзина полностью удовлетворяет предъявленным требованиям. Владимир занемог, «может быть, от горести» – это стало причиной. «Не имея сил», поручил отражение набега печенегов князю Борису, это стало следствием «тяжелой болезни», вокруг которой развивается повествование микротемы, завершающееся смертью князя и оставлением государства «на волю рока». Последняя фраза как подытоживает рассмотренное повествование, так и создает связь с последующими историческими событиями, связанными с борьбой наследников за власть.

В тексте Полевого при наличии содержательной целостности структурная отсутствует почти полностью. «Тяжкая болезнь постигла его», – фраза не связана как с предыдущим повествованием, так и с последующими известиями. Командировка князя Бориса на фронт не связана с недомоганием Владимира, а его смерть 15 июля в тексте по смыслу оторвана от болезни и воспринимается всего лишь как дата окончания жизни. Текст Полевого утратил смысловую ориентацию, а вместе с ней и целеустановку – непременное условие коммуникативной связи с читателем.

Единственное, чем можно объяснить подобную «абсурдность» изложения Полевого, – это намеренно введенным в текст авторским приемом. Раз источник умалчивает о причинах и следствии болезни князя Владимира, не может идти о них речь и в повествовании. Следовательно, «придуманные» Карамзиным причинно-следственные связи должны быть отброшены, история не терпит субъективности, художественного вымысла. Повествование должно быть максимально достоверным и основанным только на источниках. Именно на эти позиции твердо становится Н.А. Полевой и, стремясь достигнуть «объективности» в своем повествовании, при этом «убивает» саму идею историописания как смыслового соединения нарративов, повергая читателя в путешествие по историческим эпизодам, мало связанным между собой. Именно эти «недочитанность» и «недописанность» текста так возмутили публику. Они просто не увидели в Полевом литератора, способного донести до них свой замысел. Отказавшись от красноречия Карамзина, автор «Истории русского народа» похоронил вместе с ним и литературное единство текста.

Существует и еще одна особенность, которую Полевой замечает за слогом «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и активно критикует. Открывая повествование, великий историограф пафосно размышляет о месте сентенциального обобщения в тексте исторического повествования. «Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные апоффегмы, уподобиться Тациту? Не знаю: но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли противно истинному вкусу… апоффегмы бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории» [23. С. XIX]. Таким образом, во введении к своей «Истории государства Российского» Карамзин в угоду сформулированным им же «принципам объективности» отмежевывается от сентенции (апофегмы) как способа резюмирования исторического материала. Однако исполнить данную декларацию было куда как сложнее. Создавая историческое повествование, Карамзин был вынужден прибегнуть к сентенции (апофегме) как к способу, позволяющему синтезировать авторское понимание значения описанного исторического эпизода. Мало этого, по факту именно сентенция становится отличительной частью самого произведения Карамзина, первой формой авторской аналитики в историческом произведении [31].

Для Полевого сентенции Карамзина – не что иное как «желание раскрасить и расцветить истину» [22. С. XXXVI]. Как указывает Н.Л. Рубинштейн, «следуя за Нибуром, он в баснословном материале ищет отражение реально происходящих фактов, которые и пытается восстановить» [7. С. 251]. Карамзин же не спорит с «баснями», привлекая их как составляющую часть текста. Мало того, он дополняет их своими сентенциями и тем самым придает им характер подлинности. Подобное историописание для Полевого неприемлемо, о чем он и сообщает во введении к своей «Истории русского народа»: «…несносно и звание учителя Нравственности, заставляющее Историка говорить апофегмами и сентенциями, как будто нравоучения, им под-

сказанные, могут научить современников и потомство, если дела и события не могли научит их!» [22. С. XXI]. Характерно, что в отличие от Карамзина Полевой проносит этот тезис через все свое произведение. Однако отказавшись от сентенциального вывода Карамзина, порвав с летописным баснословием, автор порвал и со связным историческим сюжетом, который баснословие определяло. Кроме того, установка не дополнять историю вынуждает Полевого отказаться от резюмирующих обобщений вообще, заменив их экскурсами в европейские философские системы, без знания которых, по его мнению, невозможно было постичь хитросплетения русской истории.

Другими словами, понимание смысла и значения исторического эпизода было, с одной стороны, перепоручено самому читателю, с другой стороны, автор «Истории русского народа» задавал ему весьма жесткие рамки данного осмысления. Читатель должен был сам проникнуть в логику повествования и собственным анализом, опираясь на предложенные ориентиры, подтвердить правоту автора. Стоит ли говорить, что для подобного рода действий адресат текста должен был бы быть профессиональным историком, а не досужим любителем исторической литературы. Интересующийся отечественным прошлым человек тонул в общих размышлениях об идентичности русского и европейского исторического пути, после чего, естественно, снимая вину за непонимание с себя, перекладывал ее на плечи автора сочинения. Данное обстоятельство еще более усугубило неприятие произведения читающим обществом и определило трудную судьбу исторической работы Н.А. Полевого.

Тем не менее, подводя итог вышесказанному, следует заметить, что, несмотря на критику, обрушившуюся на «Историю русского народа», работа сыграла в истории русской исторической науки роль, едва ли не бóльшую, чем сочинение Н.М. Карамзина. Прежде всего, работа Полевого стала, пусть и неудачной, но все же альтернативой «Истории государства Российского». Русская история впервые получает вариативность в способах и методах презентации исторического материала. Кроме того, пытаясь противопоставить собственную конструкцию текста подаче исторического материала, предпринятой Карамзиным, Полевой волей или неволей формирует основы научной презентации исторического события. Основой такой презентации становится обращение к читателю как собрату-историку, желающему получить от прошлого не столько сильные впечатления, сколько взвешенную, ничем не приправленную информацию о прошедших событиях. Тем самым делается первая попытка создать научный, а не литературный дискурс в историческом произведении. Для выполнения этой задачи Н.А. Полевой, отказавшись от хорошо им отработанной литературной манеры, пытается создать как новый язык повествования, так и новую структуру исторического произведения. Не вина, а беда Полевого в том, что он в этом опередил свое время. Читатель не смог по достоинству оценить «Историю русского народа». Ожидания изящного литературного опуса, снабженного легким, элегантным нравоучительным смыслом, не оправдались. Вместо этого автор преподнес публике первую отечественную работу, написанную языком научно-исторического произведения.

Список источников

1. Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. М. : Тип. штаба Моск. военного округа, 1908. Т. 3. Н–Р. 291 с.
2. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб. : Изд-во М.А. Аверьянова, 1913. 342 с.
3. Лурье С.А. Изломанный аршин : трактат с примечаниями. СПб. : Пушкинский фонд, 2012. 415 с.
4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира В. Завадского, 1891. 373 с.
5. Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев : Университетская тип., 1871. 106 с.
6. Коялович М.О. История русского самосознания. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 684 с. (Русская цивилизация).
7. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М. : Госполитиздат, 1941. 660 с.
8. Сахаров А.М. Историография СССР. Досоветский период. М. : Высшая школа, 1978. 256 с.
9. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М. : Культура, 1993. 761 с.
10. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 224 с.
11. Историография истории СССР до 1917 года / под ред. М.Ю. Лачаевой. М. : ВЛАДОС, 2004. Т. 1. 382 с.
12. Пушкин А.С. Заметки на полях письма кн. П.А. Вяземского к С.С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической истории» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.–Л. : Худож. лит., 1934. Т. 6. 640 с.
13. Пушкин А.С. «История русского народа» сочинение Николая Полевого. Статья II // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.–Л. : Худож. лит., 1934. Т. 5. 547 с.
14. Белинский В.Г. Рецензии, январь–февраль 1840 г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 4. 675 с.
15. Белинский В.Г. Статьи и рецензии, 1840 г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 3. 683 с.
16. Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Художественные произведения, 1829–1835 гг. Аббадонна. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 1. 573 с.
17. Козмин Н.К. Очерки из истории русского романтизма. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 579 с.
18. Гусакова О.Я. Н.А. Полевой в воспоминаниях Кс. Полевого // Н.А. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1999. № 13. С. 107–123.
19. Шамахова В.М. Художественная проза Н.А. Полевого // Проблемы метода и жанра : сб. ст. Томск : Том. гос. ун-т, 1977. Вып. 4. С. 13–26.
20. Ильченко М.Н., Чернышова Е.Г. Немецкий герой в романе Н.А. Полевого «Аббадонна» // Вестник Нижегородского государственного логистического университета. 2016. № 1, вып. 33. С. 93–107.
21. Линьков В.Д. «Клятва при гробе господнем» Н.А. Полевого: особенности романной структуры // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (42), С. 328–329.
22. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В тип. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической акад., 1829. Т. I. LXXXII, 368, VII с.
23. Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : Изд-во Н. Греча, 1818. Т. I. XXXV, 492 с.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : Изд-во Н. Греча, 1819. Т. IV. 556 с.
25. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В тип. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической акад., 1833. Т. IV. 478 с.

26. Плехова О.Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 99–105.
27. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М. : Соцэкгиз, 1937. 410 с.
28. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 405 с.
29. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПБ, 1998. 702 с.
30. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос. 2003. 173 с.
31. Солнцев Н.И. Роль сентенции в историческом дискурсе «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 204–213.

References

1. Gennadi, G.N. (1908) *Spravochnyy slovar' o russkikh pisatelyakh i uchenykh, umershikh v XVIII i XIX stoletiyakh* [Reference dictionary of Russian writers and scholars who died in the 18th and 19th centuries]. Vol. 3. Moscow: Tip. shtaba Mosk. voennogo okruga.
2. Milyukov, P.N. (1913) *Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli* [Main Currents of Russian Historical Thought]. St. Petersburg: M.A. Averyanov.
3. Lurie, S.A. (2012) *Izlomannyy arshin: traktat s primechaniyami* [Broken Yardstick: Treatise with Notes]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
4. Ikonnikov, V.S. (1891) *Opyt russkoy istoriografii* [Russian Historiography]. Kiev: Typography of the Imperial University of St. Vladimir.
5. Ikonnikov, V.S. (1871) *Skepticheskaya shkola v russkoy istoriografii i ee protivniki* [The Skeptical School in Russian Historiography and its Opponents]. Kiev: Universitetskaya tip.
6. Koyalovich, M.O. (2011) *Istoriya russkogo samosoznaniya* [History of Russian Self-Consciousness]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
7. Rubinstein, N.L. (1941) *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow: Gospolitizdat.
8. Sakharov, A.M. (1978) *Istoriografiya SSSR. Dosovetskiy period* [Historiography of the USSR. Pre-Soviet Period]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Shapiro, A.L. (1993) *Russkaya istoriografiya s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [Russian Historiography from Ancient Times to 1917]. Moscow: Kul'tura.
10. Shiklo, A.E. (1981) *Istoricheskie vzglyady N.A. Polevogo* [N.A. Polevoy's Historical Views]. Moscow: Moscow State University.
11. Lachaeva, M.Yu. (2004) *Istoriografiya istorii SSSR do 1917 goda* [Historiography of the History of the USSR before 1917]. Vol. 1. Moscow: VLADOS.
12. Pushkin, A.S. (1934a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
13. Pushkin, A.S. (1934b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
14. Belinskiy, V.G. (1953a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.
15. Belinskiy, V.G. (1953b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
16. Belinskiy, V.G. (1953c) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
17. Kozmin, N.K. (1903) *Ocherki iz istorii russkogo romantizma* [Essays on the history of Russian romanticism]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
18. Gusakova, O.Ya. (1999) N.A. Polevoy v vospominaniyakh Ks. Polevogo [N.A. Polevoy in the memoirs of Ks. Polevoy]. *N.A. Chernyshevskiy. Stat'i, issledovaniya i materialy*. 13. pp. 107–123.
19. Shamakhova, V.M. (1977) Khudozhestvennaya proza N.A. Polevogo [N.A. Polevoy's fiction]. In: Kiselev, N.N. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–26.
20. Ilchenko, M.N. & Chernyshova, E.G. (2016) Nemetskiy geroy v romane N.A. Polevogo "Abbadonna" [The German Hero in N.A. Polevoy's Novel "Abbaddonna"]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo logisticheskogo universiteta*. 1(33). pp. 93–107.
21. Linkov, V.D. (2013) "Klyatva pri grobe gospodnem" N.A. Polevogo: osobennosti romannoy struktury ["The Oath at the Holy Sepulcher" by N.A. Polevoy: Features of the Novel's Structure]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4(42). pp. 328–329.
22. Polevoy, N.A. (1829) *Istoriya russkogo Naroda* [History of the Russian People]. Vol. 1. Moscow: August Semen's typography at the Imperial Medical and Surgical Academy.
23. Karamzin, N.M. (1818) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 1. Moscow: N. Grech.
24. Karamzin, N.M. (1819) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 4. Moscow: N. Grech..
25. Polevoy, N.A. (1833) *Istoriya russkogo Naroda* [History of the Russian People]. Vol. 4. Moscow: August Semen's typography at the Imperial Medical and Surgical Academy.
26. Plekhova, O.G. (2016) Istoricheskiy diskurs: institutsional'nye kharakteristiki [Historical Discourse: Institutional Characteristics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2(106). pp. 99–105.
27. Vendries, J. (1937) *Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu* [Language. Linguistic Introduction to History]. Translated from French. Moscow: Sotsekgiz.
28. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow: Gnozis.
29. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
30. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [The Theory of Text]. Moscow: Logos.
31. Solntsev, N.I. (2020) Rol' sententsii v istoricheskom diskurse "Kratkoy rossiyskoy tserkovnoy istorii" mitropolita Platona (Levshina) [The role of maxim in the historical discourse of the "Brief Russian Church History" of Metropolitan Platon (Levshin)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 25(3). pp. 204–213.

***Сведения об авторе*:**
Солнцев Николай Игоревич – доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории Института международных отношения и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия); старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» при Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: sochin3@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Solntsev Nikolay I. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Senior Researcher of the Scientific and Educational Center "Slavic-Greek-Latin Cabinet" of the Dobrolyubov Linguistic State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sochin3@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 15.06.2021; accepted for publication 15.05.2024

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 316.722
doi: 10.17223/19988613/89/20

Особенности культуры питания современных российских немцев и немцев Германии (на материале продукции мясоперерабатывающих предприятий ООО «Брюкке» и Kaufland Fleischwaren)

Елена Леонидовна Плавская

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, plav@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена культуре питания современных российских немцев Алтайского края и немцев Германии. На примере продукции двух мясоперерабатывающих предприятий анализируются степень сохранности традиций изготовления мясных и колбасных изделий и кулинарные заимствования. Делается вывод об устойчивости специфики культуры питания и тенденции к заимствованию блюд других национальных кухонь, обусловленной у немецких переселенцев Алтая следованием стандартам советской пищевой промышленности, а у немцев Германии – культурным обменом с соседними европейскими странами.
Ключевые слова: культура питания, немецкие переселенцы Алтая, традиционные немецкие мясные и колбасные изделия, ООО «Брюкке», Kaufland Fleischwaren

Для цитирования: Плавская Е.Л. Особенности культуры питания современных российских немцев и немцев Германии (на материале продукции мясоперерабатывающих предприятий ООО «Брюкке» и Kaufland Fleischwaren) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 168–173. doi: 10.17223/19988613/89/20

Original article

Features of the food culture of modern Russian Germans and Germans in Germany (based on the products of meat processing enterprises Brücke LLC and Kaufland Fleischwaren)

Elena L. Plavskaya

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, plav@inbox.ru

Abstract. The preservation of the ethnocultural specificity of the people is impossible without attention to the traditions of its national cuisine. The latter can exist not only where it was born and existed for a long time, but also as a cultural heritage of peoples who moved to new territories and live in the socio-political conditions of another state. While exploring the culture of our country, it is interesting to turn to the small cultures of immigrants, since they demonstrate the distinctive features of the culture of their people and, at the same time, the connection with the Russian culture with which they interact.

The subject of this article are the peculiarities of the national cuisine of the Russian Germans of Siberia living in the German National Region of the Altai Territory. The national cuisine of any nation is represented by a large variety of dishes, but often not all of them are iconic for a particular culture. In this regard, in order to identify the specifics of the German national cuisine, meat and sausage products produced by Brücke LLC in the region were chosen, since these dishes are the symbols of German culinary art. To understand the regional specifics of the manufactured products, a comparative analysis was also carried out with the range of products of one of the leaders of the German meat processing industry - the German concern Kaufland Fleischwaren. The data for the analysis were taken principally from TV interviews with representatives of enterprises and official websites of companies, where a range of meat and sausage products is presented.

As a result of the study, the stability of the preservation of the national specificity of the food culture is noted both among residents of Germany and among German settlers of the Altai Territory. Thus, the desire to follow the national model of nutrition with a predominance of meat and sausage products determined the peculiarities of the choice of the profile of food industry enterprises among the Germans of the German National Region, the largest of which was the

© Е.Л. Плавская, 2024

meat processing plant. At the same time, we note the presence of borrowed dishes both in the assortment of the German concern Kaufland Fleischwaren and Brücke LLC.
In our opinion, in the first case, these borrowings are due to the Americanization of the food culture, focused on fast food and characteristic of many modern national cuisines of the world, on the one hand, and on the other, due to the geographical proximity of European countries, where cultural exchange, including in eating habits is inevitable. The presence of borrowed dishes in the assortment of the Altai enterprise is primarily associated with the stable technological traditions of the Soviet food industry. At the same time, it is obvious that the enterprise strives to produce German meat and sausage products based on traditional recipes, as well as to develop new types of products of German origin, but with a recipe adapted to the realities of Russian food culture.
Keywords: food culture, German settlers in Altai, traditional German meat and sausages, Bruecke LLC, Kaufland Fleischwaren

For citation: Plavskaya, E.L. (2024) Features of the food culture of modern Russian Germans and Germans in Germany (based on the products of meat processing enterprises Brücke LLC and Kaufland Fleischwaren). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 168–173. doi: 10.17223/19988613/89/20

Введение

Сохранение этнокультурной специфики народа невозможно без внимания к традициям его национальной кухни. Традиции питания народа являются неотъемлемой частью его культурного облика, поскольку представляют собой то общее, что связывает этнос с другими народами, и то особенное, что обусловливает его индивидуальность. Немаловажно и то, что национальная кухня связывает человека как с миром природы, так и с миром культуры, поскольку «еда – это соответствующий посредник, потому что, когда мы едим, мы устанавливаем в буквальном смысле прямую идентичность между нами (культурой) и нашей пищей (природой)» [1. С. 57].

Национальная кухня реализуется в пищевом поведении создавшего ее народа. По мнению исследователей, пищевое поведение различных народов представляет собой сложную знаковую систему, наполненную формирующимися и функционирующими смыслами и значениями, реализующимися в различных формах культуры. В этой связи сложно переоценить важность изучения национальной кухни как культурного феномена, ведь «изучение пищевого поведения в развитии, а также на фоне прочих сфер культуры и пищи других народов позволяет выявить, во-первых, принципы формирования и модификации смыслов, во-вторых, увидеть константы культуры, проявляющиеся на различных исторических этапах ее развития и кристаллизующие вокруг себя все другие значения» [2. С. 223].

Национальная кухня может существовать не только там, где она родилась и бытовала долгое время, но и как культурное наследие народов, переселившихся на новые территории и живущих в социально-политических условиях другого государства. Исследуя культуру нашей страны, интересно обратиться к малым культурам переселенцев, поскольку они демонстрируют самобытные черты культуры своего народа и вместе с тем связь с российской культурой, с которой они взаимодействуют.

Предметом исследования данной статьи стали особенности национальной кухни российских немцев Сибири, проживающих в Немецком национальном районе Алтайского края. Национальная кухня любого народа представлена большим количеством разнообразных блюд, однако зачастую не все они являются знаковыми для определенной культуры. В этой связи для выявления специфики немецкой национальной кухни были выбраны мясные и колбасные изделия, производимые ООО «Брюкке» на территории района, поскольку именно эти блюда являются символами немецкого кулинарного искусства.

Для понимания региональной специфики выпускаемой продукции также проводился сравнительный анализ с ассортиментом изделий одного из лидеров немецкой мясоперерабатывающей промышленности – немецкого концерна Kaufland Fleischwaren. Данные для анализа были взяты преимущественно из телеинтервью с представителями предприятий и официальных сайтов компаний, где представлен ассортимент мясной и колбасной продукции.

Немецкий национальный район: историческая справка

История Немецкого национального района берет начало в 1900-е гг., когда в рамках столыпинской реформы первые переселенцы-меннониты приехали из Украины в Сибирь. Немецкий национальный район за свою историю пережил создание, ликвидацию, восстановление и сегодня является лидером по сельскохозяйственному производству и уровню социальной инфраструктуры в Алтайском крае, обладает мощным потенциалом сохранения и развития немецкой культуры и языка. Так, немецкий язык углубленно изучается детьми в образовательных учреждениях с самого раннего возраста, давая возможность сохранения билингвальности этнических немцев района.

Значительную роль в жизни жителей района играет религия. Религиозная специфика населенных пунктов Немецкого национального района уходит корнями в далекое прошлое и связана с принадлежностью первых немецких переселенцев к определенному направлению западного христианства. Это обусловило изначальную моноконфессиональность поселений с преобладанием протестантского – лютеранского и менонитского – населения над католическим. Как результат, на сегодня доминирующей является Церковь евангельских христиан-баптистов (МС), храмы которой существуют в 8 селах района из 12.

ООО «Брюкке»: история создания, структура, общая характеристика продукции мясокомбината

Предприятие ООО «Брюкке» было учреждено 13 октября 1995 г. для реализации программы министерства иностранных дел Германии в рамках помощи немцам, проживающим на территории Российской Федерации и бывшего Советского Союза. Программа предполагала реализацию ряда инвестиционных проектов, одним из которых стало строительство молокоперерабатывающих предприятий в селах Гришковка и Орлово Немецкого национального района Алтайского края. Молокоперерабатывающие заводы «Гришковка» и «Орлово» специализируются на производстве молочной и маслосыродельной продукции. Мясоперерабатывающий завод «Мясокомбинат» в селе Гальбштадт – административном центре района – был введен в эксплуатацию в 1998 г.

По словам П.Р. Бооса, генерального директора ООО «Брюкке», продукцию завода отличает особое качество, превосходящее немецкое, хотя предприятие работает по немецкой технологии. П.Р. Боос связывает качество продукции своего предприятия с традициями животноводства Алтайского региона, поскольку до забоя скот выращивается годами, в отличие от Германии, где для ускорения роста животных используются всевозможные добавки [3]. Свинина и говядина поставляются со всего Алтайского края, колбасы готовятся без добавления сои, крахмала и муки. Время от забоя до переработки сырья составляет не более трех дней. Мясокомбинат выпускает свыше 50 сортов вареной, варено-копченой и полукопченой колбасы, а также сардельки и мясные деликатесы [4].

Отметим также, что помимо своей основной задачи – снабжения региона продовольствием – ООО «Брюкке» решает важный вопрос создания рабочих мест в регионе. Несмотря на объективные трудности привлечения молодежи к труду в условиях районного центра, многие выпускники Немецкого национального района после окончания школы выбирают профессию, связанную с земледелием и животноводством. Выпускники школ поступают в Алтайский государственный аграрный университет г. Барнаула и по его окончании возвращаются в район на предприятия пищевой промышленности в качестве молодых специалистов [5].

Немецкий мясоперерабатывающий концерн Kaufland Fleischwaren: от ремесленного изготовления к промышленному производству

Концерн Kaufland Fleischwaren относится к торговой компании Kaufland, которая входит в группу Schwarz. Последняя находится в г. Неккарзульм и является крупнейшей розничной торговой компанией в Европе и четвертой по величине в мире с годовым оборотом около 90 млрд евро.

Компания Kaufland Fleischwaren существует с 1964 г. Изначально она представляла собой небольшую мясную лавку в г. Хайльбронн, где силами нескольких профессиональных сотрудников производилось нарезанное, готовое к продаже свежее мясо для покупателей, столовых и ресторанов. Уже в год основания компании на продажу поставлялось 125 тонн мясной и колбасной продукции собственного производства.

К 2013 г., с вводом в эксплуатацию нового мясокомбината в г. Хайлигенштадт, ознаменовался окончательный переход от ремесленного изготовления к промышленному производству. Стабильный рост производства мясных продуктов в Kaufland Fleischwaren на протяжении всей истории развития компании осуществлялся благодаря использованию самых современных технологий. Так, сегодня на всех мясокомбинатах компании резка мяса максимально автоматизирована. При этом традиционные рецепты также используются в производстве: на собственных мясоперерабатывающих заводах Kaufland в городах Хайльбронн, Мекмюль, Хайлигенштадт, Остерфельд (Германия) и Модлетиц (Чехия) сегодня опытные мясники, как и раньше, работают на куттерах и разливочных машинах [6].

Как часть концерна Schwarzgruppe и собственного подразделения в сети супермаркетов Kaufland, Kaufland Fleischwaren производит и поставляет большое количество мясных и колбасных изделий. Мясокомбинаты компании входят в число ведущих компаний по производству мяса в Германии и Чехии. В Kaufland Fleischwaren продукция выпускается под собственными торговыми марками K-Purland, Wertschaetze, K-Favorites, Let's BBQ и K-Classic. При этом продукция первых двух марок представлена исключительно мясными и колбасными изделиями, в то время как ассортимент остальных упомянутых марок состоит из продукции широкого плана, как продовольственной, так и непродовольственной. Собственная торговая марка компании Kaufland K-Purland, по информации официального сайта, отличается качеством, свежестью и отвечает самым взыскательным вкусам покупателей. Ассортимент торговой марки включает в себя разнообразный выбор свежей мясной продукции в виде более чем 250 блюд из различных видов животных: говядины, свинины, баранины, телятины, птицы [7].

Мясная продукция Kaufland Fleischwaren и ООО «Брюкке»: особенности ассортимента

Прежде чем рассмотреть ассортимент марок K-Purland и Wertschaetze с точки зрения присутствия в нем блюд национальной немецкой кухни, обозначим особенности ассортимента и потребления мясных и колбасных изделий в современной Германии и традиций немецкого мясоперерабатывающего производства.

По информации, представленной Федеральной ассоциацией немецкой мясной промышленности, потребление мяса в Германии в последние годы составляет около 60 кг на человека в год, из них 59% – это свинина, которая часто употребляется в качестве колбасы. Около 22% занимает потребление домашней птицы (в основном курицы), далее идут говядина и телятина (16%). Как показывают данные Ассоциации, другие виды мяса (3%) не играют сколь-либо значимой роли в современной немецкой кухне, однако могут присутствовать в качестве фирменных блюд [8].

Что касается традиционных немецких мясных блюд, то самым распространенным из них является жареная свинина ножной и спинной частей туши. Она готовится как в свежем, так и в соленом виде, в последнем случае под национальным названием Касселер (Kasseler). Свиные ножки готовят способом тушения под региональными названиями Айсбайн (Eisbein) и Хаксе (Haxe). Что касается блюд из рубленого мяса, то большое распространение получили мясной рулет (Hackbraten), фрикадельки и клопсы (Klopse). Птица в национальной немецкой кухне представлена в основном курицей и индейкой, однако типичными традиционными блюдами является также рождественский и мартинский гусь, приготавливаемый к календарным праздникам.

Колбасные изделия в немецкой кухне – это различные разновидности кровяных (Blutwurst) и печеночных (Leberwurst) колбас. Однако и другие виды колбас, такие как, например, вареные, варено-копченые, полукопченые и сырокопченые колбасы из различных видов мяса, также широко распространены (например, франкфуртские и венские колбаски).

Анализ ассортимента, представленного на сайте марки K-Purland, дает возможность говорить о преобладании типичных для немецкой кухни блюд с присутствием, однако, определенной доли мясных изделий других национальных кухонь. Так, среди 281 наименования мясных и колбасных изделий можно встретить такие необычные для немецкой кухни блюда, как, например, гамбургер и ирландский бургер из говядины, кордон-блю из свинины, свиная шея, маринованная в прованском стиле, стейк свиной для барбекю и шницель из индейки в средиземноморском стиле, ломтики свинины и маринованные свиные шашлыки Гирос, стейк мексиканский свиной в маринаде и ломтики свинины по-мексикански, свиная грудка, маринованная в западном стиле, шашлык из свинины, индейки и шницель из индейки по-аризонски, чевапчичи из говядины и свинины, мергезская колбаса из говядины и баранины, стейк из свиной шеи в арабском стиле. Однако в целом можно говорить о сохранении самобытной национальной кухни, поскольку заимствованные блюда занимают чуть более 1/10 всего ассортимента [9].

Официальный сайт ООО «Брюкке» в сравнении с ассортиментом рассмотренной выше марки K-Purland немецкой компании «Kaufland Fleischwaren», демонстрирует значительно меньшее количество мясных и колбасных изделий, что связано с объективными причинами сравнительно небольшого рынка сбыта регионального предприятия. Однако представленный ассортимент обнаруживает интересные культурные заимствования: мясные изделия, относящиеся как к немецкой кухне, так и к русской кухне советского периода, а также блюда из национальных кухонь других народов.

Характерным примером обращения к традиционным блюдам немецкой кухни являются представленные в разделе мясных деликатесов несколько разновидностей мясных блюд, объединенных общим названием «Имперский» (говяжий филей, карбонад, орех мясной, шейка) [10].

Блюдо с подобным названием встречается и в ассортименте K-Purland под названием Kaiserfleisch (нем. «императорское мясо») [11]. В немецкой кухне Kaiserfleisch известен с XVIII в. и представляет собой различные продукты из свинины, а само происхождение слова связано с австрийской и немецкой юго-восточной кулинарной традицией [12. S. 82]. По мнению исследователей, приставка Kaiser- обозначает высокое качество используемого для приготовления данного блюда мяса (см., напр.: [13. S. 266–267].

Также из традиционных колбасных изделий, изготавливаемых ООО «Брюкке», отметим колбасы «Брауншвайгскую», «Тирольскую» и колбаски «Бременские» и «Мюнхенские», изготовленные по традиционной рецептуре [14]. Их доля в ассортименте продукции предприятия невелика – примерно 1/10.

Значительную часть продукции алтайского предприятия составляют изделия европейских национальных кухонь, классические образцы советской мясоперерабатывающей промышленности, а также изделия национальной немецкой кухни с использованием собственной рецептуры предприятия.

В первом случае речь идет о таких видах колбасных изделий как, например, венгерская, краковская, лионская, таллиннская, одесская и украинская колбасы. На долю этой продукции отводится чуть менее 1/5 ассортимента (10 наименований из 65). Классическим образцами колбас, производимых предприятием по советским технологическим стандартам, являются докторская, любительская, молочная, русская, сосиски молочные [15].

Кулинарной находкой алтайского предприятия с немецкими корнями можно считать мясной хлеб «Шумановский», рецептура которого была разработана технологами предприятия, а название дано в честь названия одного из сел немецкого национального района – Шумановки. История села насчитывает более 100 лет; оно было основано в 1911 г. меннонитами из Причерноморья и Оренбуржья. Село было названо по имени Н.К. Шумана – заведующего отделом переселения и землеустройства Томской губернии, который выделил переселенцам участок под село из земель Кабинета его императорского величества [16].

Мясной хлеб, который широко производился мясокомбинатами Советского Союза и производится предприятием ООО «Брюкке» сегодня, имеет немецкое происхождение: его родиной является Бавария. Немецкий мясной хлеб Leberkaese отличается характерной прямоугольной формой хлебной буханки и запекается в формах для паштета. Мясной хлеб «Шумановский» производится по упрощенной рецептуре, поскольку в его состав, по информации официального сайта, входят только говядина, свинина и приправы, в то время как немецкий Leberkaese по традиционной рецептуре состоит из свинины, говядины, свиного шпика, и иногда добавляется печень [17. S. 245, 304].

По нашему мнению, отход от традиционной рецептуры в данном случае связан с неизбежной утратой традиционных основ культуры народа в условиях его пребывания в инокультурном окружении. Приведенный пример демонстрирует расширение диалога этни-

ческих культур в конструктивном для межнационального общения направлении, где особенно важны «такие функции культуры, как социализация, т.е. усвоение обязательного минимума культуры общества, и инкультурация, т.е. приобщение к культурному наследию и усвоению элементов других культур» [18. С. 76].

Заключение

Подводя итоги, отметим устойчивость сохранения национальной специфики культуры питания как у жителей Германии, так и у немецких переселенцев Алтайского края. Так, желание следовать национальной модели питания с преобладанием мясных и колбасных изделий обусловило особенности выбора профиля предприятий пищевой промышленности у немцев Немецкого национального района, самым крупным из которых стал мясокомбинат. В то же время отметим наличие заимствованных блюд в ассортименте как немецкого концерна Kaufland Fleischwaren, так и ООО «Брюкке».

По нашему мнению, в первом случае эти заимствования обусловлены, с одной стороны, американизацией культуры питания, ориентированной на фаст-фуд и свойственной многим современным национальным кухням мира, а с другой – географической близостью стран Европы, где культурный обмен, в том числе и в традициях пищевого поведения, неизбежен. Наличие заимствованных блюд в ассортименте алтайского предприятия связано в первую очередь с устойчивыми технологическими традициями советской пищевой промышленности. В то же время очевидно стремление предприятия выпускать немецкую мясную и колбасную продукцию, основанную на традиционных рецептах, а также разрабатывать новые виды продукции немецкого происхождения, но по адаптированной применительно к реалиям российской пищевой культуры рецептуре.

Список источников

1. Leach E.R. Culture and Communication. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 116 p.
2. Иващенко Я.С. Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры). Владивосток : Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2010. 290 с.
3. Алтайский завод «Брюкке» стал известен далеко за пределами региона : видеосюжет Общедоступного регионального телеканала «Катунь 24» // Youtube : видеохостинг. 2018. URL: http://www.youtube.com/watch?v=-BCwH7Z_M0Q (дата обращения: 06.08.2020).
4. Один день на предприятии «Брюкке»: как делают колбасу : видеосюжет Общедоступного регионального телеканала «Катунь 24» // Youtube : видеохостинг. 2016. URL: http://www.youtube.com/watch?v=EHs-Lgjd84I (дата обращения: 06.08.2020).
5. Интервью дня: рассказывает генеральный директор завода «Брюкке» : видеосюжет Общедоступного регионального телеканала «Катунь 24» // Youtube : видеохостинг. 2018. URL: http://www.youtube.com/watch?v=fUxsachFQL0 (дата обращения: 06.08.2020).
6. Unsere Tradition // Kaufland : [официальный сайт сети гипермаркетов]. URL: https://unternehmen.kaufland.de/fleischwerke/tradition.html (Datum des Zugriffs: 06.08.2020).
7. K-PURLAND – Qualitätsfleisch seit 1985 // Kaufland : [официальный сайт сети гипермаркетов]. URL: https://filiale.kaufland.de/sortiment/eigenmarken/k-purland.html (Datum des Zugriffs: 06.08.2020).
8. Fleischverbrauch und Fleischverzehr je Kopf der Bevölkerung // BVDF. 2020. URL: http://www.bvdf.de/in-zahlen/tab-05 (datum des Zugriffs: 06.08.2020).
9. Entdecke unser Sortiment // Kaufland : [официальный сайт сети гипермаркетов]. URL: https://filiale.kaufland.de/sortiment/eigenmarken/k-purland-sortiment.html (Datum des Zugriffs: 06.08.2020).
10. Деликатесы мясные // ООО «Брюкке». URL: http://brukke.com/produktsiya/myasnaya-produktsiya/delikatesy-myasnye/ (дата обращения: 06.08.2020).
11. Schwein: Vielfältige Spezialitäten // Kaufland : [официальный сайт сети гипермаркетов]. URL: http://www.kaufland.de/sortiment/unsere-marken/k-purland-sortiment.category=2_232288.pageIndex=3.html (Datum des Zugriffs: 06.08.2020).
12. Pohl H.D. Die oesterreichische Kuechensprache. Ein Lexikon der typisch oesterreichischen kulinarischen Besonderheiten (mit sprachwissenschaftichen Erlaeuterungen) // Studia interdisciplinaria Ænipontana. Wien : Praesens-Verlag, 2007. Bd. 11. 260 S.
13. Kretschmer P. Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache. Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1918.
14. Колбасные изделия // ООО «Брюкке». URL: http://brukke.com/produktsiya/myasnaya-produktsiya/kolbasnye-izdeliya/ (дата обращения: 06.08.2020).
15. ГОСТ 23670–79. Колбасы вареные, сосиски и сардельки, хлебы мясные. Технические условия // Кодекс : эдектронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200016992 (дата обращения: 06.08.2020).
16. Реестр немецких поселений России. URL: https://siedlung.rusdeutsch.ru/ru/Siedlungsorte/68 (дата обращения: 06.08.2020).
17. Koch H., Fuchs M. Die Fabrikation feiner Fleisch- und Wurstwaren. 22, erweiterte Auflage. Frankfurt am Main : Deutscher Fachverlag, 2009.
18. Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Язык и «язык культуры» в межкультурном общении. М. : Рус. яз., 1998. 128 с.

References

1. Leach, E.R. (1976) *Culture and Communication*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Ivashchenko, Ya.S. (2010) *Semiotika edy (na materiale traditsionnoy nanayskoy kul'tury)* [Semiotics of food (a case study of the traditional Nanai culture)]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
3. Youtube. (2018a) *Altayskiy zavod "Bryukke" stal izvesten daleko za predelami regiona: videosyuzhet Obshchedostupnogo regional'nogo telekanala "Katun' 24"* [The Altai plant "Brücke" became famous far beyond the region: video report of the Public regional TV channel "Katun 24"]. [Online] Available from: http://www.youtube.com/watch?v=-BCwH7Z_M0Q (Accessed: 6th August 2020).
4. Youtube. (2016) *Odin den' na predpriyatii "Bryukke": kak delayut kolbasu: videosyuzhet Obshchedostupnogo regional'nogo telekanala "Katun' 24"* [One day at the "Brücke" enterprise: how sausage is made: video report of the Public regional TV channel "Katun 24"]. [Online] Available from: http://www.youtube.com/watch?v=EHs-Lgjd84I (Accessed: 6th August 2020).
5. Youtube. (2018b) *Interv'yu dnya: rasskazyvaet general'nyy direktor zavoda "Bryukke": videosyuzhet Obshchedostupnogo regional'nogo telekanala "Katun' 24"* [Interview of the day: The general director of the Brücke plant says: video report of the public regional TV channel "Katun 24"]. [Online] Available from: http://www.youtube.com/watch?v=fUxsachFQL0 (Accessed: 6th August 2020).
6. Kaufland Hypermarket Chain. (n.d.) *Unsere Tradition*. [Online] Available from: http://unternehmen.kaufland.de/fleischwerke/tradition.html (Accessed: 6th August 2020).
7. Kaufland Hypermarket Chain. (1985) *K-PURLAND – Qualitätsfleisch seit 1985*. [Online] Available from: http://www.kaufland.de/sortiment/unsere-marken/k-purland.html (Accessed: 6th August 2020).

8. BVDF. (2020) *Fleischverbrauch und Fleischverzehr je Kopf der Bevölkerung*. [Online] Available from: http://www.bvdf.de/in-zahlen/tab-05 (Accessed: 6th August 2020).
9. Kaufland Hypermarket Chain. (n.d.) *Entdecke unser Sortiment*. [Online] Available from: http://www.kaufland.de/sortiment/unsere-marken/k-purland-sortiment.html (Accessed: 6th August 2020).
10. The Official Site of Brücke LLC. [Online] Available from: http://brukke.com/produktsiya/myasnaya-produktsiya/delikatesy-myasnye/ (Accessed: 6th August 2020).
11. Kaufland Hypermarket Chain. (n.d.) *Schwein: Vielfältige Spezialitäten*. [Online] Available from: http://www.kaufland.de/sortiment/unsere-marken/k-purland-sortiment.category=2_232288.pageIndex=3.html (Accessed: 6th August 2020).
12. Pohl, H.D. (2007) Die oesterreichische Kuechensprache. Ein Lexikon der typisch oesterreichischen kulinarischen Besonderheiten (mit sprachwissenschaftlichen Erlaeuterungen). In: *Studia interdisciplinaria Ænipontana*. Vol. 11. Wien: Praesens-Verlag.
13. Kretschmer, P. (1918) *Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
14. The Official Site of Brücke LLC. (n.d.) [Online] Available from: http://brukke.com/produktsiya/myasnaya-produktsiya/kolbasnye-izdeliya/ (Accessed: 6th August 2020).
15. GOST 23670-79. (n.d.) *Kolbasy varenye, sosiski i sardel'ki, khleby myasnye. Tekhnicheskie usloviya* [Boiled sausages, sausages and small sausages, meat loaves. Technical conditions]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/1200016992 (Accessed: 6th August 2020).
16. Siedlung.rusdeutsch. (n.d) *Reestr nemetskikh poseleniy Rossii* [Register of German settlements in Russia]. [Online] Available from: https://siedlung.rusdeutsch.ru/ru/Siedlungsorte/68 (Accessed: 6th August 2020).
17. Koch, H. & Fuchs, M. (2009) *Die Fabrikation feiner Fleisch- und Wurstwaren. 22, erweiterte Auflage*. Frankfurt am Main: Deutscher Fachverlag.
18. Kostomarov, V.G. & Prokhorov, Yu.E. (1998) *Yazyk i "yazyk kul'tury" v mezhkul'turnom obshchenii* [Language and "language of culture" in intercultural communication]. Moscow: Russkiy yazyk.

***Сведения об авторе*:**
Плавская Елена Леонидовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: plav@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Plavskaya Elena L. – PhD in Art History, Associate Professor of the Department of History and Political Science of Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). Email: plav@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 26.08.2020; accepted for publication 15.05.2024

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/19988613/89/21

Формы этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев в Сибири

Роман Юрьевич Федоров

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Тюмень, Россия, r_fedorov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию этнокультурной идентичности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживающих на территории Сибири. Рассмотрены формы региональной, локальной и этнической идентичности переселенцев, а также сложившиеся по отношению к ним этнокультурные стереотипы. Установлено, что важную роль в формирования идентичности переселенцев играла мировоззренческая дихотомия «свой–чужой», которую можно рассматривать в качестве проявления универсальной социально-психологической потребности локальных сообществ разного масштаба.
Ключевые слова: этнокультурная идентичность, этнокультурные стереотипы, крестьянские переселения, локальные сообщества, белорусы, челдоны, самоходы

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

Для цитирования: Федоров Р.Ю. Формы этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 174–180. doi: 10.17223/19988613/89/21

Original article

Forms of ethnocultural identity of the Belarusian peasants-migrants in Siberia

Roman Yu. Fedorov

Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation, r_fedorov@mail.ru

Abstract. Mass resettlements of the Belarusian peasants on the territory of Siberia in the second half of 19th - the beginning of 20th centuries became the cause of developing of new forms of ethnocultural identity among them. At the time of migrations, the national identity of most of the Belarusian peasants hasn't been formed yet. Instead, their regional and local identity has originally dominated. Migrants from the same region have tried to create their own micro-communities in Siberia. This trend can be well seen in the existence of a number of Siberian villages of streets or areas where people only from certain places of exit lived. In the territory of the most part of an agricultural zone of Siberia the names "cheldon" and "samokhod" had a wide use. The first word was used to refer to the Russian old residents of Siberia whose ancestors settled down there in the 17–18th centuries. The second one was used, as a rule, for peasant-migrants of the end of 19the – the beginning of 20th centuries. A few models of resettlement of the Belarusian peasants-migrants have developed in Siberia. The cluster of villages where migrants got married and kept compatriot community for many years was the most stable of them. Villages with mixed ethnocultural structure and farms (“khutor”) were less sustainable patterns of resettlement. The ethnic identity of the Belarusian migrants has begun to be formed in 1920s, but due to assimilation processes, in the second half of the 20th century its value gradually began to decrease. Now the majority of the forms of ethnocultural identity considered in the article has relic manifestations and don't play any noticeable role in everyday life of the villages founded by the Belarusian migrants in Siberia. Despite it, studying of ethnocultural identity of resettlement communities doesn't lose its relevance as it gives a chance to get a complete and objective impression about their social and cultural features as well as sources, interactions and transformation of some components of their traditional culture. Based on the research results, it is possible to make a conclusion that each local community has its own individual dominating components of ethnocultural identity which are in process of continuous transformations. An important role in it was played by a world outlook dichotomy "us vs. them", acting as the main source of formation and preservation of any form of identity. At the same time, it extends to different hierarchical levels of ethnocultural identity, treating not only interactions of migrants and their external ethnocultural environment, but also internal structure of resettlement communities. Therefore, it can be considered as manifestation of a universal social and psychological need of local communities of different scale.

© Р.Ю. Федоров, 2024

Keywords: ethnocultural identity, ethnocultural stereotypes, peasant resettlements, local communities, Belarusians, Cheldony, Samokhody

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

For citation: Fedorov, R.Yu. (2024) Forms of ethnocultural identity of the Belarusian peasants-migrants in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 174–180. doi: 10.17223/19988613/89/21

Введение

Крестьянские переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. привели не только к масштабным демографическим и экономическим сдвигам в жизни России. Они также способствовали трансформациям прежних и возникновению новых форм идентичности у отдельных локальных сообществ. Однако по ряду причин эти процессы на протяжении долгого времени редко попадали в сферу исследовательского внимания. Во многом это было связано с тем, что советская этнография преимущественно ограничивалась изучением национального (позднее – этнического) самосознания, рамки которого часто не давали возможности рассмотреть всю сложность и многоуровневость этнокультурной идентичности переселенческих сообществ, которая далеко выходила за рамки одной лишь этничности, но также была связана с различными аспектами региональной, локальной, социокультурной, конфессиональной, коллективно-групповой, семейно-родовой и других проявлений идентичности. Поэтому для терминологически адекватного обозначения этого многообразия нам представляется наиболее обоснованным использование понятия «этнокультурная идентичность», которое вмещает в себя как аспекты этничности, так и выступающие наравне с ней индивидуальные социокультурные особенности той или иной исследуемой общности. При этом, как отмечала И.В. Малыгина, «сегодня с помощью терминов “идентификация” и “идентичность” обозначают как феномены групповой и этнической референции, совпадения ценностей, интроспективно понятой самотождественности, так и внерациональные механизмы самоопределения и постижения “другого”» [1. С. 5]. Исходя из этого, И.В. Малыгиной было предложено следующее определение данному понятию: «Этнокультурная идентичность – сложный социально-психологический феномен, содержание которого составляет как осознание индивидом общности с локальной группой на основе разделяемой культуры, так и осознание группой своего единства на тех же основаниях, психологическое переживание этой общности, а также индивидуальные и коллективные формы ее манифестации» [1. С. 5].

Следует отметить, что в разных исследованиях российских и зарубежных этнологов понятие «этнокультурная идентичность» в большинстве случаев не имеет однозначной устойчивой дефиниции, часто неся свои индивидуальные акценты, трактовки и наборы базовых компонентов. Настоящая статья не является исключением из этой ситуации. В ней, опираясь на собственные полевые материалы и обобщение результатов некоторых сделанных ранее исследований, предпринята попытка выделить основные формы и аспекты этнокультурной идентичности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживающих в Сибири.

Многогранность идентичности переселенческих сообществ в Сибири начала систематически изучаться лишь в 90-х гг. XX в., спустя почти сто лет после начала массовых крестьянских переселений на территорию Азиатской России. При этом происхождение и смысл некоторых названий, идентифицирующих отдельные локальные или рассеянные этнокультурные общности восточнославянского населения в аграрной среде Сибири, в ряде случаев могли оставаться неясными или вызывать среди исследователей полемику. Эта ситуация во многом связана с тем, что специфические формы идентичности крестьян-переселенцев часто выходят за рамки одной только сферы самосознания и внутренней социальной жизни отдельной этнической группы. Во многих случаях они являются результатом столкновения мировоззрения и образа жизни разных локальных сообществ. В таких случаях через мировоззренческую дихотомию «свой–чужой» и рождались новые этнокультурные стереотипы, которые в народной жизни находили свое отражение в определенных специфических названиях, которыми наделялись представители внешней этнической или социальной среды. Исходя из этого, в методологии исследований этнокультурной идентичности какой-либо одной переселенческой группы представляется важным рассмотрение ее межкультурных и межэтнических взаимодействий с внешним окружением в контексте самоопределения и постижения «чужого».

Одним из первых исследователей, кто косвенно затронул проблематику этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев еще до введения этого понятия в терминологический оборот отечественной этнологии, стала М.М. Громыко [2]. Большой вклад в систематическое изучение различных аспектов этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев в Сибири внесли Е.Ф. Фурсова, М.Л. Бережнова, М.А. Жигунова, А.А. Крих, Т.С. Мамсик, А.Ю. Майничева, Т.Н. Золотова и ряд других сибирских этнологов. При этом исследованиями оказалась охвачена преимущественно Западная Сибирь (в первую очередь территория современных Омской и Новосибирской областей), тогда как места проживания белорусов в Восточной Сибири оставались малоизученными. Задача наших исследований, начатых в 2009 г., состояла в сборе и обобщении полевых материалов, связанных с этнокультурной идентичностью и особенностями

традиционной культуры белорусских крестьян-переселенцев на территории регионов земледельческой зоны Сибири и Дальнего Востока, в истории которых заметную роль сыграли аграрные миграции второй половины XIX – начала XX в. Всего в ходе экспедиций 2009–2018 гг. были обследованы места компактного и рассеянного проживания белорусских переселенцев в 12 регионах. Наиболее значимыми с точки зрения введения в научный оборот новых этнографических материалов стали экспедиции, проведенные на территориях Свердловской, Тюменской, Иркутской областей, а также Красноярского края. В дополнение к полевым материалам в ходе исследования был проведен анализ письменных источников, включавших в себя дневниковые записи и путевые заметки, краеведческие издания, публицистику и художественные произведения, отражающие историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев.

Этнокультурные стереотипы

На территории большей части земледельческой зоны Сибири распространены названия «челдон» и «самоход». Первым из них принято называть русских старожилов Сибири, большинство предков которых обосновались на ее территории в XVII–XVIII вв. Вторым названием, как правило, обозначают переселенцев конца XIX – начала XX в. В Сибири название «самоход» широко применялось по отношению к переселившимся на ее территорию белорусам, нередко выступая в качестве их самоназвания.

Несмотря на кажущуюся очевидность смысла этих двух названий, они до сих пор имеют целый ряд разных объяснений и трактовок. Анализируя различные объяснения возникновения и смысла слова «челдон», М.Л. Бережнова делает вывод, что оно сейчас «означает русских старожилов Сибири. Видимо, так их дразнили поздние переселенцы, т.е. слову в его современном звучании не более 150 лет. За это время изменилась экспрессивная оценка слова от негативной до позитивной, и сейчас слово многие ученые считают названием одной из групп русского населения, т.е. этнонимом» [3. С. 46]. В данном определении важно обратить внимание на то, что своему возникновению название «челдон» во многом обязано тому, что в своем мировоззрении старожилы и переселенцы отчетливо осознавали свои этнокультурные различия.

Если гипотезы возникновения и трактовки слова «челдон» были подробно рассмотрены и проанализированы М.Л. Бережновой и некоторыми другими исследователями, то понятие «самоход» на сегодняшний день не подвергалось такому же систематическому изучению. При этом в его смысле и происхождении также остается немало загадок. В «Толковом словаре» Даля и других источниках первой половины XIX в. это слово не встречается, что, скорее всего, указывает, что оно стало входить в массовый обиход не ранее конца XIX в. Полевые исследования, проведенные автором статьи в ряде регионов Сибири, во многом позволили уточнить границы смыслового поля и ареалов географического распространения слова «самоход». В первых экспедициях, охвативших деревни белорусских переселенцев, основанные в Западной Сибири на территории современных Тюменской и Омской областей еще до аграрной реформы П.А. Столыпина (преимущественно в 80–90-е гг. XIX в.), потомки переселенцев чаще всего объясняли возникновение слова «самоход» тем, что до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали их предки, следуя в Сибирь, передвигались на обозах «своим ходом». Еще одно часто встречающееся объяснение смысла слова «самоход» состояло в том, что эта группа переселенцев отправлялась в Сибирь по своей воле. Примечательно, что в белорусском языке есть слово «самохаць», которое означает «добровольно, по собственному желанию» [4. С. 218]. На территории Викуловского района Тюменской области самоходами называли только белорусских переселенцев, тогда как по отношению к украинцам использовалось слово «хохлы», а русских из Вятской губернии называли «вятскими». Однако анализ публикаций ряда исследователей и собственных полевых материалов наводит на вывод о том, что чаще всего самоходами в Сибири называли всех восточнославянских переселенцев из Европейской России, Белоруссии и Украины. При этом ряд информаторов, проживавших в Западной Сибири, утверждал, что столыпинские переселенцы, прибывшие в Сибирь на поезде, уже не являются самоходами. Однако позднее исследования, проведенные на территории Восточной Сибири (Красноярский край и Иркутская область) показали, что на их территории название «самоход» нередко употребляется и по отношению к столыпинским переселенцам. Этот факт нашел свое отражение не только в неоднократно повторяющихся устных рассказах информаторов, но и в литературных источниках. Так, в повести красноярского писателя Н.С. Устиновича «Самоходы. Семейная хроника» описываются обстоятельства переселения его родителей в результате аграрной реформы П.А. Столыпина из Витебской губернии в деревню Горелый Борок Канского уезда Енисейской губернии в 1907 г. [5]. Таким образом, в разных регионах названием «самоход» нередко обозначали крестьян, переселившихся в Сибирь как в конце XIX в., так и в годы столыпинской реформы. В то же время следует отметить, что в отдельных обследованных нами районах Томской, Иркутской областей, Красноярского края и других регионов Сибири, в которых проживают потомки белорусов – столыпинских переселенцев, слово «самоход» сегодня не употребляется в качестве самоназвания, зато по отношению к старожилам продолжает использоваться название «челдон». При этом, по результатам наших наблюдений, сделанных в ходе полевых исследований, ареал массового распространения названий «самоход» и «челдон» преимущественно простирается в пределах земледельческой зоны, начиная с Зауралья (восточные районы Свердловской области) и заканчивая Прибайкальем (Иркутская область).

На территории Забайкалья (Республика Бурятия и Забайкальский край) благодаря значительно меньшему удельному весу крестьян-переселенцев конца XIX – начала XX в. разделение местных жителей на челдонов и самоходов во время проведенных нами экспеди-

ций почти не встречалось. Переселенные в XVIII в. с территории современной Беларуси в Забайкалье русские старообрядцы – семейские – называют проживающих поблизости русских старожилов не челдонами, а сибиряками [6. С. 124]. Скорее всего, это связано с тем, что на момент переселения семейских в Сибирь слово «челдон» еще не имело хождения в русском языке, на что указывают исследования М.Л. Бережновой [3. С. 46]. На территории Дальнего Востока (Амурская область, Хабаровский и Приморский края) ввиду отсутствия явного разделения крестьян на старожилов и переселенцев распространение названий «челдон» и «самоход» нами зафиксировано не было.

В «Словаре русских народных говоров» приводятся следующие объяснения слова «самоход», собранные в разных регионах Сибири в период с 1905 по 1989 г.: «добровольный переселенец, поселенец в Зауралье и Сибири», «приезжий, чужой человек в деревне», «люди, ходившие в лаптях» [7. С. 110]. Анализируя эти определения слова «самоход», сразу бросается в глаза, что они являются не объективными характеристиками определенной этнокультурной группы, а, скорее, стереотипами переселенцев, которые укоренились в народном сознании.

Опираясь на приведенные выше примеры, можно сделать вывод, что первоначально слова «челдон» и «самоход» имели свои узкие, локальные значения, но позднее, по мере развития переселенческого движения, они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы. При этом, на наш взгляд, данные слова нельзя в полной мере отнести лишь к этнонимам, хотя в неявном виде в них очерчены границы этничности тех общностей, которые они обозначают. Так, челдон – это русский, при этом допустимо, что его предки могли породниться с представителями каких-нибудь коренных народов Сибири. Самоход – как правило, переселенец из западных или центральных губерний, относящийся к восточнославянским народам.

Однако помимо этнической идентификации в этих понятиях не менее важную роль играют исторические обстоятельства возникновения данных групп и их социокультурный статус. Несмотря на то, что свое массовое распространение названия «челдон» и «самоход», по всей видимости, получили лишь в конце XIX в., если самоходы являются ровесниками своего названия, то челдоны как специфическая группа восточнославянского населения Сибири преимущественно складывалась в XVII–XVIII вв., однако свое название и отождествление с особой этнокультурной общностью они получили лишь в процессе контактов с переселенцами. В свою очередь, эту ситуацию можно рассматривать как яркий пример формирования новой идентичности в процессе самоопределения и постижения «чужого». Современники переселений неоднократно описывали столкновение мировоззрения, обычаев и жизненного уклада старожилов и переселенцев [8]. При этом В.Н. Разгон отмечал, что «отсутствие помещичьего землевладения, земельный простор, затрудненность административного контроля в связи с удаленностью и разбросанностью крестьянских поселений формировали такие специфические черты психологического склада, как рационализм, индивидуализм, прагматизм, чувство собственного достоинства» [9. С. 46]. Далее автор добавлял, что «“индивидуализированной личностью сибиряка-собственника”, ориентированного на жизнь в достатке, переселенец с его “жадностью к земле” воспринимался как конкурент, вторгавшийся в сферу его жизненных интересов, нарушивший привычный хозяйственный уклад. Эта разность приводила к взаимной отчужденности, а нередко и к враждебности во взаимоотношениях» [9. С. 46]. Действительно, в памяти потомков белорусских крестьян-переселенцев сохранилось много повторяющихся историй, в которых челдоны, считавшие себя хозяевами этих мест, активно отстаивали свои права на лучшие угодья. Несмотря на тесные хозяйственные контакты, во многих деревнях вплоть до середины XX в. челдоны и самоходы часто не одобряли совместные браки. В смешанных поселениях старожилы и переселенцы по возможности старались жить обособленно на разных улицах или концах деревень.

Сегодня, когда хозяйственные и социальные противоречия между челдонами и самоходами остались в далеком прошлом, их потомки в зафиксированных в ходе этнографических экспедиций рассказах чаще всего уже не видят друг у друга серьезных этнокультурных различий, отмечая лишь, что раньше диалектные особенности речи у их предков заметно отличались.

Следует отметить, что сложившееся в Сибири разделение жителей аграрной среды на челдонов и самоходов далеко не исчерпывает круг этнокультурных стереотипов, которые применялись к белорусским крестьянам-переселенцам. К их распространенным примерам также можно отнести название «лапотники», которое давали переселенцам старожилы, носившие кожаную обувь, а также название «хохлы», которое в Сибири иногда использовалось в отношении не только украинцев, но и белорусов [10]. В разных районах и поселениях также всегда существовало большое многообразие локальных коллективных прозвищ [11].

Сегодня многие потомки белорусских крестьян-переселенцев, полностью ассимилировавшись на новом месте, склонны отождествлять себя с сибиряками, что свидетельствует о стирании этнокультурных граней между старожилами и переселенцами.

Этнокультурные общности белорусских крестьян-переселенцев: типология, структура, трансформации

Повторяющиеся практически во всех регионах Сибири рассказы о представителях первого поколения белорусских переселенцев второй половины XIX – начала XX в. содержат упоминание о том, что они приехали «из России». Отсутствие прямого отождествления себя с белорусами во многом было связано с внутренним характером миграций, а также с еще не сформировавшимся до конца этническим самосознанием в среде белорусского крестьянства [12. С. 187]. Поэтому вместо отличного от русских этнического самосознания у белорусских переселенцев первоначально на первый план выходили региональная и ло-

кальная идентичность. Региональная идентичность, как правило, отождествлялась с губерниями, откуда были родом переселенцы. По ним они называли себя могилевскими (могулями, могилями и т.д.), витебскими, гродненскими, минскими, виленскими и т.д. При этом, как отмечала Е.Ф. Фурсова, «украинцы и белорусы Западной Сибири ни в период поселения начала XX в., ни в более позднее время не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Более того, различия между черниговскими и киевскими, полтавскими и гродненскими, могилевскими и минскими переселенцами были весьма заметны, как и у представителей русских этнографических групп» [13. С. 103].

Локальная идентичность чаще всего объединяла выходцев из одной деревни. Если это было возможно, переселенцы из одного поселения или региона стремились сформировать на новом месте земляческие микрообщности. Эту тенденцию можно хорошо проследить по наличию в целом ряде сибирских деревень отдельных улиц или районов, где селились переселенцы лишь из определенных мест [14. С. 332]. К примеру, в одной деревне могли существовать Могилевская и Витебская улицы, на которых проживали выходцы из соответствующих губерний. В деревне Ермаки Викуловского района Тюменской области были Бушевская и Рогинская улицы, где жили выходцы из деревень Бушевка и Рогинь, которые расположены на территории современного Буда-Кошелевского района Гомельской области. Следует отметить, что в большинстве случаев названия этих улиц возникали неформально и не были отражены в официальной топонимике деревень.

Отвечая на вопросы об этнокультурных различиях между выходцами из разных регионов, потомки переселенцев, как правило, отмечали разницу в диалектных особенностях речи, песнях, особенностях проведения тех или иных праздников и обрядов. Выходцы из соседних деревень часто затруднялись дать ответ о характере бытовых или культурных различий между ними. При этом, несмотря на общение и совместную хозяйственную деятельность, определенные символические границы региональной и локальной идентичности переселенцев подчас сохранялись на протяжении многих лет. Своеобразным индикатором этого могут служить драки, которые устраивала между собой молодежь, проживавшая на разных улицах или концах деревень. В них, по рассказам очевидцев, могли драться не только челдоны с самоходами, но «могилевские» с «витебскими». Однако при более пристальном изучении природы подобных конфликтов бросается в глаза, что этнокультурные различия двух переселенческих сообществ часто не играли в них решающей роли. Это подтверждает и тот факт, что в некоторых деревнях с однородным этнокультурным составом драки среди молодежи также случались. К примеру, по воспоминаниям старожилов деревни Черчет Тайшетского района Иркутской области, в ней драки устраивала молодежь, проживавшая на разных концах деревни, жители которых не отождествляли себя с какими-либо земляческими сообществами. Здесь можно провести параллели с тем, как в городской среде молодежь из районов, имевших схожие этнические и социально-экономические условия, устраивала драки, исходя лишь из разной локальной идентичности. Можно предположить, что такие традиции были привнесены в городскую среду из аграрной. Эти примеры наводят на мысль о существовании некой иррациональной и при этом носящей универсальный характер социально-психологической потребности локальных микрообщностей, не имеющих явных этнических или социокультурных различий, к дифференциации на «своих» и «чужих» часто по сугубо формальным территориальным признакам.

Можно выделить несколько моделей расселения белорусских крестьян-переселенцев в Сибири, которые во многом обусловили характер сохранения или трансформаций их этнокультурной идентичности. Одной из них являлся куст белорусских переселенческих деревень, сосредоточенных на территории одного района и находившихся в окружении других поселений, в которых проживало старожильческое население или переселенцы других национальностей. В качестве дошедших до наших дней наглядных примеров подобной модели расселения можно привести Викуловский район Тюменской области, Таборинский район Свердловской области и Баяндаевский район Иркутской области. Наблюдения, сделанные в ходе этнографических экспедиций на территории этих и ряда других районов, во многих случаях дают основание выделить три основных уровня переселенческой общности в рамках подобной модели расселения. Первым из них являлся куст деревень, в которых проживали белорусские переселенцы. Обычно жители таких деревень сохраняли дружеские и хозяйственные контакты, посещали друг друга на съезжие праздники, приезжали сватать молодежь, что способствовало образованию нового кровного родства, способствовавшего укреплению общностных связей между их жителями. Вторым уровнем общности являлась переселенческая община, которая чаще всего проживала в одной деревне либо ее отдельной части (в случае смешанных поселений). Третий уровень составляла отдельная семья или род [15. С. 342]. Примечательно, что за более чем столетнюю историю существования подобных кустов деревень белорусских переселенцев значительная часть их населения состоит в той или иной степени родства. Данная ситуация наглядно демонстрирует, как семейно-родовое начало постепенно начинает играть важную интегрирующую роль на всех трех уровнях идентичности этой модели переселенческой общности.

Со второй половины XIX в. до начала аграрной реформы П.А. Столыпина нередко практиковалось подселение переселенческих общин в уже сложившиеся старожильческие деревни. По данным Переселенческого управления, до 1907 г. к селениям старожилов было приписано 2/3 переселенцев [16. С. 414]. Как правило, это приводило к взаимному обособлению двух этнокультурных групп. После столыпинской реформы один переселенческий участок часто мог заселяться несколькими общинами из разных регионов. В этих случаях каждая из них по возможности стремилась обосноваться в пределах одной улицы или конца деревни. Однако в отличие от деревень, в которых пере-

селенцев подселяли к старожилам, в подобных поселениях интеграция нескольких общин, находившихся в равных социально-экономических условиях, происходила значительно быстрее.

Еще одной формой расселения белорусских крестьян-переселенцев, получившей широкое распространение в Сибири и на Дальнем Востоке в период столыпинской реформы, было создание хуторов, состоявших из одного или нескольких домохозяйств. В этнокультурной идентичности жителей хуторов было сильнее выражено доминирование семейно-родового начала. При этом, оставаясь интегрированными в окружающую социально-экономическую действительность, они имели более благоприятные условия для сохранения этнических традиций, привнесенных из мест выхода. Повсеместная ликвидация хуторов в 1930-е – начале 1940-х гг. вынуждала их жителей переселяться в сравнительно крупные деревни и поселки, в которых образовывались колхозы. Чаще всего это приводило к довольно быстрому процессу «растворения» проживавших на хуторах белорусов в новых, чаще всего полиэтнических общностях.

Этнические грани идентичности белорусских крестьян-переселенцев были подробно рассмотрены нами на страницах «Вестника Томского государственного университета» в статье «Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока» [12], поэтому здесь мы ограничимся лишь краткой характеристикой их ключевых особенностей. После создания советского государства начавшаяся проводиться в БССР политика белорусизации отразилась и на этническом статусе большинства крестьян, переселившихся на территорию Сибири. Важной вехой в формировании национального самосознания переселенцев стало проведение Всесоюзной переписи населения 1926 г., в ходе которой впервые была произведена дифференциация восточнославянского населения СССР на русских, украинцев и белорусов. В 1930–1940-е гг. такие социально-политические и экономические факторы, как коллективизация и индустриализация, а также последствия Великой Отечественной войны привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев. Во второй половине XX в. в результате увеличения количества смешанных браков, процессов урбанизации и модернизации жизненного уклада советской деревни все больше потомков белорусских крестьян-переселенцев стали отождествлять себя с русскими либо просто не задумывались о своем этническом происхождении [12. С. 192]. В связи с этим в качестве этнического статуса рассмотренной нами группы мы считаем более уместным использование понятия не «белорусы», а «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

Выводы

Подводя итоги предпринятого нами обзора, можно сделать вывод, что у каждого локального сообщества существуют свои индивидуальные доминирующие компоненты этнокультурной идентичности, которые находятся в процессе постоянных трансформаций. Важную системообразующую роль в них играет мировоззренческая дихотомия «свой–чужой», выступающая главным источником формирования и сохранения любой формы идентичности. При этом она распространяется на разные иерархические уровни этнокультурной идентичности, относясь не только к взаимодействиям переселенцев и внешнего этнокультурного окружения, но и к внутренней структуре переселенческих общностей. Поэтому ее можно рассматривать в качестве проявления некой универсальной социально-психологической потребности локальных сообществ разного масштаба.

В заключение следует отметить, что большинство рассмотренных в статье форм этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в настоящее время носят реликтовый характер, оставаясь достоянием исторической памяти старших поколений, и не играют заметной роли в современной повседневной жизни дошедших до наших дней деревень, которые были основаны в Сибири выходцами из Белоруссии. Поэтому в целом можно согласиться с выводом М.А. Жигуновой о том, что присущее ранее этнокультурному самосознанию восточнославянского населения Сибири деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы к середине XX в. было практически утрачено [17. С. 138]. Несмотря на это, изучение этнокультурной идентичности переселенческих сообществ не теряет своей актуальности, так как именно оно дает возможность получить целостное и объективное представление об их этнических и социокультурных особенностях, а также об истоках, взаимодействиях и трансформации отдельных компонентов их традиционной культуры.

Список источников

1. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика : автореферат дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. М., 2005. 41 с.
2. Громыко М.М. Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь // Общественный быт в культуре русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1983. С. 19–31.
3. Бережнова М.Л. Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М. : Форум, 2012. 280 с.
4. Беларуска-Рускі слоўник. Мінск : Аверсэв, 2003. 372 с.
5. Устинович Н.С. «Самоходы»: семейная хроника // Енисей. 1963. № 4 (40). С. 39–52.
6. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Дворовый комплекс семейских Забайкалья: строительная культура и терминологическая вариативность // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 123–130.
7. Словарь русских народных говоров. СПб. : Наука, 2002. Вып. 36: С–святковать. 344 с.
8. Каронин С. (Перопавловский Н.Е.). По Ишиму и Тоболу // Ишим и литература. Век XIX. Ишим : Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова, 2004. С. 261–162.
9. Разгон В.Н., Пожарская К.А. «Самоходы» против чалдонов // Родина. 2012. № 4. С. 44–48.

10. Новоселова А.А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 27–28.
11. Крих А.А. Коллективные прозвища и присловья русских и белорусов Среднего Прииртышья // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность : материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru, 15 января – 15 мая 2009 г. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. С. 180–196.
12. Федоров Р.Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 187–195.
13. Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 100–104.
14. Фурсова Е.Ф. Этническая идентичность белорусских переселенцев юга Западной Сибири по архивным и полевым материалам // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 328–338.
15. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
16. Азиатская Россия. СПб. : Изд-во Переселенческого управления, 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. 578 с.
17. Жигунова М.А. Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 136–145.

References

1. Malygina, I.V. (2005) *Etnokul'turnaya identichnost': Ontologiya, morfologiya, dinamika* [Ethnocultural identity: Ontology, morphology, dynamics]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
2. Gromyko, M.M. (1983) Obshchina v protsesse pereseleniya “pantsirnykh boyar” Sebezhskogo uezda v Sibir’ [The community in the process of resettlement of “armored boyars” of Sebezhsky uezd to Siberia]. In: Rusakova, L.M. (ed.) *Obshchestvennyy byt i kul’tura russkogo naseleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Obshchestvennyy byt v kul'ture russkogo naseleniya Sibiri (18th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Berezhnova, M.L. (2012) *Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri* [The Riddle of the Cheldons: History of Formation and Culture of the Old-Settlers Population of Siberia]. Moscow: Forum.
4. Nikolaeva, O.M. (2003) *Belaruska-Ruski sloŷnik*. Minsk: Aversev.
5. Ustinovich, N.C. (1963) “Samokhody”: semeynaya khronika [“Samohody”: Family Chronicle]. *Enisey*. 4(40). pp. 39–52.
6. Abolina, L.A. & Fedorov, R.Yu. (2017) Yard complex of Semeyskie of Trans-Baikal region: construction culture and terminological variability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 123–130. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/19
7. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2002) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian National Dialects]. Vol. 36. St. Petersburg: Nauka.
8. Karonin, S. (Peropavlovskiy, N.E.) (2004) Po Ishimu i Tobolu [Along the Ishim and Tobol]. In: Savchenkova, T.P. *Ishim i literatura. Vek XIX* [Ishim and Literature. The 19th Century]. Ishim: Ishim State Pedagogical University. pp. 261–162.
9. Razgon, V.N. & Pozharskaya, K.A. (2012) “Samokhody” protiv chaldonov [“Samohody” against Chaldons]. *Rodina*. 4. pp. 44–48.
10. Novoselova, A.A. (2003) Sibirskie “khokhly”: k voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti [Siberian “khokhols”: on the issue of ethnic affiliation]. In: Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Vol. 5. Barnaul: AltSPU. pp. 27–28.
11. Krikh, A.A. (2009) Kollektivnye prozvishcha i prislov'ya russkih i belorusov Srednego Priirtysh'ya [Collective nicknames and sayings of Russians and Belarusians of Irtysh area]. *Sibirskiy subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'* [Siberian subethnos: culture, traditions, mentality]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. January 15 – May 15, 2009. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 180–196.
12. Fedorov, R.Yu. (2017) Transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 187–195. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/26
13. Fursova, E.F. (2015) Problemy tipologii etnograficheskikh, konfessional'nykh, lokal'nykh grupp slavyanskikh pereselentsev Zapadnoy Sibiri: mul'tidistsiplinarnyy podkhod [Problems of typology of ethnographic, confessional, local groups of Slavic migrants of Western Siberia: A multidisciplinary approach]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(2). pp. 100–104.
14. Fursova, E.F. (2014) Etnicheskaya identichnost' belorusskikh pereselentsev yuga Zapadnoy Sibiri po arkhivnym i polevym materialam [Ethnic identity of the Belarusian migrants of the South of Western Siberia on archival and field materials]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 6. pp. 328–338.
15. Fursova, E., Titovets, A. et al. (2011) *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: Preservation and transformations of ethnic culture]. Novosibirsk: SB RAS.
16. Glinka, G.V. (ed.) (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo Pereselencheskogo upravleniya.
17. Zhigunova, M.A. (2015) The East Slavic population in Siberia: ethnocultural history and identity. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(9). pp. 136–145. (In Russian).

***Сведения об авторе*:**
Федоров Роман Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН (Тюмень, Россия). E-mail: r_fedorov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fedorov Roman Yu. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: r_fedorov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2018; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 06.11.2018; accepted for publication 15.05.2024

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья
УДК 903.25(=221.16)“638”(478)
doi: 10.17223/19988613/89/22

Украшения и аксессуары костюма латенского облика из скифских погребений на левобережье Нижнего Днестра (находки 2017 г.)

Виталий Степанович Синика

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова, sinica80@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются артефакты, обнаруженные в 2017 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра в скифских курганах и погребениях последней четверти IV – первой половины III в. до н.э., содержавшие украшения и аксессуары костюма латенского облика. Анализ этих материалов показывает, что с последней четверти IV в. до н.э. на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья начинают оказывать влияние латенские и «латенизированные» культуры Восточной Европы. В III–II вв. до н.э. это влияние усиливается и становится особенно заметным в костюмном комплексе.
Ключевые слова: последняя четверть IV – первая половина III в. до н.э., Поднестровье, скифы, латенское влияние, украшения, аксессуары костюма

Для цитирования: Синика В.С. Украшения и аксессуары костюма латенского облика из скифских погребений на левобережье Нижнего Днестра (находки 2017 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 181–187. doi: 10.17223/19988613/89/22

Original article

La-tèn type adornments and costume accessories from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester (findings of 2017)

Vitalij S. Sinika

Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova, sinica80@mail.ru

Abstract. A Scythian cemetery, located near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester region, was studied by the Dniester archaeological expedition of T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University during 1995-2012. Eighteen years of work on this cemetery brought the following results: 113 burial mounds have been studied, including 181 Scythian burials. Analysis of chronological indicators from burials of the Glinoe cemetery allow us to set its lower (turn of 4th – 3rd centuries BC) and upper (last quarter of the 2nd century BC) dates. Currently, there is no doubt that the Scythian steppe culture in the Lower Dniester littoral, not only does not extinguish at the end of the first or third quarter of the 3rd century BC, but also continues to develop until the end of the 2nd century BC, at least. Grave goods on the Glinoe cemetery are represented by all categories – weapons, horse harness, tools, household items, wares, decorations, details and accessories of costume, fancies and cult items. Materials from the Glinoe cemetery allow us to fix, quite surely, the Greek, Thracian and La-Tène elements, expressed in the funerary practice and material culture of the Lower Dniester Scythians. The elements of the material culture of the Central and Eastern European tribes are rarely found in adornments, costume accessories, horse harness and weapons. The emergence of the majority of hooks-clasps and all of the fibulae found on the cemetery however, should be attributed not only to the influence of the East European La-Tène cultures on the steppe Scythians of the North-West Black Sea littoral, but also to the penetration of their carriers directly into the Lower Dniester region. In addition, a belt buckle (2009), a pendant in the form of a sphere (2015, near Ternovka village) and two fibulae (2016, near Slobodzeya town and near Tokmazeya village) of the La-Tène construction were found on the settlements of the Lower Dniester region. But the most informative are items of the La-Tène type which were discovered in the Scythian graves of the last quarter of the 4th – the first half of the 3rd century BC, excavated in 2017 in the barrow groups "Sluiceway" and "Garden", as well as in the barrow 116 of the cemetery near Glinoe. These are torque, two rings and a bracelet, two belt plaques and three fibulae. Analysis of these findings in relation to the items

© В.С. Синика, 2024

from the Scythian cemetery of the 3rd – 2nd centuries BC near Glinoe village (excavations 1995-2012) shows that from the last quarter of the 4th century BC the material culture of the Scythians of the North-Western Black Sea Region is beginning to be influenced by the La-Tène and La-Tène type cultures of Eastern Europe. In the 3rd – 2nd centuries BC this influence increased and became especially noticeable in the costume complex.
Keywords: last quarter of the 4th – first half of the 3rd century BC, Dniester region; Scythians, La-Ten influence, adornments; costume accessories

For citation: Sinika, V.S. (2024) La-tèn type adornments and costume accessories from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester (findings of 2017). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 181–187. doi: 10.17223/19988613/89/22

Одним из самых значительных открытий в скифской археологии Северного Причерноморья за последние десятилетия стали раскопки в 1995–2012 гг. могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. На памятнике было исследовано 113 курганов, содержавших 181 скифское погребение. Стало очевидно, что скифская степная культура в Северо-Западном Причерноморье не прекратила существование в конце IV – первой четверти / трети III в. до н.э. Она развивалась непрерывно по крайней мере до конца II в. до н.э. [1. С. 1001]. В III–II вв. до н.э. основные виды вооружения, конского снаряжения, орудий труда, посуды, украшений, аксессуаров костюма, предметов туалета и культа не претерпели существенных изменений по сравнению материальной культурой скифов предшествующего времени (V–IV вв. до н.э.). В то же время с рубежа IV–III вв. до н.э. становятся достаточно заметными некоторые изменения в материальной культуре, ставшие следствием греческого, фракийского [2; 3. С. 308–309] и латенского [4; 5. С. 303] влияний [6. С. 10–11]. Эти «инновации» были обусловлены переходом скифов от кочевого и полукочевого образа жизни к преимущественно оседлому [1. С. 967–985].

Как показал анализ материалов из могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное, элементы материальной культуры племен Центральной и Восточной Европы (латенской) крайне редко фиксируются в украшениях (браслет с выступами на стержне, серьги с поперечными восьмерками), аксессуарах костюма (ворворка с выступами на тулове), предметах конского снаряжения (круглые бляхи) и вооружения (наконечник копья). В то же время появление большинства крючков-застежек (37 экз.) и всех фибул (80 экз.) следует связывать не только с влиянием латенских и «латенизированных» культур Восточной Европы на скифов степей Северо-Западного Причерноморья, но и с проникновением их носителей непосредственно в Нижнее Поднестровье [1. С. 978–981].

Помимо этих материалов в 2009 г. на левобережье Нижнего Днестра была найдена бронзовая поясная пряжка [7. С. 42, 44, рис. 1, *6*], аналогий которой в Северном Причерноморье нет. Однако подобные пряжки достаточно широко известны в Центральной Европе [8. С. 51, рис. 19, *12, 23*]. В 2015 г. в окрестностях с. Терновка Слободзейского района Приднестровской Молдавской Республики была обнаружена бронзовая подвеска-сфера с утраченным ушком для крепления [1. С. 978, рис. 456, *2*]. Ближайшей аналогией этой находке является подвеска из Айзенберга у Баттенберга (Эдера) в Гессене (Германия), датированная заключительной фазой позднелатенского времени [9. S. 41, Abb. 16, *a*]. Немало подобных находок известно и в Северном Причерноморье, особенно в Крыму [10. С. 70–71, рис. 9], где они датируются от конца I в. до н.э. до первой половины IV в. н.э. [11. С. 284–285]. В 2016 г. на левобережье Нижнего Днестра были найдены две бронзовые фибулы. Одна из них, раннелатенская, происходит из поселения Слободзея-VI, расположенного в 9,4 км к западу-северо-западу от могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное [12. С. 225, рис. 1, *2*]. Вторая фибула, среднелатенской конструкции, была обнаружена в 43 км к северу-северо-западу от данного памятника – у с. Токмазея Григориопольского района [13]. Все перечисленные находки, которые происходят из поселений, безусловно, дополняют общую картину.

Однако значительно более информативными являются изделия латенского облика, которые были обнаружены в скифских погребениях последней четверти IV – первой половины III в. до н.э., исследованных в 2017 г. в курганных группах «Водовод» [14–19] и «Сад» [20, 21], а также в кургане 116 могильника у с. Глиное [22]. При этом бóльшая часть из них впервые встречена не только в Поднестровье, но и в Северном Причерноморье. Ниже приводятся их описание и интерпретация.

1. *Погребение 7/2 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2017 г.). Литое **бронзовое кольцо**, круглое в сечении, с тремя овальными в плане выступами. Изделие фрагментировано. Диаметр кольца около 21 мм, диаметр сечения около 2 мм. Размеры двух сохранившихся выступов 7 × 6 × 5 мм и 6,5 × 4,6 ×3,5 мм. Третий выступ сохранился частично (рис. 1, *1*).

2. *Погребение 8/2 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2017 г.). Литое **бронзовое кольцо**. Сечение округлое и овальное. С трех сторон на кольцо напаяны (?) строенные выступы. Диаметр кольца 28 × 26,5 мм. Размеры вместе с выступами около 30 × 30 мм. Размеры сечения кольца 2–5 мм и 4 × 4 мм. Общие размеры строенных выступов 9,6 × × 5,5 мм, 8 × 6,8 мм, 9 × 6 мм (рис. 1, *2*).

3. *Погребение 8/5 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2017 г.). Литой **бронзовый браслет**, линзовидный в сечении. С трех сторон на кольцо напаяны (?) выступы в виде четырех лепестков, расположенных крестом. Диаметр кольца браслета 72 мм, внутренний диаметр 62 × 65 мм. Размеры браслета вместе с выступами около 76 × 77 мм. Размеры сечения кольца от 7 × 3 мм до 7,5 × 5 мм. Общие размеры выступов 22 × 13,5 × 10 мм, 23 × 13,5 × 9,5 мм, 22,5 × 13 × 10 мм (рис. 1, *3*).

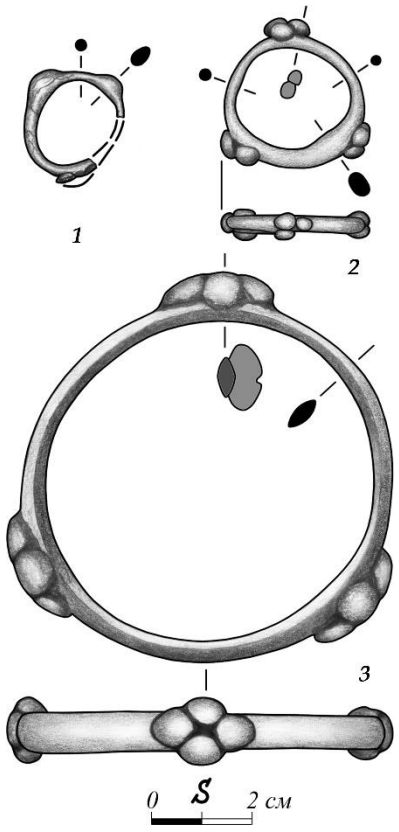

Рис. 1. Бронзовые украшения латенского облика из скифских захоронений на левобережье Нижнего Днестра:
1 – кольцо из погребения 7/2 группы «Водовод», *2* – кольцо из погребения 8/2 группы «Сад», *3* – браслет из погребения 8/5 группы «Сад»

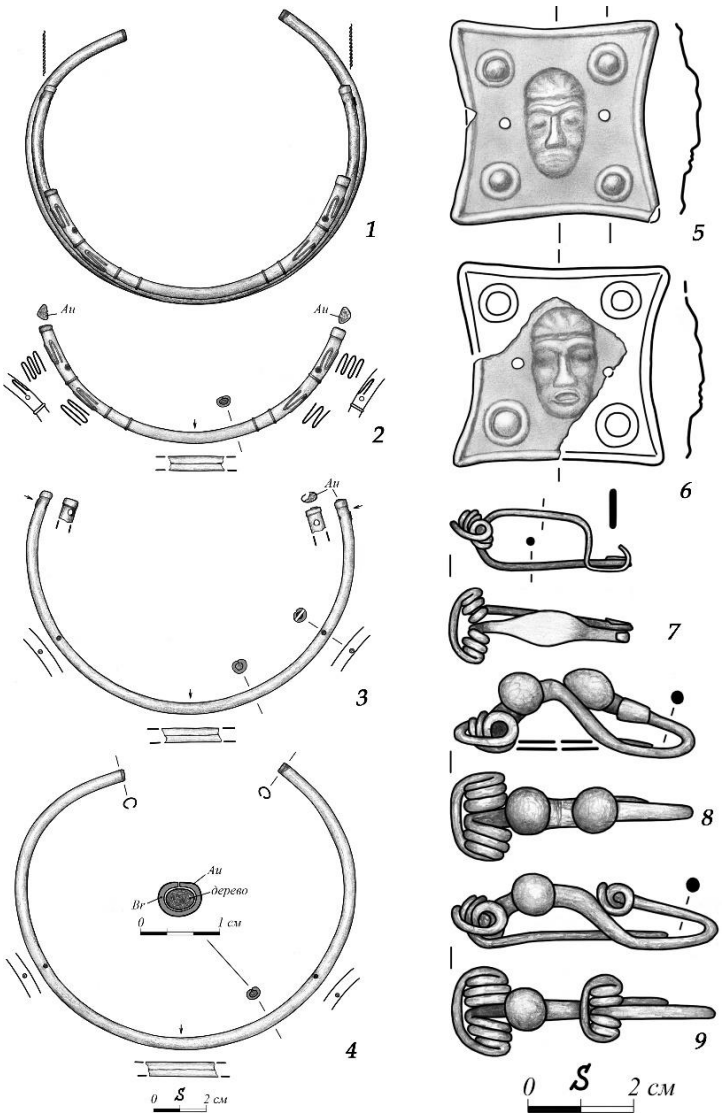

Рис. 2 Украшения и аксессуары костюма из погребения 116/1 могильника у с. Глиное: *1–4* – гривна, *5, 6* – бронзовые поясные бляхи, *7–9* – бронзовая (*7*) и железные фибулы

Погребения 7/2 группы «Водовод», 8/2 и 8/5 группы «Сад» у с. Глиное датируются последней четвертью IV в. до н.э.

В Северо-Западном Причерноморье находки таких колец и браслетов в скифских погребальных комплексах крайне немногочисленны. Браслеты с выступами известны в захоронениях 20/4 (первая четверть IV в. до н.э.) могильника Дивизия в Нижнем Подунавье [23. С. 19, рис. 16, *4*] и 71/1 (первая треть III в. до н.э.) могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье [1. С. 979, рис. 245, *11*]. Кольцо с выступами происходит из разрушенного погребения конца 30-х гг. III в. до н.э. в г. Тирасполь [24. С. 211, рис. 1, *4*].

4. *Погребение 116/1 (северная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2017 г.). **Гривна** состоит из соединенных между собой трех звеньев разной длины. Все звенья изготовлены из бронзовой пластины, свернутой в трубочку, поверх которой плакировкой нанесена золотая фольга. Шов трубочки расположен во внутренней части окружности. Внутри трубочек прослежены волокна деревянной основы – прутика. Диаметр гривны соответствует диаметру большего (нижнего) звена – 127 × 111 мм. Диаметр трубочек до 5,6 × 4,3 мм. Отверстия для крепления звеньев между собой расположены на расстоянии 95–102 мм одно от другого; диаметр отверстий – 1,7 мм. Толщина золотой фольги около 0,1 мм. Следов металлических заклепок в отверстиях не зафиксировано. Очевидно, звенья крепились между собой шнурком из органического материала (рис. 2, *1–4*). Верхнее звено: торцы выделены незначительным уступом и запечатаны золотой фольгой. Поверхность звена украшена выпуклыми поперечными «волнами» (по три «волны» ближе к окончаниям и по две «волны» ближе к центру), разделенными выпуклыми поперечными линиями. Расстояние между торцами по внешнему краю 115 мм; расстояние между отверстиями 95 мм. Высота сегмента 44 мм (рис. 2, *2*). Среднее звено: торцы выделены незначительным уступом и запечатаны золотой плакировкой. В 3–4 мм от края торцов расположены поперечные отверстия диаметром 2 мм, предназначенные, видимо, для дополни-

тельного крепления гривны на шее при помощи шнурка. Максимальный диаметр звена 123 мм. Расстояние между торцами по внешнему краю 114 мм; расстояние между отверстиями для крепления звеньев между собой 100 мм. Высота сегмента 82 мм (рис. 2, *3*). Нижнее звено: края трубочки на торцах не смыкаются, и плакировка на них не заходит. Диаметр звена 127 × 111 мм. Расстояние между отверстиями для крепления звеньев между собой 102 мм (рис. 2, *4*).

Это первое подобное украшение из скифского погребения III в. до н.э. и пятое, найденное за всю историю изучения скифских погребальных комплексов Северо-Западного Причерноморья. На левобережье Нижнего Днестра золотая гривна была найдена в погребении второй четверти IV в. до н.э. кургана 5 у г. Дубоссары [25. С. 58, 60, 202–203, 212, рис. 47], серебряная – в захоронении конца 20-х – начала 10-х гг. IV в. до н.э. 4/2 могильника Буторы I [26. С. 46, 117, рис. 22, *8*], бронзовая – в катакомбе 7/5 группы «Сад» у с. Глиное. Последний комплекс на основании фибулы, аналогичной найденной в погребении 2/12 группы «Водовод» у с. Глиное [17. С. 135, 149, рис. 2, *4*], датируется последней четвертью IV в. до н.э. На левобережье Нижнего Дуная была найдена только одна, серебряная гривна [27. С. 250, рис. 1, *6*] в захоронении конца IV – первой половины III в. до н.э. 13/1 могильника Дербент [28. С. 309]. Кроме того, известны еще две золотые гривны из клада, обнаруженного у с. Ларгуца на левобережье Нижнего Прута [29. С. 129–130, рис. 1]. Однако если гривна из Дубоссар была сделана греческими мастерами, гривны из могильников Буторы I, Дербент и группы «Сад» у с. Глиное выполнены по фракийской традиции, гривны из Ларгуцы сочетают в себе греческие и фракийские элементы, то гривна из кургана 116 могильника у с. Глиное не связана ни с греческой, ни с фракийской традицией изготовления подобных украшений [22. С. 253]. Примитивный орнамент на окончаниях верхнего звена, а также его деление на зоны при помощи выпуклых поперечных линий, равно как и трехъярусная конструкция всего изделия позволяют считать, что в кургане 116 у с. Глиное была обнаружена гривна, являющаяся упрощенной репликой широко известных в кладах поморской культуры бронзовых многоярусных нагрудников [30. Abb. 6, *1, 4, 5*], размеры которых к началу IV в. до н.э. становятся меньше по сравнению с предшествующим временем [31. S. 44, гус. 1–9].

5. *Погребение 116/1 (северная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2017 г.).* **Бронзовая поясная бляха**. Представляет собой подквадратную штампованную пластину с вогнутыми сторонами. По углам выдавлены круги, вписанные в окружности, в центральной части – изображение мужской головы. Хорошо выделены волосы, отделенные от лба горизонтальным валиком, а также надбровные дуги и нос. Глаза миндалевидные, рот открытый, подбородок едва заметен. Вдоль края пластины выдавлен рельефный кант. По обе стороны мужского лица расположено два круглых отверстия для крепления. Размеры бляхи 38,5 × 39,2 мм, толщина – около 0,6 мм. Диаметр отверстий около 2 мм (рис. 2, *5*).

6. *Погребение 116/1 (северная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2017 г.).* **Бронзовая поясная бляха**, аналогичная описанной выше. Обломана в древности; использовалась вторично как концевая поясная накладка. Размеры фрагмента 31 × 28 мм; реконструируемые размеры бляхи 39 × 39 мм, толщина – около 0,6 мм. Диаметр отверстий – около 2 мм (рис. 2, *6*).

Важно отметить, что изображения мужских голов, аналогичные оттиснутым на бляхах из погребения 116/1 у с. Глиное, известны в скифских памятниках Северного Причерноморья, но все они находятся на предметах конского снаряжения – круглых бляхах и нащечных пластинах. Так, пять круглых блях обнаружено в погребении 31/1 могильника у с. Глиное. Захоронение датируется серединой 10-х гг. III – 90-ми гг. II в. до н.э. [1. С. 216, 798, 948, рис. 107, *6, 7*; 5. С. 301, рис. 4, *4*]. Аналогичные круглые бляхи происходят из кладов у с. Бубуечь (2 экз.) на правобережье Нижнего Днестра и у с. Великоплоское (1 экз.) на левобережье Нижнего Днестра [32. С. 152–153, рис. 1, *11*; 33. С. 51, 54, рис. 9, *3, 4*, 10, *8*], а также из коллекции «Платар» из «комплекса из-под Овидиополя» (1 экз.) [34. С. 170, 172–173, рис. 140, *13*, 143, 144]. Нащечные пластины конской узды с изображениями, аналогичными тем, что находятся на поясных бляхах из катакомбы 116/1 могильника у с. Глиное, известны в кладе из Бубуечь [35. С. 108, рис. 1, *1, 2*] на правобережье Нижнего Днестра и в скифском погребении у с. Чистенькое в Предгорном Крыму [36. С. 244–245, рис. 6, *3*]. Последний комплекс датируется последней четвертью III – первой четвертью II в. до н.э. [1. С. 993]. Появление всех перечисленных изделий в скифских кладах [37. С. 232–234] и погребениях (Глиное 31/1 и 116/1, Чистенькое) связывается исследователями с латенским влиянием на скифскую материальную культуру [1. С. 799, 979; 4. С. 184–185; 5. С. 303; 6. С. 13; 35. С. 112–113].

Уникальность находок из кургана 116 могильника у с. Глиное заключается в том, что изображения мужских голов впервые зафиксированы на аксессуарах костюма – на поясных накладках. Совершенно точно, они не являлись предметами конского снаряжения. Наши бляхи нашивались на ремень, о чем свидетельствуют отверстия на пластинах справа и слева от изображения, а также тот факт, что одна из пластин была переделана в концевую стреловидную накладку.

7. *Погребение 116/1 (восточная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2017 г.).* **Бронзовая** проволочная раннелатенская **фибула.** Пружина шестивитковая, с нижней тетивой. Высокая выгнутая спинка раскована в овальную пластину размерами 17,5 × 8 мм. Длина фибулы 34,5 мм, высота 13 мм, размеры сечения спинки 8 × 1,5 мм, ширина пружины 14 мм, диаметр пружины 5 см, диаметр иглы 1,5 мм (рис. 2, *7*).

8. *Погребение 116/1 (восточная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2017 г.).* **Железная** проволочная раннелатенская **фибула**. Пружина шестивитковая, с нижней тетивой. На треугольно изогнутой спинке, ближе к пружине, находится шарик. Аналогичный шарик расположен на окончании

ножки, которая не скреплена со спинкой. Ниже шарика на ножке находится конусовидная манжета, соединенная в древности своим большим основанием с нижней частью шарика. Длина фибулы 45 мм, высота 18 мм, ширина пружины 16 мм, диаметр пружины около 8 мм, диаметр проволоки на спинке до 4,5 мм, диаметр сечения иглы 1,5 мм, диаметр шариков около 9 мм (рис. 2, *8*).

9. *Погребение 116/1 (восточная камера) могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2017 г.).* **Железная** проволочная раннелатенская **фибула**. Основная пружина шестивитковая, с нижней тетивой. На низкой плавно изогнутой спинке ближе к пружине находится шарик. Ножка заканчивается фальшивой четырехвитковой пружиной с нижней тетивой. Длина фибулы 50 мм, высота 15 мм, ширина основной пружины 19 мм, ширина фальшивой пружины 11 мм, диаметр основной пружины 9 мм, диаметр фальшивой пружины 8 мм, диаметр сечения проволоки на спинке до 4 мм, диаметр сечения иглы 1,5 мм (рис. 2, *9*).

Три раннелатенские фибулы из восточной камеры погребения 116/1 неординарны. Ни одна из них не имеет аналогий на могильнике у с. Глиное, при том что, как уже было отмечено выше, на этом памятнике в 1995–2012 гг. было обнаружено 80 фибул. Бронзовая фибула (см. рис. 2, *7*) более всего похожа на фибулы из погребений 48/1, 60/1, 105/2 и 106/1 [1. С. 305, 370, 622, 626, 887, 889, рис. 166, *5*, 208, *10*, 351, *8*, 353, *8*) могильника у с. Глиное, однако, в отличие от последних, с фальшивыми пружинами на окончании ножек, у фибулы из кургана 116 ножка отсутствует. Это изделие было изготовлено в первой половине III в. до н.э., когда бытуют фибулы с фальшивыми пружинами на ножках с округлой в сечении спинкой [1. С. 954–955]. На это указывает и одна из железных фибул (с округлой в сечении спинкой и с фальшивой пружиной) из катакомбы 116/1 (см. рис. 2, *9*). Однако шарик на спинке этой фибулы отличает ее от четырех найденных ранее на могильнике у с. Глиное в погребениях 38/1, 51/1, 63/1 и 69/2 бронзовых фибул с округлой в сечении спинкой и с фальшивой пружиной [1. С. 887]. Наиболее ранняя находка фибулы среднелатенской конструкции с двумя шариками на спинке, один из которых соединял с ней ножку, на могильнике у с. Глиное происходит из вторичного захоронения в катакомбе 97/1, датированного на основании гончарной чашки второй четвертью III в. до н.э. [1. С. 583, 957, рис. 328, *16*]. Таким образом, шарик на спинке фибулы раннелатенской конструкции из погребения 116/1 (с округлой в сечении спинкой и фальшивой пружиной) выглядит хотя и оригинально, но неудивительно. В полной мере это относится и к другой железной раннелатенской фибуле из погребения 116/1 (см. рис. 2, *8*).

В завершение работы необходимо отметить, что в настоящее время, с учетом новых материалов из скифских погребальных комплексов на левобережье Нижнего Днестра (могильник у с. Глиное, курганные группы «Водовод» и «Сад»), очевидно, что с последней четверти IV в. до н.э. на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья начинают оказывать влияние латенские и «латенизированные» культуры Восточной Европы. В III–II вв. до н.э. это влияние усиливается и становится особенно заметным в костюмном комплексе, на что указывают украшения и аксессуары костюма, публикуемые в настоящей работе.

Список источников

1. Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : Stratum plus, 2016. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья; III).
2. Тельнов Н.П., Синика В.С. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista arheologică. 2012. Vol. VIII, № 1-2. С. 69–83.
3. Тельнов Н.П., Синика В.С. Миски из скифских погребальных памятников конца IV – II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia. 2014. Vol. VIII (XXIII), № 1. С. 287–316.
4. Синика В.С. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (Москва, 12–14 декабря 2011 г.). М. : Ин-т востоковедения РАН, 2011. Вып. V. С. 184–187.
5. Тельнов Н.П., Синика В.С. Конское снаряжение из скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Culturi, Procese şi Contexte in Arheologie. Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani. Chişinău : Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural ; Academie de Ştiinţa a Moldovei, 2016. С. 294–309.
6. Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. : материалы Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16–19 октября 2012 г. Тирасполь : Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 5–15.
7. Кривенко А.В., Синика В.С., Тельнов Н.П. Случайные находки III–II вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // Stratum plus. 2011. № 6. С. 41–45.
8. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. : Фарн, 1994. 324 с. (Российская археологическая библиотека; № 2).
9. Schlott Ch. Zum Ende des spatlatenezeitlichen Oppidum auf dem Dunsberg (Gem. Biebertal-Fellings hausen, Kreis Gießen, Hessen). Montagnac : Editions Monique Mergoli, 1999. 118 S. (Forschungen zum Dunsberg; 2).
10. Журавлёв Д.В. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии и культуры. 2014. № 1 (43). С. 59–85.
11. Рыжова Л.А. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. 2005. Вып. 14. С. 283–290.
12. Синика В.С., Иващенко М.В. Комплекс находок III в. до н.э. из поселения у Слободзеи // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 223–228.
13. Синика В.С. Латенская фибула из Токмазеи // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 111–115.
14. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Емінак. 2016. № 4 (16). С. 45–53.
15. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 258–272.
16. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 5–12.

17. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // Stratum plus. 2017. № 3. С. 131–152.
18. Панковский В.Б., Синика В.С. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // Stratum plus. 2017. № 3. С. 343–359.
19. Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 108–113.
20. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Стародавнє Причорномор'я. Одеса : Одеський нац. Ун-т ім. І.І. Мечникова, 2016. XI. С. 488–499.
21. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 286–306.
22. Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное // Древности. Исследования и проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев–Тирасполь : Stratum plus, 2018. С. 223–266.
23. Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев : ИА НАНУ, 1992. 48 с.
24. Синика В.С., Четвериков И.А., Тельнов Н.П. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista arheologică. 2014. Vol. X, № 1-2. С. 210–217.
25. Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Дубоссарские курганы Тирасполь: Stratum plus, 2014. 240 с. (Археологические памятники Приднестровья; II).
26. Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы Тирасполь : Полиграфист, 2013. 148 с. (Археологические памятники Приднестровья; I).
27. Редина Е.Ф. Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев // Археологія та етнологія Східної Європи : матеріали та дослідження : зб. наук. робіт, присвячена 135-річчю Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Одеса : АстроПринт, 2000. С. 243–252.
28. Синика В.С., Тельнов Н.П. Крестовидные крючки-застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. Дніпро : Ліра, 2016. С. 304–316.
29. Нудельман А.А. Античный клад из с. Лэргуца // Труды ГИКМ. Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1969. II. С. 129–134.
30. Kneisel Ju. Die gegurtete Frau. Versuch einer Trachtrekonstruktion // Situla 44. Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan. 2007. S. 583–596.
31. Kamińska M. Napierśniki kultury pomorskiej i ich wyobrażenia na popielnicach twarzowych // Wiadomości Archeologiczne. 1992. LII (1). S. 17–44.
32. Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова думка, 1984. С. 148–161.
33. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев : ИА НАНУ, 1992. 201 с.
34. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История, 2009. 328 с.
35. Мордвинцева В.И. Декоративные пластины из Бубуеча // Российская археология. 2001. № 2. С. 108–114.
36. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // Боспорские исследования. 2004. Вып. VII. С. 242–259.
37. Карнаух Е.Г., Сердюк М.И., Синика В.С. Скифский клад из Дебальцево // Stratum plus. 2016. № 3. С. 217–238.

References

1. Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2016) *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian burial ground of the 3rd–2nd centuries BC near the village of Glinoe]. Tiraspol: Stratum plus.
2. Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2012) Frakiyskie vliyaniya na material'nuyu kul'turu i pogrebal'nyy obryad skifov III–II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [. Thracian influences on the material culture and burial rite of the Scythians of the 3rd–2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Revista arheologică*. VIII(1-2). pp. 69–83.
3. Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2014) Miski iz skifskikh pogrebal'nykh pamyatnikov kontsa IV – II v. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Bowls from Scythian burial monuments of the late 4th – 2nd centuries BC. on the left bank of the Lower Dniester]. *Tyragetia*. VIII(1). pp. 287–316.
4. Sinika, V.S. (2011) O latenskom vliyanii na material'nuyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On the La Tène influence on the material culture of the Scythian burial ground of the 3rd–2nd centuries BC near the village of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika* [Antiquity: Historical Knowledge and Source Specificity]. Proc. of the International Conference. Moscow, December 12–14, 2011. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 184–187.
5. Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2016) Konskoe snaryazhenie iz skifskogo mogil'nika u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Horse equipment from the Scythian burial ground near the village of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester]. In: *Culturi, Procese şi Contexte in Arheologie. Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani*. Chișinău: Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural; Academie de Ştiinţa a Moldovei. pp. 294–309.
6. Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2012) Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra (predvaritel'nye itogi issledovaniya) [Scythian burial ground of the 3rd–2nd centuries BC near the village of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester (preliminary results of the study)]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Black Sea region of the 3rd–2nd centuries BC]. Proc. of the International Conference. Tiraspol, October 16–19, 2012. Tiraspol: Transnistrian State University. pp. 5–15.
7. Krivenko, A.V., Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2011) Sluchaynye nakhodki III–II vv. do n.e. s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Random Finds of the 3rd–2nd Centuries BC from the Left Bank of the Lower Dniester]. *Stratum plus.* 6. pp. 41–45.
8. Shchukin, M.B. (1994) *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the Turn of the Eras. An Experience of Historical and Archaeological Reconstruction of Political Events from the 3rd Century BC to the 1st Century AD in Eastern and Central Europe]. St. Petersburg: Farn.
9. Schlott, Ch. (1999) *Zum Ende des spatlatenezeitlichen Oppidum auf dem Dunsberg (Gem. Biebertal-Fellings hausen, Kreis Gießen, Hessen)*. Montagnac: Editions Monique Mergoli.
10. Zhuravlev, D.V. (2014) "Braslety" i kol'tsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya ["Bracelets" and rings with protrusions from late Scythian and Sarmatian monuments of the Northern Black Sea region]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 1(43). pp. 59–85.
11. Ryzhova, L.A. (2005) Bronzovye azhurnye podveski iz raskopok v Yugo-Zapadnom Krymu [Bronze openwork pendants from excavations in south-western Crimea]. *Khersonesskiy sbornik*. 14. pp. 283–290.
12. Sinika, V.S. & Ivashchenko, M.V. (2017) Kompleks nakhodok III v. do n.e. iz poseleniya u Slobodzei [A set of finds from the 3rd century BC from the settlement near Slobodzeya]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 19(3). pp. 223–228.
13. Sinika, V.S. (2017) Latenskaya fibula iz Tokmazei [La Tène fibula from Tokmazeya]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2017. № 2. pp. 111–115.
14. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016a) Skifskiy kurgan № 1 gruppy "Vodovod" na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian burial mound No. 1 of the "Vodovod" group on the left bank of the Lower Dniester]. *Eminak*. 4(16). pp. 45–53.
15. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016b) Skifskoe zakhoronenie s tamgoy rubezha IV–III vv. do n.e. s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Scythian burial with a tamga from the turn of the 4th–3rd centuries BC from the left bank of the Lower Dniester]. *Novoe proshloe*. 4. pp. 258–272.

16. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017a) Skifskoe pogrebenie s unikal'nym amuletom s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Scythian burial with a unique amulet from the left bank of the Lower Dniester]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya*. 8(257). pp. 5–12.
17. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017b) Skifskoe pogrebenie s frakiyskoy fibuloy na Nizhnem Dnestre [Scythian burial with a Thracian fibula on the Lower Dniester]. *Stratum plus*. 3. pp. 131–152.
18. Pankovskiy, V.B. & Sinika, V.S. (2017) Rogovoy greben' iz skifskogo pogrebeniya u s. Glinoe [The horn comb from a Scythian burial near the village of Glinoe]. *Stratum plus*. 3. pp. 343–359.
19. Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Zakordonets, O.A. (2017) Skifskiy kurgan № 4 gruppy "Vodovod" na levoberezh'e Nizhnego [Scythian burial mound No. 4 of the Vodovod group on the left bank of the Lower]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 6(2(19)). pp. 108–113.
20. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016c) Skifskoe pogrebenie s litikom-skarabeoidom s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Scythian burial with a lithic scarabaeoid from the left bank of the Lower Dniester]. *Starodavnє Prichornomor'ya*. XI. pp. 488–499.
21. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017c) Skifskie kurgany 2 i 3 gruppy "Sad" v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian burial mounds 2 and 3 of the "Garden" group in the Lower Dniester region]. *Novoe proshloe*. 4. pp. 286–306.
22. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2018) Skifskiy kurgan 116 pervoy poloviny III v. do n.e. u s. Glinoe [Scythian burial mound 116 of the first half of the 3rd century BC near the village of Glinoe]. In: *Drevnosti. Issledovaniya i problemy* [Antiquities. Research and Problems]. Chisinau; Tiraspol: Stratum plus. pp. 223–266.
23. Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B. & Redina, E.F. (1992) *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya* [Scythian antiquities of the Dniester-Danube interfluve]. Kiev: IA NANU.
24. Sinika, V.S., Chetverikov, I.A. & Telnov, N.P. (2014) Materialy iz razrushennykh skifskikh pogrebal'nykh kompleksov IV–II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Materials from destroyed Scythian burial complexes of the 4th-2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Revista arheologică*. X(1-2). pp. 210–217.
25. Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N. & Telnov, N.P. (2014) *Dubossarskie kurgany* [The Dubossary mounds]. Tiraspol: Stratum plus.
26. Sinika, V.S., Razumov, S.N. & Telnov, N.P. (2013) *Kurgany u sela Butory* [Mounds near the village of Butory]. Tiraspol: Poligrafist.
27. Redina, E.F. (2000) Nizhniy Dunay v sisteme kul'turnykh kontaktov skifov i frakiytsev [The Lower Danube in the system of cultural contacts of the Scythians and Thracians]. In: *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoї Єvropi*. Odesa: AstroPrint. pp. 243–252.
28. Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016d) Krestovidnye kryuchki-zastezhki iz skifskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Cross-shaped hook-fasteners from Scythian monuments of the Northern Black Sea region]. In: *Arkheologiya ta etnologiya pivdnya Skhidnoї Єvropi*. Dnipro: Lira. pp. 304–316.
29. Nudelman, A.A. (1969) Antichnyy klad iz s. Lergutsa [Antique treasure from the village of Lergutsa]. In: *Trudy GIKM* [Proceedings of the State Institute of Historical and Cultural History]. Vol. 2. Chisinau: Kartya moldovenyaske. pp. 129–134.
30. Kneisel, Ju. (2007) *Die gegurtete Frau. Versuch einer Trachtrekonstruktion*. pp. 583–596.
31. Kamińska, M. (1992) Napierśniki kultury pomorskiej i ich wyobrażenia na popielnicach twarzowych. *Wiadomości Archeologiczne*. LII(1). pp. 17–44.
32. Dzis-Rayko, G.A. & Sunichuk, E.F. (1984) Kompleks predmetov skifskogo vremeni iz s. Velikoploskoe [Complex of objects of the Scythian period from the village of Velikoploskoe]. In: Chernyakov, I.T. (ed.) *Ranniy zheleznyy vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Early Iron Age of the North-Western Black Sea]. Kiev: Naukova dumka. pp. 148–161.
33. Polin, S.V. (1992) *Ot Skifii k Sarmatii* [From Scythia to Sarmatia]. Kiev: IA NANU.
34. Simonenko, A.V. (2009) *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
35. Mordvintseva, V.I. (2001) Dekorativnye plastiny iz Bubuecha [Decorative plates from Bubuyecha]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2. pp. 108–114.
36. Zaytsev, Yu.P. & Koltukhov, S.G. (2004) Pogrebenie voina ellinisticheskogo vremeni u s. Chisten'koe v predgornom Krymu [Burial of a warrior of the Hellenistic period near the village of Chistenkoye in the foothills of Crimea]. *Bosporskie issledovaniya*. VII. pp. 242–259.
37. Karnaukh, E.G., Serdyuk, M.I. & Sinika, V.S. (2016) Skifskiy klad iz Debal'tsevo [Skifsky treasure from Debaltsevo]. *Stratum plus.* 3. pp. 217–238.

***Сведения об авторе*:**
Синика Виталий Степанович – доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова). E-mail: sinica80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sinika Vitaly S. – Doctor of Historical Sciences, a Head of the Archeology Research Laboratory of the T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Moldova). Email: sinica80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 02.03.2018; accepted for publication 15.05.2024

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 316.7+94(571)
doi: 10.17223/19988613/89/23

Культурные ландшафты сибирского города: опыт историко-культурологического исследования

Сергей Сергеевич Загребин

Южно-уральский гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, drzagrebin@mail.ru

Аннотация. Представлена рецензия на коллективную монографию сибирских исследователей, давно и плодотворно изучающих феномен города. Авторы монографии выявляют и систематизируют базовые составляющие городского культурного ландшафта. В рецензии отмечается продуктивность междисциплинарных исследовательских практик, примененных авторами монографии для репрезентативного описания и теоретического осмысления социокультурной специфики сибирских городов советского периода отечественной истории.
Ключевые слова: город, городской ландшафт, сибирский город, типология культуры, праздничная культура

Для цитирования: Загребин С.С. Культурные ландшафты сибирского города: опыт историко-культурологического исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 188–191. doi: 10.17223/19988613/89/23

Book review

Cultural Landscapes of a Siberian City: Experience of Historical and Cultural Studies

Sergey S. Zagrebin

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, drzagrebin@mail.ru

Abstract. The article presents a review of a collective monograph by Siberian researchers who have been successfully studying the phenomenon of a city for many years. The authors of this monograph identify and systematize the basic components of the urban cultural landscape. The review places emphasis on the efficiency of interdisciplinary research practices used by the authors to provide a representative description and theoretical insights into social and cultural hallmarks of Siberian cities during the Soviet period of the national history. As a theoretical model of research, the authors use the typology of culture as the basis for determining certain macrotypes, such as “pre-revolutionary city”, “Soviet city”, and “modern city”. Under the “Soviet city” the authors distinguish seven cultural and historical types, mapped with the main periods of the Soviet history. Based on the elaborated typology, the authors have created the structure of the monograph, with the problematics building around the analytical understanding of the cultural and historical type called “Late Soviet city”. Chapter 1, “Global Urbanism and the Soviet Model of Urbanization: Impact on the Soviet Cultural Landscape” defines the theoretical and methodological focal points of the study. In their study of the urbanization problem, the authors select a multifactor approach, with a focus on four trends in the development of urban landscape: world-wide, Russia-wide, Soviet, and regional Siberian model, each model mapped with each specific city. Chapter 2, “Cultural Landscape and Cultural Infrastructure of Million Cities: Novosibirsk and Omsk” includes an analytical description of urban landscapes in the course of their historical and cultural development. The authors of the monograph reveal and analyze the system interconnections between geographic position, social and cultural traditions, state ideology, and cultural innovations that re-design the streetscape of large Siberian cities. Chapter 3, “Cultural Landscape and Soviet Inhabited Space of Medium and Small Siberian Cities” focuses on the analysis of the above trends in relation to small Siberian cities (Ishim, Tara, Isilkul), reaching to a conclusion on the dominance of a tradition in the overall innovation trend of development of small towns. Chapter 4, “Festivities in the Cultural Space of a Soviet City” provides an analysis of the festive culture as a factor of integration of cultural landscapes. The authors note that the festive space of Siberian cities was determined both by internal factors (architectural style, landscape, ethnic and confessional specifics) and external factors, such as politics and ideology. The monograph ends with a summary of the study. The authors point out the historical continuity of the urban culture, with a superimposition of the new Soviet culture, along with its visual hallmarks and new ideological content, on the pre-revolutionary infrastructure. The reviewer makes a conclusion that the monograph under review presents a panoramic picture of the development of Siberian cities in the Soviet period of the national history.
Keywords: city, urban landscape, Siberian city, typology of culture, festive culture

© С.С. Загребин, 2024

For citation: Zagrebin, S.S. (2024) Cultural Landscapes of a Siberian City: Experience of Historical and Cultural Studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 188–191. doi: 10.17223/19988613/89/23

Монография «Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма» посвящена актуальной и недостаточно изученной историко-культурологической проблеме [1]. Авторы монографии Д.А. Алисов, О.В Гефнер, Т.Н. Золотова, Н.Ф. Хилько определяют актуальность исследования, исходя из двух факторов: во-первых, справедливо отмечая возрастающую роль современной городской цивилизации; во-вторых, указывая на доминирующие тенденции отечественной и зарубежной урбанистки, активно изучающей культурные характеристики городского пространства в широком историко-культурном контексте. Город как многослойную культурную реальность возможно продуктивно изучать, используя междисциплинарные исследовательские концепции и практики. Авторы монографии опираются на историко-цивилизационный подход, заключающий в себе междисциплинарные и кросскультурные потенции, в частности феномен хронотопа, когда историческая периодизация социокультурных процессов пересекается с выявлением и формализацией определенных культурных типов и архетипов.

Основываясь на данных исходных позициях, авторы выстаивают собственную типологию городской культуры, в которой эмпирические модели типологии, основанные на периодизации, сочетаются с теоретическими моделями, основанными на выявлении культурно-исторических типов. Так появляется «каркас» типологии города, состоящий из «макротипов»: «дореволюционный город», «советский город», «современный город», включающий ряд базовых элементов. В частности, в «советском городе» авторами выделяются следующие типы культурного ландшафта: город эпохи революции и гражданской войны; город переходного типа (1920-е гг.); ранний советский город (1930-е); военный советский город (1941–1945), послевоенный город (1945 – середина 1950-х); классический советский город (конец 1950-х – начало 1980-х); поздний советский город (1980-е). Исходя из разработанной типологии, авторы выстроили структуру монографии, проблематика которой разворачивается вокруг аналитического осмысления «седьмого» культурно-исторического типа «поздний советский город».

Первая глава «Мировой урбанизм и советская модель урбанизации: влияние на советский культурный ландшафт» определяет теоретико-методологические приоритеты монографического исследования. Авторы выбирают многофакторный подход для изучения проблемы урбанизации, выделяя четыре доминанты: 1) общемировые закономерности формирования городских пространств; 2) специфические отечественные условия, задающие основные параметры реализации мировых урбанистических тенденций; 3) влияние советской политической системы, идеологии и образа жизни на сущностные характеристики и облик городских пространств; 4) региональные сибирские особенности реализации вышеназванных тенденций. Авторы подчеркивают, что подобный подход предполагает описание и системное изучение четырех основных (идеальных) моделей городского ландшафта: общемировой, общероссийской, советской, региональной сибирской моделей, «закрепленных» в каждом конкретном городе. В первой же главе авторы подробно сопоставляют трактовки основных научных дефиниций, используемых в отечественной и зарубежной науке.

Вторая глава «Культурный ландшафт и инфраструктура культуры городов-миллионников: Новосибирск и Омск» посвящена аналитическому описанию «седьмого» культурно-исторического типа – «позднего советского города (1980-е)» – на примере двух крупных сибирских городов.

Первопричину активного развития Новосибирска авторы усматривают в благоприятном географическом расположении города на реке Оби, в центре пересечения важных транспортных коммуникаций. В процессе советской модернизации 1920–1930-х гг. Новосибирск превратился в мощный индустриальный город, крупный центр машиностроения в Западной Сибири с преобладанием станкостроительного и инструментального производства. Значительным стимулом развития городской инфраструктуры явилось строительство в 1950-е гг. на Оби гидроэлектростанции, представляющей большую культурную ценность как пример инженерной и архитектурной мысли и получившей статус культурного наследия, охраняемого государством. В 1950–1970-е гг. в качестве градообразующей основы города авторы называют быстро развивающиеся научные центры. Крупнейшим научным учреждением Новосибирска стал Западно-Сибирский филиал АН СССР, а своеобразным символом научно-технического прогресса – Новосибирский Академгородок, воплотивший инновационные архитектурные идеи нового стиля – советского модернизма, с характерным лаконизмом, рационализмом, функциональностью форм и смыслов.

В 1950–1980-е гг. идеологический фактор стал определяющим в развитии культурного ландшафта города. В частности, авторы указывают на известное постановление партии и правительства 1955 г. «об излишествах в архитектуре», существенно повлиявшее на визуальные характеристики советских городов периода «оттепели». В экономическом плане это значительно удешевляло весь технологический процесс строительства, а в художественно-эстетическом – упрощало архитектурные сооружения до примитивных форм и объемов. В идеологическом плане подобный стилистический «переворот» знаменовал собой символический отказ от прежней «сталинской» эпохи. В 1960-е гг. новая архитектурно-планировочная практика связала воедино прежде разрозненные городские районы в единый городской ландшафт. Другим важным фактором формирования культурной памяти социума стало возведение в городе памятников и мемориальных ансамблей.

Развитие Омска шло по схожему пути: от города-фронтьера, военно-административного и транспортно-распределительного поселения до индустриального

центра, многофункционального современного города-миллионника. Приоритетное развитие в Омске получило промышленное строительство, что существенно повлияло на формирование его образа как «города-труженика», важного военно-промышленного комплекса. Интенсивное промышленное развитие существенно изменило демографическую локацию населения, что, в свою очередь, активизировало в 1960–1980-е гг. массовое строительство в городе многоэтажных домов из кирпича и бетона однотипной стандартизированной архитектуры. Основой городского ландшафта становится отдельный микрорайон.

Идеологическое единство городских территорий обеспечивалось генерацией новых топонимов, символически обозначающих революционное и военно-патриотическое прошлое города. Идейно-смысловыми центрами советского культурного ландшафта становятся памятники и мемориальные комплексы, посвященные Октябрьской революции и Великой Отечественной войне. Авторы отмечают поэтапно возрастающую роль в 1950–1980-е гг. в городском пространстве сибирских городов парков, скверов, бульваров, набережных, а также развитие культурной инфраструктуры, выраженное в строительстве театров, кинотеатров, дворцов культуры, спортивных сооружений, открытии мемориальных музеев. Культурные центры крупных сибирских городов обеспечивали значимую гуманитарную функцию объединения городского населения (автохтонного и мигрантов) в единую социокультурную среду с общностью ценностей, стилей поведения и образа жизни.

Третья глава «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство среднего и малого города Сибири» акцентирует внимание на анализе отмеченных выше тенденций в приложении к малым сибирским городам. Авторы констатируют, что в период позднего социализма развитие культурного ландшафта на территории Советского Союза происходило неравномерно: интенсивное развитие крупных городов и городских агломераций соседствовало с неспешным освоением пространств малых провинциальных городов. Авторы обращают внимание на город Ишим, расположенный в лесостепной зоне междуречья рек Карасуль и Ишим (левый приток Иртыша), в котором отмечают «многослойность» культурных пластов различных эпох и стилей. Например, выделяется «купеческий» культурный слой с богатым, эклектичным декором, соединившим модерн, классицизм и псевдорусский стиль. Столь же разнообразно храмовое зодчество города, соединившее традиции барокко и русско-византийские архитектурные стили. Параллельно в городе присутствуют образцы советской архитектуры различных периодов и направлений: типовая панельная застройка, стандартизированные здания учреждений культуры и искусства, традиционные советские монументы и современная городская скульптура малых форм.

В качестве примера малого города Омской области авторы выбрали Тару, небольшой городок на берегу Иртыша в зоне смешанных лесов. В Таре также фиксируется смешение культурных слоев дореволюционного, советского и современного периодов: эклектизм купеческой архитектуры, унифицированность советской застройки, бессистемность современных строений. В 1950–1960-е гг. в Таре регулярно шел процесс озеленения, создавались рекреационные зоны: обустраивались дворовые территории, разбивались сады и скверы. В 1960–1970-е гг. в городе широко развивалась сеть учреждений культуры и искусства (библиотеки, кинотеатры, дома культуры). Авторы отмечают наряду с идеолого-пропагандисткой важную гуманитарно-просветительскую функцию, выполнявшуюся учреждениями культуры города. Схожие тенденции зафиксированы и в культурных ландшафтах другого малого города – Исилькуля.

Четвертая глава «Праздник в культурном пространстве советского города» анализирует праздничную культуру как фактор интеграции городских культурных ландшафтов. Авторы отмечают, что праздничное пространство сибирских городов определялось их архитектурным стилем, ландшафтом, этническими и конфессиональными особенностями. На примере Омска и Новосибирска авторы раскрывают сущность праздничной культуры советского периода. В праздничном календаре они выделяют семь типов праздников: общественно-политические, производственно-трудовые, календарные, тематические, религиозные, спортивные, лично-семейные. Авторы справедливо указывают, что советские праздники имели идеологическое обоснование и были, как и требовала официальная идеология, «социалистическими по содержанию, национальными по форме и интернационалистическими по духу».

С экономическим ростом и повышением уровня благосостояния населения увеличивается социокультурная роль учреждений культуры и искусства, а также значение праздников в жизни общества. Особое внимание авторы акцентируют на общественно-политических праздниках, которые, как и любые другие, выполняли важные социальные функции: коммуникативную, регулятивную, эмоционально-психологическую, идеологическую, информационную, нравственно-воспитательную и компенсаторную. Как правило, в структуру праздника включались организация социалистического соревнования, проведение благоустройства и праздничного оформления территорий, организация культурно-просветительских мероприятий. Примечательно, что после официальных торжеств общественно-политические праздники органично трансформировались в лично-семейные, когда после демонстрации или митинга люди продолжали веселиться в формате народных гуляний или расходились по домам, устраивали семейные или товарищеские обеды с песнями и танцами. Тем самым идеологическая и гуманитарная составляющие городских праздников органично сосуществовали.

В заключение монографии авторы делают ряд важных выводов. Во-первых, фиксируется историческая преемственность городской культуры, когда на дореволюционную инфраструктуру накладывается новая советская культура, с новым визуальным обликом и новым идейным содержанием. В крупных сибирских городах доминировали инновационные социокультурные тенденции. В малых городах региона дореволюционный ландшафт активно сопротивлялся обновлению и достаточно часто определял визуальный облик

малого сибирского города. Во-вторых, авторы отмечают динамику городской культуры, во многом зависящую от изменений социально-политического контекста, фиксируют постепенное и неуклонное усиление демократических тенденций, отход от прежних идеологем в конструировании городской социокультурной среды. Городская культура сибирского города постоянно наполняется новыми нормами и смыслами, формирует новые традиции и образ жизни. Таким образом, монография выстраивает панорамную картину развития сибирских городов в советский период отечественной истории.

Список источников

1. Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2019. 98 с.

References

1. Alisov, D.A., Gefner, O.V., Zolotova, T.N. & Khilko, N.F. (2019) *Kul'turnye landshafty sovetskogo goroda: sibirskie goroda pozdnego sotsializma* [Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism]. Moscow: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage.

***Сведения об авторе*:**
Загребин Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Этнография народов Южного Урала» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: drzagrebin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Zagrebin Sergey S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the research laboratory “Ethnography of the Peoples of the Southern Urals”, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: drzagrebin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.12.2020; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 14.12.2020; accepted for publication 15.05.2024

Рецензия
УДК 327
doi: 10.17223/19988613/89/24

Британская модель региональной и глобальной безопасности после Брекзита. Рец. на кн.: Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с.

Елена Владимировна Хахалкина

Томский государственный университет, Томск, Россия, ekhakhalkina@mail.ru

Аннотация. Дается оценка монографии А.А. Алешина «Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”» (М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с.). Показано, что книга представляет определенный интерес с точки зрения заявленной автором трехуровневой модели анализа многостороннего сотрудничества государств на основе учения А.А. Богданова и системного изложения изменения роли Великобритании в трансатлантическом пространстве безопасности после референдума 23 июня 2016 г. и выхода из Евросоюза.
Ключевые слова: Брекзит, Европейский союз, НАТО, безопасность

Для цитирования: Хахалкина Е.В. Британская модель региональной и глобальной безопасности после Брекзита. Рец. на кн.: Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 192–197. doi: 10.17223/19988613/89/24

Book review

The British model of regional and global security after Brexit. Review on the book: A.A. Aleshin. Great Britain–the European Union–NATO: The reorganization of the “transatlantic security space”. Moscow: Aspect Press, 2023. 317 p.

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekhakhalkina@mail.ru

Abstract. The review evaluates A.A. Aleshin’s monograph “Great Britain–the European Union–NATO: The Reorganization of the «Transatlantic Security Space»” (Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. 317 p.). This work analyzes the evolution of Britain’s approaches in the field of security and defense after the referendum on June 23, 2016 and the country’s exit from the European Union In 2020. The peer-reviewed study consists of several blocks. The first, theoretical section, provides a conceptualization of multilateral cooperation between states in the field of security, examines the potential of existing theories of international relations for modern transformations of the world order, presents the author’s three-level model for analyzing multilateral cooperation between states and shows the spatial and systemic dimensions of modern international relations. The second section reveals the changing role of the United Kingdom in the transatlantic security space and the evolution of its national strategy. The third one shows the changing model of cooperation between the European Union and NATO, analyzes possible scenarios of their interaction in the context of the transformation of the modern world order.

The review, when analyzing the monograph, raises controversial questions related to the subject of the monograph, but which have not found proper coverage in it or have no answer in modern geopolitical realities. The priorities of British foreign policy and the place of the European Union and NATO in them are outlined, attention is paid to the factor of a Special military operation as a trigger for strengthening cooperation between London and Brussels in the field of security and defense.

It is shown that the book is of particular interest from the point of view of the author’s stated three-level model for analyzing multilateral cooperation between states based on the teachings of Alexander A. Bogdanov and a systematic presentation of the changing role of the United Kingdom in the transatlantic security space after the referendum on June 23, 2016 and withdrawal from the European Union.
Keywords: Brexit, European Union, NATO, security

For citation: Khakhalkina, E.V. (2024) The British model of regional and global security after Brexit. Review on the book: A.A. Aleshin. Great Britain–the European Union–NATO: The reorganization of the “transatlantic security space”. Moscow: Aspect Press, 2023. 317 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 192–197. doi: 10.17223/19988613/89/24

© Е.В. Хахалкина, 2024

Введение

Брекзит активизировал научный, политический и общественный интерес к истории и политике Великобритании по отношению к европейской интеграции, ее членству в европейских сообществах / Европейском союзе и последствиям выхода из наднационального объединения. Напомним, 23 июня 2016 г. состоялся референдум о членстве страны в Евросоюзе, завершившийся в пользу сторонников выхода; 31 января 2020 г. Соединенное Королевство официально покинуло Евросоюз.

Выход Великобритании из ЕС оказал влияние на разные сферы ее внутренней и внешней политики. Сюжеты, связанные с изменением ее политики в области безопасности и обороны и новой ролью в НАТО и по отношению к ЕС нашли отражение в вышедшей в 2023 г. индивидуальной монографии «Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”». Ее автор – Александр Андреевич Алешин, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН).

Структура монографии, кроме титульного листа и оглавления, включает список сокращений и условных обозначений, введение, три раздела и двенадцать глав, заключение, приложение, списки литературы, иллюстраций и таблиц, терминов, сведения об авторе. В качестве гипотезы исследования автор предлагает «утверждение о том, что «Соединенное Королевство является одним из ведущих субъектов развития и институционализации взаимоотношений Европейского союза и НАТО в долгосрочной перспективе, реорганизации трансатлантического пространства безопасности в целом» [1. С. 11]. Среди ключевых проблемных вопросов фигурируют такие: «Какова природа многостороннего политического сотрудничества государств, которым по своей сути является сотрудничество ЕС–НАТО? Кто является его акторами? Каковы закономерности его развития? Каким образом разграничить глобальные, региональные, пространственные и национальные факторы, оказывающие влияние на это сотрудничество?» [1. С. 11].

Новые-старые подходы к пониманию современного миропорядка

Монография начинается с теоретического раздела, в котором автор дает краткую характеристику и оценку наиболее заметных теорий международных отношений и описывает их потенциал к объяснению современных трансформаций миропорядка. По мнению А.А. Алешина, «значительным исследовательским потенциалом обладает «тектология» мыслителя и ученого-энциклопедиста А.А. Богданова, составленная им более века назад, в 1920-е гг., и имеющая разработанный категориально-методологический аппарат, опирающийся на качественные методы [1. С. 38–39]; отдельные ее элементы использовались при разработке системных теорий XX в.

В логике интервального подхода, описанного в первом разделе, автор предлагает модель изучения трансатлантического пространства безопасности в соответствии с тремя уровнями «системности с “тектологической” точки зрения: влияния системы международных отношений как внешней среды, структурных трансформаций региональной системы трансатлантической безопасности (СТБ) и национальных политических систем. На первом – мегауровне – используется системный подход в версии А.А. Богданова… на втором – макроуровне – применяется пространственный подход» [1. С. 51–52].

Между ЕС и НАТО: новые ориентиры Соединенного Королевства в сфере безопасности и обороны в связи с Брекзитом

Выход Великобритании из Евросоюза возобновил «интерес к дальнейшей интеграции безопасности среди остальных членов ЕС» [2. P. 28]. В марте 2021 г. широкой общественности была представлена новая стратегия под названием «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики» [3]. Содержание документа показывает нацеленность на встраивание страны в складывающийся миропорядок в качестве одного из ведущих центров силы.

Ключевым союзником Великобритании в стратегии названы Соединенные Штаты как «экономическая, военная и дипломатическая сверхдержава» [3]. Королевство позиционирует себя в документе как европейское государство с глобальными обязательствами и озвучивает намерение развивать отношения с Евросоюзом после Брекзита.

Известный специалист в сфере безопасности ЕС профессор С. Бископ еще в 2018 г. предрекал, что сотрудничество Британии и ЕС в области обороны и безопасности после Брекзита будет отвечать их взаимным интересам. «Любая военная угроза Европе будет представлять собой угрозу и для Великобритании… На Великобританию приходится не менее четверти расходов на оборону 28 стран ЕС и 10% от общей численности войск. Более того, превосходно обученные и высококвалифицированные британские вооруженные силы составляют очень высокую долю от относительно небольшого числа европейских войск, которые фактически могут быть задействованы в экспедиционных операциях» [4. P. 9]. Этому мнению вторит профессор Кентского университета Р. Уитмен: «Для ЕС потеря дипломатического статуса Великобритании и ее военных ресурсов уменьшат коллективные возможности, находящиеся в распоряжении внешнеполитических и оборонных ведомств ЕС» [5. P. 2].

Эти мнения подтверждают события: начало в феврале 2022 г. Специальной военной операции (СВО) стало катализатором сближения ЕС и Соединенного Королевства после Брекзита. В обновленной в марте 2023 г. Стратегии безопасности, обороны, развития и внешней политики больший, чем прежде, акцент был сделан на укрепле-

нии безопасности, устойчивости и усилении роли Великобритании в существующих союзах для решения возрастающих проблем под влиянием СВО [6].

Возрастание значимости ЕС в вопросах безопасности и обороны подтверждают опросы общественного мнения. Так, согласно опросу независимого аналитического центра «Британская группа внешней политики», проведенному в июле 2023 г., наибольшим доверием среди жителей Соединенного Королевства пользуется Европейский Союз (53%) с точки зрения его способности и готовности действовать ответственно в мире. Далее идут Украина (50%), США (48%) и Франция (46%) [6].

Вашингтон в новой версии стратегии по-прежнему мыслится в качестве ключевого партнера: «Глубина отношений Великобритании с США – от разведки до военной и дипломатической координации – остается абсолютно важной опорой нашей безопасности» [7]. В исторической ретроспективе взаимодействие стран отличается известной амбивалентностью: на уровне риторики стороны поддерживают формат союзнических отношений, в плоскости практических действий Вашингтон нередко дает понять, что Лондон «нуждается в Америке больше, чем Америка нуждается в Британии» [8].

Британия и трансформация современного миропорядка

Автор неоднократно в работе использует термин «трансформация» (насчитано 99 раз). Самое частое выражение – это «трансформация миропорядка» [1. С. 3, 19, 57, 122, 124, 130, 155, 162, 164, 186, 195, 249], а также «трансформация» институтов, трансатлантического партнерства и др. Обозначенный термин последние несколько лет действительно является одним из наиболее используемых (и даже набившим оскомину) в отечественной и зарубежной литературе. Однако в случае с данной монографией возникают вопросы к периодизации «трансформации». Когда современный миропорядок пришел в движение, что считать начальной точкой и можно ли выделить какую-то промежуточную или конечную фазу? Дискуссионным остается вопрос о наполнении термина.

Автор отдельно не проговаривает хронологический отрезок своей работы, однако в начале монографии обращает внимание на то, что «современный этап сотрудничества Европейского союза и НАТО, характеризуемый качественно новым уровнем их взаимодействия, берет свое начало в 2016 г. с подписанием двусторонней декларации ЕС–НАТО». Можно согласиться с такой начальной точкой (или начальными – 2016 и 2017 гг.), но остаются вопросы отдельных фаз или качественных этапов трансформации миропорядка в целом. 2016 год действительно стал рубежным в мировой политике. Победа сторонников Брекзита на референдуме 23 июня 2016 г. и приход к власти по итогам президентских выборов в ноябре того же года Д. Трампа в США можно рассматривать как серьезный вызов либеральному порядку.

Надо отметить, что мысль о Брекзите как ответе Соединенного Королевства на трансформацию миропорядка и современные вызовы безопасности проходят красной нитью через монографию. Появление новых экономических и политических игроков, как утверждает автор, «сместило “центр” международных отношений из Европы в Азию» [1. С. 155]. Александр Андреевич неоднократно постулирует в тексте, что «выход Соединенного Королевства из Европейского союза в полной мере соответствовал глобальным тенденциям. Его причинами стали и внутренние процессы в самой Великобритании, и внешние по отношению к ней» [1. С. 249].

В данном случае автор совершенно упускает из виду ситуативные факторы, сработавшие в пользу голосовавших за выход Великобритании из Европейского союза. К таковым относится, например, активная, даже напористая компания брекзитеров, среди которых были тогдашний мэр Лондона Б. Джонсон, лидер Партии Независимости Соединенного Королевства Н. Фарадж и другие крупные фигуры из стана евроскептиков. Большую роль сыграл миграционный кризис, связанный с притоком беженцев в европейские страны. Пиком кризиса стал 2015 год, но и в 2016 г. численность беженцев все еще оставалась внушительной [9], что позволило евроскептикам и правым популистам умело сыграть на этом моменте. Вполне возможно, что если бы референдум состоялся на несколько месяцев позже, то результат был бы совсем другой, учитывая незначительный разрыв в результатах голосования между бремейнерами и брекзитерами (48,1% за продолжение членства и 51,9% против).

Автор также неоднократно пишет о трансатлантической идентичности, не раскрывая, к сожалению, содержание этого термина и его соотнесение с внешнеполитической идентичностью ЕС. Остается вопрос о том, в каких точках обе конструкции совпадают (например, они обе явно зиждутся в современных геополитических реалиях на антироссийской основе), а в каких противостоят друг другу (и здесь британский фактор приобретает уже совсем другое звучание, учитывая меняющуюся роль Евросоюза в оборонной сфере).

Место России в политике Великобритании и стратегиях ЕС и НАТО

Россия является важнейшим элементом европейской и мировой безопасности. Современные события (украинский конфликт и особенно его военная фаза) привели к маргинализации РФ и жесткой санкционной политике; диалог Москвы с ЕС и НАТО по всем вопросам поставлен на длительную паузу.

В русле заявленной А.А. Алешиным трехмерной модели и теоретических разработок А.А. Богданова в монографии констатируется, что произошло размежевание единого комплекса безопасности на две системы: систему трансатлантической безопасности и Россию [1. С. 188]. Автор специально не рассматривает политику России, проговаривая в территориальных рамках исследования разницу между трансатлантическим и евро-атлантическим пространствами безопасности. «В первое входят государства-члены НАТО и ЕС и созданные ими региональные организации в сфере безопасности. Второе включает также другие государства Большой Европы

и шире – Большой Евразии, в том числе и Россию, и ряд постсоветских стран, в том числе Центральной Азии» [1. С. 71–72]. В монографии же «рассматривается именно трансатлантическое пространство, в котором акторы взаимодействуют между собой чаще и более интенсивно, чем с внешними акторами» [1. С. 72].

Россия фигурирует в качестве ключевой угрозы (или одной из ключевых) в национальных стратегиях безопасности ряда европейских стран и США. Особую роль РФ как противник играет во внешнеполитических документах Соединенного Королевства. Брекзит оказал значительное влияние на отношения Великобритании со многими странами, за исключением РФ. Отношения двух стран последовательно стали ухудшаться уже с 2014 г., когда на повестку дня европейской политики вышел украинский вопрос, хотя и до этого в историческом разрезе отношения двух стран носили характер соперничества.

Образ врага в лице российского государства Британия при консерваторах активно эксплуатировала и продолжает эксплуатировать для укрепления позиций правящей партии, внешнеполитической идентичности страны и отвлечения своего населения от внутренних проблем. Лондон систематически разыгрывает «антироссийскую карту» в своих интересах. Особенно напористо такой курс стала проводить сначала Т. Мэй, а затем Б. Джонсон. Хотя такая политика не всегда приносит ожидаемые дивиденды [10. С. 241], других «удобных противников» (изгоев мирового масштаба), кроме России, у Великобритании нет.

Автор довольно подробно изложил причины, по которым Лондон настойчиво и регулярно нагнетает антироссийскую истерию, однако не дает оценки того, насколько эта политика эффективна для самой Великобритании и не срабатывает ли в отношении нее эффект бумеранга? Такие выводы напрашиваются, например, когда автор пишет о том, что «в 2022 г. британская экономика серьезно пострадала из-за экономического кризиса, вызванного обоюдными санкциями стран Запада и России друг против друга вследствие начала СВО» [1. С. 125]. Вряд ли так однозначно и без ссылок на соответствующие источники можно утверждать, что британская экономика пострадала именно от введения антироссийских санкций. Вполне вероятно, что сработал накопительный эффект, и британская экономика в реальности понесла ущерб от влияния Брекзита, пандемии и санкций. В любом случае возникает вопрос о том, по какой причине правительственные и неправительственные эксперты не смогли спрогнозировать такой эффект, и если такие прогнозы были, то почему консерваторы не прислушались тогда и продолжают жесткий санкционный курс в настоящее время? Это жертва экономикой во имя политических целей? Или невозможность качественно перестроить матрицу внешнеполитических приоритетов? К сожалению, этот вопрос в монографии не проясняется.

Очевидно, что в настоящее время отношения между Россией и Соединенным Королевством находятся в глубоком тупике. Известный специалист в области международных отношений профессор Р. Саква задается вопросом о том, как их можно восстановить. По его мнению, «первый шаг – это признание, что в интересах обеих сторон улучшить связи. Учитывая тот факт, что они имеют общие вызовы в сфере безопасности и глобальных проблем, таких как изменение климата и глобальный джихадизм, имеет смысл работать над улучшением» [11. P. 37].

Однако в кратко- и среднесрочной перспективе нормализация двусторонних отношений не просматривается. По большому счету обе стороны не понимают, для чего такое восстановление нужно. Два государства слабо связаны экономически и политически; РФ удобна не как союзник или партнер по решению международных проблем, действительно требующих диалога, а именно как соперник Британии.

Стратегическая автономия – реальное или желаемое?

СВО выступила катализатором самоопределения Евросоюза в вопросах безопасности и обороны. Как отмечают российские политологи, «…у ЕС появились мощные аргументы, оправдывающие собственное существование и деятельность и имеющие в первую очередь ценностно-идеологическое наполнение» [12. С. 30].

Военная фаза украинского конфликта дала возможность в быстрые сроки консолидировать страны-члены ЕС на антироссийской основе. СВО стала триггером к пересмотру концепта стрессоустойчивости, тесно связанного с амбициями ЕС по экспорту своих ценностей, и позиционирования Евросоюза как внешнеполитического актора [13].

В этой связи интерес вызывает понятие стратегической автономии, которое стало фигурировать в документах ЕС относительно недавно. Впервые этот термин в декабре 2013 г. использовал Совет ЕС в контексте обсуждения вопросов безопасности и обороны [14. С. 67]. Позднее по следам Брекзита термин был зафиксирован в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.

В марте 2022 г. была опубликована первая в истории союза оборонная стратегия – «Стратегический компас». Симптоматично, что, хотя «Евросоюз декларирует взаимодополняемость и недублирование функций НАТО в своих инициативах», словосочетание «стратегическая автономия», как замечает А.А. Алешин, «встречается в стратегии лишь один раз, тогда как в Глобальной стратегии 2016 г. оно упоминалось пять раз» [1. С. 199]. Автор монографии солидарен с точкой зрения многих исследователей о том, что стратегическая автономия Евросоюза если и достижима, то не в ближайшей перспективе.

Заключение

Отечественная британистика, как видно, пополнилась достойной работой, написанной по сложным, актуальным сюжетам, затрагивающим европейскую и мировую безопасность, двустороннее взаимодействие Соединенного Королевства с рядом государств, место и роль России в происходящих процессах. Предложенная автором теоретическая концепция (трехуровневая модель) заслуживает внимания и представляется

перспективной для приложения к пониманию проблем безопасности в других регионах мира.

Важность монографии продиктована не только ее актуальностью, но и постановкой вопросов, над решением которых бьются специалисты разных дисциплин гуманитарной науки уже долгое время. Обозначенный автором комплекс накопившихся проблем и конфликтов в системе трансатлантической и, шире, евроатлантической безопасности представляет собой Гордиев узел, разрубить который пока не удается ни одной из заинтересованных сторон. Диалог между сторонами, который с точки зрения профессиональных подходов и просто здравого смысла может снизить общую конфликтность в отдельных регионах и мире в целом, не наблюдается.

Монография может быть полезна всем интересующимся историей Великобритании, Европейского союза и Североатлантического альянса, а также проблемами европейской и мировой безопасности.

Список источников

1. Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности. М. : Аспект Пресс, 2023. 317 с.
2. Hillison J.R. The relevance of the European Union and the North Atlantic Treaty Organization for the United States in the 21st century // Strategic Studies Institute, US Army War College. 2018. URL: https://press.armywarcollege.edu/monographs/392/ (accessed: 07.01.2024).
3. Global Britain in a competitive age : The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-_the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed: 21.01.2024).
4. Biscop S. Out of the EU, but in Europe // Brexit, Strategy, and the EU: Britain Takes Leave. 2018. Feb. 1. P. 9–12. URL: http://www.jstor.org/stable/resrep17405.6 (accessed: 27.01.2024).
5. Whitman R.G. The UK and EU foreign, security and defense policy after Brexit: integrated, associated or detached? // National Institute Economic Review. 2016. № 238. URL: https://ukandeu.ac.uk/wp-content/uploads/2016/10/Whitman.pdf (accessed: 15.01.2024).
6. Aspinall A., Keogh E. 19 Jul 2023 Annual Survey of UK Public Opinion on Foreign Policy and Global Britain // British Foreign Policy Group. URL: https://bfpg.co.uk/2023/07/2023-annual-survey/ (accessed: 17.01.2024).
7. Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested volatile world : Policy Paper // Gov.uk. 2023. March. URL: https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world (accessed: 25.12.2023)
8. Huminski J. The UK–US relationship in 2023 //Britain's World. URL: https://www.geostrategy.org.uk/britains-world/the-uk-us-relationship-in-2023/ (accessed: 12.01.2024)
9. Asylum in the EU Member States // Eurostat. 2017. March 17. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-BP-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1 (accessed: 14.01.2024).
10. Хахалкина Е.В. Британия между Россией и ЕС: отношения до и после Брекзита // Россия и ЕС в Евразии: пространство партнерства и конкуренции / отв. ред. С.А. Васютин, Р.С. Селезнев, О.Э. Терехов, К.В. Юматов. Кемерово, 2023. С. 234–253.
11. Sakwa R. Russo-British Relations in the Age of Brexit // Russie. Nei. Reports. 2018. № 22, Feb. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/sakwa_russo_bristish_relations_2018.pdf (accessed: 29.01.2024).
12. Сергеев Е.А., Воротников В.В. Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2023. 52 с.
13. Khakhalkina E.V., Pogorelskaya A.M. EU Identity as a Factor of Resilience in the Face of Russia's Special Operation in Ukraine // Russia in Global Affairs. 2023. № 21 (4). P. 77–94. doi: 10.31278/1810-6374-2023-21-4-77-94
14. Самович Ю.В., Марухно Е.Ю. Концепция стратегической автономии Европейского союза в политике соседства // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 66–69. doi: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-66-69

References

1. Aleshin, A.A. (2023) *Velikobritaniya–Evrosoyuz–NATO: reorganizatsiya "transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti"* [Great Britain–European Union–NATO: Reorganization of the "transatlantic security space"]. Moscow: Aspekt Press.
2. Hillison, J.R. (2018) *The relevance of the European Union and the North Atlantic Treaty Organization for the United States in the 21st century*. Strategic Studies Institute, US Army War College. [Online] Available from: https://press.armywarcollege.edu/monographs/392/ (Accessed: 7th January 2024).
3. UK. (n.d.) *Global Britain in a competitive age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy*. [Online] Available from: https://assets.publishing. service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-_the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (Accessed: 21st January 2024).
4. Biscop, S. (2018) Out of the EU, but in Europe. *Brexit, Strategy, and the EU: Britain Takes Leave*. 1st February. pp. 9–12. [Online] Available from: http://www.jstor.org/stable/resrep17405.6 (Accessed: 27th January 2024).
5. Whitman, R.G. (2016) The UK and EU foreign, security and defense policy after Brexit: integrated, associated or detached? *National Institute Economic Review*. 238. [Online] Available from: https://ukandeu.ac.uk/wp-content/uploads/2016/10/Whitman.pdf (Accessed: 15th January 2024).
6. Aspinall, A. & Keogh, E. (2023) *Annual Survey of UK Public Opinion on Foreign Policy and Global Britain*. [Online] Available from: https://bfpg.co.uk/2023/07/2023-annual-survey/ (Accessed: 17th January 2024).
7. UK. (2023) *Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested volatile world: Policy Paper*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/ government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world (Accessed: 25th December 2023).
8. Huminski, J. (2023) *The UK–US relationship in 2023*. [Online] Available from: https://www.geostrategy.org.uk/britains-world/the-uk-us-relationship-in-2023/ (Accessed: 12th January 2024).
9. European Union. (2017) *Asylum in the EU Member States*. 17th March. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-BP-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1 (Accessed: 14th January 2024).
10. Khakhalkina, E.V. (2023) Britaniya mezhdu Rossiey i ES: otnosheniya do i posle Brekzita [Britain between Russia and the EU: Relations before and after Brexit]. In: Vasyutin, S.A., Seleznev, R.S., Terekhov, O.E. & Yumatov, K.V. (eds) *Rossiya i ES v Evrazii: prostranstvo partnerstva i konkurentsii* [Russia and the EU in Eurasia: Space of Partnership and Competition]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 234–253.
11. Sakwa, R. (2018) Russo-British Relations in the Age of Brexit. *Russie. Nei. Reports*. 22. [Online] Available from: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/ files/sakwa_russo_bristish_relations_2018.pdf (Accessed: 29th January 2024).
12. Sergeev, E.A. & Vorotnikov, V.V. (2023) *Strategiya Evropeyskogo Soyuza v usloviyakh global'noy perestroyki: avtonomiya ili evtanaziya?* [Strategy of the European Union in the Context of Global Perestroika: Autonomy or Euthanasia?]. Moscow: MGIMO-Universitet.
13. Khakhalkina, E.V. & Pogorelskaya, A.M. (2023) EU Identity as a Factor of Resilience in the Face of Russia's Special Operation in Ukraine. *Russia in Global Affairs*. 21(4). pp. 77–94. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-4-77-94

14. Samovich, Yu.V. & Marukhno, E.Yu. (2023) Kontseptsiya strategicheskoy avtonomii Evropeyskogo soyuza v politike sosedstva [The concept of strategic autonomy of the European Union in the neighborhood policy]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 9(1). pp. 66–69. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-66-69

***Сведения об авторе*:**
Хахалкина Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khakhalkina Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 04.03.2024; accepted for publication 15.05.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 89

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 24.06.2024 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,5. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 50 экз. Заказ № 5948. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.06.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru